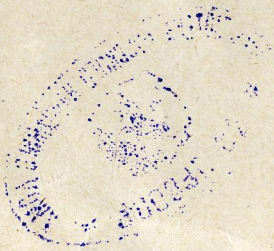
27887

~~32833~~

~~Хмр~~



III-Ж-5766
27887
32833

ВѢСТНИКЪ

„НАРОДНОГО ДОМА“

Годъ XXIV (II)

Изданіе Института „Народный Домъ“.

Библіотека Русского Народного Дома во Львовѣ

ЛЬВОВЪ 1906.
Печатня Ставропигійского Ииститута
подъ управленіемъ М. Рефця.

Ж-5766
1906
ph. 41 070

ЛЬВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА
АН УРСР
№ 0951485

РІДКІСНА КНИГА

Содержаніе,

Вѣсти изъ „Нар. Дома“.

Жертвы стор. 1, 25, 41, 73, 113, 129, 145, 177, 205, 225.
Конкурсы на стипендіи и стипендійныя пособія:
Даніила Грицая . . . . . стор. 27
Николая Дебельского . . . . „ 2, 180
Михаила Козановича . . . „ 178
Михаила и Пелагіи Конюшецкихъ „ 206
Неназванного . . . . . „ 179
Николая Панковича . . . . „ 180
Александра Парыловича . . . „ 27
Луки Пишана . . . . . „ 206
Михаила Сомика . . . . „ 74
Петра Целевича . . . . . „ 74, 178
Луки и Екатерины Цыбыковъ . . „ 226
Павла Черлюнчакевича . . . „ 179, 226
Конкурсъ на принятіе убогихъ дѣвочекъ на счетъ Института въ дѣвочее воспиталище Василіянокъ въ Львовѣ . . . . . „ 75
„ „ счетовода въ „Нар. Домѣ“ . . . „ 75
„ „ лѣсничого для Бѣлки и Костенева . . „ 76, 135
„ „ принятіе воспитанниковъ въ бурсу „Нар. Дома“ „ 76
Роздача стипендій и стипендійныхъ запомогъ . . „ 26, 146
Объявленіе о продажѣ дубовъ изъ инстит. лѣса . . „ 78
Протоколъ XVI-ого общого собранія членовъ Института „Нар. Домъ“ въ Львовѣ . . . . . „ 16
Воспитательныи заведенія содерживаемыи и пособляемыи „Нар. Домомъ“ . . . . . „ 147
Бурса „Нар. Дома“ . . . . . „ 24
Дѣвочее воспиталище Василіянокъ въ Львовѣ . . „ 24
Пансіонъ „Рускихъ Дамъ“ въ Львовѣ . . . . „ 24
Читальня библіотеки „Нар. Дома“ . . . . „ 24
Отчетъ о дѣятельности Управляющого Совѣта „Нар. Дома“ яко приложеніе къ н-ру 10.
Начеркъ Устава служебного для чиновниковъ и слугъ Института „Нар. Домъ“ яко приложеніе къ н-ру 11.

Научная часть.

Б. А. Дѣдицкій. Где-що до исторіи азбуки и языка Галицкой Руси. (Изъ свое-житьевыхъ записокъ) стор. 28, 42, 57, 93, 114, 130, 150, 181, 208, 226
И. Н. Любовное приключеніе Ивана Вагилевича . . стор. 3
Ф. И. Свистунъ Книга братства при церкви св. великомуч. Ѳеодора Тирона въ Львовѣ . „ 37

Ф. И. Свистунъ. Корреспонденція Дениса Зубрицкого
„ „ съ Копитаромъ . . стор 47, 63, 105, 121
„ „ Правила для кончившихъ львовскую
„ „ русскую духовную семинарію въ 1821—
1833 гг. . . . . „ 67
„ „ Памятная записка Михаила Гарасевича
о іезуитахъ . . . . стор. 69, 109, 137, 164
„ „ Освященіе второй львовской городской
Преображенской Церкви „Нар. Дома“ стор. 78
„ „ Русскіи театины въ Городенцѣ . „ 126
„ „ Проектъ этнографическаго музея
въ „Нар. Домѣ“ въ Львовѣ стор. 127, 142, 173, 200, 242
„ „ Письма Іордана Мицкевича генер. про-
курат. базиліянъ въ Римѣ къ ми-
трополиту Михаилу Левицкому стор 167. 202, 222, 237
„ „ Для чего львовская цензура не допу-
стила къ печатанію „Русалку Днѣстро-
вую“ . . . . . „ 196
„ „ Для чего галицкіи русины названы
Ruthen'ами . . . . . „ 220
А. Копысшянскій. Изъ исторіи латинской церкви на Руси „ 12, 33, 52
Н. Н. Замѣтки къ статьѣ въ ч. 1. „Вѣстника „Нар. Дома“:
Любовное приключеніе Ивана Вагилевича . . „ 55

Поэзіи.

И. Головацкій. Журная голубка . . . . . „ 71
Б. А. Дѣдицкій. На мостѣ въ Страсбургу . . . „ 104

Некрологъ.

Осипъ Андреевичъ Мончаловскій . . . . „ 207

Ч. 1. Львовъ, январь 1906. Годъ XXIV (II)

ВѢСТНИКЪ
„НАРОДНОГО ДОМА".

Выходитъ разъ въ мѣсяцъ. — Предплата въ годъ 2 кор. Редакція и администрація: Львовъ, улица Театральная Ч. 22.

ЧИТАЛЬНЯ РУСЬКОГО НАРОДНОГО ДОМА ВО ЛЬВОВѢ

ЖЕРТВЫ.

Въ время отъ 28 декабря 1905 г. по 31 января 1906 г. изволили пожертвовати П. Т.:

I. На церковь „Нар. Дома": 1) Люи, трубочистъ изъ Львова, 10 кор.; 2) Маринякъ Михаилъ, служащій библіотеки „Нар. Дома", 4 кор.

II. На „Нар. Домъ": 1) о. кан. Волошинскій Карлъ, архидіяконъ капит. изъ Перемышля, 20 кор.; 2) о. крыл. Стеткевичъ Георгій, катихитъ въ Львовѣ, 10 кор.; 3) Хилякъ Игнатій изъ Микулинецъ, 30 кор.; 4) д-ръ Шафранскій изъ Львова, 20 кор.; 4) о. крыл. Юхновичъ Игнатій изъ Корчина, 20 кор.; 6) Яськовъ Кириллъ, жел. дор. чиновникъ изъ Бурштина 20 кор.; 7) о. Вархолякъ А. изъ Стебника 40 кор; 8) о. крыл. Макухъ Николай изъ Балучина, 4 кор.; 9) о. Кузыкъ Винкентій изъ Осовецъ, 2 кор.; 10) о. Сосенко Петръ изъ Плаучи, 2 кор.; 11) о. Бачинскій изъ Козлова (складка) 10 кор. 56 гел.; 12) о. Сѣнкевичъ Кипріанъ изъ Радохонецъ, 2 кор.

III. На бурсу „Нар. Дома": 1) Розлуцкій Климентій, нотаръ изъ Буковска, 10 кор.; 2) Лепкій Ярославъ, совѣтникъ начальникъ суда изъ Буковска, 10 кор.; 3) о. кан. Волошинскій Карлъ, я. в., 80 кор; 4) о. Осмѣловскій Николай изъ Бѣлой, 5 кор.; 5) о. дек. Н. Н. 5 кор.; 6) о. Отто Іоаннъ изъ Лишни 2 кор.; 7) о Черепашинскій Іоаннъ изъ Сорокъ 10 кор. 40 гел; 8) о. Вархолякъ А. изъ Стебника 3 кор.; 9) о. Царевичъ Ѳеодоръ изъ Кобыловолокъ 2 кор.; 10) о. Журавецкій Григорій изъ Дорогомышля 2 кор.; 11) о. Дейницкій Ксен. изъ Соколи 7 кор.; 12) о. Шкурганъ Даніилъ изъ Крайного 4 кор.; 13) Кречковскій Іосифъ, высл. надконтролоръ почты изъ Самбора 10 кор.

IV. На фондъ 3-ьяго мая: 1) о. Даниловичъ Александръ изъ Нестаничъ 3 кор. 20 гел. отъ себе и 3 кор. 40 гел. отъ прихожанъ; 2) о. Бачинскій Денисъ изъ Городища 9 кор.

V. Въ библіотеку и музей: 1) Бѣлоусъ Михаилъ изъ Коломыи 6 соч. въ 14 том.; 2) д-ръ Ясеницкій Айталъ, адвокатъ изъ Львова, 10 соч. въ 10 том.; 3) о. Венгриновичъ Аѳаназій изъ Завадки 105 соч. въ 133 том.; 4) митр. Консисторія въ Львовѣ 1 соч. въ 1 том.; 5) ред. „Галичанина“ 1 соч. въ 1 том.; 6) Петровское общество изслѣдователей Астраханского края въ Астрахани 8 соч. въ 21 том.; 7) Будзиновскій Вячеславъ, литераторъ изъ Львова, 32 соч. въ 32 том.

Всѣмъ тѣмъ П. Т. жертвователямъ Управл. Совѣтъ Института „Народный Домъ“ выражаетъ должное благодареніе.

Конкурсъ.

Ч. 91/906. Въ цѣли надѣленія одною стипендіею имени бл. п. о. Николая Дебельского, приходника въ Ключевѣ великомъ, въ сумѣ 200 коронъ годично, объявляется конкурсъ подъ слѣдующими условіями:

I. Право надѣленія тою стипендіею прислугуетъ русскому народному институту „Народный Домъ“ во Львовѣ, въ который, посредствомъ относительныхъ школьныхъ властей, слѣдуетъ подавати просьбы по день 2 (15) марта 1906 года

II. О надѣленіе тою стипендіею старатись могутъ такіи ученики высшихъ школъ реальныхъ, или слушатели техники, а дальше студенты, отдающіися наукамъ правничимъ, философичнымъ или медицинскимъ, которыи выкажутся, що 1) суть родомъ изъ Галичины, 2) русской народности и греко-кат. обряда, 3) бѣдны, 4) нравственно хорошо ведутся и 5) въ наукахъ хорошо успѣваютъ.

Первенство, при ровныхъ данныхъ, имѣютъ:

а) належащіи къ родинѣ бл. п. о Николая Дебельского, а именно къ родинѣ Дебельскихъ и Стрѣльбицкихъ, въ которыхъ родинѣ жила Анастасія Чемеринская, и къ родинѣ Навроцкихъ, которыхъ матерью была Анастасія Лушпинская;

б) слушатели техники или ученики высшихъ школъ реальныхъ.

III. Надѣленною стипендіею пользуется стипендистъ до окончанія относительныхъ наукъ и она продолжитись можетъ на два лѣта для тѣхъ слушателей правъ, которыи, въ теченіи перваго года послѣ окончанія университетскихъ наукъ, сдѣлали два ригороза, а послѣ истеченія второго года осягнули степень доктора правъ.

Ту самую корысть можетъ Управляющій Совѣтъ Института „Народный Домъ“ во Львовѣ признати также и слушателямъ медицины или техники послѣ окончанія студій на время и подъ условіями, которыи самъ признасть соотвѣтствующими.

Отъ Управляющого Совѣта русского народного Института „Нар. Домъ“.

Львовъ, дня 9 (22) января 1906.

Любовное приключеніе Ивана Вагилевича.

Яковъ Головацкій, сверстникъ и другъ Ивана Вагилевича, въ статьѣ „Судьба одного галицко-русскаго ученаго. Къ біографіи Ивана Николаевича Вагилевича“ (Кіевская Старина іюль 1883 стр. 459) сообщаетъ, що Вагилевичъ, кончивши въ 1839 г. духовную семинарію, не заботясь о titulum mensae, намѣревался продолжати частнымъ образомъ свои литературныи занятія. Имя его было уже извѣстно въ Празѣ, въ Москвѣ и въ Варшавѣ, а такъ якъ русскіи возлагали на него большіи надежды, то также польскіи львовскіи литераторы приняли его въ свои избранныи кружки. Вагилевичъ былъ весьма полезнымъ Бѣлёвскому и другимъ литераторамъ польскимъ, будучи для нихъ живою энциклопедіею. Поляки нашли полезнымъ такую личность, льстили ему въ глаза, уговаривали его писати по польски и лучше роботати для широкого круга польской литературы, чѣмъ для мѣстного русского народа, письменность котораго не имѣетъ будто бы ніякой будущности. Они говорили ему: „вѣдь ты все таки будешь трудитись для славянской литературы и для славянского дѣла“. Такъ якъ его русскіи друзья и товарищи по университету розбрелися по рознымъ сторонамъ Галиціи и не могли мати на него вліянія, то онъ мало по малу очутился въ исключительно польской сферѣ, сталъ интимнымъ другомъ Бѣлёвскихъ, Борковскихъ, Сѣменскихъ, Магнушевскихъ. Графъ Осипъ Борковскій, одинъ изъ передовыхъ львовскихъ литераторовъ того времени, взялъ Вагилевича къ себѣ въ компаніоны, приказалъ сшити ему модное франтовское платье, розрѣшилъ говорити себѣ на „ты“, водилъ его въ театры, на балы, въ литературныи вечера, въ аристократическіи общества, рекомендовалъ его ученымъ, мѣстнымъ и пріѣзшимъ, яко своего друга и человѣка необыкновенныхъ талантовъ. Вся та обстановка льстила честолюбію Вагилевича; при немъ удивлялись его знаніямъ и высокимъ идеямъ, а за глаза смѣялись и издѣвались надъ неопытнымъ и небывалымъ провинціяломъ. Борковскій своимъ обхожденіемъ сбилъ Вагилевича совсѣмъ съ толку, вскружилъ ему голову, увѣрилъ застѣнчивого семинариста, що онъ геніяльный человѣкъ, свѣтило изъ свѣтилъ, а въ добавокъ — красавецъ изъ красавцевъ, въ кото-

рого влюблены всѣ аристократки. Борковскій настроилъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, мужчинъ и дамъ такъ, що онъ ни отъ кого не слыхалъ слова правды. Во всѣхъ обществахъ имъ забавлялись, якъ шутомъ и блазномъ.

„Будучи въ Львовѣ“ — пишетъ Яковъ Головацкій — „я сдѣлалъ выговоръ Бѣлѣвскому за то, що онъ допускаетъ Борковского играти человѣкомъ якъ куклой и настаивалъ на томъ, щобы онъ вразумилъ Вагилевича. „Що-жъ?“ — отвѣтилъ Бѣлѣвскій — „когда Вагилевичъ самъ охотно розыгрываетъ такую роль. Впрочемъ, то ему не вредитъ, а Борковскому доставляетъ большое удовольствіе.“ Также увѣщанія, высказанныя Головацкимъ самому же Вагилевичу ничего не помогли. Вагилевичъ отвѣтилъ: „Вы понятія не имѣете о томъ, що дѣляется въ аристократическомъ мірѣ. Вы воспитаны въ кругахъ буржуазіи или простонародья.“

Дальше розсказуетъ Головацкій, що Борковскій возбудилъ у Вагилевича пустомнѣніе относительно своей красоты, своихъ будьто-бы ярко-свѣтящихъ чорныхъ глазъ, чудесно-красивыхъ волосъ и т. п., и въ всѣхъ обществахъ, въ которыхъ обращался Вагилевичъ, по уговору съ Борковскимъ, всѣ дамы подтверждали то, съ тысячью розныхъ лестныхъ прибавленій. Вагилевичъ сталъ вѣрити тому, що онъ не въ шутку красавецъ и можетъ быти львовскимъ донъ-жуаномъ; онъ по цѣлымъ часамъ просиживалъ предъ зеркаломъ, дѣлалъ розныи затѣйливыи прически и любовался своими чорными глазами.

Борковскій, вывѣдавши въ дружескихъ розговорахъ, якій у Вагилевича идеалъ красоты, настроилъ Вагилевича, щобы онъ писалъ стихи, поддавая ему темы и мотивы. Вагилевичъ писалъ мечтательныи стишонки и декламировалъ свои произведенія. Всѣ дамы были, будто-бы въ восторзѣ, его сровнивали съ Петраркой, Байрономъ и Мицкевичемъ, Борковскій же нѣкоторыи стихи печаталъ въ журналѣ „Dziennik mód“. Идеаломъ женской красоты у Вагилевича — была блондинка съ голубыми глазами, съ именемъ Юлія. Борковскій, замѣтивъ то, сообщилъ Вагилевичу въ тайнѣ, що есть вымечтанная нимъ блондинка, съ голубыми глазами, изъ высокого аристократического дома, которая въ добавокъ на смерть влюблена въ чорные глаза и чорныи кудры Вагилевича. Она томится, страдаетъ безнадежно; Вагилевичъ имѣетъ поэтическое, ясновидящее предчувствіе — магнетизмъ сердца — если напередъ мечталъ о ней.

Вагилевичъ сталъ писати сонеты, которыи Борковскій будто-бы сообщалъ черезъ тетушекъ и бабушекъ самой Юліи; завязался интересный фантастическій романъ мечтательного любовника съ небывалой любовницей. Весь кружокъ Борковского, особенно дамы, приняли съ сочувствіемъ затѣянную интригу. Пошла длинная переписка. Вагилевичъ получалъ чрезъ сострадательныхъ тетушекъ любовныи письма отъ Юліи и посылалъ

такимъ-же путемъ свои страстныи отвѣты стихами и прозой. Наконецъ мечтатель началъ сомнѣватись и пожелалъ видѣти предметъ своей любви. Тогда сказалъ Борковскій, що Юлія въ такій-то день будетъ на „элегантской мшѣ“ въ езуитскомъ костелѣ, въ той а той скамьѣ, разомъ съ тетушкой и мачихой. Вагилевичъ пошелъ въ іезуитскій костелъ и изъ-за угла осторожно приглядывался мнимой Юліи.

Затѣмъ — розсказываетъ Головацкій — были устроены дальшіи шутки съ Вагилевичемъ. Борковскій сказалъ Вагилевичу, що Юлію вывезли въ Крывчицы и скрыли передъ нимъ на дачѣ. Вагилевичъ подкрадался подъ дачу — но служба прогнала его. Потомъ Борковскій посовѣтовалъ Вагилевичу послати Юліи обручальное кольцо и Вагилевичъ то сдѣлалъ, въ замѣнъ за що получилъ кольцо отъ мнимой Юліи. Такъ устроивалъ Борковскій розличныи сцены, чѣмъ его кружокъ бавился, пока наконецъ ему шутки не надоѣли и онъ отъ себе Вагилевича не оттолкнулъ.

Такъ розсказываетъ Яковъ Головацкій. На сколько въ переданныхъ имъ забавныхъ сценахъ можетъ быти правды, увидимъ изъ нѣсколькихъ писемъ, находящихся въ библіотецѣ „Народного Дома“, въ отдѣленіи „Музей Петрушевича“.

Тѣ письма были найдены между рукописями и записками Ивана Вагилевича, писаны рукою якой-то дамы, суть любовного содержанія и относятся къ названному періоду въ жизни Вагилевича. Изъ нихъ слѣдуетъ, що Вагилевичъ имѣлъ любовное сношеніе съ якою-то польскою дамою.

Въ первомъ письмѣ отъ 4 марта 1845 г. изъ Кракова пишущая говоритъ, що писала къ Вагилевичу двукратно, разъ подъ адрессомъ W. Z., другій разъ подъ адрессомъ Вагилевича, и не знаетъ, для чего не получаетъ отвѣта. То ее смущаетъ. Тоже къ Лашовскому писала два письма и къ другимъ особамъ и напрасно ждетъ отъ нихъ отвѣта. „Не знаю, якъ то себѣ толковати. Не полагаю, щобы Вы также къ мнѣ не были ласковыи — Вы, що столько доброты и дружбы приклонной заявили къ мнѣ въ время моего пребыванія въ Львовѣ. Пробую теперь съ заказнымъ письмомъ — авось дойдетъ. Но я молю Васъ на все, отпишите мнѣ. Дѣйствительно, Львовъ съ поры, якъ я изъ него выѣхала, стался для мене зачарованнымъ дворцомъ; всѣ мои отозвы пропадаютъ. Господинъ Высоцкій принялъ на себе одно дѣло, господинъ Кобылянскій другое, господинъ Генрикъ изъ почты имѣлъ прислати мои вещи — словомъ, всѣ были ласковыи и обѣщали писати, но до сей поры и буквы не написали для моего успокоенія... Но то ничего не значитъ... Вы только — Вы? Вы только изъ всѣхъ удивляете мене своею для мене неожиданною немилостію, хотя трудно мнѣ въ нее вѣрити и потому хочу окончательно убѣдитись въ томъ, отправляя то письмо. Если тотъ разъ получу ласкавый отвѣтъ, сейчасъ донесу о себѣ. На сей разъ только жаль мой выражаю и прошу еще разъ о нѣсколько буквъ, которыи-бы

мене успокоити могли. Если то можетъ быти, спросите г. Лашовского и гр. Лешка, получилъ-ли мои письма? — ибо дѣйствительно такая неизвѣстность изъ всѣхъ сторонъ доводитъ до отчаянія. — Всегда дружеская и доброжелательная, всегда съ тѣмже уваженіемъ A. V.“

Слѣдующее письмо безъ числа, но, якъ видно изъ содержанія, послѣдовавшее за выше наведеннымъ, гласитъ: Мой добрый, почтенный Господинъ! Письмо Его невыразимо мене обрадовало. Вообразите себѣ, що не знаю якое несчастное обстоятельство или препятствіе останавливаетъ мою корреспонденцію съ Львовомъ. Я тотчасъ послѣ пріѣзда въ Краковъ, послѣ нѣсколькихъ дней, получила письмо отъ достопочтенного г. Лашовского, только это одно — и отъ никого больше. Сама же я писала нѣсколькократно, къ Вамъ выслала три письма и господину Лашовскому тоже три. Узнаю теперь изъ Вашего письма, що Вы изволили писать къ мнѣ еще въ январѣ — такового письма я не получила, а такъ якъ не могу дочитатись, который изъ оныхъ трехъ писемъ Васъ дошелъ, а который нѣтъ, то молю Васъ менѣ доложити о семъ. Я писала объ отвѣтѣ Жупанского касательно сочиненія „Tablice chronologiczne“ и прибавила по сему дѣлу мой совѣтъ; потому хотѣлабы знати, якъ Вы на то смотрите. Що однако мене найбольше опечаливаетъ и обезпокоиваетъ, тото обстоятельство, що г. Клипуновскій не отсылаетъ менѣ чемодана съ вещами, которыи я у него оставила. Я три мѣсяцы ждала напрасно и принуждена была заказати много самыхъ необходимыхъ вещей, безъ которыхъ обойтись не можно, що мене выставило на великіи издержки. Больше всего удивляетъ мене, що г. Клипуновскій, обѣщавши менѣ въ январѣ, що вещи незадолго отошлетъ, до сихъ поръ, не смотря на мои просьбы и численыи письма, ихъ не отсылаетъ. Сдѣлайте милость и спросите г. Клипуновского на счетъ моихъ вещей.“

„Теперь скажу о себѣ и о Васъ, мой добрый господинъ! И такъ прежде всего: выражаю Вамъ сердечное благодареніе за столько благосклонныхъ, столько милыхъ словъ для мене, за память о моей особѣ и дружбу, заявленную прежде и теперь, которую дай Богъ менѣ заслужити себѣ на всегда! Если-бы Вы знали, якая я бѣдная, одинокая, чужа, незнакома въ томъ Краковѣ, безъ приклонного совѣта, безъ помощи — то только тогда могли-бы Вы сообразити, на сколько воспоминаніе Вашей благородной дружбы есть менѣ дорогимъ, на сколько я ее цѣнити умѣю.“

„Я убѣдилась окончательно, що Краковъ есть для мене самымъ пагубнымъ жилищемъ — здѣсь убійственная для мене атмосфера, высушивающая всякое чувство, изнуряющая мои силы и всю мою жизнь. Кто здѣсь не жилъ, тому трудно себѣ вообразити, якіи здѣсь степи, яковая тутъ Сибирь, якій то глухій и мертвый кутъ. Одни касты и котеріи! — одинъ эгоизмъ, суровость — словомъ ніякого сожитія, ни жизни здѣсь нѣтъ.

Каждый здѣсь самолюбомъ, въ себѣ замкнутымъ, каждый гонитъ за взыскомъ и сообщается съ другимъ на столько, на сколько оно входитъ въ его корыстолюбивыи разсчеты.“

Писательница розводитъ дальше свои жали на непривѣтливость краковского общества. Она живетъ якъ монахиня. Имѣла одного знакомого, не литерата, а дѣлового человѣка, который иногда заглянулъ къ ней, но той уѣхалъ. Къ ученымъ она не приближается. Она ждетъ поры, пока появятся нѣсколько нумеровъ „Dwutygodnik'a“; тогда она обратится къ нимъ съ просьбою о поддержку.

Дальше пишетъ: „Ахъ, мой господинъ! Если-бы я имѣла Васъ, не жалилась-бы ни на що, шутичабъ изъ всего, ибо нѣтъ въ мірѣ дражайшого предмета, якъ подлинный другъ, могущій подати не только хорошій и приклонный, но притомъ розумный и научный совѣтъ. Но не шутите изъ мене! Слишкомъ великая былабъ съ моей стороны надежда, обѣщать себѣ такого, якъ Вы, соредактора, хотя то очень привлекательный видъ. Но якъ бы ни былс, однако думаю, що весьма удачную мысль Вы выразили, що единственно посвященіе литературнымъ и научнымъ трудамъ есть для Васъ достойнымъ занятіемъ. Удивляюсь, що г. Б....*) соперничаетъ съ Вами о то мѣсто, хотя совсѣмъ не особенное. Онъ долженъ по крайней мѣрѣ, щобы избавити Васъ отъ тщетной надежды, дружески уступити Вамъ на томъ поприщѣ. Повторяю еще разъ, що Вы, яко человѣкъ извѣстныхъ принциповъ, полный характера и энергіи, не должны кидатись на должности**), для которыхъ не чувствуете званія и убѣжденія. Такое принужденіе — то насиліе на своемъ естествѣ, есть то ставаніе въ столкновеніе съ самымъ собою и на всю жизнь. Кто такимъ образомъ самопроизвольно поставитъ себе въ фальшивое положеніе, у того, конечно, должна произойти запутанность и пересѣченіе его желаній, чувствъ и жизненныхъ отношеній и сдѣлати его несчастнымъ. Мысль соубѣгательства о каѳедру, въ Яссахъ-ли, или где нибудь, кажется мнѣ единственнымъ для Васъ приличнымъ планомъ. Человѣкъ науки, такъ превосходно приспособленый, якъ Вы, долженъ быти совсѣмъ независимый и долженъ искати для себе соотвѣтсвенной сферы, окружити себе надлежащимъ себѣ міромъ. Если онъ ограничитъ себе изъ всѣхъ сторонъ и запереть себе въ тѣсныи предѣлы, если пріймете противныи себѣ обязанности и не найдетъ вокругъ себе нужныхъ стихій и поощреній, то потеряетъ въ концѣ вдохновеніе, станется сухимъ педантомъ и замыкая себе въ самомъ себѣ, извратитъ свой характеръ. Таковое есть окончательное мое мнѣніе, такое мое

---

*) Бѣлѣвскій?

**) Дама имѣетъ на мысли духовное званіе, которому Вагилевичъ, яко укончeнный богословъ, долженъ былъ посвятитись.

убѣжденіе въ глубинѣ души, а що больше — оно проистекаетъ изъ собственного убѣжденія и опыта на самой себѣ.“

„Я ужасно росписалася, но и половины еще не сказала, що должна писати къ Вамъ. Но необходимо кончити. Молю Васъ въ имени Вашей доброты для мене, отписати менѣ поскорѣе и быти щедрѣйшимъ ласковыми словами для мене. Пересылаю Вамъ первое число „Dwutygodnik'a“, прибавляю просьбу, щобы Вы одарили мене стихами своими. Я такъ бѣдна, чувствую такій недостатокъ для моей часописи и не имѣю чѣмъ его заполнити, що то ужасно! Я двѣ недѣли лежу больна и не могу писати. Пришлите кое що изъ своихъ поэзій — особенно хорошіи Ваши думы. Дѣйствительно, если бы не Вы, которыи мене ласково одарили, то не знаю, що сталось-бы съ моимъ „Dwutygodnik'омъ“. Онъ удержуется Вашимъ трудомъ, Вашимъ даромъ. Касательно колядъ — извольте затребовати ихъ возвращенія, ибо Ципцеръ сказалъ мнѣ, що въ Липску до сихъ поръ не печатаютъ. Поручаюсь ласковой дружбѣ и памяти, остаю всегда одинаковая.“ (Безъ подписи.)

Въ одномъ отрывкѣ письма, число которого трудно опредѣлити, сообщаетъ писательница, що хочетъ ѣхати въ Варшаву въ цѣли пріобрѣтенія издателя на сочиненія Ходаковского, ибо въ Краковѣ его найти не можетъ. По той причинѣ не возможно также въ Краковѣ издати „Kronіki“ Вагилевича. Упоминаетъ о якомъ-то Аврелiѣ, который больный лежитъ въ больницѣ и требуетъ денежняго пособія.

Въ другомъ отрывкѣ письма она спрашиваетъ, готова-ли грамматика Вагилевича, списываетъ-ли онъ свои „Tablice“ на чисто, откуда взялъ приписки до исторіи Карамзина и кого назвати переводчикомъ? Если-бы онъ (Вагилевичъ) дѣйствительно отправился въ Яссы, Албанію, Сагару, она бы пошла съ нимъ въ божій міръ и можетъ придалась-бы на яковую редакторку.

Есть также стихотвореніе тойже дамы „Do moich przyjaciół“ — самымъ же замѣчательнымъ есть письмо отъ 7 іюля 1845 г. Въ началѣ того письма дама говоритъ, що перемѣнила квартиру и успокоиваетъ Вагилевича относительно его болѣзни, ибо онъ въ малѣйшемъ симптомѣ болѣзни видитъ опасность и хочетъ писати завѣщаніе. Пускай Вагилевичъ о чахотцѣ не думаетъ, ибо онъ полнокровного темперамента, а у того рода людей можетъ немного крови показатись. Впрочемъ у нея есть на ту болѣзнь непремѣнное средство.

Дальше пишетъ дама: „Касательно второй точки Вашего письма, мой милостивый государь, хотѣла бъ я съ такою сердечностію и откровенностію отвѣтити, на якую Вы своимъ честнымъ характеромъ и своимъ самымъ благороднымъ съ мною обращеніемъ заслугуете. Я прежде всего цѣню духовное образованіе и честный характеръ, хотя послѣдній у мене больше стоитъ, якъ первое, ибо въ наше время легче найти образованныхъ, ученыхъ, полныхъ таланта людей — но съ

честнымъ характеромъ, безъ эгоизма, мало. Знаю свѣтъ хорошо, лучше сказати — изъ злой стороны. По той причинѣ стати женой человѣка, характеръ котораго такъ цѣню и уважаю, не совѣстилась бы я ни на минуту, если бы не было столько препятствій. Первое препятствіе — що я не свободная, а розводъ сомнительный, хотя я — будьте увѣрены — даже и безъ той надежды, если бы только было возможно, старалась бы всѣми силами росторгнути то супружество, столь непріятное своими послѣдствіями для мене. Вторымъ препятствіемъ есть Ваше положеніе. До сей поры Вы не упрочили себе и въ такомъ случаѣ принятіе Вами новыхъ обязанностей сталось-бы для Васъ бременемъ; а хотя оно вѣроятно незадолго устранится и Вы вскорѣ — въ чѣмъ сомнѣватись не можно — устроитесь на приличную ногу, то все таки встрѣчается опять одно обстоятельство, касательно котораго я Вамъ должна высказать откровенно мое мнѣніе. Есть фактомъ, що хочу остатись совсѣмъ откровенною и искреннею въ каждомъ отношеніи. Ваше духовное званіе не соглашается съ моимъ убѣжденіемъ. Женатый священникъ — то для мене въ такой степени противно, що трудво высказати. Вы можетъ то назвете предразсудкомъ — можетъ будете гнѣватися на мене? Но якъ бы ни было, я добросовѣстно мое чувство и мое мнѣніе обнаружаю". (Конца письма недостаетъ.)

Въ письмѣ 15 іюля 1845 дама приглашаетъ его къ себѣ въ Краковъ (живетъ улица Коперника, предмѣстье Рыбаки, домъ Ротарского н-рь 10 — надо спрашивати о г-жу Р.. скую), пр сить привести портретъ и письма Ходаковского. Она думаетъ переселитись въ Варшаву — совѣтуетъ Вагилевичу стараться о профессуру въ имѣющемъ открытись познанскомъ университетѣ.

Въ письмѣ отъ 1 августа 1845 (изъ Кракова) дама пишетъ: „Мой добрый и любезный Господинъ! Послѣднее Ваше письмо сдѣлало на мене грустное впечатлѣніе и дѣйствительно я съ большимъ соболѣзновеніемъ понимаю состояніе Вашей души. Я должна-бы утѣшительными словами ободрити Васъ теперь, но, щобы не отдалятись отъ предмета, хочу только сказати, що искреннѣйше соболѣзную вмѣстѣ съ Вами о томъ, що дѣла приняли такій оборотъ. Но щобы Ваше положеніе по принужденію и званіе дѣлали Васъ несчастнымъ, съ тѣмъ никогда не соглашусь. Человѣкъ, столь даровитый, якъ Вы, имѣетъ еще все открытымъ предъ собой въ мірѣ. Оно хорошо внимати на общественное мнѣніе, но дѣлати себе рабомъ его — то уже отказъ отъ самопожертвованія. Вотъ теперь открываются Вамъ розличныи виды: въ Познани имѣютъ основати большій университетъ, будутъ нуждатись въ профессорахъ и вскорѣ объявятъ конкурсъ Отложите другіи труды на бокъ и кончите поскорѣе „Tablice chronologiczne" — тогда можете соубѣгатись о профессуру всемѣрной или славянской исторіи. Якъ не въ Познанѣ, то въ Краковѣ такую должность можете получити

ибо проф. Кулявскій плохо преподаетъ, уже старый и чрезъ годъ пойдетъ въ пенсію.... Только не сидѣти въ львовскомъ захолустьѣ, поскорѣй пуститись въ свѣтъ, пока пора, дати себе познати, навязати знакомства и т. д... Гнѣваюся на Васъ за Ваше отчаяніе въ послѣднемъ письмѣ. Кто-же то видѣлъ, абы нарочно непосильнымъ трудомъ подрывати свое здоровье и убивати себе?...“ Дальше дама поучаетъ Вагилевича, що „Towarzystwo Naukowej Pomocy“ существуетъ не въ Варшавѣ, а въ Познани — и на томъ письмо урывается, ибо конца недостаетъ.

Въ дальшемъ письмѣ (безъ числа) дама поучаетъ Вагилевича касательно отдачи въ коммиссъ книгопродавцамъ его грамматики, совѣтуетъ ему поскорѣе издати „Tablice“ для полученія профессуры въ Познани или Краковѣ и опровергаетъ слухи, будто она была любовницею Бервинского*). Затѣмъ есть часть письма изъ Кракова, въ которомъ дама Вагилевича предостерегаетъ передъ Виняржемъ и совѣтуетъ сдѣлать сдѣлку касательно роспродажи грамматики съ Яблонскимъ. Находятся еще лоскутки изъ писемъ, въ которыхъ дама жалуется на якого-то господина роспространяющого о ней сплетни, и извѣщаетъ Вагилевича, що ѣдетъ въ Варшаву.

Въ Варшавѣ она есть въ концѣ августа, ибо пишетъ къ Вагилевичу 26 августа 1845. На границѣ ей отобрали всѣ книжки и письма и дали въ цензуру — даже метрику отняли у ней. Она хочетъ сейчасъ по пріѣздѣ въ консисторіи стараться о розводъ, но того безъ метрики сдѣлати не можетъ. Сверхъ того она имѣетъ процессъ съ должникомъ. Она старается объ издателѣ писемъ Ходаковского, но имѣетъ слабую надежду. Она узнала, що большее наслѣдіе припадаетъ на нее по близкихъ сродникахъ ея матери и ту радостную новину сообщаетъ Вагилевичу. Дальше пишетъ: „Мой добрый и ласковый господинъ! Охъ, если-бы Вы знали, якая непріятность встрѣтила мене при выѣздѣ изъ Кракова! Вообразите себѣ, тотъ любезный Томенъ (Thomain), ѣдучи въ Вѣну черезъ Краковъ, отыскалъ мене, хотя я далеко жила за городомъ, и крайне мене огорчилъ. Когда я упаковывала свои вещи, отложила я бумаги, которыи имѣла носити при себѣ. Я ихъ положила на столѣ, а между ними было нѣсколько Вашихъ писемъ послѣднихъ. По своему обыкновенію онъ сталъ рытись въ нихъ, а когда я ему то воспретила, взялъ большую книгу и сталъ читати. Переставши читати, вдругъ начинаетъ рецитовати менѣ, якъ изъ реестра, розличныи рѣчи и кончитъ: Я Вагилевича и васъ имѣю въ рукахъ, сдѣлаю съ того употребленіе, помщусь на васъ обоихъ за обиду, сдѣланную мнѣ во Львовѣ вашимъ обращеніемъ и маловаженіемъ къ мнѣ... Въ концѣ прибавилъ: Дѣлаете между собой тайны, но я знаю хорошо, що женитесь съ собою и Вы

*) Польскій поэтъ романтикъ.

судариня ѣдете въ Варшаву по розводъ... Якъ менѣ то сказалъ, я сейчасъ догадалась измѣны... Ищу между Вашими письмами — недостаетъ точно послѣдняго съ Вашимъ предложеніемъ руки... Беру за книгу, которую читалъ и нахожу письмо открытое и перечитанное... Мое возмущеніе за такую подлоту не имѣло предѣловъ!.. Я вспыхнула гнѣвомъ — а тотъ безличный человѣкъ смѣется надъ своимъ остроуміемъ!.. Отошелъ кислый — но вообразите себѣ, якъ далеко тотъ человѣкъ посунулъ свое безстыдство — онъ черезъ нѣсколько дней приходитъ простится съ мной и приводитъ еще своего товарища Вержбицкого — фортепьяниста!.. Я ихъ не приняла.“

Дама пишетъ затѣмъ изъ Варшавы 2 октября 1845 г.: Она живетъ въ Маріамполѣ, близъ Варшавы, собираетъ дальше матеріалы для полного изданія сочиненій Ходаковского, хочетъ учитись по россійски, познакомилась съ профессоромъ Ястржембскимъ, который вмѣстѣ съ Мацѣевскимъ можетъ для Вагилевича выхлопотати профессуру въ Варшавѣ.

Въ письмѣ отъ 27 ноября 1845 г. сообщаетъ дама Вагилевичу самыи неблагопріятныи вѣсти: Она въ латинской консисторіи не получила розвода — хотѣла перейти въ православіе, но тутъ ей сказали, що и тѣмъ путемъ цѣли не дойдетъ. Даже процесса съ должниками не можетъ вести, ибо по закону на то необходимо соизволеніе мужа.

О тѣхъ хлопотахъ съ розводомъ говоритъ она также въ письмѣ отъ 22 января 1846 г. Послѣднимъ ея письмомъ, найденнымъ между бумагами Вагилевича, есть письмо отъ 24 іюля 1846 г. Она удивляется, що съ февраля Вагилевичъ прекратилъ съ ней корреспонденцію. Она не выиграла процесса; ея мужа увязнили во Львовѣ и можетъ на томъ основаніи получитъ розводъ. Истоминъ книгопродавецъ изъ Петербурга не хочетъ взяти грамматики въ коммиссъ, можетъ возьметъ Должиковъ въ Кіевѣ. Сочиненій Ходаковского (80 листовъ печати) никто не хочетъ взяти въ издательство... Есть еще лоскутокъ изъ якоге-то письма изъ Варшавы, въ которомъ дама совѣтуетъ Вагилевичу избрати мірское званіе.

Того совѣта онъ не послушался. Онъ сорвалъ сношенія съ дамой, женился на Амаліи Пекарской, сиротѣ, воспитывавшейся при своемъ дѣдѣ, Сологубѣ, священнику въ Павловѣ, и былъ посвященъ въ іереи. Изъ одного письма Запа*) къ Головацкому, слѣдуетъ, що Вагилевичъ былъ допущенъ къ ординаціи въ началѣ августа 1844 г., однако въ шематизмѣ львовской архіепархіи за 1847 г. стоитъ: Niestanice capell, admin. loci Joannes Wagilewicz nat 1819 ord. 1846... значитъ, Вагилевичъ два года медлилъ съ ординаціею, конечно, подъ вліяніемъ оной дамы.

---

*) Корресп. Головацкого Нр. 1187 (Библ. Нар. Дом.)

Изъ наведенныхъ писемъ слѣдуетъ, що Вагилевичъ въ Львовѣ вошелъ въ любовное сношеніе съ якой-то дамой, переселившейся въ началѣ 1845 г. въ Краковъ, въ августѣ 1845 г. въ Варшаву. Изъ тона письма вѣетъ холодностію и очевидною неискренностью, такъ що не подлежитъ сомнѣнію, що Вагилевичъ палъ жертвою интриги, цѣлью которой — якъ слѣдуетъ изъ содержанія писемъ — было отвлечи Вагилевича отъ духовного званія и занятій галицко-русскою словесностію, а привлечи его къ трудамъ на поприщѣ польской науки и литературы. Съ другой стороны видны изъ сихъ писемъ легковѣрность и впечатлительность для женской прелести у Вагилевича, который начинаетъ романъ съ замужною женщиною и даже сватается о ея руку.

Но кто была та женщина? Она осторожно крыетъ себе, не подписуется (въ одномъ письмѣ только подписана A. V.) и вообще окружаетъ себе таинственностію. Была-ли то упоминаемая Головацкимъ Юлія? — То трудно рѣшити. Изъ обстоятельства, що она близка къ „Dwutygodnik'y“, выходившему въ Краковѣ, що есть женщиною образованною, поэткою (доказательствомъ ея стихъ къ друзьямъ), замужною и семейными отношеніями связана съ Варшавой, слѣдовало-бъ, що то была Павлина Вильконская (рожд. Лаучъ), польская писательница, начавшая съ 1841 г. писати романы изъ жизни средняго польского дворянства, отличительными качествами которыхъ есть погоня за внѣшними эффектами, идеализація героевъ и шляхетской традиціи. Ея мужъ — Августъ Вильконскій — былъ тоже писатель, очень популярный при жизни, авторъ цѣлого ряда юмористическихъ разсказовъ, жившій тогда въ Варшавѣ и писавшій для тамошнихъ журналовъ.

Изъ исторіи латинской церкви на Руси.

Abraham Władysław. Powstanie organizacyi kościoła łacińskiego na Rusi. Tom I. Lwów 1904. Nakładem towarzystwa dla popierania nauki polskiej. XVI - 148. 8°. Названный трудъ извѣстного изслѣдователя на поприщѣ церковной исторіи представляетъ намъ образъ вѣкового движенія католицизма на Востокъ, въ глубь русскихъ земель. Есть то первый того рода историческій трудъ, составленный въ опредѣленныхъ рамкахъ и заслугуетъ по той причинѣ на вниманіе и обзнакомленіе съ его содержаніемъ, тѣмъ больше, що онъ держится строго въ предѣлахъ научной объективности. Сочиненіе обнимаетъ двѣ части: первая „Миссійная дѣятельность“ до 211 стр. даетъ намъ образъ усилій защепити католицизмъ на русской почвѣ головно путемъ миссій, кляшторовъ и т. п. — въ другой части „Начала организаціи“ авторъ представляетъ намъ организацію латинской церкви

въ Червонной Руси до конца 14 в. Сверхъ того есть напечатанныхъ 10 документовъ, головно изъ ватиканского архива.

Уже съ 860 г. роспространяется христіанская вѣра на Руси, пріобрѣтаючи все больше исповѣдниковъ. Безпрерывныи торговельныи и политическіи сношенія съ Цареградомъ направили Русь въ его сторону и приготовили почву подъ будущее оффиціальное принятіе христіанской вѣры изъ оного центра культуры. Не доставало однако моментовъ, въ которыхъ Русь сближалась съ Западомъ. Такъ Ольга въ 959 г., непосредственно по своемъ поворотѣ изъ Цареграда высылаетъ посольство на дворъ Оттона I. съ просьбою о миссіонеровъ. Былъ опредѣленный даже особыи епископъ Адальбертъ, монахъ монастыря св. Максимина въ Тревирѣ, но его миссія не удалась*). Въ 973 г. видимъ русскихъ пословъ на соймѣ въ Кведлинбургѣ, тоже въ 986 и 988 гг. Однако вліяніе византійского двора было на Руси слишкомъ сильное, щобы съ успѣхомъ обезсилити западныи вліянія. Русь приняла въ 988 г. оффиціально вѣру въ греческомъ обрядѣ и оперла организацію своей церкви о царьгородскій патріархатъ.

При Ярославѣ Мудромъ умножаются монастыри и церкви, Кіевскій Соборъ св. Софіи пріукрашается фресками и позолоченной мозаикой — даже обнаружается идея церковного сепаратизма въ виду царьгородского патріархата, ибо въ 1051 г. Ярославъ, не порозумѣвшись съ патріархомъ, замѣщаетъ кіевскую митрополію на основаніи рѣшенія синода русскихъ епископовъ. Однако вскорѣ по смерти Ярослава (1054) дружественныи сношенія съ Цареградомъ возобновляются и вслѣдствіе точно тогда, при Михаилѣ Церуларіѣ 1054 г., совершившогося розрыва обѣихъ церквей, русская церковь отдѣлилась отъ римской не только касательно обряда, но также и вѣры.

Совершенного розрыва между Русью и Римомъ однако еще не было; напротивъ, сношенія и переговоры Руси съ Римомъ продолжаются мало не въ продолженіи цѣлого 11-ого вѣка. Такъ Димитрій Изъяславъ, сынъ Ярослава Мудрого, изгнаный 1073 г. изъ Кіева братями, Святославомъ и Всеволодомъ, обратился за помощію къ императору Гейнриху IV. и выслалъ сверхъ того своего сына Ярополка въ Римъ, съ якою-то миссіею, вѣроятно съ просьбою о королевскую корону. Смерть Изъяслава въ 1078 г. уничтожила возможность соединенія русской церкви съ римскою, ибо Ярополкъ не могъ розвинути политику отца въ большомъ розмѣрѣ. Заботы Изъяслава и Ярополка въ Римѣ должны были быти извѣстными на Руси; не смотря на то, древнѣйшая русская лѣтопись сожалѣетъ надъ злою судьбою Изъяслава, Ярополка же называетъ скромнымъ и кроткимъ. Изъ того за-

---

*) Просила-ли св. Ольга о миссіонеровъ для Кіевской Руси и былъ-ли Адальбертъ въ Кіевѣ, въ томъ надо сомнѣватись. Нѣмецкіи историки говорятъ о „ругахъ“, а такими могли быти жители острова Ругіи. Прим. ред.

ключаетъ проф. Абрагамъ, що тогда не было еще великой неохоти на Руси къ Риму и що происходило извѣстное колебаніе убѣжденій среди русского духовенства въ дѣлѣ церковного единства.

Тогдашній митрополитъ Іоаннъ (умеръ кажется 1089), одинъ изъ ученѣйшихъ людей на Руси, воззванный папою Климентіемъ III. 1084—1100), абы вернулъ къ церковному единству, далъ очень вѣжливый отвѣтъ, сохранившійся до сихъ поръ въ греческомъ и русскомъ языцѣ. „Русь знаетъ латинниковъ и признаетъ ихъ христіанами, но знаетъ также, що не въ одномъ розличаются. У латинниковъ есть розличныи заблужденія, о которыхъ онъ слышалъ: постъ въ суботу, безженность духовенства, миропомазаніе предоставленное только епископамъ, употребленіе прѣсного хлѣба при тайнѣ евхаристіи, а вконцѣ прибавка въ символѣ вѣры словъ о происхожденіи св. Духа. Онъ молитъ папу и припадаетъ къ его колѣнамъ, абы оставилъ тѣ заблужденія щобы пришло вконцѣ до примиренія.“ (ст. 27—29.)

Тѣ отношенія Руси съ Римомъ ухудшаются уже съ 1093 г., когда на великняжескомъ престолѣ сѣлъ Святополкъ Изъяславичъ, такъ що въ началѣ 12-ого вѣка сношенія съ западною церквою совсѣмъ прекращаются, а до упроченія сего розрыва причинился головно митрополитъ Никифоръ, по происхожденію грекъ (1104—1121), обезпечившій энергичнымъ своимъ поведеніемъ въ русскихъ земляхъ непоколебимое господство православія. Своими научно-религійными сочиненіями онъ утвердилъ русскихъ князей въ вѣрѣ ихъ отцовъ, якъ кн. Владимира Мономаха, убѣдивъ его, що въ извращеніи вѣры провинилися нѣмцы, занявшіи Римъ. Подобного рода посланіе онъ отправилъ къ кн. Ярославу волынскому (ум. 1123) ради сохраненія его въ чистотѣ вѣры, ибо князь сосѣдствуетъ съ ляцкою землею, а тѣ, що въ ней живутъ, приняли латинскую науку и отступили отъ Апостольской церкви.“ (стр. 34.)

Такъ къ концу 11-ого и въ началѣ 12-ого в. послѣдовалъ окончательный розрывъ между русскою и латинскою церквами; только съ поры вторженія Татаръ на Русь появляются стремленія сблизитись съ западною церквою. Въ 1241 г. ужасное нашествіе татаръ разорило Русь и на соборѣ въ Ліонѣ обсуждали дѣло защиты западной Европы отъ татарскихъ полчищъ, вконцѣ папа Иннокентій IV. задался мыслію проповѣдовати слово Божіе среди татаръ. Ту очень трудную миссію принялъ на себе орденъ францисканцевъ, а въ челѣ посольства станулъ итальянецъ Іоаннъ Плано Карпино, который переходя черезъ Русь въ 1245 г., взывалъ русскихъ епископовъ къ соединенію съ Римомъ. Онъ нашелъ росположеніе, довольно приклонное для уніи, но такъ якъ кн. Даніилъ былъ тогда у татаръ, дѣло пошло въ отсрочку. Только въ 1247 г. вертая черезъ Русь, онъ получилъ отъ Даніила и Василія заявленіе, що они намѣряютъ поддатись папѣ и римской церкви, только щобы славянскій обрядъ остался и помощь имъ была доставленная противъ татаръ. Папа не

могъ дати помощи противъ татаръ, но все таки желалъ Даніила связати съ церквою римскою посредствомъ пожалованія королевской короны. Коронація состоялася въ Дрогочинѣ въ 1253 г., но уже въ 1256 г. унія была сорванная.

Въ томже времени открылися виды на унію съ Ярославомъ кн. суздальскимъ. Плано Карпини представлялъ ему, абы сблизился съ Западомъ и тамъ искалъ помощи противъ татаръ. Ярославъ имѣлъ даже на его руки сложити повиновеніе (обедіенцію) Риму, но вскорѣ умеръ, а сынъ его Александръ Невскій, послѣ нѣсколькольтняго пребыванія у татаръ, розсмотрѣвши положеніе, видѣлъ спасеніе Руси единственно въ покорности относительно Орды и оставилъ проекты союза съ Западомъ. Душею такой политики былъ митрополитъ Кириллъ II., кажется галичанинъ по происхожденію, испросившій у хана ярлики, признававшіи и поручавшіи права русской церкви. Такъ Русь сорвала съ Римомъ на цѣлой линіи, а причина того была, що цѣлая унія въ своей основѣ покоилась на рыхломъ фундаментѣ. Всѣ переговоры съ Римомъ происходили не отъ клира и русского народа, но предприняты были князями и то не изъ религіійныхъ, а чисто политическихъ побужденій. Греческій обрядъ въ розрывѣ съ римскою церквою, завладѣлъ Русью, церковная ея организація оперлась на греческихъ образцахъ, греческіи номоканоны сталисъ кодексомъ церковного права, обязательного на Руси. Вліяніе западной церкви можно отнайти только въ организаціи соборного клира и въ опредѣленіи компетенціи епископскихъ судовъ; именно русское „крылосъ“ отвѣчаетъ западной „капитулѣ“. Вліяніе западного церковного права на русскіи епископскіи суды обнаружается главно въ такъ зовимыхъ церковныхъ уставахъ Володимира Великого и Ярослава, которыи, хотя неподлинныи, были основою дальшого розвитія законныхъ отношеній. Уставъ Ярослава Мудрого есть отраженіемъ мысли, що каждое злодѣяніе, яко грѣхъ, подпадаетъ подъ уголовныій духовныій судъ, и напоминаетъ принципы совмѣстного содѣйствія духовной и мірской властей при исполненіи уголовного суда (стр. 43).

(Дальше будетъ).

ДУМКА

(Непечатанное стихотвореніе М. Шашкевича*).

Несся мѣсяцъ яснымъ небомъ,
Тамъ где зоря ясна,
Летѣвъ хлопецъ чистымъ полемъ,
Где дѣвчина красна.

Часомъ мѣсяцъ изôйшовся
Съ тьмавою хмарою,
Наразъ хлопецъ поборовся
Съ журною гадкою.

„Журна гадко печалива,
Чомъ ты мене гонишь,
Чомъ ми житье угорчаешь,
Въ сердце тугу ронишь?“

„Уступися, лиха нене,
Съ вѣтромъ въ лѣсы, горы !
Най по тобѣ й чутка сгине,
Якъ слѣды на морѣ !“

„Моему сердцю най радощи,
Най надѣя грае,
Най ми доля веселенька
Птичкою спѣвае !“

Вѣсти изъ „Народного Дома“.

Протоколъ XVI-ого общого собранія членовъ Института „Народный Домъ“ во Львовѣ

Шестьнадцятое общее собраніе членовъ Института „Народный Домъ“ во Львовѣ состоялось 13(26) декабря 1905 г. при соучастіи 134 членовъ. Соотвѣтно програмѣ, предсѣдатель „Нар. Дома“, крыл. д-ръ Делькевичъ совершилъ въ институтской церкви Преображенія Господня богослуженіе за всякое прошеніе въ сослуженіи оо. Димитрія Романовского изъ Дмитрья и о. Петра Пилипца изъ Львова яко діаконовъ. Во время богослуженія пѣлъ хоръ воспитанниковъ бурсы „Нар. Дома“.

---

*) Съ исправленіемъ правописи, которая въ рукописахъ М. Шашкевича безъ опредѣленной системы.

Когда послѣ богослуженія въ салѣ „Нар. Дома“ собрались члены Института, явился статутарный покровитель Института Его Превосх. митр. Андрей гр Шептицкій и затѣмъ предсѣдатель Института, о. крыл. Іосифъ Делькевичъ открылъ въ 11 ¼ ч. собраніе поздравляя собравшихся членовъ и оправдывая несозваніе генерального собранія членовъ Института въ 1903 и 1904 гг. реформою счетоводства Института.

По предложенію д-ра И. Добрянского временнымъ предсѣдателемъ собранія избранъ былъ Впр. о. Василій Давидякъ изъ Тухли, мѣстопредсѣдателемъ Иларіонъ Савчинскій, ц. к. нотаръ въ Белзѣ, секретарями о. Владиміръ Гургула и И Н. Нелехъ изъ Львова. О. Давидякъ, занявши мѣсто предсѣдателя, отдалъ долгъ уваженія присутствующему о. митрополиту яко покровителю Института и указалъ на первого фундатора Института, императора Францъ-Іосифа I. въ честь которого собранныи члены произнесли трикратно восклик „Многая лѣта“.

Передъ приступленіемъ къ дневной очереди попросилъ о слово д ръ В. Дудыкевичъ изъ Коломыи и упомянувши о слухахъ, будьто дѣлаются попытки ввести въ галицко-русской церкви григоріянскій календарь, отъ имени мірянъ запротестовалъ противъ того рода намѣренія, яко крайне опасного для народной и церковной жизни галицко-русского парода и сдѣлалъ предложеніе, абы собранныи высказались противъ затѣваемой реформы юліянского календаря въ галицко-русской церкви. Предложеніе было единодушно принято.

Такъ якъ на предложеніе сов. Григорія Харака секретарь Института, д-ръ В. Лагола, былъ освобожденъ отъ чтенія отчета о дѣятельности Упр. Совѣта, ибо сей отчетъ находился напечатанный въ рукахъ собравшихся членовъ, то д-ръ В. О. Дудыкевичъ приступилъ къ докладу отъ имени настоянной испытующей коммиссіи о заключеніи счетовъ и балансѣ Института съ времени послѣдняго собранія. Тогда было рѣшено ввести въ дѣловодство Института двойное счетоводство и примѣнительно къ такому постановленію все хозяйство, всѣ счеты, фонды и депозиты были тщательно розслѣжены касательно ихъ возникновенія и администрації, настоящее ихъ состояніе провѣрено и установлено. Испытующая коммиссія имѣла 9 засѣданій, продолжавшихся иногда два и три дни. Теперь все счетоводство идетъ по плану, выработанному коммиссіей, а балансъ составляется такъ, щобы члены могли въ каждую минуту вглянути въ дѣло и получити ясное понятіе о состояніи финансового хозяйства Института. Пріобрѣтеніе дома для бурсы коммиссія считаетъ чрезвычайно полезнымъ, ровно якъ прежнее пріобрѣтеніе реальности для дѣвочого пансіона подъ управленіемъ сс. Василіянокъ. Въ заключеніе референтъ отъ имени испытующей коммиссіи высказываетъ признательность членамъ Упр. Совѣта, воздаетъ честь памяти незабвенного труженника А. А. Палюха, прежняго настоятеля канцеляріи Института, и выражаетъ его преемнику, нынѣшнему настоятелю канцеляріи, д ру В. Лаголѣ признательность и благодаре-

ЛЬВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА

ніе за его совѣстное, точное и полное сомоотверженного труда веденіе дѣлъ Института. Затѣмъ референтъ привелъ подробно цифры касательно имущественного состоянія Института, представилъ балансъ съ концемъ 1903 и 1904 гг., якъ также счетъ прибыли и убытковъ, изложилъ состояніе поодинокихъ фондовъ и депозитовъ и заключилъ отъ имени испытующей коммиссіи свой докладъ предложеніями:

1) приняти отчетъ Упр. С. къ свѣдѣнью и дати ему абсолюторію;

2) выразити признательность членамъ Сов. и секрет. Инст. д-ру Лаголѣ; 3) учредити должность постоянного институтского чиновника, ликвидатора, уполномочивая новый Упр. Совѣтъ объявити по тому дѣлу конкурсъ и съ принятымъ заключити договоръ.

О. І. Крушинскій предлагаетъ приняти докладъ коммиссіи безъ дискусіи. О. Айт. Билинкевичъ требуетъ открытія дискусіи и выбора секціи. Д-ръ Дудыкевичъ замѣчаетъ, що то неу добоисполнимо, ибо еще неизвѣстно, для якихъ дѣлъ избирати секціи. Въ виду того д-ръ Заяцъ сообщаетъ предложенія Упр. Сов. касающіися: 1. перемѣны статута, 2. унормованья отношеній институтскихъ чиновниковъ къ Институту и 3. признанія пенсіи для вдовы институтскаго лѣсничого Гамчикевича.

Въ слѣдъ за тѣмъ объявлены были письменныи и словесныи предложенія членовъ: о пособія для русской бурсы въ Новомъ Санчи, для Общества Русскихъ Женщинъ въ Львовѣ, о причинахъ отрѣшенія д-ра Святицкаго отъ должности помощника библіотекаря, о порученіи Совѣту именовати членами Института доблестныхъ крестьянъ-патріотовъ, о приниманіи въ бурсу неуспѣвающихъ въ наукѣ школьной воспитанниковъ бурсы, о введеніи въ бурсѣ инструментальной музыки, о предпочтеніи членовъ нашихъ студенческихъ обществъ въ Львовѣ, Вѣнѣ и Черновцахъ при роздачѣ стипендій, о пріобрѣтеніи для институтской библіотеки книгъ изъ области юридическихъ наукъ, медицины, технихи и соціологіи, о переименованіи институтской бурсы въ „Спасо-Преображенскій Институтъ“. Проф. И. Саноцкій изъ Золочева прислалъ письмо съ предложеніями: о поренесеніи праха князя Льва во Львовъ, отстроеніи княжескихъ дворцовъ во Львовѣ и Галичѣ, приниманіи въ члены только закаленныхъ русскихъ патріотовъ, устройствѣ этнографического музея, о арендѣ институтскихъ имѣній и веденіи въ нихъ хозяйства и пр.

Для всѣхъ предложеній, по проекту д-ра Дудыкевича, собраніе избрало три секціи: 1) юридическую изъ сов. Рожанковского, оо. Заяца и Винницкого, д-ра Глѣбовицкого и д-ра Маркова; 2) петиційную изъ о. дек. Глѣбовицкого, о. Решетыло, д-ра Алексевича, д-ра Черлюнчакевича и судьи Третьяка; 3) для всѣхъ другихъ предложеній — секцію изъ о Крушинского, о. дек. Матковского. сов. Харака, сов. д-ра Ивасечко и д-ра Ганчаковского.

Въ 3¼ ч. предсѣдатель отсрочилъ совѣщанія до 4 ч. и въ 4¼ ч. послѣ обѣда, когда было достаточное число членовъ открылась дискусія надъ отчетомъ Управ. Совѣта и докладомъ Испытующей Коммиссіи.

Проф. Н. Антоневичъ предлагаетъ, абы членамъ Института свободно было присутствовати на засѣданіяхъ Управ. Совѣта, щобы дѣловодство такимъ образомъ сдѣлати больше гласнымъ, абы прискорити дѣло открытія „Бѣлоусова Пріюта“ въ Коломыѣ, абы принимати въ члены Института дѣятельныхъ крестьянъ„ щобы въ время собранія членовъ Института галлеріи сала открыты были для нечленовъ.

Предсѣдатель, о. Давидякъ, поясняетъ, що еще утромъ роспорядилъ, абы нечленамъ былъ свободный вступъ не только на галлеріи, но и на салъ.

Редакторъ О. Мончаловскій не соглашается съ проф Антоневичемъ, щобы засѣданія Управ. Совѣта происходили въ присутствіи другихъ членовъ, не принадлежащихъ къ Совѣту, ибо при такой процедурѣ Институтъ былъ-бы выставленъ на съѣденіе языковъ.

Судья Третьякъ, соглашается съ проф. Антоневичемъ и спрашиваетъ, почему не приняты въ члены Института д-рь Вергунъ и д-ръ Сёкало.

О. Пелехатый Іона обговорилъ дѣло администраціи Бѣлки и Костенева и предложилъ изъ среди членовъ избрати трехъ платныхъ знатоковъ, которыи бы постоянно, отъ поры до времени, переводили контроль хозяйства въ названныхъ имѣніяхъ и представляли Совѣту свои наблюденія, замѣчанія и указанія.

Въ такомъ же смыслѣ говорилъ о. дек. Маткокскій.

Надсов, Н. Герасимовичъ, яко мѣстопредсѣдатель Совѣта, поясняетъ дѣло аренды Бѣлки и Костенева еврею: высшей оферты на аренду названныхъ имѣній не внесъ было никто — только послѣ заключенія договора съ евреемъ Гольдманомъ заявилъ М. Гумецкій, що былъ бы далъ годично 4000 кор больше чинша.

О. сов. Костецкій, яко членъ уступающого совѣта, указуетъ на то обстоятельство, що аренду имѣній отдается не втихомолку а на основаніи конкурса въ газетахъ; русскій человѣкъ оферты не внесъ — хозяйство въ нихъ ведется по указаніямъ фаховыхъ знатоковъ. Онъ не противенъ выбору коммиссіи контрольной для Бѣлки и Костенева, но спрашиваетъ: що будетъ стоити такій Упр Совѣтъ, который во всѣхъ дѣлахъ будетъ обставленъ секвестрами, коммиссіями, къ тому даже платными?

Послѣ дѣлового объясненья секретаря д-ра Лаголы предложеніе о. Пелехатого было передано на обсужденіе третьей секціи.

На интерпеляцію о. Вархоляка относительно „Вѣстника Нар. Дома“ редакторъ проф. Свистунъ обясняетъ, що въ послѣднемъ году „Вѣстникъ“ значительно убольшенъ объемомъ и подписка (2 кор. въ годъ) до сей поры мало принесла, ибо

только около 170 подписчиковъ уплатило подписную цѣну; много экземпляровъ приходится давати даромъ научнымъ институціямъ, редакціямъ журналовъ, библіотекамъ и т. п.

По предложенію о. Мардаровича дискусія была закрыта и къ слову пришелъ референтъ д-ръ В. Дудыкевичъ. Онъ не можетъ согласитись съ предложеніемъ д-ра Антоневича касательно общедоступности засѣданій Управ. Совѣта для всѣхъ членовъ, ибо такимъ образомъ затерлось-бы розличіе между засѣданіями правленій и общихъ собраній; власти даже не допускаютъ явности засѣданій правящихъ совѣтовъ. Также публикація извлеченій изъ счетовъ Института и не желательна и не указана закономъ; каждый членъ можетъ зайти въ канцелярію Института и пересмотривати счеты. Установленіе особой контрольной коммиссіи для Бѣлки и Костенева означалобъ недовѣріе къ Управ. Совѣту; вмѣсто того уже лучше избрати такій Управ. Совѣтъ, который могъ-бы справитнсь съ своимъ дѣломъ и уполномочити его взывати платныхъ экспертовъ, для спеціальныхъ случаевъ. Касательно запроса судьи Третьяка, референтъ замѣчаетъ, що онъ самъ ждалъ полныхъ 10 лѣтъ на улаженіе своей просьбы о принятіе въ члены „Нар. Домя“, а не смотря на то не жаловался и не лишился довѣрія къ Институту.

Послѣ короткой объяснительной рѣчи проф. Антоневича предложеніе испытующей коммиссіи были приняты. Принятая была также слѣдующая резолюція, предложенная д-ромъ Дудыкевичемъ: Общее собраніе членовъ „Нар. Домъ“ 13(26) декабря 1905 г., избирая Упр. Совѣтъ и Испытующую Коммиссію, возлагаетъ въ нихъ полное довѣріе и считаетъ публикацію касовыхъ отчетовъ лишнею“.

Послѣдовалъ выборъ новоro Управляющого Совѣта. О. П. Дудыкъ, указавши на выше 20-лѣтніи громадныи заслуги д-ра І. Делькевича въ качествѣ предсѣдателя „Нар. Дома“ предлагаетъ избрати его опять предсѣдателемъ Института. Предложеніе принято акламаціей.

По предложенію д-ра Д. А Маркова въ члены Упр. Совѣта избраны обыкновенною подачею голосовъ: о. прал. А. С. Петрушевичъ, надсов. суда Николай Н. Герасимовичъ, надсов. суда Романъ Яминскій, крыл. д-ръ Гавріилъ Крыжановскій, о. сов. Иванъ Костецкій, директоръ Аполлонъ Ничай, о. проф. д-ръ Титъ Мышковск-й. инжинеръ Кириллъ Чижъ; въ замѣстители членовъ Совѣта: о. М. Давидовичъ, д-ръ Ѳ. О. Заяцъ, д-ръ О. Ганчаковскій, д-ръ Вл. Ивасечко. О. сов. И. Костецкій заявилъ свою резигнацію изъ выбора, которой собраніе не приняло прося его, абы дальше засѣдалъ въ Совѣтѣ, где онъ, ради бурсы, нуженъ яко знатокъ школьного дѣла.

Въ составъ Испытующей Коммиссіи избраны: д-ръ Дудыкевичъ, А. Т. Лысякъ, д-ръ Ясеницкій, о. И. Билинкевичъ и И. Г. Лѣсковацкій.

Затѣмъ избрана коммиссія изъ о. пралата Бачинского, ред.

Маркова и дир. Волинского, подъ предсѣдательствомъ первого, для отобранія управленія отъ уступающого Совѣта и передачи его новому Совѣту.

Съ очереди слѣдовали доклады секцій. Отъ имени юридической секціи референовалъ д-ръ Марковъ предложеніе Упр. Совѣта о перемѣнѣ устава Института. Секція рѣшила предложити Собранію не перемѣняти уже теперь уставъ, но поручити новому Совѣту, щобы при участіи юристовъ изъ-по-за своей среды до будущого собранія, а найдальше по конецъ 1906 г. основно выработалъ начеркъ перемѣны цѣлого устава, далъ его напечатати и розослалъ всѣмъ членамъ передъ собраніемъ. Принято.

Отъ имени петиційной секціи референовалъ д-ръ Черлюнчакевичъ о прошеніи русской бурсы въ Новомъ Санчи о постоянное годичное пособіе 3000 кор. до слѣдующого собранія. Послѣ доклада референта и рѣчей о. Гнатышака изъ Криницы, д-ра Маркова, д-ра Алексевича и д-ра Дудыкевича, рѣшено признати новосандецкой бурсѣ 2000 кор. годично впредь до слѣдующого собранія. Замѣчательныи при семъ высказалъ слова д-ръ Дудыкевичъ, указавшій, що капиталы „Нар. Дома“ должны прежде всего служити для поддержки львовскихъ институцій, имѣющихъ не мѣстное, а общенародное значеніе, провинціональныи же учрежденія должны старатись стояти по возможности своими силами.

Послѣ доклада д-ра Черлюнчакевича о петиціяхъ „Общества Русскихъ Дамъ“ и „Общества Русскихъ Женщинъ“ во Львовѣ собраніе на внесеніе д-ра Мардаровича, попертого о. Матковскимъ и пресѣдателемъ о. Давидякомъ, признало обоимъ обществамъ пособіе по 1000 кор.

Тотже референтъ предложилъ ветерану-патріоту и библіотекарю „Нар. Дома“ Б. А. Дѣдицкому выдати одноразовое пособіе 500 кор. Принято.

Отъ имени третьей секціи д-ръ Ганчаковскій референовалъ дѣло д-ра Святицкого и послѣ долшей дискусіи, въ которой принимали участіе д-ръ Марковъ, д-ръ Алексевичъ и д-ръ Черлюнчакевичъ, принята была слѣдующая резолюція: Общее собраніе признаетъ за бывшимъ помощникомъ институтского библіотекаря д-ромъ Иларіономъ С. Святицкимъ, трудолюбіе, совѣстное исполненіе обязанностей и чистый характеръ, увольненіе же его отъ должности въ институтской библіотецѣ послѣдовало по поводу несоблюденія служебной дисциплины и его политическихъ тенденцій, не сходныхъ съ цѣлями и задачами Института. Добавка д-ра Черлюнчакевича къ сей резолюціи, що принятію д-ра Святицкого въ чиновники „Нар. Дома“ нищо не препятствуетъ, не была принята.

Д-ръ Ивасечко докладалъ о предложеніи о. Курдыдика касательно переименованья институтской бурсы на „Спасо-Преображенскій Институтъ“, и внесъ надъ тѣмъ предложеніемъ перейти къ дневной очереди. Принято.

При дальшемъ рефератѣ д-ра Ивасечко, о предсѣдатель придѣлилъ за согласіемъ членовъ остальныи, находившіися на

очереди дѣла Упр. Совѣту, а послѣ прочтенія и одобренія протокола совѣщаній закрылъ засѣданіе.

По предложенію о. Мардаровича выражена была въ заключеніе о. Давидяку признательность за неутомимый трудъ въ руководствѣ совѣщаніями.

Собраніе кончилось въ $10^3/_4$ часа ночью.

Новоизбранный Управляющій Совѣтъ уконституовался на засѣданіи 16/29 декабря 1905 г. и роспредѣлилъ рефераты слѣдующимъ образомъ: Мѣстопредсѣдателемъ избрано г. Николая Герасимовича, секретарями Управляющого Совѣта Романа Красицкого и Ивана Н. Пелеха, касіеромъ о. д-ра Крыжановского, контролеромъ, о. Іоанна Давидовича; дальше поручено дѣла счетоводства и канцеляріи гг. Николаю Герасимовичу, Ганчаковскому и Ничаю; дѣла бурсы, роздачи стипендій, стипендійныхъ и обыкновенныхъ пособій о. Костецкому; русского дѣвочого воспиталища во Львовѣ, библіотеки, музея и лѣтописи оо. д-ру Мышковскому и Давидовичу; дѣла Бѣлки и Костенева и воспиталища бл. п. Ѳеодора Бѣлоуса въ Коломыѣ г. Чижу и д-ру Заяцу; юридическіи дѣла Герасимовичу, Яминскому, д-ру Ивасечко и д-ру Заяцу; дѣла церкви о. Давидовичу; дѣла институтскихъ домовъ д-ру Ивасечко и Чижу; веденіе лѣтописи г. Свистуну.

Такъ якъ всѣ точки программы 16-ого общого собранія членовъ Института „Народный Домъ“, съ причины недостатка времени, не могли быти 13(26) декабря 1905 г. улажены, то на желаніе многихъ членовъ ново избранный Управляющій Совѣтъ созвалъ на 20 января (2 февраля) с. г. 17-ое (сверхочередное) собраніе членовъ Института, которое въ названнный день началось въ $3^1/_4$ часа послѣ обѣда, въ читальнѣ библіотеки, при участіи около 100 членовъ.

Послѣ короткой поздравительной рѣчи о. крыл. д-ра І. Дельквевича, изложившого причины поновного созванія членовъ, предсѣдателемъ собранія избранный былъ о. пралатъ А. Бачинскій, его товарищемъ И. Савчинскій, нотаръ изъ Белза, секретарями: о. Вл. И. Гургула и И. Н. Пелехъ. замѣстителями секретарей: о. Ю. Гумецкій и о. Д. Романовскій.

Послѣ прочтенія и удобренія протокола послѣдняго очередного собранія отъ 13(26) декабря 1905 г., приступлено къ первой точцѣ программы и мѣстопредсѣдатель Совѣта, Н. Н. Герасимовичъ, предложилъ проектъ Управл. Совѣта касающійся управильненія служебного положенія функціонеровъ Института. Внесеніе д-ра Д. А. Маркова и о. І. Крушинского, абы прежде на древнюю очередь посгавити проектъ перемѣны сгатута, не было принятое.

Референтъ, мѣстопредсѣдатель Н. Н. Герасимовичъ, въ началѣ стоего доклада сослался на рѣшеніе общого собранія членовъ „Нар. Дома“ 1902 г., поручившого Совѣту изготовити служе-

бную прагматику для институтскихъ чиновниковъ. Совѣтъ, послѣ основного и всесторонного обсужденія, отступилъ отъ мысли такой прагматики, а вмѣсто того постановилъ унормовати отношенія своихъ функціонеровъ къ Институту посредствомъ договоровъ съ ними. Въ частности Упр. Совѣтъ предлагаетъ отводити ежегодно на библіотеку 10.000 кор., изъ которой-то суммы опредѣляется для библіотекаря 2400—4000 кор. (послѣднюю сумму — на случай, если бы библіотекарь не получалъ иной эмеритуры), для помощника библіотекаря 1600—2200 кор., для двухъ писчиковъ 960 кор., для служащого 720 кор. съ даровою квартирою и 120 к. на мундиръ, на книги, шафы, переплетъ, освѣщеніе и отопленіе библіотеки 2000 кор. и Богдану А. Дѣдицкому пожизнено 2200 кор.

Относительно институтскго секретаря, Совѣтъ предлагаетъ признати ему титулъ директора канцеляріи, поднести жалованіе изъ 2400 кор. на 4000 кор, съ даровою квартирою о трехъ комнатахъ съ кухнею, признати даровое отопленіе и освѣщеніе, опредѣлити двѣ пятилѣтніи добавки съ 1 января 1911 и 1916 гг., признати эмеритуру 4000 кор. безъ квартиры послѣ 40 лѣтъ службы, освободити его отъ уплаты эмеритальныхъ взносовъ, въ случаѣ же перехода его на эмеритуру передъ 40 лѣтами службы, отчислити отъ эмеритуры по 100 кор. за каждый недоставающій годъ, вдовѣ его признати 1400 кор. пенсіи ежегодно безъ квартиры, а дѣтямъ по 280 кор. въ годъ до 20 года жизни съ тѣмъ, що добавки на дѣтей не могутъ превышати пенсіи вдовы, въ концѣ розрѣшити д-ру Лаголѣ ежегодно по крайней мѣрѣ двухнедѣльный отпускъ.

Канцеляристу Института Ѳеофилу С. Заяцу Совѣтъ предлагаетъ признати титулъ секретаря канцеляріи, опредѣлити жалованіе въ 1600 коронъ съ даровою квартирою о одной комнатѣ съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, въ случаю же заключенія нимъ супружества вмѣсто вольной квартиры 600 кор. добавки до жалованія — назначити семь пятилѣтнихъ добавокъ по 100 кор. годично, признати полную эмеритуру по 40 лѣтъ службы, при чѣмъ онъ долженъ въ пенсійный фондъ. платити ежегодно 3% отъ своего жалованія и сверхъ того $/_8$ отъ каждого повышенія. жалованія. По 10 лѣтахъ службы онъ имѣетъ право до эмеритуры въ розмѣрѣ 40% своего полного жалованія, а за каждый дальшій годъ 2% — однако безъ квартиры или квартирной добавки. Вдова его получаетъ 1200 кор. пенсіи, а дѣти по 20% тойже вдовьей пенсіи, но всѣ дѣти разомъ не могутъ получати больше, чѣмъ выноситъ пенсія вдовы.

Послѣ продолжительной и оживленной дискусіи, на предложеніе д-ра Дудыкевича собраніе рѣшило возвратити тотъ проектъ Упр. Совѣту для точнѣйшей обработки его въ связи съ служебной прагматикой, которую Упр. Совѣтъ долженъ составити въ порозумѣніи съ Испытующей Коммиссіей и предложити слѣдующему общему собранію.

Референтомъ по дѣлу перемѣны статута былъ д-ръ Ѳ. С. Заяцъ. Перемѣна двухъ первыхъ статей была принята почти безъ дискусіи — тоже перемѣна статей 27 и 35 з. и другіи поменьшіи поправкн статута. Только при статьѣ 71-ой, содержащей новыи поправленія на случай розвязанія Института, именно щобы въ такомъ случаѣ имѣніе Института перешло на Ставропигійскій Институтъ, завязалось горячое препирательство, кончившееея компромиссомъ предложеннымъ д-ръ Дудыкевичемъ.

Въ 9 ч. вечера о. прал. Бачинскій закрылъ совѣщанія. О перемѣнѣ статутовъ сообщимъ подробнѣйше, послѣ утвержденія ея политическою властію.

— Въ бурсу „Нар. Дома“ было принято съ началомъ 1905-6 учебного года 96 воспитанниковъ; изъ нихъ въ продолженіе семестра оставило заведеніе 14 — осталось съ концемъ первого семестра 82. Между ними есть 1 ученикъ электромеханики, 1 бухгальтеріи, 4 ремесленныи ученики — прочіи ученики гимназій и реальной школы. Классификованныхъ учениковъ гимназій и реальной школы было 78; изъ нихъ получили степень отличную 3, первую 57, вторую 14, третью 3. Изъ тѣхъ воспитанниковъ есть 58 сыновей крестьянъ, 13 — священниковъ, 6— мѣщанъ, 3 — чиновниковъ, 1 — профессора гимназіи, 1 — народного учителя.

— Въ дѣвочемъ воспиталищѣ сс. Василіянокъ есть настояще 63 воспитанницы. Изъ нихъ 24 посѣщаютъ женскіи учительскіи семинаріи (правительственную 5, Стшалковской 5, Руского Товар. педаг. 14), гимназію Стшалковской 4, гимназію Твардовской 1, лицей Диттнеръ 1, выдѣловую школу им. Шевченка 27, школу „Notre Dame“ 3, школу упражненій при правительственной учительской семинаріи 1, Курсъ женского труда 1. Въ воспыталищѣ преподается законъ Божій, церковный языкъ, русская исторія и исторія русской литературы.

— Въ пансіонѣ „Русскихъ Дамъ“ есть 19 воспитанницъ. Изъ нихъ 1 посѣщаетъ женскую учительскую семинарію, 1 лицей Диттнеръ, 5 выдѣловую школу им. Ядвиги, 6 еванг. нѣмецкую школу, 4 школу Гофмана, 1 выдѣловую школу сс. Армянокъ, 1 выдѣл. школу „Руского Тов. педаг.“.

— Читальню библіотеки „Нар. Дома“ посѣщаютъ численно студенты высшихъ учебныхъ заведеній и особы, занимающіися наукой. Въ мѣсяцѣ январѣ выдано посѣтителямъ до 2500 томовъ. Библіетека обогащается новымй дарами. Надсов. высшого краевого суда, мѣстопредсѣдатель Упр. Совѣта г. Н. Герасимовичъ подарилъ на дняхъ до 80 новѣйшихъ дорожшихъ сочиненій — тоже большое количество книгъ пожертвовалъ г. Богданъ Лепкій изъ Львова.

Изд. Инст. „Нар. Домъ“. — За редакцію отвѣчаетъ Ф. И. Свистунъ.

Изъ Ставропигіи кой типографіи, подъ управленіемъ Мих. Рефця.

Ч. 2. Львовъ, февраль 1906. Годъ XXIV (II)

ВѢСТНИКЪ
„НАРОДНОГО ДОМА".

Выходитъ разъ въ мѣсяцъ. — Предплата въ годъ 2 кор. Редакція и администрація: Львовъ, улица Театральная Ч. 22.

ЖЕРТВЫ.

Въ мѣсяцѣ февралѣ с. г. изволили пожертвовати П. Т.:

I. На церковь „Нар. Дома": о. Крушинскій Іосифъ 2 кор.

II. На „Нар. Домъ": 1) о. Луцыкъ Ювеналъ изъ Познанки 20 кор.; 2) о. Коростенскій Владиміръ изъ Кропивника 4 кор.; 3) о. Журавецкій Григорій изъ Дорогомышля 4 кор.; 4) о. Дикій Іосифъ изъ Козёвы 3 кор.; 5) о. Гиссовскій Іоаннъ изъ Журавки 16 кор.; о. Гмитрикъ Иларіонъ изъ Самбора 20 кор.; 7) о. Діяковскій Лаврентій изъ Полового 20 кор.

III. На бурсу „Нар. Дома": 1) о. Фольварковъ Николай 2 кор.; 2) о. Дяковъ Никита изъ Лопушанъ 2 кор.; 3) бл. п. Грыцай Даніилъ изъ Михалевичъ 18 кор. 25 гел.

IV. Въ библіотеку и музей: 1) Будзиновскій Вячеславъ изъ Львова 4 соч. въ 4 том.; 2) о. Сыроѣдовъ изъ Сѣхова 7 соч. въ 7 том.; 3) Н. Н. 14 соч. въ 22 том.; 4) Впр. о. пралатъ А. Бачинскій изъ Львова 7 соч. въ 14 том.; 5) Семеновъ С. В. изъ Петербурга 1 соч. въ 1 том.; 6) Гленицкій Э., эмер. ц. к. староста, 2 фотогр. 7) чешская академія въ Празѣ 6 соч. въ 9 том.; 8) имп. публичная библіотека въ Петербурзѣ 1 соч. въ 4 том.; 9) Герасимовичъ, ц. к. надворный совѣтникъ, 65 соч. въ 181 том.; 10) Екатеринославское губернское земство 1 соч. въ 3 том.; 11) Лепкій Богданъ, ц. к. авскультантъ суда изъ Львова 241 соч. въ 284 том.

Всѣмъ тѣмъ П. Т. жертвовавшимъ Управл. Совѣтъ Института „Нар. Домъ" заявляетъ должное благодареніе.

Роздача стипендій и стипендійныхъ запомогъ.

Управляющій Совѣтъ Института „Нар. Домъ“ во Львовѣ надѣлилъ: 1) на засѣданіи 8 (21) декабря 1905 г. ч. 1207 стипендіями изъ фонда бл. п. Льва Мацѣлинского по 240 кор. въ годъ, начиная съ первого полугодія 1905/6 школьного года, до окончанія наукъ: Андрея Батыцкого, ученика 7 класса первой (польской) гимназіи въ Перемышлѣ, сироту по селянинѣ, и Іоанну Проскурницкую, ученицу 3-ьяго года учительской женской семинаріи въ Львовѣ, сироту по священнику;

2) на засѣданіи 7 (20) января 1906 г. ч. 1252 стипендійною запомогою им. архикнягини Гизели годичныхъ 200 кор., начиная съ второго семестра 1904/5 школьного года до окончанія наукъ Теклю Лѣсовскую, ученицу 2 года женской учительской семинаріи въ Перемышлѣ, дочь убогого селянина въ Ольховцахъ;

3) на томже засѣданіи стипендійнымъ пособіемъ изъ фонда им. Луки Н. Цыбыка 150 кор. годично, согласно съ волею фундатора, на 1906 г. Иларіона Кроподру, слесарского челядника въ Вѣнѣ, сродника фундатора;

4) на засѣданіи 11 (24) февраля 1906 г. пособіемъ изъ фонда Петра Целевича н-ръ II годичныхъ 200 кор., Юрія Танчаковского, ученика 7 класса гимназіи им. Францъ-Іосифа въ Львовѣ, начиная съ первого семестра 1905/6 школьного года до окончанія гимназіальныхъ наукъ, сына учителя народной школы въ Львовѣ, сродника фундатора;

5) на томже засѣданіи стипендіею изъ фонда им. Его Величества императора Францъ-Іосифа I, годичныхъ 309 кор. 60 гел., Аѳаназія Вархолу, слушателя 2-ого года философ. факультета университета въ Львовѣ, сына селянина въ Репеди, сяноцкого повѣта.

6) на томже засѣданіи: стипендійными пособіями изъ фонда им. Лукашевича годичныхъ 200 коронъ: Петра Крыницкого, слушателя правъ 4 года на университетѣ львовскомъ, сына гр. кат. приходника въ Березцѣ, и Ивана Гвоздовича, слушателя 4 года правъ на львовскомъ университетѣ, сына гр. кат. приходника въ Бирчѣ — изъ фонда Льва Мацѣлинского: стипендійнымъ пособіемъ годичныхъ 110 кор. Владиміру Коновалецъ, ученицу 2 класса частной женской гимназіи съ публичнымъ характеромъ въ Львовѣ, дочь гр. кат. священника въ Великополѣ; стипендійнымъ пособіемъ 100 кор Григорія Гарасимова, сироту по убогомъ селянинѣ изъ Бенковецъ, ученика 2 класса гимназіи въ Станиславовѣ — стипендіею им. Павлины Христофоли-менсъ годичныхъ 200 кор. Ѳеодора Молчковского, ученика 3 класса 5-той гимназіи въ Львовѣ, сына бл. п. Іоанна Молчковского, гр. кат. пароха въ Стѣнцѣ, сродника фундатора — стипендійнымъ пособіемъ им. Панковича годичныхъ 120 кор. Емиліяна Винара, ученика 7 класса 2-ой гимназіи въ Перемышлѣ,

сироту по народномъ учителѣ въ Милошевичахъ, сродника фундатора — стипендійнымъ пособіемъ годичныхъ 300 кор. изъ фонда им. Неназванного Ивана А. Рудко, слушателя 3 года философ. факультета университета въ Львовѣ, сына убогого селянина въ Переволочной золочевского повѣта.

Предъявленныи прошенія о стипендію им. Васильковского годичныхъ 80 кор. рѣшено переслати пожизненному роздавателю тойже стипендіи, Евстахію Васильковскому, настоятелю почтового уряда въ Улашковцахъ!

Конкурсы.

Ч. 141/906. Институтъ русскій „Народный Домъ“ во Львовѣ имѣетъ къ роздачѣ одно стипендійное пособіе имени бл. п. Даніила Грицая, гр. к. пароха въ Михалевичахъ, годичныхъ 76 коронъ, выплачиваемыхъ въ полугодичныхъ ратахъ по окончаніи каждого полугодія, до окончанія середнихъ школъ.

Желающіи старатися о то стипендійное пособіе ученики середнихъ школъ селянского сословія должны до дня 18 (31) марта 1906 г. подати свои прошенія, посредствомъ относительныхъ школьныхъ настоятельствъ, въ Управляющій Совѣтъ русского народного Института „Народный Домъ“ во Львовѣ ул. Театральная ч. 22 II поверхъ, который то пособіе окончательно надаетъ, и выказатись, що суть родомъ изъ Галичины, русской народности, дѣти бѣдныхъ селянскихъ родителей, окончили послѣдній курсъ середнихъ школъ съ хорошимъ успѣхомъ и нравственно хорошо ведутся.

Ч. 108/906. Обвѣщается симъ конкурсъ на стипендійную запомогу имени бл. п, Александра Парыловича, годичныхъ 76 кор. учрежденную и надаваемую г-жею Ольгою изъ Парыловичей Турчмановичъ и опредѣленную для потомковъ фундаторки мужского пола, дальше для такихъ же потомковъ стрыечныхъ и тетечныхъ ея братей и сестеръ, а въ недостатку такихъ, для сыновъ другихъ жителей Галичины—для всѣхъ подъ условіемъ, що они русской народности и гр. кат. обряда, бѣдны, хорошо учатся и нравственно ведутся. О ту стипендійную запомогу старатись могутъ ученики посѣщающіи народныи, середніи и высшіи школы. Соубѣгающіися должны посредствомъ относительныхъ школьныхъ настоятельствъ до 18 (31) марта 1906 г. включно внести свои просьбы въ русскій народный Институтъ „Народный Домъ“ во Львовѣ и выказатись свидѣтельствами о крещеніи, объ убожествѣ, о нравственности и объ успѣсѣ въ наукахъ.

Отъ Управляющого Совѣта русско-народного Института „Народный Домъ“.

Львовъ 9 (22) февраля 1906 г.

Где-що до исторіи азбуки и языка Галицкой Руси.

(Изъ свое-житьевыхъ записокъ Богдана А. Дѣдицкого.*)

Записую то, 80-лѣтній старикъ, въ началѣ г. 1906, т. е. въ такое время, коли уже отъ якихъ двохъ лѣтъ по всей великопросторной Руси идутъ росправы и живая акція во всякихъ другихъ самыхъ важныхъ дѣлахъ, а всего меньше толкъ о — азбуковомъ вопросѣ. Но не смотря на предъостереженье старо-римского „inter arma“..., я таки увзялся еще зъ прошлого года**) писати въ сіе время где-що больше именно по оному послѣднёму вопросу, будучи увѣренъ, що въ недалекой може будучности еще сновь настане потреба росправлятись, спорити и рѣшати о томъ: есть ли Русь, по своему найважнѣйшему свойству, по языку, одна Русь, или же двѣ чи даже три отдѣльныи Руси, для которыхъ бы необходимы были двѣ чи ажь три отдѣльныи азбуковыи формы правописанія. Въ такое може и недалекое время тѣ мои записки чей не одному изъ мыслящихъ людей нашей и закордонной Руси якъ-такъ принадобятся.

Списую же тутъ мои дотычныи мысли и познанія точно на томъ языцѣ, якій по природному ходу его розвитія зъ времени нашего народного возрожденія (г. 1848) удомашнился у насъ въ Галичинѣ и стался вспôльно-розговорнымъ такъ у нашей старшей, якъ и молодшей генераціи, а якій та послѣдня, нарекшаяся „украинскою“, только по тому, що пише она тѣ-же самыи русскіи слова правописію не исконнѣ славяно-русскою, но своею новою фонетичною, пренебрегательно называе „язычіемъ“. О томъ то галицко-русскомъ языцѣ чи язычіи, на якомъ менѣ днесь въ глубокой старости лѣтъ и найлегче приходитъ выражатися, радъ я записати здѣсь толково все важнѣйшое, що́ особенно изъ г. 1848 испыталъ и заучилъ; — такъ и прежде всего рѣчь заведу

I. о моей брошурцѣ „Въ одинъ часъ...“

Въ г. 1866 издалъ я во Львовѣ анонимно маленькую брошурку (всего 31 страницъ) подъ заглавіемъ „Въ одинъ часъ

---

*) По желанію автора оставляемъ языкъ и правописаніе рукописи. — Прим. редакціи.

**) См. мое „Открытое письмо“ по дѣлу фонетики въ брошурцѣ „Митрополитъ Андрей Шептицкій и Галицко-русская Матица“. Львовъ, 1905.

научиться Малорусину по великорусски“ и розослалъ ю яко безплатную прилогу всѣмъ 1500 предплатникамъ редагуемой мною газеты „Слово“.

Брошурка та, въ которой моего текста было всего лишь 11 первыхъ страницъ, а прочее занимали потребныи къ тому великорусско-языковыи „примѣры“, имѣла послужити просто азбуковымъ руководствомъ для тѣхъ земляковъ, нашихъ Галичанъ, особенно изъ духовного и учительского званія, которыи власне тогда въ большомъ нѣжь коли-будь передъ тѣмъ числѣ переселялись за кордонъ (въ Холмскую Русь) и которымъ знаніе тамъ русского языка по „московскому“ словопроизношенію казалось яко-бы необходимою потребою. Я же и самъ былъ тогда во многихъ случаяхъ такимъ руководителемъ или поучителемъ на-скоро (т. е. на „одинъ часъ“), о чемъ еще въ тѣхъ-же моихъ запискахъ близше поговорю, а здѣсь стверджу ино коротко, що сію брошурку властиво издалъ для упомянутой чисто-практичной цѣли.

Не смотря же на тую цѣль, сія мала безпретенсіональная брошурка, въ само нагодное время ея появленія, совпадающее съ временемъ задуманныхъ великимъ Германцемъ Бисмаркомъ якихъ-то темныхъ противъ Австріи затѣй, попала въ заподозрѣнье, що будьто она выдана если уже не зъ препорученья Бисмарка, то таки на-вѣрно за „московскіи рублѣ“ для легко догадываемой политичной цѣли.

И оно по-правдѣ случилось въ ту пору таке, що подобное тяжко-оскорбляющое заподозрѣнье изъ стороны всякихъ недруговъ идеи единства Руси противъ мене, извѣстного публицыстичного глашатая той идеи, казалось яко-бы не безъ основанія. Вѣдай бо власне въ томъ-же 1866 году, коли то на голову побили насъ Пруссаки подъ Кенигрецомъ, я случайно, безъ ніякихъ заднихъ мыслей, помѣстилъ въ моемъ „Словѣ“ списанную таки у мене въ редакціи Ив. Наумовичемъ статью, яко оправданіе тои-же русско-завѣтной идеи смѣло и досадно излагающую. Мы бо оба, т. е. я и Наумовичъ еще въ г. 1849 изъ первыхъ дней нашего познакомленія и дружбы забирались написати подобную статью, такъ якъ мы уже тогда согласно съ мыслящими людьми Галицкой Руси поняли и признавали исконнюю мысль нашего племенного единства со всѣмъ прочимъ русскимъ міромъ, а съ сожалѣніемъ и стыдомъ згадовали собѣ, якъ то годъ тому назадъ (1848) даже наши свѣдущіи проводыри по принагленному требованію политики (депутація у гр. Стадіона) зневолены были отъ того единства нашего отхрещиватись и навѣть свое настоящее „имя-рекъ“ по чужинной формѣ давного хронографа Іорнанда „зрутенизовати“.

Статья сія Наумовича, явившаяся впрочемъ яко скромная „допись изъ села“ и безъ подписи автора, хотя и не сказывала читателямъ „Слова“ ничого нового, понеже была она

лишь добросовѣстнымъ поясненіемъ всѣхъ русско-національныхъ програмъ, якіи отъ г. 1848 въ Галичинѣ появлялись, но вскорѣ же въ одной польской газетѣ г. Платономъ Костецкимъ, журналистомъ поважнымъ и извѣстнымъ яко „gente Ruthenus natione Polonus“, интерпретована въ смыслѣ яко-бы цѣлкомъ новой нашой програмы, по которой мы будьто заповѣдаемъ присоединеніе австрійской Руси къ Москвѣ, надѣлала шуму въ краю, а также и недорозумѣнія въ самомъ центрѣ державы, въ Вѣдни.

На домѣръ всего того мнимого лиха явилась майже современно съ помянутою статьею моя брошурка „Въ одинъ часъ научиться Малорусину по великорусски“, отже яко-бы вслѣдствіе „новой“ нашей програмы уже просто и подготовленье къ тому, щобы даже по найважнѣйшему критеріуму національности, по языку, здѣлати за самое коротенькое время, бо за „одинъ часъ“ насъ Русиновъ, да еще инодержавныхъ, Москалями, гражданами чи поддаными Россіи.

Тяжкое то обвиненіе, весьма тяжкое, таки криминальное (Hochverrath*), если оно въ политичномъ смыслѣ импутовано было тогда моему „Слову“, паче всего же менѣ — вмѣсто того, щобы обвиняти тутъ развѣ самого Господа Бога, що Онъ по своей премудрости среди вселенной сотворилъ также единоплеменную Русь!

Но таки для моего оправданья и наглядного показанья, що первобытная мысль о составленью подобного той моей брошурцѣ азбукового подручника возникла у мене далеко еще передъ тѣмъ, закѣмъ Москва будьто по наущенію Бисмарка затѣвала щось недоброго противъ Австріи, а напротивъ тая-же Москва по сосѣдской дружбѣ ишла спасати Австрію отъ збунтованныхъ Мадьяръ подъ Вилягошу, т. е. на около два десятка лѣтъ передъ изданіемъ моего „Въ одинъ часъ“, то розскажу тутъ немного подробнѣйше относящееся сюда слѣдующее изъ моей жизни не безъинтересное событіе.

Было то въ году 1848, коли то премногіи наши русскіи поповичи та и хлоповичи, ополячаемыи до-теперь въ школахъ подъ Австріею еще больше, нежели за Польщи, ставались въ то время всенародного возрожденія Галицкой Руси изъ буйныхъ Поляковъ прирожденными твердыми Русинами, да очевидно и я, ставши такимъ-же отъ самого первого дня открытія „Русской Рады“ на горѣ св. Юра во Львовѣ (въ началѣ м. Мая), сейчасъ принялся „ab ovo“ учитись русской азбуки, о якой, хотя уже 22-лѣтній русскій поповичъ, до того дня не имѣлъ ни малѣйшого понятія, такъ якъ въ школахъ, до которыхъ я

---

*) Якъ тое на основаніи повысшихъ толковъ Пл. Костецкого закинулъ намъ ц. к. прокураторъ Гиртлеръ-Клеборнъ въ криминальномъ процесѣ Ольги Грабаръ и Ив. Наумовича даже и въ г. 1882.

изъ дѣтства ходилъ, русчины вовсе не учили. Такъ набывши собѣ русскій букварь и всякіи русскіи граматики, якихъ зъ пять еще отъ г. 1834 издаваны были въ Галичинѣ, а также и старославянское руководство Сербина Авраама Мразовича (изд. въ Будинѣ 1811 г.), я для нарочного студіованья русчины выѣхалъ изъ непокоенного польскими гвардіями Львова въ пріютное мѣстечко Мосты Великіи, где мой отецъ былъ приходскимъ священникомъ и где онъ-же, мой добрый отецъ, яко вѣчно зачитанный въ русскихъ церковныхъ книгахъ власне мôгъ тѣмъ лучше пособити менѣ въ намѣренныхъ мною научныхъ занятіяхъ. Тутъ то я больше всего полюбилъ чтеніе русско-церковныхъ книгъ, якихъ у моего отца и въ Мостенской церкви было пребогато въ старинно переплетенныхъ фоліантахъ, тутъ и чудовался я и восхищался незмѣрно именно тѣмъ: що мы, Русь, изъ поконвѣка имѣемъ въ Церкви нашей всѣ сокровища науки Христовой въ близко приступномъ намъ славянскомъ переводѣ, а хотя теперь и соединены уніею съ латинянами, мы все же всякіи богослуженья отправляемъ не по латинѣ, по чужóму, но по славяно-русски, по нашему, якъ то такъ и молилась вся старая наша Русь за дней окрещенія своего при св. Владимірѣ Великомъ!

А розумѣется, що подъ понятіемъ „Русь“ я представлялъ собѣ тогда такъ, якъ и найбольшая часть ново въ то время возрожденныхъ нашихъ Русиновъ, только южную или Малую Русь съ ея древними стольными городами, Кіевомъ и Галичемъ, а сѣверную Великую Русь уважали мы хотя сродною намъ по общеславянскому происхожденію, но мало-же не такъ само не своею, якъ не своею была для насъ даже и близше съ нами сусѣдня, тоже славянская Польща. Еще-жь къ тому тую сѣверную Русь изъ-давна называно у насъ загаломъ „Москвою“, противъ которой именно во мнѣ, яко бывшомъ до недавна рянымъ патріотомъ польскимъ, еще не цѣлкомъ усмирились вовсе не братерскіи реминисценціи, набранныи изъ Мицкевича, Словацкого, Красинского и цѣлого міра литературы москвовражихъ Поляковъ.

Такое предъосудительное настроеніе противъ Москвы было у мене еще и въ часъ начальныхъ студій моихъ надъ русчиною въ Мостахъ Великихъ, вѣдь бо не имѣлъ я до той поры о Москаляхъ, особенно же о ихъ языцѣ и письмѣ ніякихъ хотьбы немного вѣрныхъ познаній. Однако власне въ томъ родинномъ закутку, въ Великихъ Мостахъ, имѣла вскорѣ-же тогда послѣдовати радикальная перемѣна въ моихъ міровоззрѣніяхъ на Великую Русь, а то по поводу познанія лишь сего одного, що́ само примитивно-культурное въ ней, т. е. ея азбуки.

Ото бо подъ осень того года явились въ Мостахъ проходомъ на Угры якихъ зъ 200 мужа россійскихъ драгуновъ, самы то настоящіи Москалй, гдесь ажь зъ найдальшихъ сѣверныхъ губерній царства. Зъѣхали они сюда на двѣ добы постоя,

и наши Мостенцы та Мостенки сейже часъ запускались съ ними въ розговоры, а порозумѣваясь взаимъ весьма легко, уважали ихъ за Русинôвъ, но Русинôвъ „твердѣйшой вѣры и зъ найдальшого окраю земель русскихъ“. И помню то добре, що въ сихъ взаимно-понятныхъ розговорахъ двохъ громадъ люда было лишь одно московское слово, якого смыслъ наши Мостенцы зъ-разу не могли розобрати; то слово было именно „канюшня“ и оно нашимъ людямъ ажь тогда стало удобопонятнымъ, коли драгунъ, держачи за узду офицерского коня и указуючи на того-жь, просилъ „дать поставить лошадь въ канюшню“. Тогда наши люди громадно воскликнули: „то конюшня по нашему стайня!“ и майже всѣ принимали московское „конюшня“ лучше по-русски звучащимъ, чѣмъ занятое зъ чужины „стайня“ (Stallung, Pferdestall).

Но не въ томъ-то заключалась она важная примѣта, котора имѣла открыти менѣ близшое познанье чужой до тѣхъ поръ для мене Москвы. Зайшло бо дальше такъ, що на-канунѣ выѣзда росс. драгуновъ изъ Мостовъ ихъ православный попушка, о. Куриловъ чи Кириловъ, за дозволеньемъ моего отца отправлялъ таки въ нашей уніатской церкви вечерню и напутственный молебенъ, на которыхъ, кромѣ роты солдатъ, присутствовали также мой отецъ и нѣкое число любопытливыхъ Мостенцевъ. Отецъ мой задивовался тутъ немало тому, що изъ отпѣваемыхъ вечерни и молебна, якіи зналъ онъ точно на-изъустъ, неодно не могъ якъ слѣдуе розобрати, а то очевидно за-черезъ отпѣванье ихъ по московскому словопроизношенью. Тожъ по оной святой вечерни онъ вернулъ до дому не самъ, но привелъ съ собою и честного московского попушку, съ которымъ и тутъ въ хатѣ продолжалъ начатый по дорозѣ розговоръ или даже споръ по дѣлу русско-языкового вопроса. Каждый бо изъ нихъ обоихъ, говоря цѣлкомъ по своему, а значно розличительному тѣхъ-же самыхъ русскихъ словъ выговору, твердилъ упорно, що и говоритъ и отпѣвае изъ церковныхъ книгъ точно „по-русски“. Но такъ якъ при изъустной ихъ бесѣдѣ не можь было имъ зъоріентоватись, въ чемъ властиво состоитъ ту ихъ русско-языковое розличіе, то рѣшились они отчитати каждый по своему кое-що изъ лежащихъ по столамъ у насъ фоліантовъ русско-церковныхъ. Изъ открытой передо мною книги св. Евангелія перечиталъ одну страницу по нашему мой отецъ, а по немъ тую-же страницу московскимъ произношеніемъ о. Кириловъ; и тогда мы всѣ три (я бо и былъ самымъ уважнымъ всего того пренія слушателемъ) мы увѣрились, що розличіе заходитъ тутъ въ выговорѣ лишь четырехъ славянскихъ буквъ, именно **г, и, ѣ** и **е** по согласныхъ. Здѣлавши то простое открытіе, спорившіи дотолѣ два русскіи духовники дружно усмирились, и отецъ мой съ видимымъ удовольствіемъ, що на старость научился щось нового, читалъ одинъ дальшій уступъ Евангелія великорусскимъ, а о. Кириловъ съ ровнымъ же удовольствіемъ еще дальше малорусскимъ произношеніемъ.

Вся тая русско-азбуковая лекція, кончившаяся полнымъ обоестороннымъ примиреньемъ и объученіемъ, тревала ледва полъ годины, и въ тоже время прійшло менѣ на мысль написати на особной карточцѣ два слова, въ которыхъ заключались всѣ четыре розличительныи примѣты (**ѣ, г, и** и **е** по согласной) двойныхъ русскихъ выговоровъ и чтеній. Два слова тіи были: „всѣ гибнемъ“, и тіи-то два слова сейже часъ мы всѣ три участники оной дивной лекціи успѣли отчитывати двойнымъ способомъ, т. е. по малорусски „ws**i** h**y**bn**e**m“ и по великорусски „ws**je** g**i**bn**je**m“.

Не диво, що та случайная лекція, проведенная въ несполна полъ часа вспôльно съ московскимъ попушкою въ Мостахъ Великихъ имѣла на мои тогдашніи языковныи студіи весьма благодатное вліяніе. Сама тая мысль, що святыи Братья Первоапостолы Славянъ составили якъ-бы нарочно для безмѣрно великой, но двойно чи даже потройно слова свои выговорюющой Руси таку чудную азбуду, щó она тѣ говоры розличны въ одну же Русь соединяе, — сама та мысло чаровала, восхищала мене и тѣмъ наче возбужала охоту и волю посвятити свои силы на подвиги во благо той единой нашей святой Руси.

И тогда то я въ Мостахъ же, подъ вліяніемъ моихъ свѣжо пріобрѣтенныхъ познаній, списалъ бѣглый начеркъ до росправы подъ з. „За полъ часа научитись читати славянское Евангеліе Русину по московски а Москалеви по руски“. Очевидно росправка та, впрочемъ не изданная течатно и безслѣдно пропавшая, относилась исключно лишь до чтенія нашей русско-славянской церковщины, но она была пропотипомъ или первымъ замысломъ до составленья той русско-азбуковой брошурки, яку я въ 18 лѣтъ потомъ (1866 г.), знаючи уже и книжну великорусскую рѣчь, сочинилъ и выдалъ подъ з. „Въ одинъ часъ научиться Малорусину по великорусски“.

(Дальше будетъ).

Изъ исторіи латинской церкви на Руси.

(Продолженіе).

Однако не смотря на розломъ между русскою а западною церквами, съ 12-го вѣка начавши латинская вѣра — на сколь дѣло касалось иностранцевъ — была допускаемая въ русскихъ удѣльныхъ княжествахъ, а въ большихъ городахъ были даже латинскіи костелы. Причина такой терпимости лежала въ розвитіи торговельныхъ отношеній. Съ 8—9 в. Русь была великимъ путемъ арабской торговли, стремившейся, ради мѣховъ и

янтаря, посредствомъ хазаръ и приволжскихъ болгаръ къ берегамъ Балтійского моря. Другій великій путь шелъ теченіемъ Днѣпра и Невы къ Балтійскому морю яко торговельная дорога изъ Цареграда. Островъ Готландъ на Балтійскомъ морѣ былъ головнымъ торговельнымъ мѣстомъ, где нѣмецкій или англосасскій купецъ встрѣчалъ произведенія Востока. Новгородъ Великій и Кіевъ стаются славными центрами тогдашней европейской торговли и привлекаютъ къ себѣ купцовъ изъ Запада. Въ Новьгородѣ уже въ 12 в. устроивается факторія скандинавскихъ купцовъ и возникаетъ нѣмецкій гостиный дворъ (der deutsche Hof). Вслѣдъ за тѣмъ строятся латинскіи костелы. И такъ въ Новьгородѣ уже въ 1184 г. строится нѣмецкая церковь Пресв. Маріи Дѣвы. Конечно, латинскіи костелы могли въ русскихъ городахъ строитись единственно при запорученіи взаимности, що и купцамъ изъ Руси свободно будетъ строити свои церкви въ западныхъ городахъ Латинская церковь пріобрѣла на Руси свободу и неприкосновенность, утвержденную договорами, тѣ же костелы только отчасти служили цѣлямъ религійного культа, ибо они были также складами товаровъ и помѣщеніемъ купеческого архива и официальныхъ вѣсовъ. Священникъ не имѣлъ постоянного мѣстопребыванія, но пріѣзжалъ вмѣстѣ съ купеческими караванами и пребывалъ такъ долго, якъ долго продолжалась торговельная экспедиція. Духовную власть надъ тѣми костелами имѣлъ епископъ въ Дорпатѣ, куда была перенесенная епископская каѳедра въ 1224 г.

Въ второй половинѣ 13 в. является въ сѣверныхъ краяхъ Европы, граничащихъ съ Русью, ширшая миссійная организація въ видѣ миссійныхъ латинскихъ епископствъ, якъ псковского (основ. въ половинѣ 13 в.), селонского, перемѣненного затѣмъ въ семигольское и литовское. То стремленіе къ ширенью организаціи латинской церкви къ Востоку, щобы по крайней мѣрѣ обняти нерусскіи племена, поддерживала головно политика ригского архіепископства и нѣмецкого Ордена. Нѣмецкая колонизація врѣзывается надъ Двиною начавши съ 13 в. и обнимаетъ земли прибалтійскихъ язычниковъ, съ которыхъ до оной поры Русь данину взымала. Когда однако Русь замѣтила, що вслѣдъ за латинскими епископствами идетъ политическій захватъ земель, тогда и она стала устроивати миссіи для балтійскихъ язычниковъ, вслѣдствіе чего приходило до столкновеній на религійномъ полѣ. Жители Пскова изгнали даже своего князя Владиміра за то, що онъ дочь свою выдалъ замужъ за брата ливонского епископа Альберта.

Въ южнорусскихъ земляхъ равно якъ на сѣверѣ, колоніи западныхъ купцовъ, нѣмцевъ, поляковъ и венгровъ, доставали до Кіева, где можно было заосмотритись продуктами византійского промысла и далекого Востока. Возникаютъ довольно численно гостиныи дворы и латинскіи костелы, такъ що монахъ Ѳеодозій въ 12 в. нарекаетъ, що вся русская земля наполнилась латинскою вѣрою (стр. 63). Особенно изъ Регенс-

бурга прибывало въ Кіевъ много купцовъ и духовныхъ лицъ— особенно приходили странствующіи исландскіи бенедиктины. Первый того рода исландскій монахъ, Маврицій, прибылъ въ Кіевъ при Владимірѣ Мономаху, который его радо принялъ и заключилъ торговельный договоръ съ Регенсбургомъ. Около 1159 г. основанъ былъ монастырь оныхъ исляндскихъ монаховъ въ Кіевѣ, подъ названіемъ Пресв. Богородицы Дѣвы, и только, съ поры нашествія татаръ и наступленія неблагопріятныхъ для торговли условій, тотъ монастырь — кажется въ 1242 г. — на всегда опорожнился.

Изъ среди польскихъ городовъ, головно Вроцлавъ занимался торговлею съ Кіевомъ и можетъ то обстоятельство, щобы купцовъ изъ Польщи не оставляти безъ своей духовной помощи, содѣйствовало поднятію миссіи св. Яцка и польскихъ доминиканцевъ. Личность св. Яцка, которого традиція даритъ именемъ миссіонера Руси, мало извѣстная; едва два-три показанія дадутся документами удостовѣрити, прочее же заполняетъ легенда. Онъ происходилъ изъ магнатской семьи Одровонжовъ и узами сродства былъ связаный съ краковскимъ епископомъ Ивономъ. Нѣкоторое время онъ жилъ въ Болоніи, въ Италіи, точно въ пору, когда на церковное поприще выступили св. Францъ изъ Ассиси и св. Доминикъ, основатели орденовъ францисканцевъ и доминиканцевъ. Воодушевленный идеями св. Доминика, онъ вступилъ въ орденъ доминиканцевъ, а вернувшись въ Краковъ, кажется по внушенію св. Ивона, повзялъ мысль роспространяти католицизмъ на Руси. Въ 1228 г. возникла даже отдѣльная польская провинція доминиканцевъ — св. Яцекъ былъ однако въ Кіевѣ уже передъ 1228 г. На Руси доминиканцамъ повезло сверхъ чаянья. При существовавшемъ уже костелѣ бенедиктиновъ исландскихъ въ Кіевѣ былъ основанъ ихъ конвентъ, возроставшій все больше. Доминиканцы не ограничились только трудомъ среди католиковъ — они старались ширити католическую пропаганду между русскими и оберегали вмѣстѣ съ тѣмъ католиковъ отъ отступничества отъ католической вѣры.

Несомнѣнно по ихъ настроенію папа Григорій XI издалъ въ 1231 г. приказъ, щобы католическіи женщины не выходили замужъ за русскихъ, ибо они въ такомъ случаѣ покидали католицизмъ, въ 1232 г. же приказалъ польскому духовенству вліяти на своихъ польскихъ князей, щобы въ своихъ междуудобицахъ не приглашали на помощь русскихъ князей и не угнетали сельского населенія, которое не могучи вынести тяжкой неволи, убѣгаетъ на Русь и тамъ отступаетъ отъ вѣры. Когда такъ доминиканцы-миссіонеры, можетъ быть, слишкомъ оживленно вели свою пропаганду, тогдашній кіевскій вел. князь, Владиміръ Рюриковичъ, прогналъ ихъ въ 1233 г. изъ Кіева и воспретилъ имъ на будущее возвращатись. Въ Кіевѣ остался только исландскіи бенедиктины впредь до нашествія татарь, доминиканцы же свернулись къ западной Руси, червенскимъ землямъ, где вліяніе Запада было крѣпче и где ихъ миссіонер-

скую дѣятельность успѣшнѣйше могли пособляти политическіи соображенія (стр. 80 – 81).

Червенскіи земли, съ поры ихъ присовокупленія къ Руси при св. Владимірѣ Великомъ, сталисъ составною частью территоріи русской церкви съ восточнымъ обрядомъ и въ нихъ возникли два епископства русскіи: галицкое 1157 г. и перемышльское передъ 1229 г.

На Руси латинская пропаганда не могла съ успѣхомъ роспространятись съ причины, що славянскій обрядъ тѣсно сплотился съ жизнію народа; здѣсь успѣхъ могла имѣти только унія съ сохраненіемъ славянской литургіи, организація же латинской церкви была здѣсь возможна только касательно латинскихъ иноземцевъ. Съ поры, когда городы Руси волынской и галицкой все больше стали розвиватись и привлекати купцовъ поселенцевъ изъ Запада, дѣла ихъ вѣроисповѣдныи должны были быти соотвѣтственно организованы. Особенно городъ Владиміръ съ конца 12 в., при Романѣ Мстиславичѣ, наполнился торговыми колоніями иностранцевъ, особенно нѣмцевъ и тутъ, якъ и въ другихъ городахъ, стали возникати католическіи костелы, которыи надо было поддати якой нибудь юрисдикціи. Вотъ и притязанія на ту юрисдикцію заявилъ въ половинѣ 13 в. епископъ любушскій Вильгельмъ, на просьбу котораго папа Александръ IV 1257 г. издалъ документъ, въ которомъ подтверждаетъ, що отъ временъ, якъ далеко простирается человѣческая память, духовная юрисдикція надъ латинниками на Руси принадлежала любушскимъ епископамъ. Вопросъ, якимъ образомъ совершилось начало такой юрисдикціи любушскихъ епископовъ надъ латинниками на Руси, откуду епископъ, живущій столь далеко при рѣцѣ Одрѣ могъ получити духовную власть над латинниками на Руси — тотъ вопросъ принадлежитъ къ самымъ труднымъ и сложнымъ проблемамъ исторической науки и до сей поры касательно него нѣтъ согласія между учеными*).

Проф. Абрагамъ отвергаетъ всякую мысль, щобы то епископство было сначала основано на Руси и затѣмъ перенесено въ Любушъ и учреждено Болеславомъ Кривоустымъ 1133 г. Діецезія любушская была первоначально установлена для роспространенія христіанства на Поморю и среди приодрянскихъ

---

*) Одновременно съ трудомъ проф Абрагама оголосилъ проф. Войцѣховскій Ѳадей „Szkice historyczne jedynastego wieku. Kraków 1904“, въ которыхъ касательно относительного вопроса таковый высказалъ взглядъ: Болеславъ Смѣлый, пріобрѣвъ въ 1068 г. червенскую землю, основалъ епископскую каѳедру, кажется въ Перемышлѣ, епископомъ же ея былъ избранъ жмигородскій опатъ. Послѣ 1092 г. та каѳедра пала подъ ударами „язычниковъ и невѣрныхъ“, послѣ чего епископъ съ клиромъ непогибшимъ опять поселился въ Жмигородѣ, получившемъ названіе Опатова и тутъ пребывалъ, держа reservatum духовной юрисдикціи на Руси. Только Кривоустый, не имѣя кажется видовъ на вторичное пріобрѣтеніе Червенской земли, перенесъ епископа и его капитулу въ Любушъ (стр. 40 – 50.)

славянъ. Юрисдикція же его на Руси не основывалась ни на перемѣщеніи того епископства изъ Руси въ Любушъ, ни на якомъ нибудь документѣ —основывалася единственно на фактѣ ея исполненія за вѣдомомъ и изустнымъ соглашеніемъ владѣющого русского князя, вѣроятно Романа, приклонного латинскому клиру, особенно бенедиктинамъ второй половины 12 в.

(Конецъ будетъ.)

Книга братства при церкви св. великомуч. Ѳеодора Тирона въ Львовѣ.

Нынѣшнее такъ зовимое Краковское предмѣстье города Львова заселено сплошъ за рядомъ жидовскимъ торговымъ и промышленнымъ людомъ. Не такъ было 200 лѣтъ тому назадъ. Здѣсь кипѣла русская жизнь — мѣсто нынѣшнихъ жидовскихъ торговцевъ и и ремесленниковъ занимали такіи же русскіи, жившіи, якъ видно изъ изображенія города Львова, появившогося въ Колоніи передъ 1600 г., большей частью въ одноповерхныхъ каменныхъ и деревяныхъ домахъ. Средоточіемъ духовной ихъ жизни была церковъ св. великомученика Ѳеодора Тирона, стоявшая тамъ, где нынѣ Старая Тандита, при площади св. Ѳеодора.

Если грамота князя Льва отъ 1292 г., касающаяся церкви св. Николая неподложна, то уже тогда существовала та церковь, ибо о ней упоминается въ оной грамотѣ. Первое вѣрное извѣстіе о ней имѣемъ въ 1453 г.[1]). Въ 1547 г., когда первый львовскій епископъ, Макарій Тучапскій, учреждалъ соборъ крылошанъ для своей каѳедры, русины краковского предмѣстья, по видимому, стояли впереди прочьяго русского населенія Львова, ибо въ относительной учредительной грамотѣ ихъ церковь св. Ѳеодора Тирона положена на первомъ мѣстѣ. Они въ 1589 г. основали при тойже церкви братство, утвержденное епископомъ Гедеономъ Баллабаномъ, сторону которого держали въ его спорѣ съ Ставропигійскимъ братствомъ.

Въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки „Нар. Дома“ находится братская книга за годы 1665—1688, заключающая протоколы общихъ годичныхъ собраній по 1681 г. и счеты прихода

---

[1]) Zubrzycki. Kronika miasta Lwowa. — Петрушевичъ А. С. „Краткая историческая роспись всѣмъ русскимъ церквамъ и монастырямъ, такъ уничтоженнымъ, какъ и до нынѣшней поры существующимъ въ Львовѣ“. (Зоря Галицкая 1851.)

и росхода за 1665—1688 гг. Часть протоколовъ за 1681—1688 гг. недостаетъ.

Книга начинается на стор. 1 словами: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Рок. Бож. 1665 мѣсяца Мая дня 23. Зыішолшися Панове Братія всѣ вкупѣ Храму Святого вел. муч. Христова Ѳеодора Тирона на елекцию едноралную (генеральную) такъ старшие яко и молодшіе, зезволившися едноралне обебрали пановъ старшихъ з межи себе напродъ старшимъ братомъ пана Ѳеодора Матисевича, а другого пана Андрея Городецкого, которіе абы радили и справовали на честь Господу Богу и Святому великомученику Христову Ѳеодору Тирону. При тойже елекціи прибрали до себе пановъ братій столовыхъ, першого пана Іоана Засанского, а другого пана Якима Ѳедоровича, третого пана Яцка Гриневича, четвертого пана Семиона Китовича, паламаровъ двухъ, першого пана Даниела Лисиницкого, а другого пана Андрея Бреника. А писарь панъ Антоній дидаскалъ на тотъ часъ бывшій.“

Такъ якъ здѣсь не упоминается объ отчетѣ уступающей старшины, то изъ сего можно заключати, що братство, послѣ прекращенія, возобновлялось. Дѣйствительно, время съ 1648 г., когда Хмельницкій осаждалъ Львовъ и львовскіи предмѣстья преданы были огню, было тяжелое для жителей Львова и его предмѣстій. Переходы посполитого рушенья и кварцяного войска, вторая осада Львова Хмельницкимъ и Бутурлинымъ въ 1655 г., въ время которого предмѣстья опять подверглись розоренію — все то можетъ намъ объяснити упадокъ братства въ столь смутное время. Тогда могли также братскіи книги пасти жертвою пламени.

Протоколъ „едноральной елекціи“ слѣдующого 1666 г. (30 апрѣля) также ничего не упоминаетъ о касовомъ отчетѣ братства, но съ 1667 г. уже правильно отмѣчается о „рахунку“ и „квитованью“ (даваніи абсолюторіи уступающей старшинѣ). Названный протоколъ гласитъ: „Року Божія 1667 мѣсяця Мая 12, въ недѣлю 6 по воскресеніи Христовомъ. Зыйшолшися панове братія всѣ вкупѣ ку церкви святого великомученика Христова Ѳеодора Тирона на лекцію единоралне всѣ братія такъ старшие, яко и молодшие на рахунокъ старшихъ братій, пана Ѳеодора Матисовича, а другого пана Андрея Городицкого, которіе панове братія, такъ старшіе яко и молодшіе приняли рахунокъ дубръ церковныхъ приходу и росходу, при пану Іоану Засанскомъ, при п. Якимѣ Ѳеодоровичу, при п. Яцку Гриневичу, при п. Дмитру Хручевичу, при п. Іоану, при п. Іану Сахновичу, при п. Романѣ и при иншихъ братіяхъ, старшихъ и молодшихъ, и приняли то едносталне вшитки, учинили приходу сумы золотыхъ р҃мз (147), а росходу р҃ми (148). При тойже елекции панове братія так старшіе яко и молодшіе едносталне обебрали пановъ братий старшихъ тихже выш помененых подтвердили яко и пановъ братий столовыхъ. Паламаровъ

тыж обебрали пана Андрея Бреника, другого пана Козму Вардяка. А писарем Антоний дидаскал на тот час будучий".

Якъ видимъ, управленіе братства состояло изъ двохъ „старшихъ братей", четырехъ „братей столовыхъ" и двохъ „паламарей". Исполнителная власть находилась собственно въ рукахъ двохъ „старшихъ", „столовыи" же составляли для нихъ родъ совѣта. Въ контрольную коммиссію на общемъ собраніи избирали обыкновенно около 6 членовъ, но свободно были при провѣрцѣ счетовъ присутствовати и другимъ членамъ братства.

Кромѣ выше названныхъ фамилій „пановъ братій", якъ Матисевичъ, Городецкій, Засанскій, Федоровичъ, Гриневичъ, Китовичъ, Лисиницкій, Бреникъ, Хрущевичъ, Сахновичъ, Вардякъ, упоминаются въ протоколахъ элекцій еще мѣщанскіи фамиліи: Ясманицкій (въ другомъ протоколѣ Яскменицкій), Дашкевичъ, Романовичъ, Мамотякъ, Шинкиръ, Мамотовичъ, Свиридовичъ, Романовичъ, Медицкій, Малютовичъ, Вайдовичъ, Ляховичъ, Болестрашицкій, Рукшицкій, Щуркевичъ, Миховичъ, Рѣшицкій (въ другомъ протоколѣ Рукшицкій), Горогучъ, Водякъ, Сардакъ, Щуревичъ, Глуховичъ, Дубецкій, Саскевичъ, Невчась, Цеперускій, Амменикій. Писаръ Антоній титулуется разъ дидаскаломъ (учителемъ), другій разъ дьякомъ. Видно, що братство содержувало школу, учителемъ которой состоялъ дьякъ, исполнявшій также должность секретаря братства.

Относительно источниковъ дохода братства — то такими были: сборъ пожертвованій посредствомъ „пушки дѣдовой" и „пушки церковной", доходъ изъ чиншовъ отъ недвижимыхъ имѣній братства, которыми были двѣ сѣножати (одна изъ нихъ называлася Вознесенскою), домы и млынъ, затѣмъ плата отъ похороновъ. Замѣчательнымъ есть доходъ „отъ мѣстця при образѣ" или „отъ таблицы при образѣ". Обыкновенно въ реестрѣ прихода читаемъ: „при образѣ отъ мѣстця отъ пана Ярослава 1 зол.", или „въ недѣлю выпросили при образѣ 1 зол. 20 грошей", или „що просили въ таблицю при образѣ подчасъ св. Георгія зол. 12 грошей 15", или „взялисьмо з таблицы, що Лукашъ выпросилъ, зол. 1". Статью дохода составляло также позвонное. Вконцѣ также члены братства давали свои взносы. Въ домахъ братства яко жильцы платили чиншъ: слесаръ, ткачъ, столяръ, кравецъ, мыдляръ и одинъ жидъ — Мошко. Изъ пушокъ вынимали однако не только „добрыи" гроши, но и „злыи". Якъ извѣстно, при Янѣ Казимірѣ въ Польщѣ было въ обѣгу множество поддѣланной монеты.

Относительно росходовъ братсва — то важную статью занимали издержки на „погребы", конечно, членовъ братства и бѣднѣйшихъ прихожанъ. „Казнодѣю" (проповѣднику) разъ братство уплатило 30 зол. 11 грошей. Братство давало ссуды (пожички) членамъ, пособія другимъ братствамъ (якъ н. пр. Воскресенскому), оплачивалось старостѣ и прочимъ урядникамъ должно было поносити кошта споровъ съ частными лицами,

и властями. „Дѣдъ“ получилъ разъ „за кожухъ“ 1 зол. 24 грошей, „за сѣракъ“ 24 грошей, „за чоботы“ 1 зол. 3 гроши. Такая была тогда цѣна тѣхъ предметовъ. Видно, що братство „дѣду“ давало одежду и обувь, но онъ долженъ былъ часть собранной милостини отдавати братству.

Часты суть издержки на содержаніе церкви и церковной утвари въ надлежащемъ состояніи, на починку домовъ. Ремесленникамъ и сдѣлавшимъ братству якую прислугу, дается кромѣ платы „на горѣлку“ или „на пиво“. Въ время большихъ праздниковъ суть братскіи обѣды, которыи соединены также съ издержками. Въ время такихъ праздниковъ въ церкви поетъ хоръ пѣвчихъ, которыхъ братсво вознаграждаетъ подаркомъ „на горѣлку“ (обыкновенно 1 зол.). „Духовный“ (священникъ) отъ службы Божой получаетъ 1 зол.

Если представители братства являются у епископа по якому дѣлу, приходятъ „съ поклономъ“ (подаркомъ) — обыкновенно около 14 зл. Въ 1668 г. братство даетъ „грецкому митрополиту“ 90 зол. Былъ нимъ вѣроятно Софроній, митрополитъ Филипонскій, Драмскій, съѣхавшій съ митр. Ѳеофаномъ въ Высочку, имѣніе Васильковскій, для посвященія въ епископы Іосифа Шумлянского. Подъ 1670 г. читаемъ: „Далисьмо до св. Николая до складки на дорогу, коли до Галича ѣздили на соборъ зол. 9“. О семъ соборѣ не имѣемъ близшихъ извѣстій.

Годъ 1671 былъ для братства несчастный. Оно должно было для полученія займовъ заложити церковной утвари на сверхъ 400 зол. Заимодавцемъ былъ „панъ Войцехъ шевского ремесла“. Издержки на розличного рода процессы, кажется, были того причиною.

Приходы и росходы братства вращались ежегодно между 150—300 зол.

Полный рочникъ „Вѣстникъ Народного Дома“ за 1905 г. можно получити за 1 кор., съ почтовою пересылкою за 1 кор. 20 гел. Съ требованіемъ просятъ обращатись въ канцелярію „Народного Дома“. Львовъ. Улиця Теаральная ч. 22.

Изд. Инст. „Нар. Домъ“. — За редакцію отвѣчаетъ Ф. И. Свистунъ.

Изъ Ставропигійской типографіи, подъ управленіемъ Мих. Рефця.

Ч. 3. Львовъ, мартъ 1906. Годъ XXIV (II)

ВѢСТНИКЪ
„НАРОДНОГО ДОМА".

Выходитъ разъ въ мѣсяцъ. — Предплата въ годъ 2 кор. Редакція и администрація: Львовъ, улица Театральная Ч. 22.

ЖЕРТВЫ.

Въ мѣсяцѣ мартѣ с. г. изволили пожертвовати П. Т.:

I. На церковь „Нар. Дома": о. Димитрій Габла изъ Радошицъ 3 кор.

II. На „Нар. Домъ": 1) о. Ѳеодозій Дуркотъ изъ Смерековца 20 кор.; 2) д-ръ В. Юрченко изъ Коломыи 20 кор.; 3) Иванъ Габрусевичъ изъ Борыни 20 кор.

III. На библіотеку „Нар. Дома": М. Кметко изъ Полянъ 1 кор.

IV. Въ библіотеку и музей: 1) д-ръ И. Свѣнцицкій изъ Львова 1 соч. въ 3 том.; 2) о. Сыроѣдовъ изъ Сѣхова 1 соч. въ 1 том.; 3) Іоаннъ Лѣсковацкій изъ Львова 1 соч. въ 1 том.; 4) И. Верхратскій изъ Львова 1 соч. въ 1 том.; 5) редак. „Галичанина" 1 соч. въ 1 том.; 6) львовская митроп. консисторія 1 соч. въ 1 том.; 7) Юліянъ Чайковскій изъ Львова 1 соч. въ 1 том.; 8) Романъ Гуцулякъ, ученикъ 8-го класса гимназіи въ Львовѣ, 13 соч. въ 13 том.; 9) проф. Н. Сивулякъ изъ Львова 2 соч. въ 5 том.; 10) Симеонъ Яценьо, юристъ изъ Львова, 15 соч. въ 15 том.; 11) о. Пилипецъ изъ Львова 1 соч. въ 1 том.; 12) редак. „Католицкий Всхід" 1 соч. въ 1 том.; 13) Неизвѣстный 13 соч. въ 13 том.; 14) В. Будзиновскій изъ Львова 4 сочиненія въ 4 томахъ.

Всѣмъ тѣмъ П. Т. жертвователямъ Управл. Совѣтъ Института „Нар. Домъ." заявляетъ должное благодареніе.

Где-що до исторіи азбуки и языка Галицкой Руси.

(Изъ свое-житьевыхъ записокъ Богдана А. Дѣдицкого.)

(Продолженіе.)

Но составленье брошурки „Въ одинъ часъ“ имѣло было состоятись не такъ скоренько и легко, якъ оно произойшло съ ея прототипомъ, начертаннымъ мною въ г. 1848 въ Мостахъ Великихъ. Вѣдай та Мостенская росправка относилась не до живого, постоянному саморозвитію подлягающого русско-языкового организма, а относилась спеціально до славянской церковщины и якъ найблизше схожей съ нею старо-русчины (извѣстной уже тогда менѣ по „Несторовой лѣтописи“ и „Слова о полку Игоревѣ“), которыи то обѣ наши старовины молодшая генерація галицкой Руси съ укоризною стала называти „мертвечиною“, хотя та „мертвечина“ чрезъ посредство православной и уніатской церкви якихъ 100 милiоновъ Славянъ на сѣверо-и юго-востоцѣ Европы даже и нынѣ держитъ при исконнѣ-питомой ихъ жизни, да есть и во вѣки первоисточникомъ для обогащенія живущихъ нарѣчій всей Славянщины. И вѣдай кромѣ того честный батюшка о. Кириловъ, читая страницу св. Евангелія изъ нашей же Мостенской церкви, произносилъ лишь четыре буквы (**г, и, ѣ** и **е** по согласныхъ) съ отмѣннымъ выговоромъ, всѣ же прочіи буквы нашей кирилицы точнѣсенько такъ само, якъ произносимъ мы Русины-Галичане. Даже гласныи **о и е** въ словѣ п р о и д е т ъ читалъ онъ не по обиходно-московски p r a j d j o t, но по православно-церковному p r o i d j e t, чѣмъ и самъ собою заявлялся историчный фактъ, що христіянское православіе Москва получила отъ южной Руси.

Дальшіи мои туда относящіися занятія и студіи, якихъ цѣлію было близше розъузнати взаимно-національныи, по преимуществу языковыи и азбучныи соотношенія Малой и Великой Руси, имѣли слѣдуючій ходъ:

Изъ Великихъ Мостовъ, где я пробылъ время ничтожной револьты и бомбардаціи города Львова въ г. 1848, призвали мене весною 1849 г. въ успокоенный городъ сей друзья мои оо. И в а н ъ Г у ш а л е в и ч ъ и Н и к о л а й У с т і я н о в и ч ъ, первый, щобы помагати ему въ журналику „Новины“, а вторый за-для сотрудничества при новой политичной газетѣ „Г а л и ч о - р у с с к і й В ѣ с т н и к ъ“, учрежденной ц. к. правительствомъ въ противовѣсъ къ самой первой, но тогда будьто „сильно демократизующейся“ газетѣ „З о р я Г а л и ц к а“ (начавшей издаватися еще въ 15 мая 1848 г.).

За тѣмъ новымъ поворотомъ во Львовъ благосклонно принятый майже всѣми тогдашними труженниками на нивѣ нашей воскресающей словесности, я почувствовалъ себе якъ въ своемъ элементѣ и заровно якъ они писалъ кое-що изъ бѣглыхъ статеекъ до всѣхъ трехъ выше-помянутыхъ временныхъ изданій. Мы бо бачь не розличали себе другъ отъ друга якими-то меньшими или большими степенями демократизма, а всѣ въ еднакой мѣрѣ уважали себе правыми русскими демократами, такъ якъ аристократовъ въ подлинномъ ихъ смыслѣ у насъ давно уже и слѣдъ пропалъ. Важнѣйшимъ однакъ чѣмъ тѣ журнальныи сотрудія было для мене теперь тутъ во Львовѣ читанье попавшихся по первый разъ въ мои руки книжокъ русско-украинскихъ, якими изобильно снабжалъ мене професоръ Яковъ Головацкій изъ своей пребогатой домашней библіотеки. Весьма то не легко приходилось менѣ, яко свѣжо а уже нелихо нашу церковщину, старо-русчину и молоду галицкую русчину спознавшему, отчитывати великого Украинца Котляревского Энеиду, списанную отъ начала до конца дивною фонетикою, умѣлому правописанію нашего св. Евангелія и лѣтописца Нестора и пѣвца Игорева полка такъ страшно а страшно противною! Тогда чудовался я и жалѣлъ немало о столь великой измѣнѣ азбукового дѣла на украинской Руси, та думалъ съ горечію собѣ: хибань то уже яка Мазепинская месть заговорила тамъ самодержавной Москвѣ: „взяла ты намъ съ козацкою волею навѣть и письмо исконнѣ наше за свое, то мы на злость тобѣ придумаемъ для себе якій новый способъ писанья, а ввѣкъ не станемъ дальше писати своимъ давнымъ письмомъ, бо оно теперь ненавистно намъ яко московское“. Однакъ благородный украинскій Русинъ Котляревскій Иванъ не былъ Мазепинецъ, не Москвоѣдъ, а напротивъ онъ власне in gratiam Moscovitarum придумалъ свою фонетику, измѣнивши въ русской азбуцѣ лишь три найбольше тутъ инозвучныи гласныи **ѣ, и,** и **е** (по согласныхъ) на **и, ы** и **э**, дабы именно Москали, читая въ его Энейдѣ на пр. „вси гибнэмъ“ произносили то по нашему, по малорусски „wsi hybnem“. Лишь четверту инозвучную букву **г** Котляревскій оставилъ неизмѣнно чейже для того, що или не радъ былъ обезъобразити сфонетизованную тѣми змѣнами, но все таки общерусскую азбуку латинскою **h**, или же въ виду того, що даже и Москали иногда произносятъ букву **г** не якъ латинское **g**, но якъ **h** (на пр. Hospod', homon, hopak, hoj, hej, ha и прочіи того рода восклицанія).

Вообще больно поражала мене въ прекрасныхъ украинскихъ книжкахъ тая ихъ фонетика; а поражала не только по-тому, що она, розрывая тысячелѣтнюю связь съ нашею церковщиною и старо-русчиною, заведена была вовсе не для настоящей потребы малорусчины, а — якъ сказано — in gratiam или же и наперекоръ Москвы, да еще кромѣ того и безъ належитого соблюденія правилъ фонетизма. Тажь вѣдай самымъ вопіющимъ пренебреженіемъ тѣхъ правилъ („пиши, якъ говоришь“) является въ укра-

инской фонетицѣ межь прочими именно то, що на пр. двѣ коренныи самогласныи, йотованную **ѣ** (ji, je) и нейотованную **о̀** (звучающую якъ нѣмецкое ü или близко подхожеажь до **ы**) Котляревскій заступилъ буквою **и**, а послѣ него Кулишъ обще-европейскою **і**; коли межи тѣмъ оба тѣ коренныи звуки (**ѣ** и **о̀**) не только самы собою иначе у насъ выговорюются, но и рѣшительно вліяютъ на выговоръ предъидущихъ передъ ними согласныхъ. Всякій бо Русинъ цѣлкомъ иначе выговорює примѣромъ слова: **лѣкъ, сѣть, слѣдъ, снѣгъ, стѣна**, а иначе слова: **лѡ̀й, сѡ̀ль, слѡ̀й, снѡ̀гъ, стѡ̀лъ**. Отже щобы тутъ добре фонетично розличити выговоръ хотя-бы согласныхъ, то по правиламъ фонетизма слѣдовало бы хибань писати будь: **льік, сьіть, сьлыі, сьныіг, сьтыіна**, будь напротивъ, выкинувши тутъ **ь**-чикъ, за то посредствомъ соромно отверженного фонетиками **ёра** означати въ семъ другомъ случаѣ дебелое произношеніе тѣхъ-же согласныхъ и писати: **лъій, съіль, сълъій, съныін, сътъіл,** — а така фонетика, хотя уже и вѣрнѣйша своимъ правиламъ, выйшла бы очевидно не на полегченье, но на тѣмъ большое затрудненье въ письмѣ для Русина.

Но таки не смотря на чудовищну украинску фонетику, я вчитываясь въ справдѣ геніальныи творенія Котляревского и Основяненка, восторгался ними до такой степени, що ставилъ ихъ за первовзорецъ настоящей національной литературы для всѣхъ знаныхъ менѣ и незнаныхъ племенъ новожитной Руси. Я просто увлекался тою прелестною народно-самолюбною мыслію, що супротивъ всѣхъ великосвѣтскихъ яко-бы „панскихъ“ литературъ цивилизованного міра мы въ томъ-же мірѣ одни, мы Русины, слѣдуючи за сими нашими украинскими первовзорами, сотворимо якую-то новую, нигде еще не бывалую, цѣлкомъ просто-чи обще-людовую, демократичную литературу, якую въ противовѣсъ „къ панской“ хотя и назвати бы съ ровною честію хлопскою литературою. Такъ и сталъ я тогда искреннимъ Украинцемъ чи литературнымъ хлопоманомъ, и якъ многіи мои тогдашніи друзья, галицкіи Русины, знакомившіися съ молодою словесностію Украины, заучивалъ многое изъ Энеиды на-изъустъ та и запамятовалъ собѣ съ удовольствіемъ мѣткіи обороты слога и даже где-якіи ономатопейныи*) слова изъ украинскихъ прозаиковъ, записывяя тіи-же очевидно по нашему, а вовсе не фонетикою, которую всѣ люди

---

*) Ономатопеею называютъ искуственное образованіе новыхъ словъ подражая звуки природы. Прежніи лингвисты полагали, що такъ возникли вообще языки и одобряли искуственное образованіе новыхъ словъ такимъ образомъ. Нынѣшняя лингвистика отвергаетъ ту теорію и стоитъ за етимологическое словопроизведеніе, т. е. совѣтуетъ при образованіи новыхъ словъ послуговатись существующими корнями и строго соблюдати правила этимологіи данного языка. Прим. ред.

нашн уважали изъ самого взгляду на церковно-языковое единство Руси и сродной съ нею Славянщины великимъ неспасеннымъ зломъ.

Юношескіи мечтанія мои о якой-то идеальной хлопоманской литературѣ часто бывали не весьма мило охоложаемы реальными роботами, до якихъ 1849 г. принялся я по обязанности яко третій платный сотрудникъ „Галичо-русского Вѣстника“, (начавшого выходити съ д. 2 (14) Липня 1849 г.)

О тѣхъ-то реальныхъ роботахъ или дальшихъ надъ русчиною студіяхъ яко-же и о насъ всѣхъ четырехъ оныхъ студій соучастникахъ не безъинтересно чей буде кое-що близше тутъ розсказати.

Редакторомъ „Галичо-русского Вѣстника былъ 1) о. Николай Устіяновичъ, парохъ изъ Славска, отъ якихъ 10 лѣтъ хорошо извѣстный яко поэтъ подъ именемъ Николай изъ Николаева; сотрудниками же его были: 2) Иванъ Головацкій, молодшій братъ професора Якова, извѣстный яко соиздатель „Русалки Днѣстровой“ (1837 г.) и двохъ книжечокъ „Вѣнка“ (1846 и 1847 г.), довольно якъ и братъ его обзнакомленный съ славянскими языками; 3) Михаилъ Коссакъ, братаничъ знаменитого игумена ч. св. В. В., о. Иліи, а стрыйный братъ ставшого свѣтославнымъ польского маляря Юліяна Коссака, впрочемъ честно извѣстный яко правитель Львовской Ставропигійской печатни; наконецъ 4) я, наймолодшій изъ насъ всѣхъ четырехъ, а только-що зъ 1848 г. начавшій писати стишки подъ криптонимомъ Богданко. Всѣ три упомянутыи старшіи соучастники нашей редакціи, были лучше отъ мене ознакомлены не только съ нашею церковщиною, но и съ ново-украинскою литературою, а такъ якъ всѣмъ намъ приходилось толковати яку абстракціїными выраженіями переполненную официальную статью изъ нѣмецкого или даже книжне-польского языка, то неразъ не легко намъ было добрати соотвѣтныи слова изъ церковщины, да тѣмъ меньше изъ простолюдной украинщины, якое бы по согласному мнѣнію всѣхъ данный абстрактъ добре по русски выражало. А такъ якъ у насъ въ редакціи, ба въ цѣломъ нашомъ краю еще не было своерусского словаря, якимъ-бы тутъ возможно было якъ-такъ воспользоватись, то не дивно, що при тѣхъ терминологичныхъ занятіяхъ мы, послѣдуючи рѣшенію Собора нашихъ русскихъ ученыхъ изъ г. 1848, „щобы потребныи а недостающіи намъ термины занимати то изъ русской церковщины, то изъ другихъ братне-славянскихъ нарѣчій, заглядали неразъ до бывшихъ въ нашей редакціи словарей чешского и сербо-хорватского, да и находили въ нихъ иногда кое-що для насъ довольно подходящее (на пр. печатня, языкознаніе, книгохранилище, зрѣлище, зборище, училище и пр.); но вразъ же и немало недоумѣвали мы, що подъ тѣмъ взглядомъ найлучше намъ извѣстнымъ языкомъ найблизшихъ сосѣдъ Поляковъ почти меньше другихъ славянскихъ можемъ пользоватися. И пригадывали мы собѣ тог-

да тое, давно данное Славянамъ указаніе великого чешского слависта Іоанна Добровского, по которому будьто два найблизше съ собою сосѣдующіи племена, русское и польское, подъ взглядомъ нѣкоторыхъ языковыхъ свойствъ и формъ суть съ собою не близки, а больше другихъ отъ себе отдалены. Справдѣ бо наши русскіи „книга, князь“, вспольныи впрочемъ всѣмъ другимъ дальнѣйшимъ Славянамъ на югѣ и на западѣ, у однихъ Поляковъ звучатъ значительно иначе: „księga, ksiązę“, а также далеко отходятъ отъ себе на пр. общерусскіи глаголы „смотрѣти, кинути, кликати, говорити“ отъ общепольскихъ „patrzeć, rzucić, wołać, mówić“, бо ніякій Русинъ не скаже „патрати, рутити, волати“ а также не совсѣмъ въ польскомъ смыслѣ скаже „мовити*)“, яко и Полякъ не скаже „smotrzeć, kinąć, klikać“, а если и скаже „gwarzyć“, то не въ смыслѣ русского „говорити“ (sprechen), но „балакати“ (plaudern).

Такимъ дѣломъ немало польскихъ терминовъ, якіи посредствомъ польскихъ проповѣдей въ русскихъ церквахъ или же за вліяніемъ ополяченыхъ дворовъ завелись въ говорѣ нашего народа, якъ на пр. „цнóта, опáтрѣнье, зрáда, зрáдникъ, збродня́рь, повóланье“ дальше „вы́рокъ, жондъ, жондца, ксендзъ, зволыва́чъ, гми́на“ и пр., мы очевидно уважали такъ до крайности противными природному генію русского языка, що безусловно заступали ихъ терминами нашего „пріобрѣтенія“, якъ то „добродѣтель“ или (по Коссаку) „честнотá, провидѣнье, измѣна, измѣнникъ, престу́пникъ, пóкликъ“ или „звáніе“, дальше „зáсудъ, правúтельство, управúтель, священникъ, скликýнъ, громада“ и пр. И тѣ и подобныи русскіи термины мы якъ и другіи наши печатныи изданія вводили постоянно въ „Галичо-р. Вѣстнику“ вовсе безъ огляду на то, що нашъ редакторъ Н. Устіяновичъ, посѣщая для информацій еженедѣльно губернатора гр. Агенора Голуховского, принужденъ былъ за каждымъ разомъ слу-

---

*) Мой бл. п. отецъ Андрей, родившійся изъ фамиліи „Дѣдичей“ въ 1785 г. въ русскомъ мѣстечку Радымнѣ, рѣшительно твердилъ, що за его молодыхъ лѣтъ всюда Русины подъ словомъ „мовити“ розумѣли то само, що „думати, гадати“ (нѣм. meinen, на пр. „я мовивъ, що ты мудрый, а ты дурень),“ а только зъ г. 1809, коли онъ сталъ священникомъ и завелъ якъ майже всѣ русскіи „ксендзы“ въ нашихъ церквахъ проповѣди („мовы“) по польски, смыслъ слова „мовити“ получилъ въ народѣ польское значеніе. По увѣренію моего отца сущест. имя „мова“ передъ польскими „казанями“ имѣло у насъ смыслъ старорусского „молвá (Gerücht“); говорили на пр. „мóва ходитъ, що буде вóйна“ и близкое тому „за вовка — помовка“; въ смыслѣ же лат. „sermo (Gespräch)“ Русь говорила „бесѣда, розговоръ“, а въ смыслѣ lingua „языкъ“. Также вмѣсто „отмова“ говорено „отказъ“, вм. „умова“ — „уговоръ“, а „розмова” имѣла больше эротичное значенье, якъ то въ пѣсняхъ народныхъ милыи даже нынѣ титулуютъ себе взаимъ: „моя ты розмово, розмовонько“!

хати отъ тогожь официозно строгіи упреки, що будьто и мы „такъ само, якъ москвофильска „Зоря Галицка“ мову русского люду въ Австріи москвитизуемъ*).

А що тіи упреки тогдашнёго намѣстника гр. Голуховского, знавшого досыть хорошо книжный языкъ великорусскій, не были таки безъ певной раціи, о томъ вскорѣ же мы самы найшли способность увѣритись. Якось бо на третій мѣсяцъ нашей терминологоманіи наспѣлъ до насъ почтою изъ Липска выписанный Устіяновичемъ малый „Карманный русско-нѣмецкій и нѣмецко-русскій Словарь“ І. А. Е. Шмида, которымъ намѣряли мы вотъ хоть-бы такъ пользоватись, якъ до той поры пользовались нашею церковщиною и по части словарями чешскимъ и сербо-хорватскимъ.

(Далше будетъ).

Корреспонденція Дениса Зубрицкого съ Копитаромъ.

Тридцятыи и сороковыи годы минувшого столѣтія, когда національное движеніе охватило яснымъ пламенемъ мало не всю Европу, характеризуются живою перепискою между славянскими учеными. Сознаніе племенного сродства славянскихъ народовъ, проявившееся у славянскихъ ученыхъ, заставляетъ ихъ войти съ собою въ духовное общеніе, а такъ якъ тогда газетная литература была еще слабо розвита и цензура ложилась гнетущимъ бременемъ на науцѣ, то частная переписка была мало не единственнымъ способомъ для свободной передачи своихъ мыслей, чувствъ и стремленій. Писали тогда къ себѣ письма: чешскіи, русскіи, галицко-русскіи, сербскіи, польскіи, словацкіи ученыи, слависты, историки и литераторы. Письма ихъ, если они где не подвер-

---

*) Гр. А. Голуховскій такъ усильно охоронялъ нашу „мову отъ zmoskwiceniа“, що не допускалъ намъ печатати газеты и журналика — хрань Боже гражданкою, то тую уважалъ спеціально московскою. А вѣдай еще въ 30-тихъ годахъ м. ст. професоръ польской литературы г. Михалевичъ (таки нашъ Русинъ) училъ въ Львовскомъ университетѣ и писалъ въ редагуемыхъ нимъ съ официальною „Gazet-ою Lwowsk-ою“ „Rozmaitościach“, що царь Петръ Великій занялъ гражданку отъ насъ русскихъ Галичанъ, и потому то гражданка за временъ того царя въ Россіи имѣла называтись „круглымъ галицкимъ письмомъ“. Не понимаю, на чемъ проф. Михалевичъ (чи може другъ его, граматикъ нашъ Іосифъ Левицкій) основывалъ то преданіе о нашей гражданцѣ, однакъ примѣчаю, що той-же проф. Михалевичъ былъ изъ роду поповичъ и я таки лично былъ на его русскомъ похоронѣ во Львовѣ.

глись уничтоженію и сохранились, суть теперь для насъ источникомъ для познанія психики относительныхъ личностей и для розъясненія многихъ явленій въ тогдашнихъ литературно-научныхъ и политическихъ движеніяхъ.

Обсужденіе литературныхъ, научныхъ, политическихъ, религіозныхъ и вообще житейскихъ вопросовъ посредствомъ писемъ не есть исключительною принадлежностію первой половины 19-го вѣка. Письмописаніе или эпистолографія розвилась яко своеобразное литературное явленіе еще въ глубокую древность. Писали письма по научнымъ дѣламъ греческіи философы, якъ Гераклитъ, Пиѳагорасъ, Платонъ, Аристотель, римскіи политики по почину Катона, прежде всего Цезаръ и Цицеронъ, философъ Сенека, Плиній молодшій и др.

Въ первыхъ вѣкахъ христіанской эры „посланіе“ (epistola) было почти единственною формою сочиненій излагавшихъ христіанское вѣроученіе и нравоученіе, внутренній и внѣшній бытъ христіанъ. Розъясняли науку Христа посредствомъ писемъ св. Іеронимъ, Августинъ и другіи — схоластическая и средневѣковая ученость возвела умѣнье составляти письма до реторического искусства и школы ея упражняли своихъ учениковъ въ томъ предметѣ. Важное значеніе имѣла эпистолографія также въ византійской литературѣ съ 8-го по 15-ій вѣкъ, такъ якъ она имѣла общественный публицистическій характеръ; изъ представителей ея выдаются Ѳеодоръ Студитъ, Николай Мистикъ, патріархъ Фотій, Ѳеофилъ Болгарскій, Михаилъ Пселъ, Мануилъ Палеологъ, кромѣ другихъ.

Русская эпистолярная литература еще мало изслѣдованная. На Руси, съ основаніемъ русской церкви, являются посланія первыхъ русскихъ митрополитовъ, имѣвшіи характеръ святоотеческихъ посланій патристическаго періода. „Посланія“ тѣ имѣютъ форму письма, сочиненія же составленныи систиматически по правиламъ діалектики называются здѣсь „словами“ (греческое „логосъ“, латинское tractatus). Въ южной Руси, въ 17-омъ вѣцѣ, когда тутъ шла горячая борьба православія съ латинствомъ и уніею, посланія между братствами и виднѣйшими представителями русской народности служили средствомъ для взаимного ободренія и соглашенія въ общенародныхъ дѣлахъ.

Наши галицко-русскіи дѣятели первой половины 19-го вѣка тоже считали письмо важнымъ орудіемъ духовного общенія съ своими одномышленниками и роспространенія своихъ идей. Они тѣ письма, по видимому, тщательно оберегали, такъ що значительная ихъ часть могла достатись въ библіотеку „Народного Дома“ и можетъ намъ служити хорошимъ источникомъ для ознакомленія съ нашимъ прошедшимъ. Особенно ревностнымъ ихъ собирателемъ былъ о. пралатъ А. С. Петрушевичъ, вѣрно понимавшій задачи исторической науки — и его то заботамъ мы обязаны спасеніемъ цѣнного матеріала, который — (не будь о. Петрушевича) — навѣрно погибъ-бы.

Такъ заслугою о. Петрушевича есть, що сохранилась часть корреспонденціи Діонизія Зубрицкого, отыгравшого виднѣйшую роль въ исторіи возрожденія Галицкой Руси. Въ той корреспонденціи (находящейся въ библіотецѣ „Народного Дома“, отдѣленіи: Музей Петрушевича) особенный интересъ представляютъ письма въ чернѣ Зубрицкого къ Копитару, который въ Вѣнѣ состоялъ цензоромъ славянскихъ и греческихъ книгъ и библіотекаремъ императорской библіотеки. Копитарь былъ человѣкъ сильного ума, обширныхъ познаній и своими сочиненіями принесъ огромную пользу науцѣ славяновѣдѣнія. По своимъ религіознымъ и политическимъ убѣжденіямъ — онъ былъ католикъ — ультрамонтанъ, высоко ставившій іезуитовъ, ненавидѣвшій восточную церковь и Россію и всецѣло преданный австрійскому правительству.

Д-ръ Кирилъ Студинскій въ своемъ сочиненіи „З кореспонденціи Дениса Зубрицкого (1840—1853). Записки Наукового Товариства им. Шевченка. Т. XLIII Львовъ 1901“ обнародовилъ четыре письма Копитара до Зубрицкого. Найденныи въ „Музеѣ о. прал. Петрушевича“ письма Зубрицкого къ Копитару суть отвѣтомъ на оныи и дополняютъ публикацію проф. Студинского.

Копитаръ обратился къ Зубрицкому письмомъ изъ Вѣны 18 іюня 1843 г. съ просьбою объ объясненіяхъ касательно нѣкоторыхъ библіографическихъ вопросовъ и даньше пишетъ: „Ваши три ипотезы касательно проникнувшихъ черезъ Сянъ даже близко къ Кракову русиновъ могъ-бы я дополнити четвертою: они только сѣверною вѣтвію южнокарпатскихъ венгерскихъ русиновъ. Долженъ-ли св. Владиміръ владѣти даже до источниковъ Вислы? Напротивъ русины должны — послѣ Коля (Kohl) — обойтись безъ великороссовъ и, довольствуясь собою, сами печатати своего Каминского и пр. Вѣдь прусскихъ нѣмцовъ даже нѣтъ столько! А потомъ вашъ просвѣщенный и благопристойно дотованный клиръ — не жаль-ли его! Изъ 15 милліоновъ русиновъ вы четыре милліоны въ Галичинѣ и Венгріи есьте цвѣтомъ и вы должны оныхъ прочихъ пересолити (durchsalzen), а не дати себе въ силу матеріального закона большой массы перетащити на ихъ сторону. Sed quo musa tendis, desine perdicax! На всякій случай для васъ теперь самая благопріятная пора, абы съ римской и нѣмецкой стороны на ваши всѣ справедливыи или только оправданныи жалобы вамъ помочи. Що стоитъ митрополиту поѣхати въ Римъ, ибо лично онъ сдѣлаетъ черезъ недѣлю больше, якъ посредствомъ carta cauta цѣлыми лѣтами. Я цѣлую зиму былъ въ Римѣ, и знаю, якъ вамъ тамъ благоволятъ. Когда мене спросили, чѣмъ можно вамъ пріятность сдѣлати, я ихъ отослалъ къ его превосходительству (митрополиту Левицкому прим. ред.), желанія и взгляды которого они должны прежде всего познати. Но, якъ я сказалъ, путешествіе въ Римъ все приведетъ въ порядокъ; кардинальской шляпѣ въ самомъ неблагопріятномъ случаѣ будетъ предшествовати примасъ Галиціи (einem Cardinalshut würde im schlimmsten Falle selbst ein Primas Galiciae die Praecedenz lassen müssen)...“

„Могу-ли я оговорити немного ваши пастырскіи посланія? Въ первомъ*) не понравилось только доказательство для примата (юрисдикціи) папы изъ школьного учебника (Klüpfel). Дальше не всѣ отцы въ Флоренціи подписались, а тѣ, що подписали, на свободѣ въ большей части взяли обратно**). Нужно было обратити вниманіе на бесѣды Филарета и хотя бы, не называя ихъ, опровергнути. Що помогаютъ пастырскіи посланія, если Филаретъ, Ферникау и Булгарисъ остаются нетронутыми. Такъ сдѣлалъ также Шармоа безполезнымъ свое persécution односторонпею и иногда смѣшною ревностію, объявляя н. пр. двѣ натуры въ Христѣ яко exécrable hérésie, или считая невозможностію и неправдою, що папа воспретилъ перемѣну обряда въ Польщѣ. Сожалѣю, що вы напечатали похвальное бреве, ибо проектъ папы касательно аверрункаціонного приказа противъ реуніи (eines Averruncatinns-Gebots contra reunionem“,) якъ и римского пріюта (Kleinkinderanstalt) для кандидатовъ духовного званія, въ виду публики больше вредитъ, чѣмъ помогаетъ . . . Впрочемъ немало розсчитываю на ваше благоразумѣе (Discretion). Его Превосходительству можете все сообщити, впрочемъ все сказано Tibi soli — якъ само собою розумѣется въ того рода дѣлахъ.

На то отвѣтилъ Зубрицкій 5 іюля 1843 г.:

„Ваше Высокоблагородіе! Ваше письмо, которымъ Вы честь менѣ сдѣлати изволили, я получилъ нѣсколько дней тому назадъ. Чего могутъ Ваше Высокоблагородіе ожидати отъ 66-лѣтняго старца, занимавшогося въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ библіографическими изслѣдованіями, предавшогося однако затѣмъ серіознѣйшимъ должностямъ, память которого совсѣмъ ослабленная? Щобы однако удовлетворити порученію, сдѣлавшему менѣ честь, списую не одно, що я въ состояніи себѣ вспомнити.“

Здѣсь Зубрицкій поясняетъ, що clericus Ostrogiensis, относительно котораго Копитаръ проситъ о поученіе, былъ нѣкто Christophorus Bronski, аріанинъ, принятый княземъ Константиномъ Острогскимъ на поборника „схизмы“ и вознагражденный за свои полемическіи сочиненія имѣніемъ Вильскъ. Ему можно бы приписати такъ Апокризисъ противъ Берестейского Собора, якъ и „Исторію Розбойнического Собора.“ Противъ Апокризисъ написалъ Петеръ Аркудій Антиррезисъ. Аркудій былъ грекъ изъ

---

*) Въ пастырскомъ посланіи отъ 10 марта 1841 г. сослался митр. Левицкій, говоря о первенствѣ папы, на „Klypff Instit. Theol. Dogm.“ и „Das katholische Glaubensprinzip.“

**) Митр. Левицкій писалъ въ своемъ посланіи: Mądrze ze wszechmiar i gruntowne było postanowienie Greków, którzy w czasie soboru florenckiego, wyprzysiągłszy się błędu Focyusza i Cerularyusza dawniejszą jedność z kościołem zachodnim przyjęli.

Корциры, докторъ филос. и медиц., жилъ на дворѣ Ипатія Поцѣя, написалъ свое сочиненіе по латини, ибо не владѣлъ совершенно польскимъ языкомъ, и одинъ уніятъ изъ Вильны перевелъ его на польскій языкъ. По смерти Поцѣя Аркудій отправился въ Римъ (1613 г.), жилъ въ греческой коллегіи и имѣлъ тамъ свою Антиррезисъ напечатати также по латини. Онъ написалъ также большое сочиненіе „De concordia ecclesiae occidentalis et orientalis in septem sacramentorum administratione. Parisiis 1610. Кто въ возраженіи на „Розбойническій Соборъ“ отъ 1604 подъ „ИАМК“ долженъ подрозумѣватись, Зубрицкій навѣрно не знаетъ — догадывается только, що то литовскій уніятъ Іоаннъ Александровичъ Масловскій. Энгель такъ въ изложеніи религійныхъ споровъ, якъ и въ исторіи есть очень недостаточнымъ — то примѣтилъ Зубрицкій въ своей исторіи Галиціи, которую цензура ему возвратила для переработки. Тоже скудны въ томъ отношеніи Бантышъ-Каменскій и Срезневскій въ „Запорожской Старинѣ“ — можетъ больше найдется въ „Исторіи Малороссіи“ Николая Маркевича 1842, которой однако Зубрицкій еще не читалъ.

Сопиковъ I Ч. ст. 9 N. 69 называетъ невѣрно Мелетія Смотрицкого сочинителемъ Апокризисъ 1597, ибо первое его сочиненіе (Треносъ) появилось только 1610. Также ошибается Евгеній стр. 46. II, дѣлаючи изъ Евстафія Гизеля племянника Смотрицкого. Гизель былъ пруссакъ, протестантъ, принявшій православіе, якъ то онъ самъ подаетъ.

Зубрицкій радо принимаетъ ипотезу (письма Копитара) касательно роспространенія русского населенія къ Кракову и не подѣляетъ мнѣнія нѣкоторыхъ писателей (также легковѣрного Шафарика) будьто венгерскіи русскіи тамъ позднѣйше пришли.

Владѣлъ-ли Владиміръ даже до источниковъ Вислы и по Галичъ, не есть доказано; исторія говоритъ только о занятіи города Перемышля и Червенска (нынѣ Червоногорода въ Чортковскомъ окрузѣ), що однако его потомки роспространили свои владѣнія по Карпаты не подлежитъ сомнѣнію.

Дальше слѣдуетъ самая замѣчательная часть письма, которую наводимъ въ дословномъ переводѣ:

„Ваше Высокоблагородіе желаютъ, абы мы четыре милліоны русиновъ (Russinen) воздѣйствовали на заграничныхъ одинадцятъ милліоновъ. Якимъ способомъ и якимъ образомъ?... Тутъ насъ ненавидятъ. Начавшійся передъ столѣтіями полонизаційный процесъ идетъ безпрепятственно своею колеею и къ большему огорченію нашего народа мы теперь видѣли въ государственную измѣну замѣшанныхъ русиновъ, чего прежде не было, ибо русинъ всегда вѣрный Богу и своему владѣтелю. И якіи матеріальныи выгоды можетъ наше духовенство предложити заграничному? Ходѣтъ, смотрѣтъ! У насъ польскіи патроны церквей (которыхъ у васъ нѣтъ) мука для русского (russischen) приходника. Послѣ 14-лѣтней науки мы получаемъ 200 рублей оклада, когда наши польскіи товарищи тысячи росточаютъ. Не получимъ

прихода, то яко кооператоры должны довольствоватись вмѣстѣ съ женою и дѣтьми 100 рубл. Такіи матеріальныи выгоды не будутъ имъ вкусными — необходимо имъ отсюду предложити другіи... У васъ на пр. духовенство представляетъ господствующую церковь, а наше — только нѣсколько больше терпимою; вы имѣете первенство передъ духовенствомъ другихъ вѣроисповѣданій — мы стоимъ позади латинского духовенства: вы духовными отцями знати и черни — мы попами хлоповъ. У васъ говорятъ, що ваше духовное сословіе есть самое почтенное — у насъ учатъ въ моральномъ богословіи послѣ Штапфа (Stapf Theologia moralis II editio II p. 352), що женатый священникъ не есть способный исповѣдати вѣрныхъ. Вамъ ваших прихожанъ никто не можетъ отбирати, мы же должны или безпрерывно безуспѣшную борьбу вести съ латинскимъ клиромъ, похищающимъ намъ нашихъ прихожанъ, или мы принуждены терпѣти и молчати.

(Дальше будетъ).

Изъ исторіи латинской церкви на Руси.

(К о н е ц ъ).

Съ смертію Романа подъ Завихостомъ 1205 г. галицкая земля досталась въ сферу венгерского вліянія. Въ 1206 г. король Андрей II, яко опекунъ Даніила и Василія, принимаетъ титулъ короля „Galiciae et Lodomeriae“, овладѣваетъ въ 1214 г. Галичемъ и вскорѣ затѣмъ коронуетъ сына своего Коломана королемъ той земли. Съ той поры господство венгровъ продолжается съ промежутками до 1234 г., затѣмъ и вліяніе латинской церкви въ продолженіе того времени имѣло открытый путь. Андрей II ввелъ численный латинскій клиръ, который началъ тотчасъ усердную католическую пропаганду. Однако владѣніе венгровъ было слишкомъ короткое и съ перервами, такъ що вліяніе латинской церкви въ галицкой земли не могло утвердитись. Единственнымъ слѣдомъ по немъ есть старый романскій костелъ въ близи Галича, нѣкогда церковь св. Панталеймона — позже латинскій костелъ св. Станислава.

По причинѣ венгерского вліянія прекратилась юрисдикція любушскихъ епископовъ, по смерти Романа, при Даніилѣ же въ 1232 или 1233 г. цистерсь Герардъ назначенъ былъ епископомъ для Руси. Слишкомъ далекое отстояніе любушского епископства не дозволило помѣшати посвященію отдѣльного епископа для Руси, Герарда. Только по смерти Герарда въ 1256 г. епископъ любушскій заявилъ свои претенсіи на Русь, ссылаясь на обладаніе своими правами съ незапамятныхъ временъ, однако его

старанія имѣли мало успѣха. Не смотря на шаткость стремленій, щобы на Руси учредити постоянную организацію латинскую въ видѣ отдѣльного латинского епископства, ростъ католицизма идетъ здѣсь впередъ, благодаря трудамъ двохъ миссіонерскихъ орденовъ: доминиканцевъ и францисканцевъ.

Польскіи доминиканцы, изгнанныи изъ Кіева въ 1233 г., основали новый кляшторъ въ Галичѣ 1238 г. и своею устойчивою пропагандою довели до того, що мысль соединенія съ западною церквою все больше роспространялась среди русиновъ и впослѣдствіи конкретно выразилась въ уніи Даніила. Папа Александръ IV. пожаловалъ доминиканцамъ численныи привилегіи — не смотря на то, они, послѣ сорванія уніи Даніиломъ, теряютъ свое вліяніе на Руси такъ съ причины возобновившогося венгерского вліянія, якъ и новой миссійной организаціи внутри сего ордена. Именно Левъ, сынъ Даніила, женился на Констанціи, дочери Белы IV, и преклонился на сторону венгровъ. Относительно же новой организаціи миссійної среди доминиканцевъ — то въ началѣ 14-го вѣка возникла въ семъ орденѣ особая конгрегація „Societas fratrum peregrinantium propter Christum inter gentes“ (Общество братей странствующихъ ради Христа среди язычниковъ), состоявшая изъ членовъ назначеныхъ поодинокими провинціями ордена и утвержденныхъ генераломъ. Конгрегація имѣла своего викарія. Вслѣдствіе того миссійная дѣятельность не зависѣла, якъ прежде, отъ поодинокихъ провинцій ордена, но отъ его начальства: миссіонары происходили изъ розличныхъ краевъ и розличной были національности. Генеральнымъ викаріемъ обыкновенно былъ итальянецъ, або розсѣянныи итальянскіи купеческіи колоніи на Востоцѣ подавали головную подпору миссіонарамъ. Средоточіями тѣхъ колоній были Пера въ Цареградѣ и Каффа въ Крымѣ. Такъ якъ при такомъ положеніи дѣла дѣятельность той „Societas peregrinantium fratrum“ сосредоточалась головно вокругъ итальянскихъ колоній, то трудъ ихъ на Руси ослабѣлъ; у нихъ былъ только одинъ домъ въ Львовѣ.

Съ большимъ успѣхомъ розвивалъ свою дѣятельность въ Червонной Руси орденъ францисканцевъ, которыи поддерживаемыи Болеславомъ Стыдливымъ и его женою Кингою явился въ Польщѣ въ первый разъ въ 1237 г. и стали своимъ миссійнымъ трудомъ соперничати съ доминиканцами. Около 1241 г. они прибыли въ Перемышль. Кажется въ Кременцѣ на Волыни татары около 1247 г. убили двохъ францисканцевъ. Списокъ францисканскихъ колоній, относящійся къ 1260 г. наводитъ русскую кустодію, принадлежавшую викаріяту въ Босніи. Успѣхъ ихъ дѣятельности былъ таковъ, що дочь князя Льва и Констанціи поступила въ кляшторъ клярисокъ въ Новомъ Сончѣ, где умерла въ 1302 г. Дѣятельность миноритовъ въ Червонной Руси постоянно усиляется въ продолженіе 14 в., такъ що тѣ земли составляютъ уже въ 1345 г. особую самостоятельную викарію францисканцевъ (vicaria Russia), обнимавшую до-

мы въ Львовѣ, Городку, Галичѣ, Коломыѣ и Снятинѣ. Тѣмъ своимъ положеніемъ францисканцы обязаны были кн. галицкому Болеславу Тройденовичу, способствовавшему католицизму, особенно же благоволившему оному ордену.

Такъ, благодаря дѣятельность тѣхъ обоихъ орденовъ, католицизмъ розспространяется въ Червонной Руси, упроченіе уже извѣстной постоянной латинской организаціи сталось возможнымъ только послѣ присоединенія тѣхъ земель Казимиромъ вел. къ Польщѣ въ 1340 г.

Казимиръ вел., средневѣковый католическій монархъ, былъ выраженіемъ духа своего времени, въ которое все еще вѣроисповѣдныи цѣли стояли на первомъ планѣ государственной политики. Забота объ установленіи и упроченіи латинской церковной организаціи на Руси должна была затѣмъ состоятись одною изъ руководящихъ мыслей его политики. Въ той политицѣ Казимиръ пріобрѣлъ себѣ союзника въ римской куріи, признавшей ему даже финансовыи средства изъ уплатъ, принадлежавшихъ куріи отъ польского духовенства. Казимиръ для пропаганды латинства на Руси употребилъ доминиканцевъ и францисканцевъ, особенно послѣднихъ, изъ среди которыхъ избиралъ себѣ духовниковъ, и стараясь устранити юрисдикцію любушского епископа на Руси, учредилъ самостоятельныи латинскіи епископскіи столицы тамъ, где были православныи епископскіи каѳедры. Съ причины такого стремленія возникли споры между нимъ а любушскимъ епископомъ, кончившіися договоромъ въ Калишѣ 1368 г. Вслѣдствіе стараній Казимира возникли латинскіи епископскіи каѳедры въ Перемышлѣ (начало того епископства, кажется, надо отнести къ времени Болеслава Тройденовича, званного Юріемъ II), Володимирѣ и Холмѣ. Около 1367 г. былъ посвященъ галицкимъ латинскимъ архіепископомъ нѣкто Кристинъ. Хотя епископскіи столицы не были еще упроченныи и существованіе митрополіи не было обезпеченное, однако сдѣланное Казимиромъ сталось проложеніемъ пути и приготовленіемъ для преднамѣряемой постройки латинской церкви на Руси. Преемникъ его, намѣстникъ Червонной Руси, Владиславъ Опольскій, опираясь на помощь Людвика венгерского. началъ предпринимати старанія въ Авиньонѣ касательно устройства правильной организаціи латинской церкви на Руси и папа Григорій XI. призналъ церкви: галицкую, перемышльскую, володимирскую и холмскую каѳедральными, освободивши ихъ отъ всякой юрисдикціи любушского епископа. Онъ издалъ 13 февраля 1375 г. буллу, которая, лишая любушскихъ епископовъ разъ на всегда искаемыхъ правъ, галицкую церковь объявила архіепископскою или митрополитальною, церкви же перемышльскую, володимирскую и холмскую суфраганіями оной. Первымъ архіепископомъ былъ нѣкто Матѳей, изъ бѣлого духовенства, титуловавшій себе однакъ electus archiepiscopus Lemburgensis. Тотъ титулъ объясняется тѣмъ, що послѣ учрежденія галицкой митрополіи Владиславъ Опольскій просилъ папу о пе-

ренесеніи столицы митрополіи изъ обезлюдненного и на татарскіи вторженія выставленного Галича въ Львовъ. Однако предосмотрительность и взгляды на законныи основы требовали, абы прежде установити латинскіи епископства тамъ, где были русскіи, а только послѣ старатися о соотвѣтственныи перемѣны въ той организаціи. Матѳей не дождался однако посвященія на львовского архіепископа и потому преемникъ его, Бернардъ, посвятился уже только въ галицкіи митрополиты. Столица латинской митрополіи была перенесенная въ Львовъ только при Владиславѣ Ягайлѣ въ 1412 г.

Вмѣстѣ съ устройствомъ епископскихъ каѳедръ и галицкой митрополіи въ силу буллы Григорія XI отъ 1375 г. надо было подумати объ упроченіи ихъ существованія на ширшихъ матеріальныхъ основахъ. И такъ Владиславъ Опольскій пожаловалъ галицкому архіепископству Рогатинъ, замки Олеско и Тустань съ округами и селами, домъ вт Львовѣ въ верхней части рынка, десятую часть львовскихъ пошлинъ и десятину отъ соли въ Дрогобычѣ и Жидачевѣ. Королева Марія пожаловала 3 апрѣля 1384 г. перемышльскому епископству Березовъ и Домарадзъ, лежащіи при Стобницѣ, Ровное, Цергову и Радымно. Петръ Стрыйскій прибавилъ къ сему 8 мая 1385 г. свое село Пникутъ.

Въ несполна нѣсколькодесяти лѣтахъ послѣ занятія Червонной Руси Казимиромъ вел. католицизмъ запустилъ глубокіи корни на русской почвѣ, пріобрѣвъ при помощи польского правительства черезъ установленіе латинской галицкой митрополіи выгодныи условія для дальшого своего розвитія.

Владимировичь.

Замѣтка къ статьѣ ч. 1. „Вѣстника Нар. Дома“: „Любовное приключеніе Ивана Вагилевича.

Отъ одного почтенного старика, сохранившого въ памяти традицію 30-ыхъ и 40-ыхъ годовъ минувшого столѣтія, получили мы слѣдующее замѣчаніе относительно статьи въ ч. 1. „Вѣстника Нар. Дома“ подъ заглавіемъ: „Любовное приключеніе Ивана Вагилевича“.

„Въ 30-тыхъ и 40-выхъ г. минувшого столѣтія галицко-польская интеллигенція, особенно часть ея изъ шляхетской среды при живомъ своемъ темпераментѣ, отличалася рѣзвостію и находила самое большое удовольствіе въ устроиваніи шутокъ и всякого рода проказъ. Умѣти бавити въ частномъ собраніи другихъ остротами и смѣшными розсказами считалось необходимою принадлежностію хорошого сотоварища; только такого любили въ обществѣ. Но не кончилось на однихъ словахъ — часто съ просто-

сердечными лицами устроивались формальныи комедіи, послѣдовательно переведенныи съ искусно созданными сценами, запутанностію и розвязкою.

„Предметомъ такихъ проказъ ставались часто нѣмцы — и чехи — чиновники, наши русины — нѣмецкіи учители. Съ по слѣдними устроивати шутки было забавою школьной молодежи. Та черта въ нравѣ тогдашнихъ людей сообщилася также между иными питомцамъ львовской духовной семинаріи и загнѣздившаяся тогда въ ней наклонность къ проказамъ продолжала себе заявляти долго еще посдѣ 1848 г. Сдѣлати якую шутку или проказу, или по крайней мѣрѣ похвалитись вымышленною, считалось знаменамъ ловкости, смѣтливости и находчивости“.

„Не все розсказанное Яковомъ Головацкимъ о Вагилевичѣ можно считати правдою — много въ немъ того рода. що составляло вымыселъ — продуктъ фантазіи для веселыхъ розсказовъ. Изъ того можно только вывести заключеніе, що простосердечный Вагилевичъ служилъ предметомъ потѣхи для кружка людей, среди которыхъ обращался, и позволялъ бавитись своею особою, находя въ томъ также забаву для себе“.

„Слухи, щобы женщина писавшая къ Вагилевичеву письма изъ Кракова, была Вильконскою — не сутъ оправданныи“.

„Веселую, беззаботную жизнь поддерживала тогда внутренняя политика Меттерниха. Хорошимъ благонадежнымъ гражданиномъ былъ тотъ, кто не занимался ни литературными, ни общественными вопросами. Достаточно было, быти мрачнымъ и ни только серіознымъ и заниматись литературою, обсуждати вопросы политики, національности и науки, щобы попасти въ подозрѣніе неблагонадежности. Серіозность мысли поддерживала тогда въ Галичинѣ польская эмиграція, конечно, направляя ее на польсконаціональный путь и вовлекая много изъ русской молодежи. Головацкій, серіозно смотрѣвшій на задачи жизни, далъ выраженіе свому негодованію на такое безмысленное и только въ чувственную сторону неправленное состояніе духа тогдашнихъ русиновъ въ своей брошюрѣ „Hawryło Rusyn. Zustände der Russinen in Galizien 1846“. Неудивительно, если онъ осуждалъ также Вагилевича за то, що сей далъ себе вовлекати въ оного рода забавы.“

Съ благодарностію принимаемъ тѣ замѣчанія,

Изд. Инст. „Нар. Домъ“. — За редакцію отвѣчаетъ Ф. И. Свистунъ.

Изъ Ставропигіиской типографіи, подъ управленіемъ Мих. Рефця.

Ч. 4. Львовъ, апрѣль 1906. Годъ XXIV (II)

ВѢСТНИКЪ
„НАРОДНОГО ДОМА".

Выходитъ разъ въ мѣсяцъ. — Предплата въ годъ 2 кор. Редакція и администрація : Львовъ, улица Театральная Ч. 22.

Где-що до исторіи азбуки и языка Галицкой Руси.

(Изъ свое-житьевыхъ записокъ Богдана А. Дѣдицкого.)

(Продолженіе.)

Робота съ придумываньемъ чи кованьемъ отвлеченно-понятныхъ терминовъ ишла намъ иногда весьма утяжливо. Самъ о. Устіяновичъ, еще въ г. 1848 ревно участвовавшій въ собраніи галицко-русскихъ ученыхъ и часто дописывавшій до первой нашей политичной газеты „Зори Галицкой", где такіи термины неразъ бывали въ употребленіи, или не могъ теперь якъ-стôй ихъ собѣ пригадати, или же хотя и пригадалъ, но не вполнѣ ними задоволенъ, яко поэтъ буйной (якъ самъ сознавался „наповидной") фантазіи, радъ былъ утворити-выковати щось нового, щó однако не всегда ему удавалось. Одинъ только Ив. Головацкій, изъ-давна якъ-такъ познавшій книжный великорусскій языкъ, таки за каждымъ разомъ, коли у насъ зайшла потреба отдати по русски яку нѣмецку абстракційную фразу, сей-же часъ якъ изъ рукава выдавалъ намъ ю въ такомъ настояще-русскомъ смыслѣ, що мы майже всегда принимали ю за свою будь всецѣло, будь съ тѣмъ маленькимъ измѣненіемъ, що полную форму существительныхъ, заподанныхъ намъ Головацкимъ, перетворяли въ скороченную, яко-бы по нашему мнѣнію „больше малорусскую". И такъ на пр. его „отношеніе, рѣшеніе, мнѣніе, условіе" и пр. такое - **ie** мы замѣняли скороченнымъ видомъ „ôтношенье, рѣшенье, мнѣнье, условье" и пр., на що Головацкій безусловно соглашался, твердячи съ резономъ, що „народъ нашъ еще давно передъ тѣмъ, закѣмъ мы на свѣтъ прійшли, употре-

блялъ полное „покаяніе, искушéніе“ такъ само, якъ и сокращенное „житьé-битьé, даньé, знатьé“; оба тѣ виды живутъ въ народѣ и нынѣ же, бо суть питоменно-русскіи“.

Единымъ постояннымъ, иногда завзятымъ опонентомъ Головацкого за его термины изъ церковщины или старо-русчины былъ межь нами Михаилъ Коссакъ, который каждое полное-іе съ отвращеньемъ называлъ „язычіемъ“ и таки яко первый у насъ „выковавшій“ то нелестное названіе (другимъ — о сколько собѣ пригадую — изобрѣталемъ чи повторителемъ того-жь названія былъ ажь въ 60-ти годахъ коректоръ моего „Слова“ г. Юліянъ Романчукъ), предлагалъ намъ заедно свои власны, часомъ досыть мѣткіи, но нами не принимаемыи „замѣнки“ и „выкованки“, якъ то онъ ихъ самъ-же такъ называлъ. Такъ на пр. предлагалъ Коссакъ свои „зносины“ вмѣсто „отношенія“, „у́слôвъ або у́слôвки“ вм. „условіе“, „о́бставки“ вм. „обстоя́тельства“, „ду́мки“ вм. „мнѣніе“ (Opinion) и пр. и пр., а только годился съ нами на „рѣшенье“, однакъ лишь съ придаткомъ **з**, т. е. „зрѣшенье“. Вообще мы видѣли уже тогда въ нашемъ миломъ друзѣ Михаилѣ Коссаку яко-бы протопляста тѣхъ своеродныхъ новаторовъ и словоковательей, якихъ въ 30—40 лѣтъ потомъ за фонетикою не мало множилось середъ молодшей генераціи нашихъ Галичанъ.

А таки даже и Коссакъ, бывало, на саму коротку добрую пригадку о. Устіяновича о многовѣковой спасительной связи нашего народа съ русскою Церковью, усмирялъ свое завзятье противъ церковщины и отлагая свои „замѣнки та выкованки“, безъ дальшихъ суперечокъ пользовался въ потребѣ нашимъ маленькимъ рукописнымъ словарцемъ, якій я нарочно для нашей редакціи составлялъ, записывая въ него всякіи подобранныи нами за побудкою Ив. Головацкого абстракційныи русскіи термины.

И помню я, въ той-же Словарецъ нашъ вписалъ я одного разу такое слово, которое здавалось намъ „счастливо за-свѣжа выковано“ и которое мы всѣ четыре приняли затѣмъ не то съ удовольствіемъ, а съ правдивымъ восторгомъ. Было то такъ:

Прійшлось намъ подати нашимъ читателямъ вѣсточку изъ Нѣмеччины: „Das Bombardement auf Rastadt dauerte 3 Tage“. Мы всѣ увзялись отдати особенно то слово „бомбардаментъ“ якось крѣпко-добре лишь по русски. Отже предложилъ 1) Ив. Головацкій: „О с т р ѣ́ л и в а н і е Раштада продолжа́лось“ — 2) я, Дѣдицкій: „о б с т р ѣ́ л ю в а н ь е тревало“ — 3) М. Коссакъ: „обстрѣлка тяглась“ — наконецъ 4) Устіяновичъ съ громкимъ воскликомъ возгласилъ: „п а л ь б а́ на Растадъ тревала 3 дни“.

„П а л ь б а“! воскликнули и мы всѣ три съ радостнымъ восторгомъ, обцѣловали сердечно нашего батькаУстіяновича, такъ чудесное слово на-скоро для насъ добравшого, а я сейже часъ съ тріумфомъ записалъ въ нашемъ Словарцѣ: „Bombardement— пальба́“.

Сейчасъ же мы съ Устіяновичемъ взялися въ Словарѣ Шмида смотрѣти за терминами, якіи мы въ предъидущихъ двохъ мѣсяцахъ собѣ пріобрѣли, рады узнати, якъ оныи термины въ книжномъ „московскомъ“ языцѣ суть выражены.

И диво надъ всѣ дива! Изъ якихъ выше 50 нашихъ терминовъ, якіи я прилѣжно записывалъ въ нашъ подручный редакційный словарецъ, всѣ до одного — навѣть и та любая намъ, поэтомъ Устіяновичемъ цѣльно подобранная „п а л ь б а́“ — въ полно-буквальномъ видѣ найшлись въ московскомъ Словарѣ Шмида. Понятно, що мы съ Устіяновичемъ, не знавшіи тогда еще близше великорусской рѣчи, удивлялись тому да и радовались немало, а коли о томъ-же времени Ив. Головацкій принесъ намъ еще и большій „Толковый Словарь живого великорусского языка“ Даля, то возрадовался также съ нами и вѣчный оппонентъ „москвофильского язычія“ Михаилъ Коссакъ, такъ якъ онъ найшолъ въ Далю даже слова, точно или близко подходящіи до его „выкованокъ.“ (Помню, особенно понравился тутъ Коссаку терминъ „обстановки“ въ смыслѣ нѣм. Znstände.)

А щобы тутъ показати мимоходомъ, якъ выглядало тое н а ш е, самородно тогда розвивающееся „я з ы ч і е“, такъ немилое Поляку губернатору русской Галичины, считаю умѣстнымъ навести для примѣра нашу програмовую статью, которая была напечатана въ 1 Ч. „Галичо-руского Вѣстника“ изъ д. 24 (14) Липця 1849 г. Програма та наша гласитъ дословно такъ:

„Богꙋ слава дождала сѧ и Галичаю Рꙋсь оурѧдовои Часописи! Єсть то новый доказъ, же Высокое Владѣтельство нашимъ народнымъ добромъ щире занимае сѧ, и жаднои отрасли своеи великои державы не спꙋщае зъ ока, но о еи окремый розвôй, о кôлько обстоѧтельства дозвалѧютъ, постепенно старати сѧ не изнемагае. Честь австрі́йской державѣ! Честь тымъ, що першїи вырекли слово: Да бꙋдетъ кождомꙋ его свѣтъ, да бꙋдетъ кождомꙋ его правда. Честь, Слава Фердинандꙋ Благомꙋ и его мꙋжественномꙋ Наслѣдникꙋ, Многонадѣйномꙋ Фрлнцъ Їосифꙋ! Мило и радо принѧли сотрꙋдники завозванїе до того дѣла, бо щожъ може длѧ правого сына отечества мильшимъ бꙋти, ꙗкъ не працѧ около народного просвѣщенїѧ, которымъ таѧ Часопись занимати сѧ мае, що рѧднѣйшимъ ꙗкъ не пора, всѣми силами принѧти сѧ до розвою его долѣ? И не осомнѣваючи сѧ смѣло сказати можна тое слово, же такъ честнїи Достойники нашой родины ꙗко и цѣлый нарôдъ, тотъ новый досвѣдъ старанности Высокого Владѣтельства около добра Галичой Рꙋси, радо и съ вдѧчиостію прїйме. — Алежъ не можемъ и того таити передъ собою и всечестными нашими читателѧми, же тымъ нашимъ силамъ твердаѧ стоитъ дорога: Слабыми и небꙋвалыми ста́нꙋлисьмо на тое новое поприще дѣѧтельности нашои, Слабыми и Небꙋвалыми розпочинаемъ новꙋю пꙋть, и ва той пꙋти такъ много еще перепонъ, такъ тѧжкїи до переломꙋ зарꙋбы.... Ктожъ намъ бꙋде проводчикомъ? Кто подкрѣпитъ оуставающꙋю силꙋ? Добраѧ, свѧтаѧ Справа, и вашаѧ рꙋка братѧ! Нашимъ званіемъ есть ладъ, сꙋпокой, вѣрность Монарсѣ, и любовь братнѧ: а такой справѣ допомагае Богъ и честнїи люде. За длѧ того

беремъ сѧ смѣло и охочо до дѣла, и маемъ крѣпкꙋю надѣю, же нашъ трꙋдъ не пойде марно."

Изъ сей програмовой статьи „Г.-р. Вѣстника" 1849 г. видятъ нынѣ ей читатели, якъ она сильно изпещрена выраженіями, якіи въ немаломъ числѣ даже вовсе не находились въ живыхъ устахъ нашего народа въ Галичинѣ, а якіи — особенно которыи изъ нихъ абстракты — и вовсе не подходили бы до мечтаемой тогда мною и многими моими друзьями украинско-хлопоманской словесности. Вѣдай есть же тутъ на пр. и несвойское русскому слуху польское „же" вмѣсто нашего „що" или спеціально угро-русского „что" (произносимое по велико-русски почти исключно якъ „што"): есть и другое изъ польского впрочемъ удачно нами перенятое „розвôй"; есть дальше и поэтомъ Устіяновичемъ придуманная, но не удержавшаяся форма „Галичая" (вм. Галицкая), а за то дальше слѣдуютъ выраженія, которыи — съ изъятіемъ одного „владѣтельство", заступленного вскорѣ же больше соотвѣтнымъ словомъ „правительство" — всѣ якъ-бы живцемъ выняты лишь изъ позднѣйше намъ попавшогося Шмида и Даля, якъ то: „отрасль, держава, обстоятельство, постепенно, мужественный, наслѣдникъ, сотрудники, отечество, просвѣщеніе, (о) сомнѣватися, достойники, всечестныи, читатели, поприще дѣла(я)тельности, путь, переломъ, зарубъ, званіе". Даже и наши простонародныи, малорусскіи, въ Шмидѣ не встрѣчаемыи слова „перепо́на, до́казъ, до́свѣдъ", употребляемыи въ повысшой нашей програмѣ, имѣютъ свои близшіи корреляріи въ великорусскихъ „перего́ны, перема́нка, до́кладъ, доно́съ, допро́съ" и пр., затѣмъ якъ тѣ послѣдніи достойны удомашнитись и таки удомашнились у насъ, такъ и тамъ-тѣ наши непремѣнно станутъ или уже стали своими домашними въ розговорномъ и книжкомъ языцѣ Руси-Москвы.

Тѣ послѣдніи коррелярныи термины русскіи давали намъ немало призадумыватись, и мы оба съ Устіяновичемъ на нашихъ частыхъ дружескихъ прогулкахъ богато толковали о самородномъ розвитіи нашего языка, о необходимой потребѣ доведенія того языка до степени такой культурности, якою отличаются другіи извѣстныи намъ языки древнёго и нового міра, способныи выражати самыи тончайшіи изгибы и отвлеченности человѣческихъ чувствъ и мыслей. Я чрезвычайно любилъ внимати толкамъ увлекающогося тѣмъ предметомъ Устіяновича, которого рѣшительно уважалъ не только „ab-ovo" рожденнымъ поэтомъ, но вразъ-же и мыслителемъ, одареннымъ яко-бы особыми словотворительными свойствами философа Канта. Помню, разъ онъ на такой прогулцѣ взялся розбирати суть терминовъ: нашего „доказъ„ и великорусского „доносъ". „Тутъ — говорилъ онъ — два наши глаголы „казати" и „нести", а якіи то розличныи помыслы и значенія надаютъ имъ маленькіи предлоги, яковыи къ нимъ прибавимъ! Вотъ на пр. „сказъ, всказъ вы́казъ, до́казъ, ука́зъ, зака́зъ, по́казъ, при́казъ, перека́зъ, переска́зъ, нака́занье, недока́занье, ска́зка, недоска́зъ, невы́сказанность" и пр.; а отъ глагола

„нести“ идутъ съ такими же предлогами па пр.: „зносъ (износъ), вносъ, вы́носъ, доно́съ, уно́съ, зано́съ, поно́съ, прино́съ, перено́съ, перено́сины, зно́сины, отно́шенье, недоно́съ, вознесеніе, невыносимость“ и пр. и пр. Я увѣренъ — продолжалъ мой другъ поэтъ — що еслибы нашему обездоленному, забитому тьмою народу остались по предкахъ въ устахъ его лишь тѣ будденныи слова, якими онъ въ безкультурной жизни своей що-дня говоритъ, то найшолся бы съ часомъ у него свой Прометей, который изъ самыхъ языка сего глаголовъ и предлоговъ создалъ бы пребогатый книжно-культурный языкъ*). А создалъ бы онъ тотъ языкъ не иный, но лишь такій-же, якій мы, Галичая Русь, нынѣ у себе творимъ и якій еще передъ нами образовавшоюся такъ само прочею Русію сотворенъ та собранъ на пр. въ Словаряхъ Шмида и Даля. На головахъ бо ставаймо, а по дѣлу нашего языка не сотворимъ нищо такого, що́ не слагалось бы съ языковымъ геніемъ всея Руси, она-же въ трехъ вѣтвяхъ своихъ е д и н а есть: и Мала, и Бѣла, и Велика“.

Розумѣется, послѣ таковыхъ умозаключеній, возникшихъ у насъ за познакомленіемъ со Словарями Шмида и Даля, мы оба а за нами даже Михаилъ Коссакъ, значно розчаровались въ мечтаніяхъ нашихъ о созданіи якой-то спеціально-хлопоманской литературы и добродушно извиняли увлекшихся „хлопистикою и фонетикою“ закордонныхъ братей нашихъ Малорусиновъ, да извиняли мы ихъ такою раціею, що они тамъ въ Россіи, имѣючи цѣлыи готовыи запасы подходящихъ терминовъ въ книжно-культурномъ великорусскомъ языцѣ, уважаютъ трудивую роботу, подобную нашей тутъ въ Галичинѣ, для себе излишнёю. Знали

---

*) Оригинальная то и весьма тутъ подходящая мысль! И тогда же я замечталъ сочинити повѣсть подъ з. „С ѣ ч ь-о с т р о в ъ з а с е м и м о р я м и“, въ которой намѣрялъ розсказати, якъ то въ часѣ зруйнованья украинской Сѣчи одна сотня отчайдухо́въ-козако́въ отправилась Чорнымъ Моремъ гень на край свѣта и гдесь ажь за Атлантикомъ поселилась на отлюдномъ островѣ, основывая на немъ свою новую Сѣчь-републику. Церковный дьячокъ ихъ, Прометей, заплывшій туда-же съ ними, тѣми русскими Робинзонами, возросши въ мужа а одаренный геніемъ поэта Данта и философа Канта, создалъ съ теченіемъ времени въ цѣли просвѣщенія своихъ „хохловъ“ изъ ихъ же бесѣды настоящій культурный языкъ, въ которомъ не забракло майже ни одного изъ тѣхъ терминовъ, якіи подлинно существуютъ въ старинно-и новожитно-книжной русчинѣ. А доконалъ онъ тую надзвычайную роботу едино за тѣмъ, що до самой глубины проникнулъ всю суть и природный геній нашей русской бесѣды! — Чейже стоило бы того, щобы кто изъ молодыхъ нашихъ повѣствователей воспользовался сею замечтанною давно темою, до якой побудку дали менѣ розговоры съ бл. п. моимъ другомъ-поэтомъ Устіяновичемъ. Мы оба въ могилахъ нашихъ тѣмъ бы и щиро возрадовались!

бо мы хоть по наслышцѣ, що такъ Котляревскій и Основяненко, якъ тѣмъ паче Костомаровъ, Гоголь и Мордовцевъ писали и по великорусски, а если къ тому они, — якъ мы натурально предполагали — понимали единичную связь своей русчины съ великорусчиною и такъ, якъ мы въ Галичинѣ, тую же послѣднюю произносили своимъ малорусскимъ выговоромъ (чей никто имъ того не заборонялъ?!), то по правдѣ, не приходилось же имъ непремѣнно на томъ поприщѣ ставати для себе Прометеями, а хибань лишь слѣдовало имъ удобно вѣками изготовленный книжно-русскій языкъ спеціально хорошими вкладами (якъ то дѣлалъ славный Малороссъ Николай Гоголь) обогащати. Вѣдай бо тогда въ свѣжо родившойся русско-украинской простолюдной словесности еще ни слѣду не было того сепаратистичного стремленія давно забытыхъ Выговщиковъ и Мазепинцевъ, якое, если и можно бы оправдати въ отношеніи до автократичного россійского правительства, но всегда должно бы уважатись цѣлкомъ несправедливымъ, ба и Каиновымъ дѣломъ супротивъ родно-братнёго народа Сѣверной Руси.

А однакожь, не смотря на такіи пріобрѣтенныи нами о Руси понятія, я, кромѣ Словарей Шмида и Даля, еще не зналъ близше того, що-ино зъ-далека увидѣнного Сфинкса, тую Русь-Москву по ея книжному и тѣмъ меньше по ея общерозговорному языку, такъ якъ въ то время въ нашемъ Львовѣ великорусской книжки ни на показъ не можь было найти, ни съ родовитымъ якимъ Москалемъ где порозмовляти. Одинъ только былъ человѣкъ, нашъ добрый Русинъ, именно проф. Яковъ Головацкій, который могъ въ томъ дѣлѣ менѣ пособити, бо имѣлъ у себе довольно богату домашнюю библіотеку, содержащую книжки во всѣхъ славянскихъ языкахъ, отже и въ великорусскомъ. И проф. Головацкій отъ первой встрѣчи со мною самъ же предлагалъ менѣ пользоватись его библіотекою; однакожь предпочиталъ онъ изъ своихъ книжныхъ сокровищъ познакомляти мене прежде всего съ твореніями „питоменно-русской, ново-украинской словесности.“ Но тѣмъ разомъ на мою нарочную просьбу онъ выдалъ менѣ „Три сказки“ и особное дѣльце по предмету исторіи Руси (титула не помню) Кіевского проф. Михаила Максимовича, заявляя менѣ, що то послѣдне написано „точно по московски“.

(Дальше будетъ.)

Корреспонденція Дениса Зубрицкого съ Копитаромъ.

(Продолженіе.)

Дальшая часть письма Зубрицкого гласитъ:

„Вы можете послѣ 6—8-лѣтней науки въ матернемъ языцѣ приспособити себе для духовного званія, мы должны по крайней мѣрѣ 14 лѣтъ мучити себе нѣмецкимъ и латинскимъ языками, не понимаючи своего собственного“.

„Изъ сего могутъ Ваше Высокороді е узнати. що призывъ къ закордонному духовенству съ нашей стороны не можетъ бы-ти заманчивымъ и слѣдственно онъ будетъ безуспѣшнымъ“.

„У коренного малорусского дворянства тоже не можно розчитывати на успѣхъ. То дворянство, фамиліи которыхъ кончатся на е н к о, ч ъ и частью на с к і й и ц к і й, составляетъ мало не третью часть всѣхъ чиновниковъ и офицеровъ въ Россіи, якъ можете узнати изъ шематизмовъ. Великороссы съ фамиліями на и н ъ, е в ъ и о в ъ упрекаютъ малорусское дворянство въ томъ, въ чѣмъ упрекаютъ у насъ чеховъ, т. е. въ погонѣ за чинами и достоинствами — при матеріальныхъ выгодахъ они большіи энтузіасты. для тамошнихъ порядковъ и своего правительства, чѣмъ великороссы. На дворянство польского происхожденія въ нѣкоторыхъ ближе положенныхъ губерніяхъ, имущественное состояніе которого есть розстроенное, можно-бы воздѣйствовати лакомыми кусками, посоленными однако солью не русинскою. но французско-польскою, почерпнутой изъ французской пропаганды, также надеждами на давно изчезнувшіи староства б. п. польской Рѣчи-посполитой. Но якій будетъ успѣхъ? Незначительное мѣщанство есть слишкомъ побожное въ дусѣ греческой церкви, крестьянинъ же безчувственный.

„Остается латинское духовенство въ тамошнихъ „русинскихъ“ провинціяхъ и — жиды, но о нихъ хочу молчати. Латинское духовенство рекрутуется изъ дворянства, съ видами на толстыи приходы, якіи тамъ есть. Съ ограниченными знаніями и испорченностію, вынесенною изъ родительского дома, получаетъ оно посвященіе и приходы путемъ презенты отъ своихъ сродниковъ; оно мало печалится о розсѣянной своей паствѣ, которую имъ въ каждомъ селѣ жіющій попъ отчуждаетъ; оно тѣмъ и довольно, ибо не нужно одному — другому оплачивати кооператора. Также наше здѣшнее латинское духовенство склоняется къ такому выгодному квіетизму и только появленіе ревностныхъ въ дѣлахъ вѣры іезуитовъ его нѣсколько порушило“.

„Ваше Высокоблагородіе читали рѣчь царя къ латинской іерархіи въ Петербурзѣ. Якъ чертаетъ онъ ихъ обычай! Изъ того можете заключати, якъ стоитъ дѣло съ низшимъ, розсѣяно живущимъ духовенствомъ.“

„Нѣсколько лѣтъ тому назадъ стали появлятись малорусскіи брошюры Котляревского, Галки, Могилы, Срезневского, Корсуня и т. д. Я считалъ то признакомъ воскресающей малорусской національности — но я слишкомъ стался требовательнымъ — то были только игрушки меньше важныи, чѣмъ такіиже на вѣнскомъ или австрійскомъ нарѣчіи и даже писавшіи употребили смѣсь велико — и малорусского нарѣчій."

„Такъ имѣете вѣрную характеристику состоянія всѣхъ тамошнихъ стихій — характеристику, которой недостаетъ даже нашему правительству, ибо якъ можетъ оно познати основно столь громадное пространство земель, если держитъ только одного посланника при Балтійскомъ и одного конзула въ Одессѣ при Чорномъ морѣ? Я то знаніе пріобрѣлъ частью отъ проѣзшихъ, посѣщающихъ мене по порученію моихъ знакомыхъ, частью изъ русскихъ періодическихъ и другихъ писемъ".

„Нашъ митрополитъ живетъ на дачѣ и я не могъ его посѣтити, но я ему все по желанію Вашего Высокоблагородія сообщилъ и тоже съ новымъ Превосходительствомъ, епископомъ ~~перемышльскимъ~~, устно переговорилъ. На путешествіе въ Римъ онъ, по моему мнѣнію, не рѣшится; вѣкъ и тѣлесныи страданія розслабили его рѣшимость, тѣмъ больше, що онъ всегда, якъ наше духовенство вообще, былъ больше застѣнчивый, чѣмъ предпріимчивый. Недостаетъ ему также средствъ на путешествіе; его имѣнія управляются весьма плохо и мало даютъ ему дохода — мало дохода также, можетъ быти, его брату, который есть настоятелемъ прихода и вмѣстѣ съ тѣмъ также управителемъ. Сомнительнымъ также есть, радо-ли будетъ смотрѣти наше правительство, если онъ будетъ связыватися слишкомъ съ Римомъ".

„Касательно нашего пастырского посланія, къ появленію которого и я причинился на желаніе митрополита, то я съ нимъ совсѣмъ не соглашаюся не только изъ взгляда на его содержаніе, редакцію и богословское ростолкованіе, но также относительно его надобности. Изъ нашего сельского духовенства читаетъ едва 5% газеты и знаетъ, що происходитъ за границей — ограничивая себе на сельскомъ хозяйствѣ и церковныхъ требахъ, оно оставило въ покоѣ унію и дизунію. Пастырское посланіе порушило умы; оно теперь обсуждаетъ событіе, горячится и я полагаю, що большинство его склоняется на сторону дизуніи, що тѣмъ легче должно было послѣдовати, такъ якъ латинское духовенство старается русскихъ прихожанъ обратити въ латинство. Впрочемъ не будетъ то имѣти послѣдствій. Никто не перейдетъ въ дизунію, щобы не потеряти прихода; надо принятн также въ вниманіе, що наше и латинское духовенство слишкомъ заразилось религійнымъ индиферентизмомъ. Однако все таки такое взволнованіе, хотя безъ послѣдствій, не было ни необходимымъ, ни полезнымъ. За границею пастырское посланіе не произвело ніякого впечатлѣнія, оно тамъ не проникло, и

если одинъ или другій экземпляръ тамъ былъ тайно ввезенъ, то читатель только засмѣялся; у него нѣтъ охоты потеряти матеріальныи выгоды умноженныи теперь правительствомъ опредѣленною суммою 11,415.000 руб. сер., семью сдѣлати несчастною и совершити принудительное путешествіе въ Сибирь. Митрополитъ не пользуется привязанностію низшого духовенства (причины такой несклонности не належатъ сюда) — слѣдственно также по той причинѣ пастырское посланіе вредно подѣйствовало. Вообще цѣлая унія есть, если не вздоромъ (ein Unding), то полумѣрою (eine halbe Messregel), былобъ можетъ больше желательнымъ приняти латинскій обрядъ, только нужно-бъ славянскому духовенству признати супружество ad tempora".*)

„Безъ сомнѣнія надо было опровергнути Филарета и двохъ другихъ мнѣ неизвѣстныхъ защитниковъ схизмы. Но кто долженъ былъ взяти на себе тотъ трудъ? Ваше Высокоблагородіе дѣлаетъ намъ слишкомъ великую честь, приписуя намъ такую ревность. Митрополитъ есть несчастный въ выборѣ окружающихъ его субъектовъ — между ними возникаютъ зависть, несогласіе, лучшіи усуваются на село и пропадаютъ тамъ. Такъ случилось теперь съ нашимъ честнымъ и талантливымъ Малиновскимъ; онъ обнимаетъ приходъ въ Буковинѣ, понеже ему предпочли незаслуженныхъ, легкихъ и подозрѣнныхъ индивидуумовъ. Такъ имѣете, Высокоблагородный Господине, вѣрную, хотя не полную характеристику нашего духовенства'.

„Кириллъ"**) получитъ только въ обработцѣ и съ примѣчаніями одного изъ первыхъ ученыхъ Европы и отличного слависта высокую стоимость, ибо я его считаю — происходитъ-ли онъ изъ 14 или даже 13 вѣка — компилованною по наслышцѣ легендою. Онъ описываетъ событія, имѣвшіи состоятись передъ сотками лѣтъ, а я вѣрю только современному свидѣтельству. Видимъ, якъ событія состоявшіися на нашихъ глазахъ, описываются ложно и невѣрно — що же можно думати о вѣстяхъ, собранныхъ послѣ сотъ лѣтъ. Только Шафарикъ могъ вѣрити на слово. Кириллъ могъ такъ зовимое славянское письмо у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ роспространяти, но то письмо, якъ Венелинъ II 164 справедливо замѣчаетъ, собственно греческое письмо 9 и 10 вѣка съ вставленіемъ нѣкоторыхъ нужныхъ буквъ".

---

*) Странный тотъ взглядъ Зубрицкого объяснити можно развѣ тѣмъ обстоятельствомъ, що тогда россійское правительство предпочитало латинство уніи и скорѣе желало видѣти малороссовъ въ Холмщинѣ и на Подлашьѣ поляками-католиками, чѣмъ русскими уніятами, що собственно произвело ополяченіе Холмской Руси. А можетъ Зубрицкій такъ писалъ въ угоду Копитару.

**) Рукопись „Житіе св. Кирилла" русской редакціи въ монастырѣ оо. василіянъ въ Львовѣ, списокъ которой Зубрицкій послалъ Копитару для научной обработки (Д-ръ Кирило Студинскій я. в. стр. 40 прим. 3).

„Я слышалъ, що митрополитъ имѣетъ одинъ славянскій кодексъ – въ архивѣ гр. кат. митр. капитула имѣютъ также находитись документы и рукописи важныи для исторіи, но то есть мистеріи. Тѣ господа сами не знаютъ, що имѣютъ и закрываютъ передъ свѣтомъ, и по древнему обычаю никого не впускаютъ, хотя теперь самыи тайныи державныи архивы минувшихъ вѣковъ приступны для историческихъ изслѣдованій".

„Понеже представился менѣ случай Вамъ наскучити, то хочу еще написати и о моихъ дѣлахъ. Я составилъ исторію Галиціи и передалъ въ цензуру 1836 г., которую менѣ послѣ двохъ лѣтъ возвратили съ указаніемъ, щобы ее передѣлати, ибо нѣкоторыи событія, розсказанныи на основаніи источниковъ и историческихъ изслѣдованій не дѣлаютъ чести прежнему польскому правительству. Я положилъ ее, ибо „что писахъ, писахъ"; между тѣмъ я нашелъ для неодного событія новыи данныи. Мнѣ только жаль, що иностранныи писатели выкорыстали мои взгляды и продали за свой товаръ. Три года тому назадъ я написалъ на основаніи источниковъ и документовъ кронику города Львова, самое невинное сочиненіе, содержащее однако много до сихъ поръ неизвѣстныхъ происшествій, датъ и приключеній и передалъ на вразумительное требованіе дирекціи полиціи въ цензуру Оно перешло цензуру, но было предложено краевой президіи и лежитъ тамъ третій годъ. Слыхано-ли що-то подобное не только за границей, но даже въ нашей монархіи! Высокопоставленная особа неприклонна мнѣ, а одинъ полякъ изъ его окруженія, мой ворогъ, вліяетъ на нее Однако довольно, прошу мене извинити за забранное время, которое Вы знаете употребити столь хорошо на славу славянской націи, въ честь монархіи и въ пользу науки. Съ достодолжнымъ уваженіемъ Вашего Высокобл. покорный слуга".

Второе письмо Копитаръ писалъ къ Зубрицкому 18 іюля 1843 г. Въ немъ Копитаръ совѣтовалъ Зубрицкому, постараться о издателя его кроники, который яко промышленный человѣкъ скорѣе добьется улаженія дѣла у политической власти, ибо „австрійскіи чиновники лѣнивы, хотя добродушны".

Дальше пишетъ Копитаръ: „Вы должны издати также галицкую церковную исторію, конечно, по возможности безпристрастно, между тѣмъ якъ Мацѣевскій*) за деньги хотѣлъ-бы писати только русинскіи (russinische) мартирологіи... Старую кривду безпрестанно розгрѣвати вредитъ только будущему; покрывшіися струпомъ раны роздирати — повздерживаетъ выздоровленіе, а черезъ то и возможный поступъ. „Амнистія" не есть празднымъ словомъ и не напрасно она была изобрѣтенная древними. Если старшая Эксцеленція не охотно рушается, заставьте новую Эксцеленцію ѣхати въ Римъ; и найвысшая сфера имѣетъ свои партіи — Mulciber in Trojam, pro Troja stabat Apollo**). Я могъ въ Римѣ — относительно желудка — еже-

*) о. Модестъ Мацѣевскій Ч. С. В. В., директоръ школы въ Бучачѣ.

**) Т. е. Богъ Вулканъ (его прозваніе Mulciber) былъ противъ Трои, богъ Аполлонъ стоялъ за Трою.

дневно съ 30 кр. мон. конв. хорошо выйти на свое. Епископъ можетъ получити даровую квартиру, якую схочетъ. Кард. Ламбрускини мнѣ совсѣмъ приклонный и даже съ самымъ генераломъ езуитовъ можно легко и розумно говорити; „оба хорошіи, высоко образованныи люди, въ нашемъ возрастѣ, первый изъ Генуи, вторый голландецъ. бывшій прежде въ Полотскѣ и Вильнѣ. Св. Отецъ - венеціянская добродушность. Не нужно все хвалити, що римляне у себе ab antiquo usu sive et abusu имѣютъ... Потомъ Римъ — вѣчный Римъ есть классическою землею европейской исторіи также внѣ и передъ христіанскимъ интересомъ. Ваше Высокоблагородіе должны сами и съ Снѣгурскимъ ѣхати“.*)

„Есть-ли проф. Бенед. Левицкій сродникомъ Его Превосходительства? Не думаю. На всякій случай онъ не долженъ былъ компромитовати пок. Меглицкого уже ради сына, воспитующогося въ Питерѣ царскимъ коштомъ; вконцѣ онъ не могъ-бы даже доказати сплетни, ибо не существуетъ ничего напечатанного Меглицкимъ. Впрочемъ уже Гердеръ всѣмъ подражателямъ византійцевъ поставилъ гороскопъ (hat die Nativitaet gestellt);**) но съ другой стороны оставляти церковь безъ всякого контроля, не устоитъ долго. Даже въ „Америцѣ“ такъ будетъ“.

(Дальше будетъ).

Правила для кончившихъ львовскую русскую духовную семинарію въ 1821–1833 гг.

Въ библіотецѣ „Народного Дома“, въ отдѣленіи: Музей Петрушевича, находится записка на польскомъ языцѣ подъ заглавіемъ: „Wychodzącym z Seminarium Alumnom po zakończeniu Nauk zalecono dnia 8 Sierpnia 1821 następujące punkta do zachowania“. Наводимъ тѣ „пункта“ въ дословномъ переводѣ:

---

*) Когда Копитаръ въ 1837 г. былъ въ Римѣ, поручили ему быти помощнымъ при возстановленіи (также греко-русской коллегіи и новомъ устройствѣ славянской печатни пропаганды. Весною 1843 г Копитаръ вторый разъ былъ въ Римѣ, где подѣлалъ приготовленія для открытія австро-русской коллегіи, которой уже ничего недоставало, кромѣ питомцевъ. Копитаръ домагался, щобы митрополитъ, или Снѣгурскій съ Зубрицкимъ ѣхали въ Римъ точно въ дѣлѣ той коллегіи.

**) Nativitaet stellen — астрологическое выраженіе, значитъ опредѣлити судьбу человѣка послѣ звѣзды, подъ которой уродился. Особа Меглицкого и его отношеніе къ Венед. Левицкому намъ не извѣстны.

1. Передъ выѣздомъ каждый долженъ на письмѣ заявити, куда удается; необходимо назвати приходъ, деканатъ и циркулъ.

2. Явитись у Впр. о. кан. Липницкого*), который долженъ воззвати портного, щобы взялъ мѣру на платье.

3. Во время пребыванія дома скромно себе вести и всего избѣгати, що кого нибудь могло бы уразити и плохое мнѣніе о семинарскомъ воспитаніи возбудити.

4. Въ цѣлое продолженіе времени до поворота въ пресвитеріальный домъ заниматись тѣмъ, що касается духовного званія, затѣмъ освѣдомлятись практически объ отправленіи должностей священника. Поступающіи тѣмъ путемъ легче окончатъ практику пресвитеріального дома.

5. Проповѣди и поученія (homilie), которыи они должны держати въ время пробы тутъ въ пресвитеріальномъ домѣ, заблаговременно составити, щобы пріобрѣсти больше времени для другихъ упражненій и скорѣе кончити практику Порядокъ тѣхъ проповѣдей составитъ о. ректоръ.

6. Супружество заключати не съ особами чуждыми священническому сословію, но съ дочерями священниковъ.

7. Въ день 1 декабря с. г. непремѣнно въ пресвитеріальномъ домѣ явитись, абы каждый въ воскресеніе, слѣдующее по ономъ днѣ, сталъ исполняти то, що поочередно будетъ предписано, въ частности же, абы заучилъ проповѣди и поученія.

8. Каждый прибывшій въ опредѣленный срокъ въ пресвитеріальный домъ долженъ представитись менѣ или заступающему мое мѣсто, предложити обыкновенное свидѣтельство безъ стемпля о заключенномъ бракѣ и тотчасъ начати свои занятія въ пресвитеріальномъ домѣ. (Безъ подписи.)

Подлѣ на полѣ примѣчанія, що тоже публиковано кончившимъ духовную семинарію въ 1822—1833 гг. При 1833 г. есть замѣтка, що съ 1824 г. не была публикованная точка 1), въ 1833 г. же опущено также точку 5.) Подписано: Барвинскій. Въ шематисмѣ отъ 1832 г. значится: P. Rmus D. Martinus Barwiński Archidiaconus, Decanus Capituli, Vicarius Generalis et Officialis, Consilarius et Referens Consistorii, Sacrae Theologiae Doctor.

---

*) Въ шематизмѣ отъ 1832 г. отмѣчается: P. Rmus. D. J. Joannes Lipnicki, chartophilax seu Cancellarius Archicathedralis, Consiliarius et Referens Consistorii Decanus et prov. Inspector distr. schol. Leopoliensis et Parochus Ecclesiae Staurop. Leopol. Civitatensis, Commis. Instituti Pauperum. Давнѣйшого шематизма не имѣемъ. Въ Schematismus des Königr. Halicien u. Lodomerien 1821 есть Iohann Lipnicki Gremial-Domherr, Konsistorialrath und Pfarrer bei der Lemberger Stadtkirche Maria Himmelfahrt.

Памятная записка Михаила Гарасевича о іезуитахъ.

Видное мѣсто въ исторіи галицко-русской церкви первой половины 19-го вѣка занимаетъ Михаилъ Гарасевичъ, авторъ изданныхъ Михаиломъ Малиновскимъ „Annales ecclesiae Ruthenae". Онъ родился 23 мая 1763 г. въ Яхторовѣ, золочевского округа, отъ отца Григорія, приходского священниха. Кончивши науки въ школѣ піаристовъ въ Золочевѣ, онъ на 18 году жизни поступилъ въ духовную семинарію при св. Варварѣ въ Вѣнѣ, затѣмъ въ генеральную семинарію въ Львовѣ. Дарованіями своими и знаніями онъ до такой степени обратилъ на себе вниманіе, що его, даже не посвященного въ пресвитеры, яко 24-лѣтняго юношу, назначили преподавателемъ пастырского богословія на львовскомъ университетѣ, когда же, женившись на Тересѣ Яблонской въ 1795 г., получилъ чинъ іерея, духовныи почести слѣдовали для него одна за другою. Онъ сталъ въ 1787 г. діецезальнымъ экзаминаторомъ, въ 1789 г. докторомъ богословія, въ 1792 г. профессоромъ библійной экзегетики въ русскомъ азыцѣ, въ 1795—1796 гг. деканомъ богословского факультета, ректоромъ коллегіи профессоровъ университета, референтомъ и затѣмъ директоромъ тогдашней галицкой краевой Рады школьной (Consess).

Въ 1793 г. онъ былъ назначенъ каноникомъ перемышльской епископской епархіи, а на предложеніе львовского епископа Николая Скородинского декретомъ импер. отъ 14 августа 1800 г. поставленъ офиціаломъ и генеральнымъ викаріемъ львовской епископской консисторіи.

Когда въ 1803 г. на львовскомъ діецезальномъ синодѣ между прочимъ было рѣшено старатись о возобновленіе прекращенной королемъ Ягайломъ галицкой митрополіи, тотъ синодъ одноголосно, вмѣстѣ съ присутствовавшими на немъ епископами холмскимъ, Порфиріемъ Важинскимъ, перемышльскимъ, Антоніемъ Ангеловичемъ и львовскимъ Николаемъ Скородинскимъ избралъ его 2 мая 1803 г. своимъ уполномоченнымъ по тому дѣлу, для ходатайствъ въ Вѣнѣ передъ министрами и императоромъ. Гарасевичъ отлично исполнилъ возложенную на него задачу: въ 1806 г. была возобновленная галицкая митрополія, въ 1813 г. установленъ митрополичьій капитулъ, въ которомъ онъ получилъ достоинство архипресвитера. Въ томъ же послѣднемъ году Гарасевичъ былъ назначенъ ц. к. комиссаромъ для публичныхъ испытовъ и въ той должности оставался до своей смерти въ 1836 году.

Двукратно — по смерти еп. Николая Скородинского и митр. Антонія Ангеловича — онъ былъ администраторомъ епархіи in spiritualibus et temporalibus.

Получивъ образованіе и воспитаніе въ польской школѣ, яко кандидатъ же духовного званія проживая подъ латино-польскимъ вліяніемъ тогдашней уніатской церковной іерархіи, соучаствовавшей даже въ возстаніи Ѳ. Костюшко, онъ сначала былъ проникнутый польскимъ духомъ и въ 1794—1797 гг. издавалъ политическій журналъ подъ заглавіемъ: Dziennik patryotycznych polityków — но ознакомившись съ отечественной исторіей сталъ переходити на русскую точку зрѣнія. Такъ въ 1809 г., когда поляки заняли Львовъ, онъ съ митр. Антоніемъ Ангеловичемъ оставилъ тотъ городъ, щобы не признавати польского временного правительства.

Онъ былъ первый ученый галицко-русскій съ поры занятія Галичины Австріей. Зная его знанія по областной исторіи, вѣнская нунціатура поручила ему написати „исторію русской іерархіи гр. кат. обряда“, що онъ и исполнилъ, пользуясь архивомъ львовского митроп. капитула, который онъ привелъ въ порядокъ. Одвако въ печати появилося то сочиненіе — и то не полное — благодаря заботамъ крыл. Михаила Малиновского, только по его смерти. Онъ-то ободрилъ Діонизія Зубрицкого также документы и рукописи Ставропигійского Института въ Львовѣ употребити для историческихъ изслѣдованій.

За заслуги около церкви, школы и за преданность австрійскому правительству, императоръ пожаловалъ ему въ 1810 г. коммандорскій крестъ ордена Леополда, убольшая его жалованіе о 800 флор., и произвелъ въ 1811 г. въ достоинство потомственного барона (von Neustern,) вслѣдствіе чего онъ былъ внесенъ въ списокъ становъ королевства Галиціи и Володимиріи. Онъ скончался 29 апрѣля 1836 г.

Орденъ іезуитовъ, упраздненный въ 1773 г. папою Климентіемъ XIV буллою „Dominus ac redemptor“ и возстановленный въ 1814 г. папою Піемъ VII буллою „Sollicitudo omnium ecclesiarum“ сталъ тогда опять выдвигатись на историческое поприще и пріобрѣтати значеніе. Именно католическіи консервативныи государсгва старалися отдати въ его руки воспитаніе молодежи, полагая, що то будетъ самымъ лучшимъ способомъ противодѣйствія либеральнымъ и радикальнымъ теченіямъ. Гарасевичъ узналъ, що тоже хотятъ сдѣлати въ Австріи, и онъ въ 1834—1836 гг., значитъ, передъ своей смертію, написалъ памятную записку (меморандумъ) для кого-то изъ министровъ въ Вѣнѣ по тому дѣлу. Не знаемъ была ли та записка отправлена по своему опредѣленію, но черновой проектъ ея находится въ библіотецѣ „Нар. Дома“, въ отдѣленіи: Музей Петрушевича, и мы его яко важный историческій документъ, чертающій настроеніе ума самого виднѣйшого представителя тогдашней галицко-русской іерархіи, наводимъ.

(Дальше будетъ.)

Журная голубка.

(Непечатанное стихотвореніе Ивана Головацкого.)

Ой гукае по-пôдъ неба
Голубка сивенька:
„Доле-жь моя несчастная,
Що чинити нынька?“

„Мои дѣти первѣстныи
Якъ счастливы були?
Нынѣ глянешь на недолю,
Слезы свѣтъ затрули“.

„Хочь племенны, тай здоровы,
Годѣ имъ взлетѣти,
Ни на Бескидъ, Бугъ, ни Днѣстеръ
Своихъ розглядѣти“.

„Гляньте-жь братъ на брата свого,
Станьте ся витати,
Бо съ одного вы гнѣздонька —
Се вамъ каже мати“.

„Ой не разъ-то, скôлько тямитъ
Сивая головка
Насъ займавъ кобецъ*) поганый,
Що й ще днесь помовка“.

Та помовка — ю забути
Се головцѣ трудно,
Пили кровцю, тѣло дерли,
Що ажь сердцю нудно“.

„Дерли скôру живцемъ тѣлу,
Кровцю проливали,
А занявши бранцêвъ гурму,
Къ сонцю утѣкали“.

„А що-жь нынѣ на ту нужду
Сиротамъ казати?
Дома сокôлъ выродився
Ворогъ нашъ завзятый“.

*) Кобецъ falco apivorus, хищная птица.

„Бо не диво чужородцямъ,
Що на насъ въѣдаютъ,
Але-жъ бо соколы, братья,
Онъ за Висловь лѣтаютъ“.

„По надъ Вислу, по-надъ быстру
Хиженько лѣтаютъ,
Моихъ дѣтей, голубочкôвъ,
Крыльмы росганяютъ“.

„Тай не досыть — допêкаютъ
Яструбы домашны,
Ще въ полудень — орлы сѣры,
Въ пôвнôчь совы страшны“.

„А все дѣтямъ примовляютъ,
Гонячи въ чужину:
Перекиньтесь въ орлы, совы,
Забудьте родину“.

„А я-жъ бачу, рôдна мати,
Ваши слезы, туги,
Якъ насильно выгоняютъ
На чужи послуги“.

„Навѣть вамъ нельзя гукати,
Якъ вашъ рôдъ гукае,
Такъ помнѣте-жь, що се мати
До васъ промовляе.

„Голубочки! Не скидайте
Пѣрье ваше красне,
Не вдягайте ворогове,
Ни миле, ни власне“.

„Любовь въ сердци заховайте,
Вѣрно къ родинѣ,
Межь орлами и совами
Въ найдальшôй чужинѣ!

Вѣдень 1841.

Изд. Инст. „Нар. Домъ“. — За редакцію отвѣчаетъ Ф. И. Свистунъ.

Изъ Ставропигійской типографіи, подъ управленіемъ Мих. Рефця.

Ч. 5. Львовъ, май 1906. Годъ XXIV (II)

ВѢСТНИКЪ
„НАРОДНОГО ДОМА".

Выходитъ разъ въ мѣсяцъ. — Предплата въ годъ 2 кор. Редакція и администрація: Львовъ, улица Театральная Ч. 22.

ЖЕРТВЫ.

Въ мѣсяцѣ апрѣлѣ с. г. изволили пожертвовати П. Т.:

I. На церковь „Народного Дома": о Джулинскій изъ Монастырца 10 кор.

II. На „Народный Домъ": 1) о. Черепашинскій изъ Сорокъ 20 кор.; 2) о. Пачовскій Иларіонъ изъ Борщовичъ 10 кор.; 3) о. Гавришкевичъ Іоаннъ изъ Каменки-Липникъ 10 кор.; 4) Лисинецкій Петръ изъ Дрогобыча 20 кор.; 5) о. Гургула Ярославъ изъ Томашовецъ 10 кор.; 6) Бѣликъ Иванъ, професоръ реальной гимназіи I въ Коломыѣ 80 кор. титуломъ возвращенія побранныхъ нимъ во время академическихъ студій пособій.

III. Въ библіотеку и музей: 1) д-ръ Э. Савицкій, директоръ гимназіи въ Тернополѣ, 192 соч. въ 274 том.; 2) Кревецкій Иванъ изъ Львова 3 соч. въ 3 том.; 3) Его Превосходительство митрополитъ А. гр. Шептицкій 1 соч. въ 1 том.; 4) В. Гнатюкъ изъ Львова 1 соч. въ 1 том.; 5) Я. Демченко изъ Кіева 1 соч. въ 1 том.; 6) А. Копыстянскій изъ Львова 1 соч. въ 1 том.; 7) д-ръ Кистяковскій изъ Гейдельберга 1 соч. въ 1 том.; 8) д-ръ Э. Калужняцкій изъ Черновецъ 1 соч. въ 1 том.; 9) д-ръ И. С. Свѣнцицкій изъ Львова 1 соч. въ 1 том.; 10) Крипякевичъ Иванъ изъ Львова 1 соч. въ 1 том.; 11) императорская академія наукъ въ Петербурзѣ 1 соч. въ 2 том.

Всѣмъ тѣмъ П. Т. жертвователямъ Управл. Совѣтъ Института „Нар. Домъ." заявляетъ должное благодареніе.

Конкурсы.

Ч. 191/906. — На одну стипендійную запомогу бл. п. Петра Целевича, приходника въ Викторовѣ, 200 кор. въ годъ, объявляется симъ конкурсъ, съ опредѣленіемъ срока ю 2/15 іюля 1906 года.

Подавати просьбы могутъ посредствомъ училищного настоятельства въ Управляющій Совѣтъ русского народного Института „Народный Домъ“ во Львовѣ — которому прислуживаетъ право надаванія тѣхъ стипендійныхъ запомогъ — студенты, посѣщающіи политехнику, или университетъ, съ изъятіемъ богословского факультета, также ученики, посѣщающіи середніи школы, которыи выкажутся, що

1) суть родомъ изъ Галичины;
2) русской народности и греко-русского обряда;
3) бѣдны;
4) нравственно хорошо ведутся и
5) въ наукахъ хорошо успѣваютъ.

Первенство передъ всѣми имѣютъ безусловно дѣти Петра Целевича, между прочими же соубѣгателями, при ровныхъ данныхъ, сродники фундатора.

Вышеупомянутыи стипендійныи запомоги роздаются на одинъ годъ, за росписаніемъ конкурса.

Отъ Управляющого Совѣта русского народного Института „Народный Домъ“.

Львовъ, 17 (30) апрѣля 1906.

Ч. 420/906. — На 1906/7 школьный годъ росписуется конкурсъ на двѣ ступендійныи запомоги по 200 коронъ на продолженіе 10 мѣсяцевъ съ днемъ 1-го н. ст. сентября 1906 года начавши, изъ фонда имени о. Михаила Сомыка.

Подаватися могутъ найдальше до 2/15 іюня 1906 г. въ Управляющій Совѣтъ русского народного Института „Народный Домъ“ во Львовѣ, которому прислугуетъ право роздачи тѣхъ запомогъ, въ первомъ ряду такіи ученицы, посѣщающіи женскіи учебныи заведенія которыи выкажутся, що суть русской народности, гр. к. обряда, сироты по гр. кат. священникахъ, бѣдны и въ наукахъ хорошо успѣваютъ. Кромѣ того должны просительницы въ прошеніяхъ своихъ заявити, що обязуются посѣщати въ 1906/7 школьномъ году такіи учебныи заведенія, которыи имъ Управляющій Совѣтъ „Народного Дома“ укажетъ.

Въ недостатку сиротъ по священникахъ, могутъ, подъ наведенными условіями, быти надѣленныи тѣми стипендійными запомогами также другіи ученицы.

Отъ Управляющого Совѣта русского народного Института „Народный Домъ“.

Львовъ, дня 28 апрѣля (11 мая) 1906.

Ч. 426/906. — Управляющій Совѣтъ русского народного Института „Народный Домъ“ во Львовѣ объявляетъ настоящимъ конкурсъ на принятіе нѣсколькихъ убогихъ дѣвочекъ на 1906/7 школьный годъ, на институтскій счетъ, въ русское дѣвочее воспиталище въ Львовѣ подъ управленіемъ инокинь Чина св. Василія Великого по 17 (30) іюня 1906 года.

Родители или опекуны, старающіися о принятіе своихъ дочерей, относительно пупилокъ, должны подавати въ Управляющій Совѣтъ Института „Народный Домъ“ во Львовѣ свои просьбы, съ приложеніемъ метрики о крещеніи, тоже свидѣтельства объ убожествѣ, привитой оспѣ, и школьного изъ послѣдняго семестра.

Сироты, которыхъ отцы заслужились для Института „Народный Домъ“ во Львовѣ, будутъ предпочтены.

Принятыи дѣвочки получатъ въ заведеніи цѣлое содержанье и науку безплатно, родителей же или опекуновъ обязанностью будетъ старатись для нихъ о учебныи средства и достаточное убранство.

Отъ Управляющого Совѣта русского народного Института „Народный Домъ“.

Львовъ, дня 29 апрѣля (12 мая) 1906.

Ч. 413/906. — Въ цѣли принятія счетовода для русского народного Института „Народный Домъ“ во Львовѣ объявляется симъ конкурсъ съ назначеніемъ срока по день 2 (15) іюня 1906 года подъ слѣдующими условіями:

1. Кандидатъ долженъ предложити свое curriculum vitae и доказательство квалификаціи, що трудился, взглядно трудится веденіемъ двойной бухгальтеріи.

2. Счетоводъ долженъ трудитися 2 до 3 часовъ ежедневно. Высоту платы и всѣ прочіи условія принятія можно узнати въ канцеляріи „Народного Дома“ во Львовѣ, при ул. Театральной ч. 22 II. поверхъ, въ будныи дни отъ 9—12 ч. передъ полуднемъ и отъ 3—6 ч. пополудни.

в. Прошенія съ относительными приложеніями слѣдуетъ вносити въ Управляющій Совѣтъ „Народного Дома“ въ инсти-

тутскую канцелярію найдальше до дня 2 (15) іюня 1906 г. и добавити къ прошенію почтовую марку на 45 гел.

Отъ Управляющого Совѣта русского народного Института „Народный Домъ“.

Львовъ дня 25 апрѣля (8 мая) 1906.

Ч. 412/906. — Въ цѣли принятія лѣсничого для имѣній Бѣлка и Костеневъ въ Перемышлянскомъ повѣтѣ объявляется симъ конкурсъ съ назначеніемъ срока по день 2 (15) іюня 1906 г. подъ слѣдующими условіями:

1. Кандидатъ долженъ предложити свое curriculum vitae и доказательство квалификаціи, що трудился, взглядно трудится веденіемъ лѣсной господарки.

2. Кандидатъ не долженъ переступити 35-го года жизни и выказатися лѣкарскимъ свидѣтельствомъ, що есть здоровый и можетъ безпрепятственно исполняти обязанности лѣсничого.

3. Вознагражденіе лѣсничого будетъ состояти изъ свободной квартиры, натуралій и изъ доплаты. Высоту доплаты, якъ и всѣ прочіи условія принятія можно узнати въ канцеляріи „Народного Дома“ во Львовѣ, при ул. Театральной ч. 22 II. поверхъ, въ будныи дни отъ 9—12 ч. передъ полуднемъ и отъ 3—6 ч. пополудни.

4. Прошенія съ относительными приложеніями слѣдуетъ вносити въ Управляющій Совѣтъ русского народного Института „Народный Домъ“ во Львовѣ, въ институтскую канцелярію, найдальше до дня 2 (15) іюня 1906 г. и добавити къ прошенію почтовую марку на 45 гел.

Отъ Управляющого Совѣта русского народного Института „Народный Домъ“.

Львовъ дня 22 апрѣля (7 мая) 1906.

Ч. 425/906. — Управляющій Совѣтъ русского народного Института „Народный Домъ“ во Львовѣ розписуетъ конкурсъ на принятіе съ началомъ 1906/7 года въ институскую, для молодежи середнихъ школъ назначенную и розширенную бурсу 90 учениковъ подъ слѣдующими условіями:

1. На 1906/7 школьный годъ умѣститъ Институтъ „Народный Домъ“ во Львовѣ въ розширенной бурсѣ девятьдесять (90) воспитанниковъ изъ середнихъ школъ изъ всѣхъ классовъ. Въ той цѣли отведены хорошіи, пространныи, свѣтлыи, здоровыи и отвѣтно устроенныи убикаціи, въ особномъ пространномъ домѣ съ подворьемъ и садомъ.

2. Просити о принятіе сыновъ или пупиловъ могутъ только ихъ родители или опекуны, прошенія же самыхъ учениковъ не будутъ увзгляднятися.

3. Къ прошеніямъ слѣдуетъ приложити метрику крещенія и подтвержденіе изъ стороны школьного начальства, що ученикъ посѣщаетъ теперь школу съ хорошимъ успѣхомъ, а ученики поступающіи въ первый класъ должны предложити также свидѣтельство о привитой оспѣ. Кромѣ того должны родители или опекуны крайне убогихъ учениковъ добавити свидѣтельство объ убожествѣ кандидата.

4. Въ прошеніяхъ должны родители, взглядно опекуны, заявити, якъ высокую суму они качествомъ жертвы на цѣли Института уплачивати обязуются.

5. Отъ всѣхъ кандидатовъ требуется хорошихъ успѣховъ въ наукахъ, примѣрныхъ обычаевъ и крѣпкого здоровья и въ той цѣли будутъ принятыи кандидаты передъ введеніемъ въ бурсу подвержены лѣкарскому осмотру.

6. Прошенія слѣдуетъ вносити въ Управляющій Совѣтъ русского народного Института „Народный Домъ“ въ Львовѣ, при ул. Театральной ч. 22 II. поверхъ и приложити къ прошенію марку за 45 гелеровъ на отвѣтъ найдальше до 17 (30) іюня. Въ виду того, що число мѣстъ въ бурсѣ обмежено, слѣдуетъ вношеніе прошеній прискоритн и сголошатися о такое же принятіе якъ найскорше, ибо по заполненіи 90 мѣстъ въ бурсѣ дальшіи кандидаты на 1906/7 школьный годъ, по недостатку мѣста, приниматися не будутъ.

Начавши уже отъ теперь, будутъ сголосившіися, квалифікованныи кандидаты на 1906/7 школьный годъ въ бурсу приняты и о принятіи извѣщены. Кандидатамъ же неудовлетворившимъ условіямъ будутъ относительныи прошенія безотлагательно возвращены

7. Каждый принятый воспитанникъ долженъ имѣти передъ введеніемъ въ бурсу по крайней мѣрѣ 6 паръ бѣлья, 4 простирала, 4 пошевки, 4 ручники, 2 пары обуви, отвѣтное зимовое и лѣтное, школьными законами предписаное убранство и средства на книжки и на прочіи школьныи потребности, а кромѣ того сложити на руки управленія бурсы квоту 10 (десять) коронъ на покрытье эвентуального умышленного поврежденія инвентаря.

8. Для безпосредственного надзора и веденія учащейся молодежи въ бурсѣ пріймет„ „Народный Домъ“ квалифікованныи и опытныи лица, которыи дадутъ полное ручательство, що со розумѣніемъ дѣла и съ искренне отеческою старательностью будутъ печалитися о ввѣренныхъ ихъ опѣцѣ воспитанникахъ и заступятъ вполнѣ мѣсто родителей.

Управленіе бурсы доложитъ всякихъ усилій, щобы примѣщенная въ бурсѣ молодежь получала здоровое и питательное пропитаніе, велась нравственно и успѣвала хорошо въ наукахъ.

9. Примѣщенная въ бурсѣ молодежь будетъ обучатися, кромѣ школьныхъ предметовъ, науцѣ пѣнія нотного и ритуаль-

ного, исторіи Руси и двугимъ домашнимъ предметамъ. Домашніи предметы будутъ преподаватися молодежи безплатно, за эвентуальное же обучаніе школьнымъ предметамъ посредствомъ отдѣльныхъ инструкторовъ платится условлепная сума отдѣльно.

Для наблюденія надъ здоровьемъ молодежи будетъ принятъ особный врачъ.

10. Просящій долженъ опредѣлити точно свое мѣстопребываніе и послѣднюю почту. Приложенія прошеній можно будетъ отобрати или въ институской канцеляріи, или по почтѣ, но въ томъ послѣднемъ случаю нужно приложити почтовую марку за 45 гелеровъ.

Отъ Управляющого Совѣта русского народного Института „Народный Домъ“.

Львовъ дня 28 апрѣля (11 мая) 1906.

Ч. 409. — 2229 штукъ найкрасшой дубины, уже нумерованной, отъ 40 до 70 центиметровъ и выше въ діяметрѣ, есть въ имѣніи „Народного Дома“ во Львовѣ, Бѣлка, въ повѣтѣ Перемышлянскомъ, изъ вольной руки до продажи. Лѣсъ отстоитъ пять километровъ отъ державной дороги, ведущей изъ Бережанъ и Рогатина во Львовъ, въ другіи городы и до станцій желѣзнодорожныхъ.

Въ отдаленіи четырехъ километровъ отъ лѣса строится желѣзная дорога Львовъ-Подгайцы.

Оферты принимаетъ Управляющій Совѣтъ русского народного Института „Народный Домъ“ во Львовѣ при ул. Театральной ч. 22 II. поверхъ.

Освященіе второй львовско-городской Преображенской церкви „Народного Дома“ 16 (29) апрѣля 1906 г.

Актъ великой важности для церковно-народной жизни Галицкой Руси совершился въ Львовѣ, въ недѣлю Мироносицъ, 16 (29) апрѣля с. г. Въ тотъ день состоялось освященіе Преображенской церкви „Народного Дома во Львовѣ“, воздвигнутой лептами всего австро-русского народа, постройка которой требовала громадныхъ матеріальныхъ средствъ и затраты долшого времени. Червонная Русь получила въ престольномъ своемъ городѣ величавый храмъ, могущій въ себѣ вмѣстити сверхъ 3000 набожныхъ, русскіи же жители города Львова имѣютъ новый очагъ для своей религійно-духовной жизни и новую опору для своего національного бытія.

Современная гражданственность Европы проистекла изъ христіанской вѣры и нынѣшніи національности сей части міра формировались подъ ея покровомъ. Нравственныи принципы европейскихъ народовъ и ихъ общественный строй розвивался на почвѣ христіанской этики. Хотя въ нынѣшнее время среди нѣкоторыхъ кружковъ современныхъ цивилизованныхъ народовъ обнаруживается стремленіе къ розрыву національной жизни съ церковью, наша Прикарпатская Русь церковь считаетъ фундаментомъ, обрушеніе которого произвелобъ роспаденіе всѣхъ другихъ связей, соединяющихъ членовъ нашего народа для культурныхъ цѣлей и всеобщого прогресса, и въ концѣ розложеніе нашей національности. Неудивительно потому, що въ празднику 16 (29) апрѣля с. г. приняла живое участіе вся Прикарпатская Русь и радость львовскихъ русиновъ была радостью русиновъ по сю и ту сторону Карпатъ.

Торжество освященія церкви началось въ 8 ч. утра. Совершилъ его Высокопреосвященный митрополитъ Андрей гр. Шептицкій въ сослуженіи епископовъ перемышльского Константина Чеховича и станиславовского Григорія Хомишина, представителей всѣхъ трехъ галицко-русскихъ капитулъ и съѣхавшихся на торжество священниковъ изъ провинціи. На торжествѣ присутствовали представители державныхъ, автономичныхъ и и военныхъ властей, якъ: вицепрезидентъ намѣстничества Володимиръ гр. Лось съ Гродкова, краевый маршалъ Станиславъ гр. Бадени съ членомъ краевого Видѣла Михаиломъ Гліджукомъ и посломъ державной думы и сойма д-ромъ Михаиломъ Королемъ. вицепрезидентъ краевой финансовой дирекціи д-ръ Витолдъ Корытовскій, вицепрезидентъ краевой школьной рады д-ръ Едвинъ Плажекъ, президентъ высшого краевого суда д-ръ Александръ Тхоржницкій-Мнишекъ съ вицепрезидентомъ д-ромъ Іоанномъ Дылевскимъ, начальный директоръ почтъ и телеграфовъ Іоаннъ Алойзій Сеферовичъ-Любичъ, директоръ полиціи Вильгельмъ Шехтель, представители финансовой прокураторіи: прокураторъ скарба д-ръ Викторъ Корнъ и старшій совѣтникъ д-ръ Карлъ Маріанъ Энгель, командиръ львовского корпуса фельдмаршалъ-лейтнантъ Рудольфъ Брудерманнъ съ полковникомъ Туменомъ и маіоромъ Шашкевичемъ, представители думы города Львова съ президентомъ ея Михаиломъ Михальскимъ и вицепрезидентами: д-ромъ Ѳадеемъ Рутовскимъ и Станиславомъ Цюхцинскимъ, дальше представители другихъ католическихъ обрядовъ: архіепископъ д-ръ Іосифъ Бильчевскій, армянскій архіепископъ Іосифъ Теодоровичъ, делегаты и представители львовскихъ и провинціональныхъ русскихъ обществъ и братствъ, много русского духовенства изъ провинціи, прихожане всѣхъ львовскихъ церквей и много селянъ такъ изъ окрестностей Львова, якъ и дальшихъ сторонъ.

Во время архіерейской литургіи новый приходникъ львовской

Успенской церкви, о. Василій Давидякъ, произнесъ отвѣтную торжеству проповѣдь, одновременно проф. университета, о. д-ръ Іоаннъ Бартошевскій держалъ проповѣдь подъ открытымъ небомъ внѣ церкви для тѣхъ вѣрныхъ, що́ не могли помѣститись въ церкви. На богослуженіи пѣлъ хоръ, составленный изъ воспитанниковъ бурсъ Ставропигійской и „Народного Дома“.

Въ цѣлое продолженіе сего церковного торжества, кончившогося около 2 часовъ по-полудни ассистовали двѣ компаніи 95 полка пѣхоты, изъ которыхъ одна, внѣ церкви, въ сопровожденіи военной музыки, отдавала почетныи сальвы.

Послѣ обряда освященія владыки, провожаемыи крестными ходами и при звонѣ колоколовъ, вышли изъ церкви и отправились въ „Народный Домъ“, где для нихъ и участвовавшого въ чинѣ освященія духовенства, дальше для представителей гражданскихъ и военныхъ властей и принимавшихъ участіе въ церковномъ торжествѣ представителей русскихъ обществъ, Управляющимъ Совѣтомъ была устроенная скромная гостина.

Въ великой салѣ „Народного Дома“, великолѣпно украшенной по указаніямъ надсовѣтника намѣстничества, Сильвестра Гавришкевича и художника Макаревича розноцвѣтными коврами и цвѣтами, собралось около 250 особъ, привѣтствованныхъ Управляющимъ Совѣтомъ „Народного Дома“, съ предсѣдателемъ д-ромъ Іосифомъ Делькевичемъ и мѣстопредсѣдателемъ о. проф. Иваномъ Костецкимъ во главѣ. Въ концѣ сали, подъ галеріею съ восточной стороны, былъ уставленъ среди зелени мраморный бюстъ Его Величества императора Францъ-Іосифа, на стѣнѣ же галеріи былъ помѣщенъ щитъ съ гербомъ „Народного Дома“ (золотый левъ въ синемъ полѣ), украшенный двумя лентами золото-серебряно-тканными отъ знамени, подаренного архикнягинею Софіею, матерію Его Величества императора Францъ-Іосифа, баталіону галицко-русскихъ стрѣлковъ, выставленному въ 1849 г. Головною Радою русскою на подмогу Высочайшей Династіи противъ мятежныхъ мадьяръ. На лентахъ видны были вышитыи слова: Treue führt zum Siege — Sofie, Erzherzogin von Oesterreich.

Въ время гостины Высокопреосвященный митрополитъ Андрей гр. Шептицкій произнесъ тостъ въ честь папы и императора, послѣ которого военный оркестръ на галеріи западной стороны сали съигралъ народный гимнъ, который собранныи выслушали стоя. Затѣмъ д-ръ И. А. Добрянскій, предсѣдатель „Русской Рады во Львовѣ“ прочиталъ надоспѣвшую во время церковного торжества поздравительную телеграмму Его Величества императора, текстъ которой подаемъ ниже. Та телеграмма вызвала у собравшихся воодушевленіе, проявившееся громкими воскликами „Многая лѣта“. Вторый тостъ произнесъ

предсѣдатель „Народного Дома“, крыл. д-ръ Іосифъ Делькевичъ, въ честь митрополита и владыкъ, освятившихъ церковь. Третій тостъ произнесъ о. проф. Иванъ Костецкій, мѣстопредсѣдатель „Народного Дома“ въ честь гостей-представителей военныхъ, державныхъ и автономическихъ властей. Четвертый тостъ произнесъ д-ръ В. Ѳ. Дудыкевичъ въ честь австро-русского народа, жертвами которого созданый храмъ, отмѣчая въ своей рѣчи миролюбіе и привязанность австро-русского народа къ своей церкви.

Изъ гостей первый отвѣтилъ армянскій архіепископъ Іосифъ Теодоровичъ. Навязуя къ словамъ д-ра Дудыкевича, сказавшого о миролюбіи австро-русского народа, ораторъ, говоря по русски, указалъ на сходныи точки, могущіи сблизити польскій съ русскимъ народомъ и водворити между ними взаимное соглашеніе и произнесъ тостъ за процвѣтаніе „Народного Дома“ въ руки предсѣдателя о. д-ра Іосифа Делькевича. Та рѣчь произвела хорошее впечатлѣніе и была сопровождаемая рукоплесканіями. Послѣ архіепископа Іосифа Теодоровича сказалъ рѣчь краевый маршалъ, гр. Станиславъ Бадени, выражая желаніе, щобы Божіи храмы римо- и греко католического обрядовъ, созыдаемыи въ Галичинѣ, служили идеѣ мира и согласія между жителями края.

Послѣдній тостъ произнесъ д-ръ Н. И. Антоневичъ въ чсеть духовенства, которое есть первымъ учителемъ и просвѣтителемъ народа.

Около 4 ч. пополудни кончилась гостина и участники розошлись, унося съ собою отрадныи воспоминанія и сознаніе, що торжество, участниками которого были, несомнѣнно составляетъ событіе важное для дальшей культурной жизни нашего народа.

Недѣлю назадъ передъ освященіемъ Преображенской церкви, Управляющій Совѣтъ „Народного Дома“ отправилъ посредствомъ президіи ц. к. намѣстничества въ Львовѣ къ Его Величеству императору Францъ-Іосифу вѣрноподданическій адресъ съ изъявленіемъ благодарности за милость, оказанную Нимъ въ 1849 г. галицко-русскому народу черезъ дарованіе розвалинъ прежняго библіотечного зданія на постройку второй львовскогородской Преображенской церкви и дарованіе розвалинъ прежняго университетского зданія на постройку „Народного Дома, съ извѣщеніемъ о имѣющемъ 16 (29) апрѣля с. г. состоятись освященіи нового храма. Адресъ тотъ, яко историческій документъ, помѣщаемъ здѣсь всецѣло, съ его нѣмецкимъ и русскимъ текстами.

Текстъ нѣмецкій гласитъ:

Euere Kaiserliche und Königliche Majestät, Allergnädigster Kaiser und Herr!

Vor sieben und fünfzig Jahren, haben Euere Kaiserliche und Königliche Majestät im Beginne Höchstderselben glorreicher Regierung, in väterlicher Vorsorge um das geistige und materielle Wohl der von der Vorsehung Höchstderen Scepter untergebenen Völker, der Bitte der reichstreuen Ruthenen Galiziens allergnädigst zu willfahren geruht und Allerhöchst angeordnet, damit die Ruinen des abgebrannten Universitäts-Bibliotheksgebäudes in Lemberg sammt dem Grunde den Ruthenen zur Umgestaltung in eine gr. kath. Pfarrkirche und zur Gründung eines National-Institutes unentgeldlich ins volle und unbeschränkte Eigentum übergeben werden. Durch diese allergnädigste Schenkung haben Eure Kaiserliche und Königliche Majestät, als gütigster und auf die geistige Entwickelung eines jeden Volksstammes der Monarchie bedachter Landesvater, den Wunsch deutlich geoffenbart, dass die dem Allerhöchsten Kaiserhause treu ergebenen Ruthenen eine Heimstätte zur Pflege der Wissenschaft und Kunst und zur Hebung ihrer geistigen und materiellen Kultur, bei sorgsamer Wahrung der Grundsätze des alleinseligmachenden Christenthums und der darauf gebauten Sittlichkeit, erlangen.

Von diesem huldvollen Geschenke wurde seinerzeit die damalige Ruthenische Haupt-Versammlung in Lemberg, welche in den Jahren 1848—1851 die Vertretung der gesammten ruthenischen Bevölkerung Galiziens bildete, vermittelst der Zuschrift des hohen k. k. galizischen Landesguberniums vom 19 October 1849, auf Grund der Mitteilung des hohen k. k. Ministeriums für Cultus und Unterricht vom 25 Juni 1849 Z. 227, sowie des hohen k. k. Ministeriums des Inneren vom 11 October 1849 Z. 19755 verständigt. Am 8 November 1849 erfolgte die physische Übergabe der geschenkten Objekte, worauf die diesbezügliche Eigenthums-Übertragungs-Urkunde von dem hohen k. k. galizischen Landesgubernium zu Händen des gr. kath. Domscholastikers P. Michael Malinowski, als Bevollmächtigten der Ruthenischen Haupt-Versammlung in Lemberg, den 26 Juni 1850 Z. 24560, ausgestellt wurde.

In regem Eifer den in der gnadenvollsten Schenkung ausgedrückten Gedanken zu verwirklichen, hatte das gesammte Ruthenenvolk Österreichs sich damals vereinigt, um möglichst bald Mittel zur Herstellung des Gotteshauses und des National-Institutes aufzubringen, und war hochbeglückt, als Eure Kaiserliche und Königliche Majestät in Höchsteigener Person, bei Gelegenheit des Besuches Galiziens, den 18 Oktober 1851 den Grundstein zur zweiten ruthenischen Stadtpfarrkirche und zum ruthenischen National-Institute in Lemberg zu legen geruhten. Das ruthenische Volk wurde noch zu wiederholten Malen der Allerhöchsten Gnade teil-

haftig, indem Eure Kaiserliche und Königliche Majestät und Ihre Kaiserlichen Hoheiten Mitglieder des Allerhöchsten Kaiserhauses, das begonnene Werk mit namhaften Spenden zu unterstützen geruhten.

Nachdem der Bau des Nationalhauses vollendet und wissenschaftliche Mittel zur Gründung der Bibliothek und der Museen gesammelt waren, constituierte sich behufs voller Verwirklichung der durch den Allerhöchsten Gnadenakt vorgesteckten Ziele, auf Grund des Gesetzes vom 15 November 1867 (R. G. B. N. 134), ein Verein unter dem Namen „Rusko-narodnyj Institut Narodnyj Dom wo Lwowi" (das Ruthenisch-National-Institut Narodnyj Dom in Lemberg). dessen Statuten von der hohen k. k. Statthalterei in Lemberg mit Rescript vom 11 Februar 1869 Z. 7257 bestättigt wurden.

So begann das National-Institut, dem Eure Kaiserliche und Königliche Majestät durch Höchstderselben Gnadenakt den Grund gelegt hatten, seine segensreiche Wirksamkeit auf wissenschaftlich-culturellem Boden zu entfalten; die von den Ruthenen sehnlichst erwünschte und mit sehr bedeutendem Aufwande erfolgte Herstellung der zweiten Stadtpfarrkirche, deren photographische Aufnahmen wir alleruntertänigst beizulegen wagen, konnte jedoch mit Hilfe der Sparpfennige des armen ruthenischen Volkes erst neulich zu Ende geführt werden, so dass nunmehr zur Einweihung derselben geschritten werden kann.

Nun steht das Gotteshaus — eine Frucht der allergütigsten Gnade des auf das Wohl seines treuen Ruthenenvolkes bedachten Monarchen-errichtet für Zwecke des religiösen Kultus und mit den zu kirchlichen Handlungen nötigsten Gegenständen versehen. Der in allerunterthänigster Ehrfurcht unterzeichnete Vorstand des ruthenischen National-Instituts „Narodnyj Dom" in Lemberg erbat S-e Exzellenz den Hochwürdigsten, Metropoliten von Lemberg Andreas Gr. Szeptycki die Einweihung desselben am 29 April l. J. vorzunehmen, welcher Bitte geneigtest willfahrt wurde.

Aus Anlass dieses Weiheaktes erachtet es die in tiefster Ehrfurcht gefertigte Vertretung des ruthenischen National-Institutes „Narodnyj Dom" in Lemberg für ihre heilige Pflicht, im Namen aller Mitglieder dieses Institutes, so wie auch im Namen der gesammten ruthenischen Bevölkerung des Landes vor die Stufen des erhabenen Thrones Euerer Kaiserlichen und Königlichen Majestät zu treten, um an diesem denkwürdigen Tage dem grossmütigen Spender die ergebensten Gefühle des innigsten Dankes, sowie der unverbrüchlichsten Treue und der tiefsten Ehrfurcht zu Füssen zu legen und der festen Überzeugung Ausdruck zu geben, dass diese Kirche, in welcher die Gläubigen für das Wohl und die Gesundheit Euerer Kaiserlichen und Königlichen Majestät und des Allerdurchlauchtigsen Kaiserhauses, sowie für das gemeinsame Vaterland dem Allerhöchsten ihre Opfer und Gebete darbringen werden, sammt dem ruthenischen National-Institute in Lemberg ein kräftiges, unzertrennliches Band der Liebe, Treue, und Hingebung des

ruthenischen Volkes an seinen innigst geliebten Monarchen und das Allerhöchste Kaiserhaus bilden werden.

In treuester Anhänglichkeit, allertiefster Verehrung und innigster Dankbarkeit

Euerer Kaiserlichen und Königlichen Majestät allerunterthänigster

Vorstand des ruthenischen Nationalhauses „Narodnyj Dom“ in Lemberg.

Lemberg den 18 April 1906.

Secretär: Roman Krasicki

Vorsitzender: D-r Josef Delkiewicz

Vertreter des Vorsitzenden: Johann Kostecki.

Текстъ русского перевода, помѣщенного подлѣ нѣмецкого текста, гласитъ:

Ваше цѣсарское и королевское Величество!

Пятьдесять семь лѣтъ тому назадъ Ваше цѣсарское и королевское Величество изволили, въ началѣ своего преславного царствованія, въ отеческомъ стараніи о душевномъ и матеріяльномъ блазѣ народовъ, Провидѣніемъ подданныхъ Вашему скипетру, приклонитись найласкавѣйше къ просьбѣ вѣрныхъ державѣ русиновъ Галичины и всевысочайше роспорядити, абы розвалины сожженного зданія университетской библіотеки во Львовѣ вразъ съ землею были отданы русинамъ даромъ въ полное и необмеженное владѣніе для перестройки на гр. к. вторую городскую приходскую церковь и на основаніе національного Института. Тѣмъ найласкавѣйшимъ даромъ Ваше цѣсарское и королевское Величество, яко наймилостивѣйшій и о духовномъ розвитіи каждого племени заботящійся Государь, вразумительно заявили желаніе, абы Всевысочайшему Императорскому Дому вѣрныи русины получили очагъ для розвитія науки и искусства и для поднятія ихъ духовной и матеріяльной культуры и старательно охороняли принципы единоспасительного христіанства и основанную на нихъ нравственность.

О томъ всемилостивѣйшемъ дарѣ была въ свое время тогдашняя Головная Рада русская во Львовѣ, составлявшая въ 1848—1851 гг. представительство всего русского народа Галичины, извѣщенная рескриптомъ высокой ц. к. галицкой губер-

нiи краевой отъ 19-го октября 1849, на основаніи сообщенія высокого ц. к. министерства вѣроисповѣданій и просвѣщенія отъ 25 іюня 1849 ч. 227, якъ также высокого ц. к. министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 11 октября 1849 ч. 19755. Дня 8 ноября 1849 послѣдовала физичная передача подаренныхъ предметовъ, послѣ чего относительная грамота перенесенія права собственности была высокою ц. к. галицкою губерніею выставленная дня 26 іюня 1850 ч. 24560 на имя гр. к. капитульного схолястика о. Михаила Малиновского, яко уполномоченного Львовской Головной Русской Рады.

Весь австро-русскій народъ соединился тогда въ усердномъ рвеніи, щобы осуществити мысль выраженную наймилостивѣйшею даровизною и якъ найскорше собрати средства для сооруженія такъ храма Божія, якъ и національного Института и былъ въ найвысшей степени ощастливленъ, когда Ваше цѣсарское и королевское Величество изволили высочайше собственноличо, во время посѣщенія Галичины 18 октября 1851 г., положити краеугольный камень подъ вторую русскую приходскую церковь и русскій народный Институтъ.

Русскій народъ еще нѣсколькократно удостоился быти участникомъ Найвысшей ласки, ибо Ваше цѣсарское и королевское Величество и Ихъ цѣсарскіи Высочества, члены Найавгустѣйшого Императорского Дома изволили пособити начатое дѣло значительными жертвами.

Коли постройка Народного Дома укончилася и были собраны научныи пособія для заведенія библіотеки и музеевъ, основано было, для полного осуществленія цѣлей намѣченныхъ Высочайшимъ актомъ ласки, общество на основаніи закона отъ 15 ноября 1867 (В. З. Д ч. 134.) подъ названіемъ „Русско-народный Институтъ Народный Домъ во Львовѣ“, статуты которого были подтверждены высокимъ ц. к. намѣстничествомъ во Львовѣ рескриптомъ отъ 11 февраля 1869 ч. 7257. Такъ сталъ народный Институтъ, получившій свою основу въ Наймилостивѣйшемъ актѣ ласки Вашего цѣсарского и королевского Величества, розвивати свою благотворную дѣятельность на научно-культурномъ поприщѣ, столь-же вожделѣнное русинами и съ значительными издержками совершавшееся сооруженіе приходской церкви, фотографическіи снимки которой прилучити покорнѣйше осмѣляемся, могло при помощи крейцаровыхъ жертвъ бѣдного русского народа только недавно быти довершеннымъ до конца, такъ що только теперь можно приступити къ ея освященію.

Такъ стоитъ теперь храмъ Божій, овощь наймилостивѣйшей ласки Монарха, заботящогося о блазѣ своего вѣрного народа, приготовленъ для цѣлей религійного культа и заосмотренъ самыми необходимыми для церковныхъ требъ предметами. Въ всеподданнѣйшемъ благоговѣніи подписавшійся Управляющій Совѣтъ русского народного Института „Народный Домъ“ во Львовѣ упросилъ Его Превосходительство Высокопреосвящен-

ного митрополита львовского Андрея гр. Шептицкого совершити его освященіе 29 апрѣля с. г., которой-то просьбѣ найприклоннѣйше было удовлѣтворено.

Съ причины сего акта освященія, въ глубочайшемъ благоговѣніи подписавшійся Управляющій Совѣтъ русско-народного Института „Народный Домъ“ во Львовѣ считаетъ своимъ священнымъ долгомъ, станувъ отъ имени всѣхъ членовъ сего Института и отъ имени всего русского населенія края передъ Высокимъ престоломъ Вашего цѣсарского и королевского Величества, въ тотъ достопамятный день Великодушному Жертвователю полныи преданности чувства искреннѣйшого благодаренія, незломной вѣрности и глубочайшого благоговѣнія у стопъ сложити и дати выразъ тому твердому убѣжденію, що та церковь, въ которой вѣрныи Всевышнему свои жертвы и молитвы о благоденствіи и здоровьѣ Вашего цѣсарского и королевского Величества, за Найавгустѣйшій Императорскій Домъ, якъ также за общее отечество приносити будутъ, разомъ съ русско-народнымъ Институтомъ во Львовѣ, составитъ крѣпкую нерозрывную связь любви, вѣрности и преданности русского народа съ своимъ возлюбленнымъ Монархомъ и Августѣйшимъ Императорскимъ Домомъ.

Въ найвѣрнѣйшой привязанности, глубочайшемъ благоговѣніи и искреннѣйшей благодарности

Вашего цѣсарского и королевского Величества всеподданнѣйшій

Управляющій Совѣтъ русского народного Института „Народный Домъ“ во Львовѣ.

Львовъ дня 5 (18) апрѣля 1906.

Секретарь:
о. Романъ Красицкій

Предѣдатель:
Д-ръ Іоаннъ Делькевичъ

Мѣстопредсѣдатель:
о. Іоаннъ Костецкій.

Адресъ былъ написанъ на пергаменѣ въ двохъ столбцахъ, съ нѣмецкимъ и русскимъ текстомъ подлѣ себе и вложенъ съ добавленнымн къ нему четырмя фотографическими снимками Преображенской церкви, именно внѣшняго вида церкви отъ сѣверо-западной стороны и внутреннихъ видовъ иконостаза, хоровъ и канделябровъ, также проповѣдальницы — въ изящный переплетъ формою альбома, изъ кожи темного цвѣта, съ голубыми плюшевыми вкладками, съ вытисненными украшеніями въ стилѣ возрожденія. Въ серединѣ лицевой стороны переплета вытисненъ гербъ „Народного Дома“ — золотый левъ на золотомъ фонѣ, взбирающійся на скалу. Титуловый листъ тоже розукрашенъ изящнымъ рисункомъ и гербомъ „Народного Дома“

въ верху, съ надписію: Seiner Kaiserlichen und Königlichen Apostolischen Majestaet Franz Joseph I. Kaiser von Oesterreich u. s. w. u. s. w. u. s. w. Das treu-ergebene und dankbare Ruthenische National-Institut „Narodnyj Dom“ in Lemberg. 18 October 1851—29 April 1906. (Его Цѣсарскому и Королевскому Апостольскому Величеству Францъ-Іосифу I. императору Австріи и т. д. и т. д. и т. д. Вѣрно-подданый и благодарный Русскій Народный Институтъ „Народный Домъ“ въ Львовѣ. 18 октября 1851—29 апрѣля 1906). Адресъ былъ вложенъ въ изящную касету изъ бордо-цвѣта съ стекляною покрышкою, выложенную плюшемъ синяго цвѣта.

Въ отвѣтъ на тотъ адресъ надоспѣла въ время чина посвященія церкви слѣдующая телеграмма: Kabinets Kanzlei Seiner Kaiserlichen und Königlichen Apostolischen Majestaet an das ruthenische National-Institut Narodnyj Dom in Lemberg. Seine Kaiserliche und Königliche Apostolische Majestaet haben die vom „Narodnyj Dom“ aus Anlass der Einweihung der zweiten ruthenischen Stadtpfarrkirche in Lemberg überreichte, von loyalen Gefühlen zeugende Adresse mit Befriedigung allergnädigst dankend entgegenzunehmen geruht und nehmen huldvollst an der heutigen Feier freudigen Anteil. Schiessl.

(Кабинетная канцелярія Его Цѣсарского и Королевского Апостольского Величества русскому народному Институту „Народный Домъ“ въ Львовѣ. Его цѣсарское и королевское Величество изволили вселаскавѣйше съ удовольствіемъ и благодарностію принять, „Народнымъ Домомъ“ по случаю освященія второй русской городско-приходской церкви въ Львовѣ предложенный и о лояльныхъ чувствахъ свидѣтельствующій адресъ и берутъ всемилостивѣйше радостное участіе въ нынѣшнемъ торжествѣ. Шисль.)

Отвѣтъ Его Величества, отчитанный, якъ мы выше сказали, во время гостины, вызвалъ среди собранныхъ восторгъ и Его Превосходительство митрополитъ Андрей гр. Шептицкій вслѣдъ затѣмъ отправилъ къ Его Величеству слѣдующую телеграмму: Aus Anlass der soeben erfolgten Einweihung der zweiten griechisch-katholischen Stadtpfarrkirche in Lemberg, welches freudige Ereignis die Ruthenen Galiziens der hochherzigen Spende Eurer Kaiserlichen und Königlichen Apostolischen Majestaet verdanken, erlauben sich die versammelten Mitglieder des Instituts „Narodnyj Dom“ in Lemberg und zahlre che anwesende Vertreter des ruthenischen Volkes Galiziens an die Stufen des Thrones Eurer Kaiserlishen und Königlichen Apostolischen Majestaet die Ausdrüche der tiefgefühlten Dankbarkeit und der unwandelbaren Treue und Ergebenheit unterthänigst zu übersenden. Andreas Gr. Szeptycki Metropolit und Protector des Institutes. Dr. Josef Delkiewicz Vorsitzender des Institutes. (Съ причины точно теперь послѣдовавшого освященія второй греко-католической городско-приходской церкви въ Львовѣ, которымъ-то радостнымъ событіемъ галицкіи русины одолжены великодушной милостинѣ Вашего цѣсарского

и королевского Апостольского Величества, собравшіися члены Института „Народный Домъ“ въ Львовѣ и численныи присутствующіи представители галицко-русского народа осмѣляются у подножія престола Вашего цѣсарского и королевского Апостольского Величества всеподданнѣйше сложити выразы глубоко прочувствованной благодарности и несмѣнной вѣрности и преданности. Андрей гр. Шептицкій митрополитъ и протекторъ Института. Д-ръ Іосифъ Делькевичъ предсѣдатель Института.)

На ту телеграмму вскорѣ пришелъ слѣдующій отвѣтъ: Erzbischof Graf Szeptycki. Lemberg. Ich danke Ihnen und den bei der Einweihung der zweiten griechisch-katholischen Stadtpfarrkirche in Lemberg Versammelten für die zum Ausdrucke gebrachten loyalen Gefühle und freue mich, dass dieses schoene Werk vollendet ist. Franz Josef. (Архіепископу гр. Шептицкому. Львовъ Благодарю Вамъ и собравшимся на освященіе второй греко-католической городско-приходской церкви въ Львовѣ за выраженныи лояльныи чувства и тѣшуся, що то хорошее дѣло доведено къ концу. Францъ Іосифъ.)

Нынѣшняя Преображенская церковь „Народного Дома“, имѣющая статись второю городско-приходскою церквою въ Львовѣ, передѣлана изъ прежняго кляштора латинского ордена тринитаріевъ.

Орденъ тринитаріевъ (Ordo sanctae Trinitatis de redemptione captivorum) былъ основанъ въ второй половинѣ 12 вѣка Іоанномъ изъ Маоы и пустинножителемъ Феликсомъ Валоа въ цѣли выкупна христіанскихъ рабовъ и плѣнниковъ изъ рукъ невѣрныхъ. Его утвердилъ папа Иннокентій III. въ 1198 г. и тогда онъ изъ Франціи сталъ роспространятись въ Италіи, Англіи и Ишпаніи. Третья часть его доходовъ шла правильно на выкупъ плѣнныхъ. Они носили бѣлое монашеское облаченіе съ красно-голубымъ крестомъ на груди. Монашеское ихъ правило было съ начала строгое. Имъ не льзя было ѣздити на конѣ, только на ослѣ, въ Ишпаніи же они ходили босо Только въ второй половинѣ 16 вѣка послѣдовала реформа ордена съ смягченьемъ прежнихъ суровыхъ правилъ.

Король польскій, Янъ III. Собѣскій, воевавшій много съ турками, пригласилъ ихъ въ Польщу, щобы здѣсь роспространили свою полезную дѣятельность и они съ 1685 г. стали въ семъ государствѣ основывати свои домы. Въ Львовѣ явились тогда три тринитаріи-ишпанцы и стали искати мѣста для помѣщенія своего дома. Сначала они пробовали пріобрѣсти на собственность сожженный костелъ Маріи Снѣжной, но то имъ не удалось. Городъ позволилъ имъ купити нѣсколько обрушившихся домовъ при нынѣшней Бляхарской улицѣ и торгъ состо-

ялся уже былъ за сумму 5000 золотыхъ польскихъ, но жиды подняли тревогу и покупку сдѣлали напрасною.

Тринитаріи оглядалися за другимъ мѣстомъ — и въ концѣ удалось имъ купити при нынѣшней Краковской улицѣ отъ Александра Дыновича его домъ; пріобрѣвъ отъ сосѣдовъ столько земли, сколько было нужно для постройки монастыря, они въ 1703—1727 гг. создали церковь съ домомъ для монаховъ и завели въ немъ коллегію.

Кляшторъ тринитаріевъ былъ упраздненъ Іосифомъ II. въ 1783 г., пространное же его зданіе было приспособлено для нового университета, получившого названіе въ честь своего основателя „Josephina“. Костелъ опредѣлено на помѣщеніе университетской библіотеки, въ которую по приказу правительства отдано всѣ книги и рукописи изъ упраздненныхъ галицкихъ кляшторовъ и русскихъ монастырей. Инаугурація сего университета отбылась 16 ноября 1784 г.

Въ 1801 г. львовскій университетъ былъ соединенъ съ Ягайлонскимъ въ Краковѣ и въ Львовѣ остался въ потринитарскомъ зданіи только лицей. Когда въ 1817 г. императоръ Францъ I. посѣщалъ Галичину, возобновилъ онъ на память своего пребыванія въ семъ краѣ львовскій университетъ, яко университетъ второй ранги подъ названіемъ „Universitas Franciscea“. Торжественная инавгурація его происходила 4 ноября 1817 г. Его помѣстили въ прежнемъ университетскомъ зданіи, т. е. въ прежнемъ тринитарскомъ кляшторѣ, библіотека же лицеальная, находившаяся въ упраздненномъ костелѣ, сталась опять университетскою библіотекою. Въ время бомбардированія Львова, 2 ноября 1848 г., цѣлое университетское зданіе вмѣстѣ съ библіотекою, стались жертвою пламени; едва часть книгъ и рукописей удалось спасти.

Видя недостатокъ русскихъ церквей въ Львовѣ, Головная Рада русская въ Львовѣ подала 24 апрѣля 1849 ч. 184 просьбу къ императору о дарованіе сгарищъ университетской библіотеки на постройку второй городско-приходской церкви и части сгарища университетского зданія на постройку приходского дома.

Пока та просьба была удовлетворенная, среди львовскихъ русиновъ возникла мысль основати „Народный Домъ“, яко средоточіе и подспорье духовной жизни. Въ протоколѣ 91-ого засѣданія Головной Русской Рады отмѣчается, що 20 мая (1 іюня) 1849 г. Павенцкій поставилъ внесеніе, абы сумма, оставшаяся изъ фестина 3 (15) мая 1849 г. обращена была на „Народный Домъ“. Его попираетъ о. Левъ Трещаковскій и Геровскій. Формальное внесеніе о созданіи „Народного Дома“ поставилъ Трещаковскій на 93 засѣданіи Головной Русской Рады 3 (15) іюня 1849 г. и когда оно было принято, онъ самъ найусерднѣйше занялся симъ дѣломъ.

Имѣя въ виду созданіе „Народного Дома“, Головная Русская Рада подала 28 августа 1849 г. ч. 227 вторую просьбу къ

императору о дарованіе прочихъ частей университетскихъ розвалинъ на постройку „Народного Дома“.

Въ то время первая просьба Головной Русской Рады была уже приклонно рѣшенная, ибо министерство вѣроисповѣданій въ порозумѣніи съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ рѣшеніемъ отъ 25 августа 1849 г. согласилось подарити русинамъ сгарища университетской библіотеки на постройку церкви. Отвѣтъ на вторую просьбу о дарованіе университетскихъ розвалинъ на „Народный Домъ“ послѣдовалъ въ октябрѣ 1849 г. Именно министерство внутреннихъ дѣлъ рѣшеніемъ отъ 11 октября 1849 г. ч. 12694 приклонилось къ просьбѣ русиновъ и подарило имъ прочую часть розвалинъ прежняго университетского зданія на постройку „національного института“, о чѣмъ губернія извѣстила Головную Раду русскую рескриптомъ отъ 19 октября 1849 г. ч. 12694. Протоколярная передача подаренныхъ предметовъ Головной Радѣ русской, посредствомъ ея уполномоченныхъ, состоялась 8 ноября 1849 губ. ч. 22172 (X. 551).

Послѣ того на 104 засѣданіи Головной Русской Рады 4 (16) ноября 1849 г. заявилъ ея предсѣдатель: „Згорѣлище академическое уже ôддане зостало **посредствомъ Русинôвъ Львôвскихъ для галицко-русского народа.** Давъ бы Богъ, абы нарôдъ нашъ змôгъ оное для великого добра своего устроити. Щобы займитися тою справою, вношу: 1) абы выказати давни складки и употребленіе ихъ въ „Зорѣ“, о котрыхъ тамъ не писалося. Зо складокъ на 3 (15 мая еще позôстае 1000 зр. срб. въ шпаркасѣ; 2) абы дому народного дозирали: ЧЧ. Валерій Хоминскій и Трещаковскій; 3) абы церковь дозирали ЧЧ. Лозинскій и Балякъ; 4) абы учинити Выдѣлъ Рады для справъ въ тôмъ взглядѣ зъ ЧЧ. Геровского, Кульчицкого, Якима Хоминского и Товарницкого. На предсѣдателя того Выдѣла запросила Рада Всеч. Михаила Куземского; 5) на собирателей складокъ ЧЧ. Лотоцкого и Гуркевича.“ Внесеніе было принято.

Грамота перенесенія права собственности была выставленная 26 іюня 1850 ч. 24560.

На засѣданіи Головной Рады Русской 16 (28) февраля 1851 г. рѣшено установити для дѣлъ „Народного Дома“ двѣ комиссіи: одну для собиранія жертвъ, другую для постройки „Народного Дома“ и выбрано въ ихъ составъ: Шушкевича, Товарницкого, Хоминского, Билинского, Трещаковского, Лозинского, Коцюбу, Дмитрикова, сов. Заржицкого, Кадерножку и Бачинского. Обѣ тѣ коммиссіи соединились 21 марта 1851 г. въ одну коммиссію подъ названіемъ: „Коммисія справами Дома Народного завѣдующая“.

На засѣданіи Рады Головной 17 (30) іюня 1851 г. предсѣдатель ея крыл. Куземскій поставилъ внесеніе, абы Рада, яко собраніе политическое, розвязалася и съ оного дня перемѣнила себе въ коммиссію дѣлами Народного Дома завѣдующую. То

рѣшеніе приняло намѣстничество къ свѣдѣнію и рескриптомъ отъ 11 н. ст. іюля 1851 ч. 5965 утвердило. Но такъ якъ тогдашняя Головная Рада числила 40 членовъ и засѣданіе ея могло имѣти характеръ собранія, то въ виду введенного осадного положенія генеральная команда требовала, дабы въ первыхъ ей сообщити внутреннее устройство, составъ коммиссіи и отмѣтити цѣли ея существованія. На собраніи коммиссіи 6 сентября 1851 г. принято яко цѣль коммиссіи: 1) сношеніе съ коммиссіями окружными и деканальными для собиранія жертвъ на „Народный Домъ“ и его церкви; 3) сношеніе съ правительствомъ и властями въ дѣлахъ „Народного Дома“ и имѣвшей строитись церкви; 4) составленіе статута для „Народного Дома“ и предложеніе его правительству для утвержденія На томже собраніи яко исполнительный органъ коммиссіи былъ избранъ Выдѣлъ, въ составъ котораго вошли: крыл. Куземскій яко предсѣдатель, яко члены же: крыл. Дуткевичъ, сов. Заржицкій, сов. Гуркевичъ, Хоминскій, Ильницкій, Трещаковскій и Кульчицкій.

Та коммиссія принимала торжественно Его Величество императора, когда онъ, посѣщая Галичину, 18 октября 1851 г. собственноличо изволилъ положити краеугольный камень подъ начавшійся строити „Народный Домъ“ и его церковь, подтвержденіе же ея правительствомъ послѣдовало рескриптомъ намѣстничества отъ 30 ноября 1851 г. ч. 10883 съ условіемъ, абы о каждомъ засѣданіи ея извѣстити войсковую городскую команду и „ц. к. городское капитанство“, коммиссары которыхъ должны присутствовати на засѣданіяхъ. Та контроля продолжалася такъ долго, пока не было отмѣнено осадное положеніе.

Та коммиссія, титуловавшая себе обыкновенно „Коммиссія предстоящая дѣламъ „Народного Дома“ и созидаемой второй городской церкви во Львовѣ“ и дополняваяся черезъ кооптацію, считала первою своею задачею построити „Народный Домъ“ и придати ему характеръ научно-просвѣтительного заведенія на подобіе заведенія имени Оссолинскихъ въ Львовѣ, поддерживавшого національную духовную жизнь галицкихъ поляковъ, а затѣмъ начати постройку церкви. Въ такомъ дусѣ она издавала отзывы къ народу съ воззваніемъ присылати жертвы и составила 18 (30) октября 1853 г. ч. 113 статутъ Института, который долго странствовалъ между львовскимъ намѣстничествомъ и Вѣднемъ и не былъ утвержденъ.

Не смотря на то, Коммиссія усердно занималась постройкою „Народного Дома“, начатою въ началѣ 1850 г. и довела ее къ концу въ 1862 г. Росходы на ту постройку и на очистку и приведеніе въ порядокъ розвалинъ потринитарского костела составляли по послѣднее число декабря 1864 г. 170088 зр. $69^{1}/_{4}$ кр.

Когда появился новый законъ объ обществахъ отъ 15 ноября 1867 (В. з. д. ч. 134), прежде предложенный властямъ статутъ уже не соотвѣтствовалъ законамъ и по той причинѣ не-

обходимо было составити новый статутъ на основаніи нового закона. То и сдѣлала Коммиссія и новый статутъ „Народного Дома“ былъ утвержденъ львовскимъ намѣстничествомъ 11 октября 1869 ч. 7257

Первое общее собраніе русского Института „Народный Домъ“ во Львовѣ, на основаніи нового статута, состоялося 23—24 ноября (5—6 декабря) 1872 г. и на немъ рѣшено приступити къ постройцѣ второй городской церкви.

Дѣятельность Коммиссіи была въ кождомъ отношеніи похвалы достойною. Она не только построила громадное зданіе „Народного Дома“, но и купила три смежныи съ нимъ каменныи домы, пріобрѣла имѣніе Бѣлка и Костеневъ, подаренное д-ромъ Васкевичемъ, собрала для библіотеки много книгъ, для музеевъ много археологическихъ и естественныхъ предметовъ, многоцѣнную нумизматику и приготовила вообще все, що необходимымъ было, щобы „Народный Домъ“ сдѣлати на подобіе заведенія Оссолинскихъ очагомъ науки и просвѣщенія. Единственно недостатокъ личности, знающей приспособити тѣ сокровища для общенародного образованія, помѣшалъ полнему осуществленію благихъ намѣреній Коммиссіи.

Якъ созданіе „Народного Дома“ было заслугою Коммиссіи, такъ постройка церкви „Народного Дома“ была заслугою Управляющихъ Совѣтовъ, дѣйствующихъ съ 1873 г.

Постройка началась въ 1873 г. Фронтовая часть потринитарского костела находилась въ довольно хорошемъ, стѣны пресвитеріи и своды въ розрушившемся состояніи. Тѣ послѣдніи необходимо было розобрати и построити новыи. Къ пресвитеріи пристроено апсиду, съ фундамента начавши. Относительно стиля — фронтовый фасадъ костела былъ въ нижней части въ ренесансѣ, въ верхней части барокко.

Планъ перестройки изготовилъ здравствующій сегодня надсовѣтникъ намѣстничества г. Сильвестръ Гавришкевичъ, подъ наблюденіемъ которого велись дальшіи роботы и который громадныи заслуги положилъ около воздвиженія сего храма. Царскій престолъ, иконостасъ и амвонъ, касательно рѣзбярскихъ роботъ, есть дѣломъ Маерского изъ Перемышля, касательно живописи — произведеніемъ Ѳадея Попеля изъ Львова. Будовничимъ былъ Адальбертъ Гааръ, очень совѣстный человѣкъ — тесельскіи роботы исполнилъ Карасевичъ, бляхарскіи Чмѣль, столярскіи Щерба — три послѣдніи русскіи ремесленники.

Нынѣшній стиль церкви есть ренесансъ — только часть сгѣнъ подъ хорами и сами хоры есть барокко. Постройка церкви, которая въ внутри не есть еще розукрашенная, стоила до сихъ поръ 467052 кор. 91 гел.

Когда постройка церкви кончилась, Управляющій Совѣтъ внесъ въ 1902 г. 5 апрѣля ч.ч. 275 и 287 просьбу въ намѣстничество посредствомъ митрополичьяго Ординаріата о предпринятіе мѣръ для открытія при ней прихода и назначеніе конгруи для пароха и двохъ сотрудниковъ, ровноже о назначеніе жалованія изъ религійного фонда для церковного причта. Пока послѣдуетъ рѣшеніе той просьбы, Управляющій Совѣтъ просилъ намѣстничество безотлагательно назначити жалованіе для двохъ сотрудниковъ, подвѣдомственныхъ пароху львовской Успенской церкви, которыи-бы совершали богослуженія въ новой церкви. Просьба та, поддержанная митр. Ординаріатомъ, до сей поры осталась безъ отвѣта.

Кто заслужился около воздвиженія сего храма? — На то отвѣтъ простый: Его Величество Императоръ, подарившій галицко-русскому народу розвалины прежняго библіотечного зданія, австро-русскій народъ, присылавшій жертвы на его созданіе, и такъ прежняя Коммиссія, якъ и Управляющіи Совѣты „Народного Дома“ вмѣстѣ съ своими должностными лицами, исполнившіи волю народа. Большая или меньшая степень заслуги дастся указати только на основаніи спеціальной исторіи прежней Коммиссіи и дѣйствовавшихъ съ 1872 г. Управляющихъ Совѣтовъ. Такую исторію надѣемся помѣстити въ свое время въ „Вѣстникѣ“.

Где-що до исторіи азбуки и языка Галицкой Руси.

(Изъ свое-житьевыхъ записокъ Богдана А. Дѣдицкого.)

(Продолженіе.)

Тутъ для мене настало новое диво — дивованье! Вотъ и зачѣмъ:

Хотя я, правда, зналъ уже два „московскіи“ словари и признавалъ ихъ що-до терминовъ в с п о л ь н ы м и намъ, такъ Мало- якъ и Велико-Руссамъ, а то вспольными именно для того, понеже тѣ термины въ нихъ будь заняты изъ в с п о л ь н о й намъ славяно-русской церковщины, будь созданы на основаніи первовзоровъ той-же церковщины; но не смотря на то мы въ оныхъ-же терминахъ, якъ и вообще въ нашей малорусской бе-

сѣдѣ и въ письмѣ сохраняли и „щось типично-малорусское“, выдающееся особенно въ произношеніи нашихъ стѣсненныхъ **о** и **е**, для означенія которыхъ въ письмѣ у насъ еще изъ 30 годовъ завелись изъобрѣтенныи М. Максимовичемъ и І. Левицкимъ особны надстрочныи знаки, якъ то **ô** или **ö** и **ê** (дôмъ, мêдъ*). А межи тѣмъ въ первой попавшойся мнѣ „московской“ книжцѣ Максимовича, читанной мною теперь (розумѣется, своимъ же малорусскимъ словопроизношеніемъ) съ любопытнымъ вниманіемъ, я напротивъ не найшолъ въ ней тое „щось настоящемосковское**), якое еще мин. года въ Мостахъ спозналъ у постоялыхъ московскихъ драгуновъ, которыи вѣдай майже всякое неакцентованное **о** произносили якъ **а**, а акцентованное **е** часто якъ **о** или **jo**. Такъ на пр. говорили они: харашó, пашóлъ, прáйдjотъ па-русски. **жо**лтый зjелjоный, а вмѣсто того у Максимовича стояло точно: „хорошо, пошелъ, пройдетъ, по-русски, желтый, зеленый“. И що еще больше: той Украинецъ-Русинъ Максимовичъ — думалъ я, читая его — еслибы въ своемъ московскомъ дѣлѣ не употреблялъ „что, какъ, это, очень“, да, кромѣ того „ходить, идетъ“ вмѣсто нашого „що, якъ, то, дуже, ходити, иде“, то могъ бы онъ прямо уважанъ быти самымъ образцевымъ галицко-русскимъ писателемъ, бо пише такъ само и даже еще далеко а далеко лучше по русски, чѣмъ якъ мы тутъ писали и пишемъ въ нашей „Зорѣ Галицкой“, въ „Новинкахъ“, „Пчелѣ“ и „Галичо-русскомъ Вѣстнику“! От-же я якось не былъ увѣренъ, чи „нашъ“ Максимовичъ въ своихъ „московскихъ сочиненіяхъ точно писалъ по московски.

Въ тѣхъ моихъ недоумѣньяхъ и що-до „точной московщины“ Максимовича отнесся я за поясненіями до проф. Якова Головацкого, съ которымъ именно тогда входилъ въ тѣснѣйшую личную дружбу, а то паче всего потому, що познался я въ немъ не только человѣка надъ всѣхъ насъ бôльше свѣдущого по дѣламъ славянства и спеціально русчины, но вразъ

---

*) Максимовичъ завелъ надъ **о** дашокъ (**ô**), Левицкій двѣ точки (**ö**), но отъ точокъ онъ и самъ отказался, и они у насъ не принялись, а устоялся загаломъ дашокъ.

**) Передъ 1848 г. въ Галичинѣ школьная молодежь, ба и люди, якъ Поляки такъ и мы ополяченныи Русины, воображали собѣ тое „щось настояще-московское“ вотъ-такъ, якъ оно выражено въ весело на Рóздво пѣваемой нами польской колядѣ „Do nóg twoich upadamy“, въ которой про Москаля поется: Moskalowi gdy znać dano, nakazano, „Kak stupaj batiuszka, Rod'itsa ditjuszka, Drugich bratiy zakłykaty, Saldat bratiy poprochaty, stupaj do Betlejem“. Однакъ и то дивно, що также понятіе о „типовой малорусчинѣ“ въ той же колядѣ весьма недалеко отбѣгало отъ типа настоящого Москаля, бо тамъ-же про Русина поется: „Rusyn każe: Hałyłuja. pomyłuja, Odnych zakłykaty, druhych pospraszaty, By wsi chutko prychodyły, Knyszi, pyrohy znosyty, Panu dawały“. — Коляда та спѣвается и нынѣ на игрыво-веселую нуту и такъ содержаніемъ якъ и тѣмъ напѣвомъ есть еще и теперь въ мѣломѣщанскихъ та сполченныхъ домахъ дуже популярна. Давнѣйше спѣваля ю даже по костелахъ.

же хотя значно старшого вѣкомъ, а супротивъ насъ молодшихъ всегда такъ приступного и искренно скромного, що мы видѣли въ немъ не то авторитетного професора, но яко бы своего брата-ровесника*). Проф. Головацкій былъ власне въ то время сильно занятъ розборомъ и порядкованьемъ своихъ пребогатыхъ матеріаловъ, якіи по всѣмъ областямъ отечественного народознанія онъ одинъ въ нашемъ краю выше два десятка лѣтъ собиралъ межь простолюдствомъ нашей Подольской, Гуцульской, Бойковской, Лемковской и даже закарпатской Руси, да и былъ тогда тѣми собранными нимъ этнографичными сокровищами такъ майже до шовинизма увлеченъ, що уважалъ нашу Мало-Русь если уже не праматерью, то на всякій случай старшою сестрою цѣлого того роду-племени, що называется святая Русь**). Онъ то, розговоривая тогда со мною, и пояснялъ менѣ, що не только пишучій по московски „нашъ“ Максимовичъ, но загаломъ и всѣ родовитыи Москали, хотя говорятъ по своему немного иначе, чѣмъ мы, но пишутъ тое „свое“ чисто по нашему, по малорусски, понеже именно мы, наши древнѣйшіи предки изъ-надъ Днѣпра и Днѣстра, въ христіянъ ихъ окрестили, просвѣтили и писати „по нашему“ научили. „Можъ бы сказати, твердилъ Головацкій — що изъ благодарности за то для насъ, а радше съ высокою цѣлію объединенія розно-говорящой Руси соблюдаютъ Москали въ своемъ письмѣ наше **о** и **е** всюда и тамъ, где тіи буквы якъ **а** и **jo** произносятъ“. — А коли на то я примѣтилъ, що за-для тоиже высшой цѣли слѣдовало бы чей и намъ изъ нашихъ новозаведенныхъ **ô** и **ê** „здмухнути дашки“, якъ того требуе днесь самъ даже ихъ изъобрѣтатель, нашъ Іосифъ Левицкій, отвѣтилъ проф. Головацкій, що подъ тѣми дашками, хотя они, якъ всякіи надстрочеванья буквъ въ письмѣ невыгодны, все же мы сохраняемъ корнесловныи **о** и **е**, а Москалѣ могли здѣлати то лишь съ одною **е**, накрывая тую (и то дуже зъ-рѣдка) двома точками (**ё**-**jo**), коли съ другою **о**, произносимою якъ **а**, здѣлати того просто невозможно. „Впрочемъ — пояснялъ дальше Головацкій — Москалѣ даже и нынѣ употребляютъ у себе двойное чтеніе: одно, такъ назвати-бы „будничное“, якимъ по своему вообще говорятъ (**а** и **jo** часто за **о** и **е**), а другое, якое самы называютъ „важное“ (п важное) или церковное, соблюдаемое

---

*) Такимъ же ровно свойствомъ братски-скромного поведенія отличался всегда тоже и другій нашъ ученый, знаменитшій надо всѣхъ историографъ крылошанинъ о. Антонъ С. Петрушевичъ, о которыхъ то обоихъ примѣчательныхъ мужахъ нашей Галицкой Руси менѣ страхъ хотѣлось бы еще коли за моей жизни списати стоющую вниманія монографію!

) Старшинство нашей Мало-Руси Я. Головацкій доказывалъ особенно до-нынѣшнимъ сохраненіемъ у насъ полной формы инфинитива (ходити) **и перетворомъ гласныхъ **г**, **к**, **х**, на **ж**, **ч**, **ш**, и на мягчайшіи **з**, **ц**, **с** (властиво ź, ć, ś,: **Богъ**, Боже, въ Бозѣ), якъ тіи звуковыи примѣты точнѣсенько и въ старословенщинѣ и въ старорусчинѣ ouществовали, а въ „молодшой московщинѣ“ ихъ уже нѣтъ.

только при чтеніи церковщины. Въ той послѣднёй, яко перенятой отъ насъ, они наше **о** и **е** николи не произносятъ якъ **а** и **ё**, а также имена прилагательныи съ акцентомъ на **-ый, -ій** читаютъ по нашему святый, другій, а не по ихнёму святой другой. По нашему писали еще когда-то тіи прилагательныи Ломоносовъ, Державинъ и даже Пушкинъ, но послѣ нихъ новаторы ввели московское **-ой** (какóй, молодой), а тѣмъ и дали первую побудку до творенья клятой фонетики". — Згадавши о „клятой" фонетицѣ, Головацкій, звычайно всегда радушный, примѣтно возмущался; но вскорѣ же зновь одобрялся, переходя на свою возлюбленную тему о нашей простолюдной малорусчинѣ, для которой власне тогда печаталъ свою — да такъ скажу — самымъ народомъ ему подиктованную Граматику*).

Инымъ разомъ, при такихъ преполезныхъ для мене розговорахъ съ Головацкимъ зайшла у насъ другая справа — зновь очевидно чисто азбуковая, яка чей уже моему читателю добре наскучитъ, если не заинтересуе его нечаянный результатъ, до якого по тому поводу мы тогда были дойшли. Именно заговорили мы о тѣхъ розличительныхъ а мимо того найчастѣйше цѣлкомъ еднако-звучащихъ буквахъ, якихъ у насъ, въ единой по языку Руси, есть по двѣ, а то: у насъ Малорусовъ **ы** и **и**, у Великорусовъ же **ѣ** и **е**. Ото бо примѣромъ мы Русины, съ изъятіемъ нашего постоянно-мягкого **и** (**і**), якое въ началѣ слога, въ негаціяхъ, по **к, х** и по мягкихъ согласныхъ произносимъ якъ-бы подъ дашкомъ стѣсненное **и̂** (на пр.: и̂, и̂мя, свои̂, ни̂, ни̂где, ки̂нути, хи̂трый, кони̂, цари̂), въ прочихъ случаяхъ по всѣхъ дебелыхъ согласныхъ выговорюемъ якъ грубое **ы** (польское у); такъ изъ другой стороны Москали̂, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, где **е** произносятъ якъ **о** и **jo** (жолтый, зелёный), впрочемъ двѣ буквы **ѣ** и **е** выговорюютъ еднаково якъ **je**. Отже такъ они якъ и мы имѣемъ при писанью тѣхъ нашихъ двоихъ паръ славяно-русскихъ буквъ еднакіи затрудненія. „А на-вѣрно — замѣтилъ тутъ Головацкій — не было бы тѣхъ затрудненій, еслибы мы вся Русь бо̂льше прилѣжно и основно изучали нашу церковщину, пренебрегаемую днесь яко „мертвеччину", которой правопись отъ первой до послѣднёй буквы якобы нарочно создана первовзоромъ для потребъ и единенія всѣхъ нарѣчій и говоровъ Руси! А то выйшло днесь таке, що наши Русины неразъ дабы знати, где писати **и** а где **ы**, удаются за информаціею до польского языка и пишутъ уже правильно „ды-

*) Я и нынѣ (въ г. 1906) уважаю тую Граматику Я. Головацкого, яко типово галицко-русскую, самою лучшою изъ всѣхъ, якіи изъ г. 1830 у насъ появлялися. Такъ-само уважаю — примѣчу по случаю — творенія Ив. Наумовича въ области „хлопистики" самыми лучшими, якіи по той части юной словесности нашей до теперь обнародовлялись.

мити“ для того, що въ польскомъ есть „dymić“*). Москалѝ же, шобы знати, где имъ писати ѣ, а не е, забубнюютъ еще изъ маленькихъ школъ цѣлу табличку тѣхъ словъ, въ якихъ древняя Русь, по ученію церковщины, писала ѣ, значитъ учатся они сего съ немалыимъ трудомъ вотъ такъ, якъ примѣромъ мы колись въ гимназіяхъ учились на-память списъ латинскихъ словъ lex, rex, grex, и пр.“ — По тѣхъ изреченіяхъ проф. Головацкого я якъ-то прислучайно нагадалъ собѣ прошлогодную лекцію драгунского батюшки въ Мостахъ Великихъ и заговорилъ ободрительно: „Якъ видно, ходитъ намъ тутъ властиво лише о д в ѣ б у к в ы, що при ставленью ихъ въ письмѣ дѣлаютъ намъ затрудненія: намъ Малой Руси буква и, а Великой-Руси ѣ. Но вмѣсто учитись съ немалымъ трудомъ изъ одной стороны у Полякôвъ, изъ другой у „мертвеччины“, не легче ли и не лучше учитись намъ у себе, взаимъ другъ у друга изъ живой русской бесѣды, въ которой якъ-бы нарочно на то суть и два словопроизношенія. Тажъ мы точно изучивши, где въ якомъ словѣ Москаль произноситъ тонкое і, уже и спознаемъ, що тамъ конечно слѣдуе намъ писати не грубое ы, но тонкое и; такъ и Москаль, изучивши точно братне-русскій „хахолскій“ выговоръ, буде знати, що наше тончайшое і, которое въ началѣ слога jотуемъ (jimy jid,) а въ серединѣ словъ змягчуемъ предъидущіи передъ нимъ даже двѣ согласныи (śiń, śńiћ), долженъ писати такъ, якъ оно и въ „мертвеччинѣ“ зъ-поконвѣкъ писалось, т. е. черезъ ѣ. Не станемъ же послѣ такого познанія писати ы тамъ, где Москаль происноситъ тонкое і, а Москаль не напише похибно ѣ тамъ, где мы произносимъ нejотованное е: семья́, земля́, плéмя.“ — Проф. Головацкій съ видимою радостію выслухивалъ все то, що я тутъ о найлегчомъ будьто выученью правописанья бувъ и и ѣ толковалъ; онъ согласился даже на то все, а только примѣтилъ съ сожалѣньемъ, що такое межи-братски взаимное обученіе Малой и Великой Руси въ ихъ правописи требовало бы учрежденія небывалыхъ дотоль нигде катедръ паралельной русско-нарѣчіевой науки, да если подобное учрежденіе не было бы невозможно въ самой Россіи, то у насъ въ австрійской Руси оно ніякъ не мыслимо, хибажь ажь бы статись намъ для „р у с с к о й п р а в д ы п е р е м ы т н и к а м и“! „Затѣмъ Вашъ вспôльно-научный языковый помыслъ — заключилъ Головацкій, прощаясь со мною съ добродушнымъ усмѣхомъ — то фантазія на-теперь якъ та Zukunftsmusik мечтательныхъ Германцевъ.

---

*) Извѣстно же, що та информація не всегда дописуе, бо коренное і. послѣ ж, ч, ш, щ и рж Поляки не только произносятъ, но и пишутъ яко у (ы), на пр. żyć, czyn, szyć, szczyt, przy..

**) И въ самомъ дѣлѣ съ тою моею Zukunftsmusik я безъ желанного успѣха относился къ неодному изъ закордонныхъ стипендіатовъ и професоровъ, посѣщавшихъ въ 60-ти годахъ нашъ Львовъ, якъ устно такъ и письменно, а послѣдній разъ по тому же предмету писалъ обстоятельное письмо къ А. С. Будиловичу въ г. 1901, коли той-же сталъ членомъ Совѣта въ Министерствѣ Народного Просвѣщенія въ Петербурзѣ и кото-

Якъ и тяжко поразило мене то сказаніе проф. Головацкого, що ніякъ невозможна у насъ отъявленная проповѣдь русской правды, „хибань ажь бы мы стали для ней противзаконными перемытниками“, но я съ сожалѣніемъ понялъ тои рѣчи истинную суть, пригадавши собѣ прошлогодную дѣйствительность, коли то по внушенію чи изъ потребы продолжанья отвѣчной польской политики даже вольнодумный державный мужъ Австріи, якимъ выше другихъ уважанъ былъ гр. Фр. Стадіонъ, рѣшучо сказалъ нашимъ депутатамъ: „Если Вы така сама Русь якъ и Москва, то Австрія ніяково не може поддерживати Васъ!“ Не смотря на то, я и теперь не далъ себе збити зъ толку по дѣлу моей, въ Мостахъ В предъинспированной мечты, но рѣшился упорствовати въ продолженіи своихъ туда-же стремящихся студій; и затѣмъ я дальше занималъ изъ библіотеки проф. Головацкого запасы московскихъ книжокъ, прежде всего сочиненія Николая Гоголя, а за тѣми и Пушкина и Лермонтова.

О тѣхъ то именно трехъ свѣтославныхъ писателяхъ я еще и передъ тѣмъ зналъ изъ намековъ въ польской и нѣмецкой литературѣ по крайней мѣрѣ столько, що якъ Гоголь, хотя Украинецъ-Малоруссъ, уважаемъ былъ самыми Великоруссами основателемъ или перородителемъ ихъ новожитной повѣствовательной прозы, такъ Пушкинъ и Лермонтовъ, родовитыи Москали, были такими же новожитными творцами народной великорусской поэзіи. Гоголя читалъ я весьма умилительно, читалъ — да такъ скажу — съ чувствомъ патріотичного малорусского самолюбія, находилъ бо майже на каждой страницѣ его повѣстей, особенно тѣхъ изъ народного житья Украины, такіи свойско-русскіи характеры, выраженія и слоговыи звороты (tylwendungen), що якобы тіи живцемъ заняты были изъ-подъ соломянной стрѣхи таки нашого мужика чи изъ подвишневого хутора щирого козака изъ-надъ Днѣпра. И гордый сталъ я отъ самой той мысли, що геніальный хоholъ Николай Гоголь такъ чудесно умѣлъ обогатити книжный русскій языкъ, вюбразованный въ церкви, въ княжескихъ и боярскихъ домахъ Сѣверной и Южной Руси, нашею питоменною малорусчиною, удомашнилъ ей значенье по всей Руси и яко перворядный писатель въ общерусской литературѣ заготовилъ ей тугъ вспольне, природою принадлежное мѣсто. Тожь не диво, що коли въ два лѣта потомъ (1851 г.) проф. Головацкій издалъ переводъ своего брата Петра — или лучше назвавши — перепечатку*) Гололевой повѣсти „Тарасъ Бульба“, тая повѣсть ста-

---

рый тамъ-же зъ г. 1905 есть предсѣдателемъ свѣжо-устроенного „галицко-русского Общества“ (для моральной поддержки австрійскихъ Русиновъ).

*) Перепечатками чи передруками слѣдовало бы назвати всѣ наши переводы изъ московского, такъ якъ вся робота такихъ нашихъ переводчиковъ состояла головно лишь въ томъ: московскіи формы словъ на пр.

ла у насъ надъ всѣ изданія того рода найбôльше улюбленною, популярною*). Вообще, прочитавши съ занятіемъ всего Гоголя, особенно же съ найбольшимъ уподобаньемъ его „Мертвыи души“, я увѣрился, що такъ Гоголь, якъ и его землякъ, Кіевлянинъ М. Максимовичъ, писали точно д брою а весьма и понятною культурно-книжною русчиною; понялъ я разомъ и то, о чемъ впрочемъ узналъ только позднѣйше изъ дальшихъ чтеній въ той же русчинѣ, що по дѣлу великихъ внутреннихъ достоинствъ сочиненій такъ Гоголя якъ и Пушкина не легко може и на будучность розрѣшити Великоруссамъ вопросъ, чи перворворцемъ нового періода ихъ литературы былъ нашъ Гоголь, чи ихъ-же Пушкинъ.

А Пушкинъ то, за чтеніе котораго я послѣ Гоголя принялся, удивилъ, восхитилъ мене яко поэтъ не только по душевному его свойству, но вразъ же и по изъящной, мало еще знаной менѣ дотоль русско-народной стихотворной формѣ. Правда, отчитывая его творенія съ подобающимъ занятіемъ и затвержая немало чудно-прекрасныхъ стиховъ изъ его „Онѣгина“ на память, я всежь не увлекся нимъ до такой степени, щобы ставити его на ровнѣ съ тремя перворядными геніями свѣта, якихъ позналъ такими еще за моихъ студентскихъ часôвъ и якими и донынѣ уважаю, именно Гомера и Шекспира и Гетого. А только мимо того, все предпочиталъ я Пушкина надъ премногихъ извѣстныхъ менѣ до-теперь высоко-талантливыхъ поэтовъ новѣйшой эры, даже надъ рôвно свѣтославного ополяченого Бѣлоруса Адама Мицкевича, предпочиталъ й предпочитаю особенно по-тому, що Пушкинъ не такъ сильно, якъ Мицкевичъ и другіи новыи поэты, подвергался демоничному вліянію лорда Байрона, которого все мірное владычество въ направленіи пессимизма предвѣстилъ съ сожалѣньемъ антагонистъ его, „Олимпіецъ“ Гете.

„что, какъ, это, очень, святой, ходить, идетъ“ переводити (?!) на наши „що, якъ, то, дуже, святый, ходити, иде“. Одинъ такій переводъ московской статьи „Двѣ русскія народности“ Н. Костомарова изъ Петербургской „Основы“ 1861 г., здѣланный для моего „Слова“ тогдашнимъ коректоромъ того же „Слова“ г. Юліяномъ Романчукомъ просто оловцемъ на оригинальной статьи, сохраняется и нынѣ въ библіотецѣ Львовского Народного Дома, где та книжка „Основы“ находится подъ Н. 7930.

*) Мило згадую собѣ и нынѣ, якъ то старушка мати моя, прочитавши переводъ той повѣсти Гоголя, стала называти таки не совсѣмъ въ шутку нашего отца Тарасомъ Бульбою за то, що онъ въ молодыхъ своихъ лѣтахъ обходился съ нами, четырма сынами, не то съ женскою нѣжностію, а — якъ натурально — съ мужескою серіозностію. Отецъ нашъ тѣмъ прозваніемъ ніякъ не огорчался, но напротивъ радъ былъ такой популяризаціи у насъ великого Гоголя, и то тѣмъ больше, що видѣлъ, якъ и другіи наши женщины, читавшіи зарôвно „Тараса Бульбу“, удостоивали своихъ мужей за такіи-же ихъ мнимыи провины тѣмъ самымъ незлобивымъ титуломъ. Загаломъ, Тарасъ Бульба, якъ Фаустъ въ Нѣмеччинѣ или Тартюфъ во Франціи, сталъ у насъ тогда извѣстнымъ свого рода типомъ.

Но не въ томъ одномъ заключалась для мене вся многоцѣнность Пушкина: мене увлекала не только его глубоко-нѣжная поэзія, но и на-скрôзь русская той поэзіи форма. Подъ тѣмъ послѣднимъ взглядомъ я, яко преданный студіямъ русчины, чрезвычайно много научился у Пушкина, якъ также и у рôвно знаменитого современника-земляка его, Лермонтова, которого въ то же время по-при Пушкинѣ сталъ читати. А наука тая состояла вотъ въ чемъ именно:

Ото зналъ я вправдѣ еще изъ гуманіорныхъ клясъ 1844 и 1845 г. моего студенчества досыть добре стихотворную ритмику древне-греческого, латинского и нѣмецкого языка, которыи то всѣ три языки — якъ сказалъ намъ разъ мимоходомъ на лекціи професоръ нашъ Михаилъ Левицкій*) — „имѣютъ съ нашимъ русскимъ тое „дивное“ сродство, що въ нихъ акцентуются слова не на одномъ исключно слозѣ (якъ на пр. въ французскомъ na syllaba ultima или въ польскомъ лишь на penultima), а отъ послѣднёго слога (ab ultima syllaba longa) начавши ажь до пятого и навѣтъ шестого отъ конца“ (такъ на пр. Нѣмцы произносятъ свои: gediént, diénen, ùmdienen, úmbedienen, Umbedienungen, а мы Русины свои: служи́лъ, слу́жба, слу́хнянный, вы́служити, вы́служеніе, ба даже вы́полосовати и выполосованіе!). Однакожь тіи знанія мои по дѣлу клясичной и нѣмецкой ритмики якось не удостоялись моей близшой, спеціальной рефлексіи, особѣнно потому, шо я тогда (зъ г. 1844 до весны 1848) больше всего былъ занятъ Польщею, и прекрасныи стихотворныи лады-склады Мицкевича, Словацкого, Ант. Мальчевского и Богдана Залеского были для мене идеаломъ поэтичного совершенства. И чейже само посѣданіе такого идеала не давало менѣ тогда близше застановлятися надъ форменнымъ розличіемъ межь поэзіею польскою а русскою, яко и надъ тѣмъ, яковó оно розличіе, малое чи великое? Супротивъ сего моего польско-поэтичного идеала майже ничѣмъ были для мене даже прекрасныи наши простонародныи пѣсни, думки и коломыйки, изъ которыхъ немало зналъ я еще изъ дѣтства, но которыи въ найбôльшой части здавались мнѣ созданными на польскій стихотворный ладъ, такъ якъ и тое вѣдалъ я по книжнымъ преданіямъ, що рифмованный складъ тѣхъ пѣсень прійшолъ до насъ посередно черезъ Польщу изъ

---

*) Два братья Левицкіи, русскіи поповичи, были професорами гуманіоровъ (V и VI клясы гимн.), старшій Василій Бернардинской, молодшій Михаилъ Доминиканской гимназіи, и выкладали тогда (до 1848 г.) всѣ предметы офіціально по нѣмецки. Оба братья были высше другихъ професоровъ поважаны публикою и молодежью всѣхъ школъ во Львовѣ; а поживали они въ дружбѣ съ общеизвѣстнымъ Русиномъ демократомъ, университетскимъ професоромъ богословія, Д-ромъ Яковомъ Геровскимъ, при грошевой помочи которого старый Русинъ Стефанъ Семашъ изъ давна издавалъ „Русско-словенскіи буквари“, а потомъ въ г. 1830 и 1846 великорусскую Оду Державина „Богъ“ вразъ съ польскимъ и нѣмецкимъ ея переводомъ. Тую Оду въ оригиналѣ зналъ и высоко цѣнилъ — очевидно лишь pro domo sua — также мой професоръ гуманіоровъ Михаилъ Левицкій.

далекого запада, где будьто еще въ XI столѣтіи провенсальскіи трубадуры первыи завели въ своихъ пѣсняхъ сладкозвучную рифму (Reim). А даже и тогда, коли зъ г. 1848 я и самъ сталъ по образцу нашихъ простонародныхъ пѣсень и современныхъ галицко-русскихъ книжныхъ поэтовъ писати русскіи стишки, очевидно все-же по формѣ на польскій ладъ;*) ба вконецъ навѣть и теперь, коли що-ино недавно (подъ осѣнь 1849 г.) я съ великимъ занятіемъ прочиталъ настояще-русскимъ стиховымъ ладомъ (правильными четыре-стопными ямбами) списанную „Енейду“ Котляревского, еще не былъ добрался до принадлежного розличенія формъ нашей русской поэзіи отъ польской, та хибань не добрался къ сему для того, що сія „Энейда“ есть травестія, шутливая поэма, а тутъ заходило принятись за студія серіозныи.

Такъ ажь коли прочиталъ и заучилъ я поэтичныи творенія великого Пушкина, который писалъ тіи-же не лишь одними ямбами, но и на всякіи возможныи ритмичныи лады, и коли я где-що изъ его поэзій для власного упражненія пробовалъ перетворяти собѣ (значитъ, травестовати) на той польскій ладъ, до якого найбо́льше навыкъ былъ изъ давна, то и увѣрился я, що тутъ въ стихотворствѣ русскомъ а польскомъ заходитъ неслыханно великое розличіе! Я увѣрился, що польскому поэту довольно того, если онъ, составляя на пр. 9-ти или 13-ти слоговый стихъ, соблюдае условленное число слоговъ, а не поставитъ ихъ ни больше ни меньше того числа; що́-же до metrum (ямбы, трохеи, дактили и пр.), то ему байдуже о тое много дбати, коли въ польскомъ языцѣ на словахъ есть вѣчно лишь одна penultima longa. Развѣ онъ складалъ бы лишь короткіи 3—4 стоповыи трохеи, якъ на пр. польско-народный гимнъ Ципріяна Годебского: Jeszcze Polska nie zginęła, Póki my żyjemy...; а впрочемъ въ долше-стоповыхъ стихахъ мо́гъ бы той поэтъ перекладати собѣ слова, якъ захоче, безъ того, щобы стихъ его, съ изъятіемъ особого благозвучія, утратилъ свою силябическую правильность (т. е. условленное число слоговъ). Такъ на пр. чудесныи вступныи стихи въ „Гражинѣ“ Мицкевича:

Litwo, ojczyzno moja, ty jesteś jak zdrowie,
Ile cię cenić trzeba, ten się tylko dowie,
Kto cię raz stracił —

можна бы съ маленькою змѣною благозвучія, но безъ нарушенья польской ритмики, такожь и такъ зложити:

Litwo, moja ojczyzno, ty jesteś jak zdrowie,
Ile trzeba cię cenić, tylko ten się dowie,

---

*) Въ г. 1848 передѣлалъ я ужасными стихами „Слово о полку Игоревѣ“ не изъ чудесного старо-русского подлинника, но изъ польского перевода Августа Бѣлёвского точнѣсенько на того-жь польскій стихотворный ладъ. До нынѣ удивляюсь я, якъ мо́гъ Ив. Гушалевичъ, старшій и опытнѣйшій отъ мене гал.-русскій поэтъ-дилетантъ, такій фальсификатъ, таку травестію безсмертного „Слова о Игорѣ“ въ своемъ журналику (въ „Пчолѣ“ чи „Новинахъ) безъизмѣнно, безъ поправокъ напечатати!

Kto raz cię stracił...

Иное дѣло заходитъ съ форменнымъ существомъ русского стихотворства.

Русскій поэтъ, подобно якъ и поэтъ нѣмецкій, составляя книжныи (на певныхъ прозодичныхъ правилахъ злагаемыи) стихи, объязанъ не лишь соблюдати въ нихъ условное число слоговъ, но и по природному требованію рôзнослоговой акцентуаціи словъ своего языка поставляти тѣ слова въ такомъ ладу, щобы въ стиху была разомъ и метричная гармонія, отже щобы слѣдовалъ ямбъ за ямбомъ, хорей за хореемъ, чи якіи другіи метры въ благозвучномъ розмѣрѣ. Въ прикладное урозумѣнье для себе взглядомъ русского и польского стиха перетворилъ я первое четырестишіе Пушкинского „Евгенія Онѣгина“ таки его русскими словами на польскій силабическій ладъ и списалъ собѣ оное вотъ-такъ:

Дя́дя мой са́мыхъ че́стныхъ пра́вилъ,
Не въ шу́тку когда́ занемо́гъ,
Уважа́ть себя́ онъ заста́вилъ,
И вы́думать лу́чше не мо́гъ.

Ну, тутъ по польскому ладу зложенныи стихи ничѣмъ не грѣшатъ, бо есть въ нихъ и условное число слоговъ (по 9 и по 8) и добрая рифма; а однакожь якъ иначе, якъ на-скрôзъ благозвучно по русскому ладу составлены тѣ стихи великимъ поэтомъ Москвы, Пушкиномъ:

Мой дя́дя са́мыхъ че́стныхъ пра́вилъ,
Когда́ не въ шу́тку занемо́гъ
Онъ уважа́ть себя́ заста́вилъ,
И лу́чше вы́думать не мо́гъ.

А тôлько то дивнымъ показалося менѣ, що якъ и не трудно прійшлось менѣ сперсифлёвати повысшое Пушкинское четырестишіе на польскій силабичный ладъ, такъ напротивъ майже ніякъ не успѣлъ я таку-же роботу счинити со вступными стихами „Энейды“ Котляревского*), составленными тѣми-же правильными Пушкинскими ямбами, но при томи такъ типово народно-русскимъ ладомъ, що якое-будь переставленье въ нихъ словъ (персифляжа) выходило бы просто на monstrum! Нарочно наведу здѣсь дословно самъ вступъ той славной перелицёванной „Энейды“, може увѣрится мой читатель, що въ мнѣніи моемъ и тогда я не ошибался. Ото сей вступъ (нашимъ же этимологичнымъ письмомъ):

Энéй бувъ па́рубокъ мото́рный
И хлопець хоть куда́ коза́къ,
Уда́всь на всéе зле прово́рный,

*) Ив. Котляревскій былъ изрядным почитателемъ Московского баснепѣвца Крылова, которого мѣткій русскій слогъ и щиродушная гумористика часто проявляются въ шуточныхъ стихахъ его „Энейды“.

Завзя́тѣйшій изъ всѣхъ бурла́къ;
Но Гре́ки якъ спали́вши Тро́ю,
Зроби́ли зъ не́и ски́рду гно́ю,
Онъ взя́вши то́рбу, тя́гу давъ,
Забра́вши де-яки́хъ Троянцѣвъ,
Осма́ленныхъ, якъ ги́ря, ла́нцѣвъ,
Пята́ми, зъ Тро́и накива́въ.
Ôнъ шви́дко поробѝвши чо́вны,
На Си́не Мо́ре поскака́въ,
Троя́нцѣвъ насажа́вши по́вны
И куды о́чи почухра́въ.
Но зла Юно́на, су́ча до́чка,
Розкудкуда́калась якъ кво́чка —
Эне́я не люби́ла страхъ,
Давно́ уже́ вона́ хотѣла,
Ёго́ щобъ ду́шка полетѣла
Къ чорта́мъ, и щобъ и духъ не па́хъ.

Тогда то я много задумывался надъ свойствами польской и русской акцентуаціи не разъ однихъ и тѣхъ-же самыхъ коренно-славянскихъ словъ и, находя тутъ огромное розличіе, еще тѣмъ бôльше оправдывалъ мнѣніе нѣкоторыхъ опытныхъ славистовъ, именно тое разъ уже мною указанное мнѣніе: що мы, славянская Русь, хотя найблизшіи сосѣды со славянскою же Польщею, а таки подъ самымъ взглядомъ акцентуаціи нашихъ языковъ чи властиво нарѣчій нашихъ славянскихъ якъ найбôльше отъ себе отдалены. Тогда же и пригадалось менѣ одно событіе еще изъ польского періода моей юношеской жизни, якъ то разъ въ году великого вылева рѣки Вислы моя мати въ Мостахъ Великихъ приняла была на службу одну Мазурку Викду, вышедшую вразъ со многими обездоленными тѣмъ наводненіемъ Мазурами отъ Кракова на зароботки въ нашу Русь, но принуждена была ледви по кôлькохъ недѣляхъ тую предобрую Мазурку отправити изъ службы, а то единственно для того, що она, впрочемъ отличная служанка, бесѣдою ніякъ не могла порозумѣватись съ другими нашими русскими слугами, бо на пр. не тôлько не понимала такіи наши русскіи рѣченія, якъ „иди́ подо́й коро́вы“, „зажени́ теля́та“, но даже и цѣлкомъ еднакіи съ польскими, а лишь акцентомъ значно розличительныи слова, якъ ото: „пода́й воды́, нагоду́й бычка́, займи́ коня́“ вмѣсто польск го: „по́дай во́ды, наго́дуй бы́чка, за́йми коня́“ и пр.*).

(Дальше будетъ.)

---

*) При случаю пригадую тутъ общеизвѣстную въ нашемъ краю анегдотку, въ которой розсказано, якъ то разъ Мазуръ въ дорозѣ згубилъ мѣшокъ съ рôзными веществами и якъ онъ потомъ по мазурски пыталъ ѣхавшого за нимъ Русина за своею згубою, а Русинъ, нашедшій въ самомъ дѣлѣ на дорозѣ его згубу, отвѣчая по всей щирости, называлъ мѣшокъ и всѣ вещества въ немъ по-своему, по-русски, т. е. такъ цѣлкомъ и-

НА МОСТѢ ВЪ СТРАСБУРГУ.

(Непечатанное стихотвореніе Б. А. Дѣдицкого.)

(Баляда — пôсля Гейного.)

На мостѣ въ Страсбурзѣ а разъ
На сторожѣ стоялъ,
Въ лучахъ солнечныхъ дальній край
Мене тамъ восхищалъ.
И думалъ я: ахъ, тамъ лежитъ
Правдивый земскій рай —
Средь горъ и полонинъ своихъ

Коли-жъ такъ думаю, якъ-разъ
Иде хлопя собѣ
И выгрывá рôдну мою
Пѣснь на своей трубѣ...
Я вздохнулъ, сплакалъ якъ дитя,
И весь, якъ былъ въ сбруѣ,
Я кинулся въ глубокій Рейнъ
И переплылъ струи.

На другомъ березѣ я слягъ
Вже якъ мертвецъ безъ силъ; —
Зъимили мя!... военный судъ
На смерть мя засудилъ.
Паны судьи, помилуйте!
Виновенъ тутъ не я,
Той хлопчикъ, що на трубцѣ гралъ —
Онъ вся вина моя!

Вѣдень, 1850 г.

Б. А. Дѣдицкій.

наче отъ мазурского, що добродушный мазуръ сказалъ лишь коротко: „Е to nie moje!“ и оба они роспращались по пріятельски и розъѣхались— очевидно Мазуръ безъ своей згубы, Русинъ со своею находкою. — А мимо того, що весьма удивительно: Ото за нашимъ Перемышлемъ около Лежайска а Ланцута есть пространокъ земли на якихъ 8—10 миль вширь и вздолжъ, где простонародье во всѣхъ селахъ говоритъ чисто тою польскою бесѣдою, яка изъ временъ первого польского писателя Николая Рея зъ Нагловецъ (села не дуже далеко за Лежайскомъ на галицкихъ Мазурахъ) стала и есть до нынѣ книжнымъ польскимъ языкомъ всеи Польши, и яка дала польскому этнографу Каспру Ценглевичу поводъ гипотетично твердити, що книжный польскій языкъ есть яко-бы хемичная смѣсь мазурского и русского нарѣчій, совершившаяся може еще за Адама и Евы около Лежайска, где тѣ нарѣчія близше съ собою стикаются!

Корреспонденція Дениса Зубрицкого съ Копитаромъ.

(Продолженіе.)

Зубрицкій отвѣтилъ на письмо Копитара, 3 августа 1843 г., слѣдующимъ образомъ:

„Ваше Высокоблагородіе! Благодарю Васъ за лестное поздравленіе мене титуломъ друга. Будетъ моимъ стараніемъ статись достойнымъ Вашей пріязни. Прежде чѣмъ отвѣчу на содержаніе Вашего письма, необходимо, щобы Вы мене ближе познали; такимъ образомъ нѣкоторыи вопросы сами собою рѣшаются".

„Я былъ первоначально юристомъ, затѣмъ агрономомъ, теперь же есмь городскимъ жителемъ. Въ второмъ ономъ періодѣ жизни я написалъ нѣсколько сочиненій по экономіи и перевелъ лучшіи нѣмецкіи сочиненія тогоже содержанія на польскій языкъ. Въ послѣднемъ періодѣ моей жизни я отдалъ себе поважнымъ историческихъ изслѣдованіямъ."

„Послѣ утраты найлучшей жены и единственного сына, который былъ капитаномъ-аудиторомъ, я съ двумя непристроенными дочерями поселился въ городѣ (Львовѣ); у мене есть малый домикъ — есмь не богатый, но и не бѣдный. Моимъ теперѣшнимъ занятіемъ есть судебная администрація нѣсколькихъ помѣстьевъ и опекунства, порученныи менѣ львовскимъ краевымъ судомъ, полное довѣріе которого я съумѣлъ пріобрѣсти. Слѣдственно не имѣю ніякого титула — я извѣстный въ Львовѣ по-просту яко Зубрицкій, ибо титулъ судебного русского толмача есть нулею. То мой cursus vitae — теперь слѣдуетъ мое вѣроисповѣданіе."

„Въ политицѣ — я роялистъ. Въ моихъ очахъ Донъ Карлосъ есть законнымъ монархомъ, Филиппъ Людвикъ узурпаторомъ и т. д. Я есмь воодушевленнымъ почитателемъ австрійского и русского правительствъ, ибо они оба есть дѣйствительно монархическіи и только въ монархическихъ государствахъ можно надѣятись постоянного благоденствія человѣчества и т. д. Я врагъ революціи. Относительно религіи — я правовѣрный католикъ, но не исключаю изъ католицизма восточного обряда — ссору изъ-за уніи и дизуніи считаю скоропреходящимъ семейнымъ споромъ, который въ свое время долженъ уладитись, на протестантизмъ же, понеже онъ основывается на рыхлой почвѣ свободы, я смотрю якъ на нелѣпость и предвѣщаю ему непремѣнно розложеніе."

„Относительно исторіи — я критическій скептикъ; новѣйшіи нѣмецкіи философіи суть для мене безсмысленными мечтательствами за изъятіемъ новообращенного Шеллинга и Франца Баадера. Ваше Высокоблагородіе могутъ мене затѣмъ познати въ ровной мѣрѣ, якъ еслибы мы жили съ собой цѣлыи лѣта."

Относительно моей кроники Львова менѣ безрозлично, будетъ-ли печатаніе ея дозволено или нѣтъ, только щобы ее менѣ возвратили. Не гнѣваюсь на наше кроткое правительство, такъ якъ здѣсь дѣйствуютъ либо pigritia omni metu soluta, либо козни польской партіи, имѣющей свои рожки въ высшихъ сферахъ и не желающей, щобы недостатки ея прежняго состоянія были роскрыты. Я двукратно старался о скорѣйшемъ упаженіи дѣла. Съ Канкоферомъ я на дружеской нозѣ, но къ барону К. мое отношеніе натянуто. Я хотѣлъ ему посвятити без дѣлицу на нѣмецкомъ языцѣ, львовскій альбумъ, содержащій facsimilia 215 славныхъ особъ съ короткими ихъ біографіями. Къ тому альбуму были приложены нѣкоторыи латинскіи, нѣмецкіи и русскіи документы съ ихъ оригинальнымъ правописаніемъ изъ 14 и 16 столѣтій и отмѣченіемъ, якъ ихъ должно читати. Онъ тѣмъ былъ довольный, но хотѣлъ, щобы не одно отмѣнити, ибо живутъ еще потомки нѣкоторыхъ фамилій въ Галичинѣ, предки которыхъ въ альбумѣ выступаютъ и съ которыми онъ хотѣлъ бы остатись въ дружбѣ. Я того не сдѣлалъ — и рукопись лежитъ у мене. Конечно, онъ чувствуетъ себе обиженнымъ. Если-бы Ваше Высокоблагородіе не были заняты важнѣйшими дѣлами, то я могъ-бы рукопись дати для пересмотра.“

„Я долженъ писати галицкую церковную исторію? Въ моемъ возрастѣ? Якъ то возможно? Откуду взяти матеріалы? Я долженъ-бы при моихъ довольно обширныхъ занятіяхъ начати снова читати и собирати то, що, хотя я и читалъ, но позабылъ. А потомъ, соблюдая Вашъ умный совѣтъ, думаю, що полезнѣйше есть минувшее оставити въ покоѣ, покрыти его амнистіею и занятись современностію, такъ якъ ничего хорошого не можно писати о религійныхъ партіяхъ въ Польщѣ, а однако необходимо правду писати. Мацѣёвскій есть добрая душа, но якъ большая часть поляковъ, легкомысленный писака (Vielschreiber). Предметы, которыи онъ обговорываетъ, должны обсуждатись съ розвагою, а то требуетъ много времени; онъ же ежегодно lucri causa выпускаетъ нѣсколько томовъ и его роботы стаются товаромъ машиновымъ.“*)

„Ваше Выкокоблагородіе имѣютъ слышкомъ корыстное мнѣніе о нашихъ эксцеленціяхъ. Съ молодшею (Снѣгурскимъ)

---

*) Въ ч. 4 „Вѣстника“ стор. 66 прим. *) мы подъ особою имѣвшею „за деньги писати русинскіи мартирологіи“ ошибочно поняли о. Модеста Мацѣевского Ч. С. В. В. Изъ сихъ словъ слѣдуетъ, що Копитаръ имѣлъ на мысли польского литератора Вацлава Мацѣёвского, автора „Historya prawodawstw słowiańskich. Warszawa. 1832—1835“, „Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian. Warszawa 1839.“ и „Polska aż do pierwszej połowy 17. w. pod względem obyczajów. Warszawa 1842“. Въ второмъ сочиненіи Мацѣевскій доказываетъ, що въ древней Польщѣ существовало славянское богослуженіе, которое впослѣдствіи, въ силу политическихъ обстоятельствъ, было вытѣснено латинствомъ.

далосьбы не одно сдѣлати, однако онъ ничего не предприметъ, щобы тяжелую старшую эксцеленцію не оскорбити, которая выгодно почиваетъ на лаврахъ своихъ двохъ пастырскихъ посланій, безъ отваги и силы дальше ити, и можетъ быти, жалѣя о совершившемся. Когда молодшая эксцеленція займетъ мѣсто старшей, тогда можна надѣятись не на одно; пока былобъ желательнымъ, абы по ту сторону Альпъ основно розважили, якъ можно достигнути здѣсь подлинной уніи, ибо такая, якъ она тутъ существуетъ, въ моихъ очахъ не есть единствомъ, а двойственностію и по той причинѣ должна была начатая въ 1595 г. но не доведенная къ концу унія въ смежномъ государствѣ при слабѣйшомъ потрясеніи пасти. Два архіепископы или епископы, два капитулы въ одномъ городѣ, два приходники въ одномъ селѣ, где одного предпочитается другому, указуютъ вразумительно, що нѣтъ уніи, есть только матеріалъ для недорозумѣній.*) Не можетъ-ли столько умныхъ людей въ Римѣ выдумати сильнѣйшіи средства (kräftigere Massregeln), щобы лучше скрѣпити слабыи узы? Думаю, що дѣйствительное соединеніе есть возможное, необходимо стопливати, амальговати и щобы розно-родныи части не роспалися, узомъ матеріальной корысти обняти. Объ иностранныхъ завоеваніяхъ пока не можно думати, довольно, если мы въ состояніи разъ пріобрѣтенное на всегда сохранити, ибо въ хотя невѣроятномъ, но возможномъ случаѣ мы въ опасности и то потеряти.“

„Проф. Левицкій не есть сродникомъ эксцеленціи. У насъ мало не 50 фамилій Левицкихъ. Всѣ принадлежатъ къ духовному званію или происходятъ изъ него и вѣроятно они то названіе получили отъ „левитовъ“. Сплетня съ Меглицкимъ была тѣмъ больше излишна, що Меглицкій никогда не давалъ що нибудь печатати и Левицкій только отъ вѣденского пигомца слышалъ, що Меглицкій не совсѣмъ одобрялъ синодъ, неизвѣстно же, якъ, що и въ якомъ отношеніи Меглицкій говорилъ.“

„Треносъ Смотрицкого есть изъ 1610 г., Антиррезисъ Аркудія по-польски изъ 1600 г. Бронскій, яко литвинъ, долженъ былъ понимати по-русски; тогда и позже русскій языкъ былъ оффиціальнымъ въ всѣхъ литовскихъ урядахъ. Однако возможно, що онъ также по-польски писалъ и кто-то изъ Острогской академіи на русскій языкъ перевелъ.“

„Не знаю ніякихъ хронологическихъ слѣдовъ, когда и откуду славянская литургія къ намъ пришла — вѣроятно изъ Болгаріи. Евангеліе Остромірово есть изъ временъ Ярослава. Думаю, що первоначально у насъ, даже послѣ введенія славян-

---

*) Сіе мѣсто въ письмѣ Зубрицкого доказуетъ только, якъ слабая привязанность къ своей церкви была тогда у галицко-русской интелигенціи. Неудивительно, если она громадно переходила на латинскій обрядъ.

ского богослужебного языка, въ время литургіи, одни молитвы читались и спѣвались по гречески, другіи по славянски. Такъ теперь въ обыкновеніи въ Молдавіи, що одинъ тропаръ спѣвается по-волошски, другій по-славянски. И мы еще спѣваемъ „господи помилуй“ — или „киріе елейсонъ“. Въ Львовѣ передъ уніей читались и спѣвались въ время литургіи нѣкоторыи молитвы и ектеніи по-славянски, нѣкоторыи по гречески, ибо у насъ было много грековъ и мы завысѣли отъ греческого патріарха, що можетъ въ Москвѣ не было столь частымъ, хотя и тамъ, если два или три патріархи, или греческіи и русскіи епископы сообща синодальную службу Божью служили, ее совершали въ двохъ или даже трехъ языкахъ.“

Послѣдніи два уступы сего письма суть отвѣтомъ на письмо Копитара отъ 18 іюля 1843 г., въ которомъ тотже спрашивалъ мнѣнія Зубрицкого относительно названныхъ научныхъ вопросовъ.

Третье письмо къ Зубрицкому Копитаръ писалъ 5 октября 1843 г. Въ немъ онъ сообщаетъ, що, когда былъ въ Римѣ, высланный въ Петербургъ для переговоровъ по почтовымъ дѣламъ сов. фонъ Левенталь привезъ съ собою каталогъ Румянцовского музея и подарилъ его князю Любомирскому для библіотеки заведенія им. Оссолинскихъ. Для Копитара необходимо заглянути въ ту книгу и онъ проситъ Зубрицкого и Клодзинского, директора названной библіотеки, ему ту книгу либо отпродати, либо дати въ заемъ на двѣ недѣли. Дальше выражаетъ Копитаръ свое мнѣніе о нѣкоторыхъ научныхъ вопросахъ, упоминаетъ о имѣвшемъ появитись Остроміровомъ евангеліи и въ концѣ пишетъ: „Якую нужду имѣютъ русскіи въ томъ, що Ягайло имѣлъ быти крещеннымъ сначала по-гречески, потомъ по-римски? Кромеръ, которого въ подтвержденіе наводятъ, кажетъ противно, що Ягайло былъ крещенъ съ своею знатью, за изъятіемъ тѣхъ, которыи уже по-русски были крещены. Если бы онъ былъ по-русски крещенъ, то вторичное крещеніе у него было такъ же неоправданное, якъ у его русской свиты.*) Мнимое русское крестное имя Яковъ есть нѣмецкимъ извращеніемъ Jakl изъ Jagello.“

На то письмо отвѣтилъ Зубрицкій 20 октября 1843 г.:

„Когда тѣ строки пишу, Востокова каталогъ или находится уже въ Вашихъ рукахъ, или есть въ дорозѣ въ Вѣну. Я къ тому не употребилъ посередника, но, когда мене г. Клодзинскій пригласилъ на поминальное торжество бл. п. импер. Франца 12 с. м., я слѣдующого дня его посѣтилъ, предложилъ ему Ваше желаніе и онъ обѣщалъ менѣ съ слѣдующею почтою отправити Востокова.“

---

*) Мнѣніе Копитара невѣрное. Только папа Александръ VI. буллою отъ 1 сентября 1501 воспретилъ польскимъ епископамъ вторично крестити русиновъ, обращенныхъ въ латинство. См. Baptismus Ruthenorum. Bulla de non rebaptizandis Ruthenis. Iuramentum a Rutheno Pont. Rom. praestandum. Cracoviae 1544 per Orechovium

„Я съ нетерпѣніемъ жду появленія Остромірова евангелія но, не отказывая въ фаховыхъ знаніяхъ русскимъ ученымъ, буду такъ долго сомнѣватись въ старинности того кодекса, пока Вы не издадите своего компетентного суда въ найвысшей инстанціи.“

„Книги изъ Россіи я получалъ троякимъ путемъ: нѣкоторыи посредствомъ путешественниковъ изъ Россіи, затѣмъ изъ Москвы посредствомъ жидовского коммисіонера въ Радивиловѣ, отправлявшого ихъ почтою въ Львовъ и вконцѣ посредствомъ археографической коммиссіи въ Петербурзѣ, присылавшей менѣ, яко своему корреспонденту, всѣ нею изданныи книги, между ними также Monumenta russicae historiae черезъ Варшаву посредствомъ тамошней и Миликовского книжныхъ лавокъ. Теперь, когда коммуникація съ Россіею тяжелою почтою отъ 1 ноября начавши будетъ открыта, хочу въ солидную книжную лавку въ Петербурзѣ, н. пр. Андрея Иванова, выслати денежный зачетъ и отъ ней пора отъ поры выписывати книги. Не смотря на порто, можно такимъ образомъ книги дешевле получати, якъ посредствомъ нашихъ корыстолюбивыхъ книготорговцевъ.“

„Выше названныи книги археографической коммиссіи — 12 большихъ квартантовъ — есть великанскимъ изданіемъ; только правительство можетъ поносити такіи издержки и только дѣятельное общество можетъ доставляти матеріалы. Въ непродолжительномъ времени принуждены будутъ оглядатись за вторымъ Карамзиномъ, ибо исторія относительно нѣкоторыхъ эпохъ приняла совсѣмъ иный видъ.“

(Конецъ будетъ.)

Памятная записка Михаила Гарасевича о іезуитахъ.

(Продолженіе.)

Записка гласитъ въ переводѣ на русскій языкъ: Ваше Превосходительство! Отъ долшого времени дѣлается Его Величеству императору предложеніе, щобы въ Львовѣ, вмѣсто академичныхъ стипендій, завести конвиктъ и поручити его веденію іезуитовъ. Также роспространился слухъ, що всѣ учебныи заведенія не только въ Галичинѣ, но и въ всей монархіи имѣютъ быти отданы іезуитамъ.

Въ упованіи на высокую мудрость Вашего Превосходительства, яко сіятельного и близко Высочайшого Престола стоящого министра, побужденный любовью и привязанностію къ Высочайшему Престолу и отеческому австрійскому правительству — доказательствомъ которой-то любви и привязанности

есть доставшее я менѣ удовольствіе и отличіе отъ Его Величества — осмѣляюсь слѣдующіи замѣчанія въ семъ отношеніи Вашему розсмотрѣнію покорнѣйше предложити.

Изъ приложенія ·/. Ваше Превосходительство изволятъ убѣдитись, що я отъ половины столѣтія, яко профессоръ львовского университета, яко представитель или директоръ богословскихъ студій, яко засѣдатель, а часто яко управитель президіи ц. к. галицкого школьного консесса (Studienconsess, т. е. рады школьной), яко проректоръ университета, деканъ и сеніоръ богословского факультета и отъ 25 лѣтъ яко ц. к. экзаменаційный комиссаръ въ львовской высокой школѣ всегда находился въ тѣсной связи съ учебнымъ дѣломъ. Яко генеральный викарій и двукратный администраторъ львовской гр. кат. митрополитальной діецезіи, я управлялъ нею сверхъ 20 лѣтъ — значитъ, діецезіею найбольшею въ ц. к. наслѣдственныхъ краяхъ, ибо числящею 1200000 душъ. Послѣ приложенія: / : я былъ депутатомъ трехъ гр. кат. епископовъ восточной и западной Галичины къ Высочайшему Двору Его Величества въ 1803 г. по дѣлу галицкой іерархіи, обрядовъ, возстановленія митрополіи, капитуловъ и т. д. и вывязался изъ моей задачи съ желаемымъ успѣхомъ. Яко члену становъ извѣстны менѣ отношенія жителей Галичины ихъ воззрѣнія, чувства и стремленія съ поры ревиндикаціи Галичины, — мнѣ извѣстны также историческіи событія и воспоминанія. По той причинѣ, полагаю, мои на 50-лѣтнемъ наблюденіи, опытѣ и изслѣдованіи основанныи замѣчанія будутъ для Вашего Превосходительства не безинтересны.

I.

Отношенія жителей Галичины и Буковины.

Населеніе Галичины состоитъ изъ пяти націй: 1) изъ русской (ruthenisch), гр. кат. обряду преданной націи, числящей послѣ послѣдней переписи два миліоны душъ; 2) польской націи рим. кат. обряда, числящей неполный милліонъ душъ; 3) изъ нѣмецкой націи, къ которой причисляются ц к. чиновники, нѣмецкіи колонисты, нѣмецкіи мѣщане въ городахъ и мѣсточкахъ, частію католики, частію протестанты; 4) изъ волошской націи на Буковинѣ православного вѣроисповѣданія — числомъ 257381 душъ; 5) изъ армянской католической націи, числящей 4143 д., розсѣянныхъ по Галичинѣ и имѣющихъ 7 приходовъ. Сверхъ того есть въ Галинѣ 247196 евреевъ.

Русская нація, яко найчисленнѣйшая, заслугуетъ затѣмъ на особенное вниманіе выс. правительства, тѣмъ больше, що она состоитъ изъ аборигиновъ и природныхъ жителей края, имѣвшихъ прежде подъ галицкими русскими князями свое королевство Галиціи. (Engel. Geschichte von Halicz und Vladimir bis zum

Jahre 1772. Verbunden mit Auseinandersetzung und Vertheidigung der oesterreichishen Besitzrechte auf diese Königreiche. Wien. 1792. Magna Charta von Galizien. Jassy. 1790).

Восточныи округи Галичины, якъ сяноцкій, самборскій, перемышльскій, жолковскій, львовскій, золочевскій, бережанскій, стрыйскій, станиславовскій, коломыйскій и чортковскій заселены переважно русинами, западныи округи, сандецкій, ясельскій и решовскій только частью русинами. На Буковинѣ есть сверхъ 40000 гр. кат. русиновъ. Львовская гр. кат. митр. діецезія числитъ 1193328 душъ; она простирается на львовскій, стрыйскій, золочевскій, бережанскій, станиславовскій, коломыйскій, и буковинскій округи. Римо-католическая архидіецезія, простирающаяся на названныи и жолковскій округи, числитъ 415520 душъ. Округи: перемышльскій, жолковскій, самборскія, сяноцкій, решовскій, ясельскій и сандецкій принадлежатъ перемышльской гр. кат. діецезіи, числящей послѣ шематизма на 1835 г. 768458 душъ. Число гр. кат. русиновъ на Буковинѣ навѣрное убольшится, ибо его Величество соизволилъ на убольшеніе числа гр. кат. приходниковъ на Буковинѣ, вслѣдствіе чего русскіи выходцы изъ Галичины и россійской Подоліи, съ причины недостатка гр. кат. душпастырей, перешедшіи въ православіе возвратятся къ гр. кат. церкви.

II.

Историческіи событія и воспоминанія относительно состоянія и судебъ жителей Галичины русской націи.

1). Послѣ тутошнихъ или польскихъ (A. Ergänzungsblätter. B. Piasecky, C. Grondzki) и иностранныхъ историковъ (A. Engel, B. Jekel.), розсказывающихъ прежнее состояніе сего края, была его судьба, съ поры завоеванія королемъ Казиміромъ вел., очень печальная и съ его жителями обращались по мачишиному. Край былъ выставленъ на вторженія и опустошенія татаръ и обезлюдненъ. Имѣнія русскихъ бояръ, павшихъ въ боѣ, достались въ руки поляковъ, въ розоренныхъ окрестностяхъ возникали польскіи колоніи, коренное же населеніе отступило съ причины политическаго и религійнаго гнета отъ Сяна и Днѣстра къ Днѣпру, или попало въ татарскій плѣнъ. Русскіи церкви замѣнили на латинскіи, ихъ дотаціи были отданы священникамъ латинского обряда, русиновъ же всячески дразнили, давили и гонили, щобы ихъ принудити къ переходу въ латинскій обрядъ.

Тотъ гнетъ и то гоненіе усилились особенно съ поры введенія ордена іезуитовъ при королѣ Стефанѣ Баторіи и Сигизмундѣ III, окруженномъ и руководимомъ іезуитами, якъ то найлучше представляетъ безпристрастный современникъ и историкъ, римо-католическій епископъ перемышльскій Пясецкій (приложеніе 2/2 sub. B.).

Въ приложеніи: / : прибавленный проектъ на истребленіе русиновъ, публикованный на соймѣ варшавскомъ въ 1717 г. — о сочинителѣ котораго Екель (Pohlens Staatsveränderungen und die letzte Verfassung. Wien 1803. III Theil S. 133) говоритъ, що Макіавель былъ только школьнымъ мальчикомъ противъ него — имѣетъ происходити изъ эпохи Сигизмунда III отъ іезуитовъ Скарги и Мартина Латерны, былъ частію исполненный и только въ 1717 г. на соймѣ варшавскомъ публикованъ.

Въ приложеніи прибавленный, въ публичныхъ актахъ записанный протестъ львовского русского епископа Гедеона Балабана въ 1584 г. противъ львовского римо-католического архіепископа Димитрія Суликовского и его капитула по причинѣ нарушенія религіи и поношенія св. Таинъ въ львовскихъ русскихъ церквахъ служитъ доказательствомъ, якъ далеко шли проступки латинского клира противъ русиновъ Къ того рода явленіямъ надо причислити перенесеніе тлѣнныхъ остатковъ князя Александра Острогского изъ княжескихъ гробовъ въ Острозѣ внучкою его графинею Ходкевичъ въ Ярославль, въ костелъ нею для іезуитовъ построенный и дотованный, о чѣмъ историкъ Энгель (приложеніе 3/3) говоритъ. Бывшій протоіерей (Propst) ярославскій и директоръ библіотеки Оссолинскихъ говоритъ въ своей, въ Львовѣ печатанной исторіи Ярославля, о семъ происшествіи слѣдующее: Іезуитамъ понадобилось въ тридцятъ лѣтъ по смерти Александра Острогского сдѣлати его уніятомъ, щобы спасти его душу. По той причинѣ возникли кровавыи волненія въ Острозѣ... Того рода сцены были повсюду обыкновенны — они повторялись въ Львовѣ, где унію приняли позже всѣхъ, именно только въ 1708 г. Русины заводили безпрестанно жалобы, однако безъ успѣха

Въ всѣхъ такихъ происшествіяхъ, фанатического и спокойствіе нарушающого характера, имѣли іезуиты (то есть слова Энгля) головное участіе они виновники овыхъ кровавыхъ военъ, и рѣзней, которыи королевство польское (послѣ мѣстныхъ писателей якъ Грондзскій 2/2 Д. Свѣнцкій 6/6) въ продолженіе 52 лѣтъ претерпѣло отъ украинскихъ козаковъ, послѣдствіемъ чего было розложеніе Польщи.*)

(Дальше будетъ.)

*) Публикуя записку Гарасевича, застераемся противъ всякого упрека въ преднамѣренной тенденціозности. Исторія, розсказуя о прежнихъ враждахъ и войнахъ, не имѣетъ цѣлію вызывати опять вражду и войны. Она, изображая прошедшее, старается вникнути въ психику лицъ, дѣйствовавшихъ въ извѣстное время и имѣвшихъ вліяніе на свое общество, щобы такимъ путемъ объяснити сами же событія. Свѣтлыи и темныи стороны есть такъ въ поодинокой личности, якъ и въ поодинокихъ обществахъ и образцы нравственного совершенства, построенныи человѣческою мыслію, суть цѣлію, къ которой стремитъ человѣчество, но вполнѣ ихъ постигнути не можетъ. Взгляды русского народа на роль іезуитовъ, сыгранную ними въ прежнее время, принадлежатъ къ исторіи и не дадутся молча обойти. Они могутъ, въ связы съ самыми же событіями, послужити указаніемъ, якъ должны себе вести дальше обѣ стороны по взаимному ихъ отношенію.

Изд. Инст. „Нар. Домъ“. — За редакцію отвѣчаетъ Ф. И. Свистунъ.

Изъ Ставропигійской типографіи, подъ управленіемъ Мих. Рефця.

Ч. 6. Львовъ, іюнь 1906. Годъ XXIV (II)

ВѢСТНИКЪ „НАРОДНОГО ДОМА".

Выходитъ разъ въ мѣсяцъ. — Предплата въ годъ 2 кор. Редакція и администрація: Львовъ, улица Театральная Ч. 22.

ЖЕРТВЫ.

Въ мѣсяцѣ маѣ с. г. изволили пожертвовати П. Т.:

I. На церковь „Народного Дома": о. Іоаннъ Городискій изъ Бѣлыхъ Ославъ 2 кор.

II. На „Народный Домъ": 1) о. Іоаннъ Городискій изъ Бѣлыхъ Ославъ 2 кор.; 2) о. Василій Скобельскій изъ Прусъ 10 кор.; 3) о. Николай Яросевичъ изъ Брыни 20 кор.

III. На бурсу „Нар. Дома": о. Іоаннъ Городискій изъ Бѣлыхъ Ославъ 2 кор.

IV. Въ библіотеку и музей: 1) о. Іоаннъ Решетыло изъ Магерова голову — bos primigenius; 2) о. Яковъ Корчинскій изъ Торокъ серебряную монету временъ Яна Казиміра; 3) Венедиктъ Мѣйскій, надъинжинеръ изъ Львова 8 фотографій; 4) Юліянъ Романчукъ, посолъ думы державной, 1 соч. 1 том.; 5) І. Кревецкій, студентъ философіи изъ Львова 1 соч. въ 1 том.; 6) Его Превосх. митр. гр. А. Шептицкій 1 соч. въ 3 том.; 7) С. Петербургскій университетъ 3 соч. въ 3 том.; 8) Осипъ А. Марковъ, ред. „Галичанина" 10 соч. въ 90 том.

Всѣмъ тѣмъ жертвователямъ Упр. Совѣтъ русско-народного Института „Народный Домъ" въ Львовѣ заявляетъ должное благодареніе.

Где-що до исторіи азбуки и языка Галицкой Руси.

(Изъ свое-житьевыхъ записокъ Богдана А. Дѣдицкого).

(Продолженіе.)

Возвращаясь до моихъ толковъ о польской и русской прозодіи, упоминаю тутъ, яко я уже тогда-же (осенью 1849 г.) съ немалымъ сожалѣньемъ сознавалъ, що якъ наши старшіи поэты, що́ по русски писали книжныи стихи еще передъ 1840 г. (на пр. Іосифъ Левицкій, Маркіянъ Шашкевичъ, оба братья Головацкіи, Ник. Устіяновичъ, Лука Данкевичъ, Ант. Могильницкій), такъ и мы, молодшіи ихъ послѣдователи (Ив. Гушалевичъ, Ив. Наумовичъ, три братья Леонтовичи, Богданко и другіи псевдо-и анонимы), хотя мы майже всѣ знали по крайней мѣрѣ Котляревского правильно-ямбичную „Энейду“ и его-же прекрасныи хорейныи пѣсни: „Видно шляхи Полтавскіи“ и „Вѣютъ вѣтры, вѣютъ буйны“, мы всѣ — кажу — галицко-русскіи стихотворцы мало послѣдовали образцево-русской прозодіи сего знаменитого Украинца, а по найбо́льшой части сочиняли на польскій ладъ силябычныи стихи, може и для того, що робота така, где числишь лишь силябы, немного легча. Тякъ то уже сильно подъ тѣмъ взглядомъ подлягла наша Малорусь могущому вліянію Польщи, що даже въ центрѣ той Руси, въ Кіевѣ, наши ученыи книжники (даже воспитанники славной Могилянской Академіи) ажь до появленія Котляревского (въ концѣ XVШ ст.) сочиняли майже безъизъятно силябическіи стихи, а мы тутъ въ Галичинѣ творимъ и нынѣ мало не то само, якъ-бы завзявшись спѣвати не то для коренно-доброго слуху своихъ Русиновъ, а по привычцѣ подражая стихотворству давной владычицы Польщи. *)

А не смотри на то, еще несоблюденіе метрического ладу внутрѣ книжного русского стиха, якъ скоро въ томъ стиху есть хоть силябическій ладъ (условное число слоговъ), не конче уважати бы непростительнымъ грѣхомъ, а то тѣмъ меньше, що и внутрѣ нашей простонародной пѣсни не всегда соблюдается не

*) Только — слава Богу — нѣкоторыи наши поэты самой молодшой генерації, хотя и пишутъ новоукраинскою фонетикою, но при томъ съ бо́льшимъ, чѣмъ мы старшіи, вниманіемъ изучаютъ собѣ русско-стихотворныи лады Котляревского и Шевченка Затѣмъ то оба тѣ великіи Украинцы, яко найбо́льше у насъ теперь читаны и наслѣдованы, суть для насъ яко-бы поневольными а самыми благодѣйными передавателями (или въ смыслѣ нашего Як. Головацкого такъ сказавши „перемытниками“) тѣхъ пребогатыхъ изъящно-литературныхъ сокровищъ, якіи особенно изъ временъ Архангельского рыбака, поэта и философа Ломоносова натворила-нагромадила у себе до-стомиліонна троевѣтственная Русь за кордономъ.

лишь метрумъ, но даже число слоговъ; помимо того стихи тутъ и тамъ плѣняютъ насъ, если мысли и чувства поэтично въ нихъ выражены. Но въ книжныхъ стихахъ, если они рифмованы, бо́льше надо все поражае насъ, якъ скоро встрѣтится въ нихъ несладная, фальшивая рифма. Хотя бо правда, неточная рифма бывае иногда и въ нашихъ образцевыхъ простонародныхъ пѣсняхъ, но она тутъ не такъ разитъ и даже простительна по-тому, що выраженное нею слово добре подходитъ до отвѣчной, народомъ ніякъ не змѣняемой аріи; коли межи тѣмъ книжныи стихи бо́льшою частію предназначены для чтенія, для деклямаціи, а тутъ то нищо такъ прикро не поражае насъ, якъ фальшивая рифма.

Такъ на пр. въ простонародной пѣсни:

Ой по́ду я до млына́, — до млы́на,
А въ томъ млынѣ новина́ — нови́на,

вовсе не разитъ насъ, а таки гармонійно дѣйствуе, що правильныи ямбы „до млына́ — новина́“ въ своихъ рефренахъ перетворюются въ фальсификаты-трохеи „до млы́на — нови́на“. Также и въ славной спѣванцѣ „Не ходи Грицю“ якось не разитъ насъ, що прекрасна дактиличная рифма (— ◡ ◡) въ двоестишіи:

Ко́тра дѣвчина чорнобры́вая,
Та чаровниця справедли́вая,

за-для любой „Грицевой“ аріи поется хореично, т. е. „чорнобрыва́я — справедлива́я“.

Совсѣмъ иначе дѣйствуе на насъ, таки больно поражае насъ, если у нашихъ даже извѣстныхъ (вотъ що-ино повыше мною цитованныхъ) поэтовъ, пишущихъ подъ вліяніемъ много ними начитанныхъ польскихъ поэзій добрыи впрочемъ книжно-русскіи стихи, встрѣчаемъ такъ вопіюще фальшивыи рифмы, якъ на пр. „ико́да — вода́, лю́ди — труды́, си́ла — (тіи) дѣла́, взро́сли — послы́, го́ры — дворы́, охо́ты — плоды́“ и пр. и пр., где въ рифму насильно злагается хорей (- ◡), съ его противникомъ ямбомъ (◡ —), где затѣмъ въ русчинѣ ніякой рифмы нѣтъ, хибань читая тѣ рифмы чисто по польски.

Такое то выходитъ у насъ съ хорейными (т. е. женскими) рифмами, а се найпаче благодаря нашей премногой начитанности въ поэзіяхъ культурной Польщи. Но и не лучше бывае оно у насъ съ ямбичною (мужескою) рифмикою, бо и тутъ немало вредитъ намъ инно-акцентовое польской поэзіи вліяніе. Вѣдай же въ польщинѣ мужеская рифма возможна исключно лишь для односилбныхъ словъ, и польскіи поэты добре собѣ рифмуютъ на пр. слова съ окончаніемъ на самогласну **a**, якъ: mgła, dwa, ćma, rdza, kra, psa, sna, ра и пр. Въ нашой-же русчинѣ, где кромѣ односложныхъ словъ имѣемъ превеликое изобиліе двое- и трое-сложныхъ словъ съ удареніемъ на послѣднюю самогласную, намъ не конче нуженно для мужеской рифмы поддаватись едино владѣнію послѣднѣй въ словѣ буквы, якъ тутъ на пр. **а**, а легко можемъ рифмовати

такожь и предъидущіи согласныи, дабы такимъ способомъ составити не то недорифму, а бо́льше полную рифму. Такъ на пр. можемъ полнѣйше рифмовати: „мгла — могла́, два — голова́, тьма — дарма́, ржа — ножа́, кра — вчера́, пса — овса́, сна — она́, га! — друга́ и проч. и проч. Однакожь мы, галицко-русскіи стихотворцы, даже и тутъ, при неслыханномъ богатствѣ словъ cum ultima longa въ нашей русчинѣ, не всег да соблюдаемъ добрыи правила русской мужеской рифмики, а весьма часто будь на польскій ладъ слагаемъ недорифмы (на пр. гроза́ — пора́), будь творимъ даже фальшивыи рифмы, слагаючи ямбы съ дактилями (на пр. моя́ — ми́лая).

Такъ то вотъ и я, еще зимою 1849 г. увлекшись прекрасною поэмою „Бояринъ Орша“, списанною великимъ Лермонтовымъ въ цѣлости (въ 1088 стиховъ) самыми мужескими рифмами, сейчасъ же дерзнулъ подражати той поэмѣ такъ по языку, якъ и по формѣ стиха, да и составилъ фантазійную повѣсть „Конюшій“, и очевидно составилъ ю въ пору, коли ни велико-ни даже своей мало-русчины еще основно не зналъ. Отже не дивно, що той „Конюшій“, выстрѣлившій изъ недозрѣлой мечты яко „pierwiosnek, za wcześnie, kwiatku, za wcześnie“, весь ажь кишитъ не лишь языковыми ошибками и польского складу недорифмами (якъ „Днѣстра́ — времена́“), но що го́рше, даже цѣлкомъ фальшивыми рифмами, где я безпардонно слагалъ ямбы съ дактилями и навѣть съ хореями, якъ то на пр. „друзья́ — распу́тія, мнѣ — Украи́нѣ, мою́ — Слобо́дскую, а даже „всегда́“ — свобо́да, пу́ть — ска́чутъ“ и пр.*)

А що до третьёго рода рифмы, т. е. рифмы дактиличной (— ◡ ◡), якая по метричному складу особенно нашему русскому языку есть свойственна и легко возможна, для того, що нѣтъ чей другого въ свѣтѣ языка, въ которомъ зъ-поконвѣкъ было бы такое преизобыліе словъ съ дактиличнымъ окончеміемъ, якъ въ нашемъ (мало-бѣло и велико-русскомъ), то съ немалою скорбію примѣчу, що тая прекрасна и якъ-бы „своя типово-русская“ рифма была у насъ въ Галицкой Руси такъ неслыханно не въ употребленіи, що якого виднѣйшого нашего поэта, рифмовавшого свои стихи часомъ и дактилями, я просто и до-нынѣ не помню. Да помню я то́лько изъ дѣтскихъ моихъ лѣтъ два стишки изъ якой-то народной пѣсни (кажется въ мѣ-

*) Подъ лѣто 1850 г. уѣзжая до перенесенного изъ Львова „Вѣстника“ въ Вѣдень, я оставилъ „Конюшого“ доброй сестрѣ моей Евфросиніи Ванковичевой, которая потомъ (въ г. 1853) дала его на свой счетъ напечатати (въ 500 экс.) во Львовѣ. И дивно: самы питомцы гр. к. Львовской семинаріи закупили „Конюшого“ для себе въ высше 200 экс., чѣмъ не только уплатили весь накладъ изданія, но вразъ-же заманифестовали, що въ то время они въ бо́льшомъ числѣ были еще не фонетисты, а москвофилы или по новѣйшому прозванію „кацапы“.

стечку Угновѣ подъ русскимъ кордономъ), въ которой щось два разы повторялось:

Зóренько я́сная,
Звѣздочко кра́сная,

и тіи то два стишки встрѣчаль я также кóлька разы у нашихъ книжныхъ поэтовъ, на-вѣрно была то у нихъ реминисценція изъ той народной спѣванки. Впрочемъ уже у насъ, галицко-русскихъ книжниковъ, навѣть изъ дней нашего національного возрожденія, была тая „наськая“ рифма якось не до ладу чи не по вкусу, а се може головно для того, що мы отъ кóлькавѣковыхъ наставниковъ нашихъ въ стихословіи, отъ польскихъ поэтовъ, не могли о той русской формѣ рифмованья щó поучитись; вѣдай бо нѣтъ ни одного польского слова съ дактилическимъ окончаніемъ, а затѣмъ и дактиличная рифма въ цѣлой Польщи таки ніякъ невозможна. Ба, если коли намъ и случилось зложити даже добру свою дактиличную рифму, то мы и наша публика читали ю не то природнымъ ей акцентомъ, а изъ польска хорейно (cum penultima longa); такъ на пр. „у́тренній — вну́тренній, воíнственный — таíнственный“ мы читали „утре́нній — внутре́нній, воинстве́нный — таинстве́нный.“ — Отже и тутъ горою была у насъ Польща!

За то однако, мимо нашего долговѣчного пренебреженія дактильной формы словъ въ русской поэзіи, посестра наша, Сѣверная Русь, не бывшая николи подъ властію Польщи, держала тую форму словъ зъ-поконвѣкъ высоко въ чести, якъ то показуютъ многіи ея народныи пѣсни, походящіи изъ временъ, коли западно-европейской рифмы на Руси еще не было, а въ которыхъ майже всякій отдѣльный стихъ пріостановляется словомъ съ дактиличнымъ окончаніемъ. Такъ на пр.:

Заковала въ зеленъ-садý кукýлочка,
Призадýмалась, во тéремѣ боя́рышня,
Боя́рышня Алеша Васи́льевна...

Такъ то и лишь въ народѣ Сѣверной Руси сохранились и до сихъ поръ историко-легендарныи „Былины“ изъ временъ „Великого Князя, Кіевского солнечка Владиміра“, сложенныи такимъ-же древне-русскимъ ладомъ безъ рифмы а съ дактильнымъ словъ окончаніемъ, — коли напротивъ тіиже „Былины“ въ самомъ ономъ центрѣ, где владѣлъ „Кіевское солнечко Владиміръ Великій , давно изчезли безслѣдно, а отъ завладѣнія Польщи Кіевомъ уступили мѣсто рифмованымъ пѣснямъ и думамъ козацкимъ.

Да и не безъ основанія — здаесь — утверджаютъ нѣкоторыи изслѣдователи нашей старины и слависты, що еще далеко передъ появленіемъ искуственно-метричного и потомъ рифмованного стихотворства были въ многихъ твореніяхъ старословянщины (може еще за св. Кирила и Меѳодія) а также старорусчины (чей и за пѣвца „Слова о полку Иго-

ревѣ) своего рода поэтичныи словосложенія, въ которыхъ головно преобладали выраженія съ дактильнымъ заключеніемъ. Вѣдай въ нашихъ Евангеліяхъ, а тоже и въ „Словѣ Игоревѣ“, особенно въ ихъ оставочныхъ мѣстахъ, частѣйше всего встрѣчаемъ такіи, яко-бы больше внушительныи выраженія, якъ то на пр. и наша „Молитва Господня“ важко заключается будьто двоестишіемъ:

И не введи́ насъ во искуше́ніе,
Но изба́ви насъ отъ лука́ваго.

А наше церковное „Вѣрую“ мовь-бы за-для легчого запамятанья въ своего рода стиховой формѣ такъ дуже изобылуе въ дактильно-кончащіися слова, що на 98 всѣхъ именъ и глаголовъ имѣе ихъ **35**! Наконецъ и типово-русскими дактилями если уже не заключаются, то якъ-бы для поднесенья той-же русской типовости начинаются найбольше намъ извѣстныи и всенародно на-скрозь удомашненныи три припѣвы: „Го́споди помилу́й! — Мно́гая лѣта“! и „Вѣ́чная па́мять“!

Но що́ тутъ и еще примѣчательно: що въ простомъ народѣ даже въ найдальшой юго-западной русской окраинѣ, въ нашей Галичинѣ, существуютъ и до-нынѣ обще-употребляемыи, „ладканья и похоронныи рыданія“, непремѣнно наслѣдственныи останки по найстаршой русчинѣ, которыи живцемъ ствержаютъ повысшое мнѣніе славистовъ-археологовъ. Именно я и самъ помню таковыи „ладканья и рыданія“, бо́льше всего же помню „рыданіе“ одной изъ четырехъ донёкъ славного церковного дяка Григорія Малковича*) въ Мостахъ Великихъ на похоронахъ того-жь весною 1845 г. „Рыданіе“ то произносимо было отличною пѣвицею дяко́вною такъ чутко внятными словами и такъ жалко до глубуны поражающимъ голосомъ, що якъ разъ то учуешь, не легко позабудешь. Наведу хоть где-що изъ него.

---

*) Отъ выше полъ столѣтія, ставши Русиномъ, я собирался написати щось хотьбы въ родѣ повѣстки о томъ дяку Малковичу, желая съ честію згадати про его просто великанскій пѣвческій даръ, про его возможно найнизшій а громкій басъ, притомъ такъ чудно звучавшій и нѣжно трогавшій басъ, якого потомъ за всю жизнь не слышалъ на операхъ и концертахъ во Львовѣ, Вѣдни, Будапештѣ, ни въ Венеціи. Той Малковичъ завелъ въ Мостенской церкви Кіевское нотное-хоральное пѣніе, въ которомъ чудеснымъ примъ-альтомъ пѣла и его дочка Александра. Его „Вѣчная память“ на похоронныхъ шествіяхъ такъ плѣняла сожителей даже лат. обряда, що и тіи „за по-надгороду“ замовляли собѣ его съ тѣмъ пѣніемъ на лат. похороны; но онъ не хотѣлъ „отпѣвати ніякого латинця по русски за жадныи гроши“. — Въ самъ день его смерти напутствовалъ его мой отецъ священникъ оказало по чину св. обряда, а самъ же Малковичъ своимъ громкимъ басомъ отвѣчалъ все „діаконское ажь до послѣднѣто своего издыханія, чѣмъ отецъ мой такъ глубоко былъ тронутъ, що плакалъ на-взрыдъ, идучи отъ дяко́вки и даже у себе на попо́вствѣ. Коли тутъ мати запытала отца, чого плаче, отецъ отвѣтилъ: „Ахъ, якъ не сплачешь! Нашъ Григорій духъ испустилъ точно съ послѣднимъ своимъ дяковскимъ „Аминь“!

Ахъ, вы нашъ до́брый о́тчейко!
Вы нашъ лю́бый ба́тенько!
Нашъ корми́телю вы, нашъ охрани́телю!
Зачѣмъ вы насъ оста́вили, поки́нули
Насъ бѣдныхъ въ свѣтѣ си́ротокъ —
На жаль-сму́токъ ве́ликій*)
Та на злу́ю до́леньку,
Чужи́мъ лю́дямъ на нево́леньку!...

Що до Сѣверной Руси, то въ ей книжномъ стихотворствѣ дактилическая рифма была въ употребленіи (хотя рѣдше) еще передъ Державинымъ и Пушкинымъ; но бо́льше популярною сталась она подъ перомъ геніяльного Байрониста Лермонтова, а уже ярый демократъ-поэтъ Николай Некрасовъ допровадилъ тую рифму до такой полноты и совершенства, що русскимъ послѣдователямъ той формы ледва чи прійдется щось нового тутъ изобрѣсти.

Для пробы своеродного благозвучія навожу здѣсь такъ рифмованныи стихи Лермонтова:

Въ минуту жизни тру́дную
Тѣснится-ль въ сердце грустъ,
Одну молитву чу́дную
Твержу я на-изустъ.

Есть сила благода́тная
Въ созвучьи словъ живыхъ,
И дышетъ непоня́тная
Святая прелесть въ нихъ.

Съ души какъ бремя ска́тится,
Сомнѣнье далеко́
И вѣрится, и пла́чется,
И такъ легко́, легко́,

Или еще и строфку изъ его майже цѣлкомъ дактилями составленной „Молитвы“ къ Богородицѣ:

Окружи́ сча́стьемъ счастья досто́йную,
Да́й ей сопу́тниковъ, по́лныхъ внима́нія,
Мо́лодость свѣтлую, ста́рость поко́йную,
Се́рдцу незло́бному ми́ръ упова́нія.

Въ то блаженное для мене время (1859 и 1850 г.), во время первого близшого познакомленья мого съ изъящно-литературными твореніями закордонной Руси, якъ Малой такъ и Великой, я уже вполнѣ увѣрился, що мы, самы позадніи западно-русскіи-украинцы, зъ найдавнѣйша оторванныи отъ всего прочого русского міра, по сохраненному нами дотоль „наському“ языку а еще паче всего по его же прарусскому акценту

*) На весь Жолковскій округъ, а може на всю Галицкую ба и прочую Русь одни Мостенцы произносятъ постоянно „ве́ликій, ве́лика, ве́ликe“, а не „вели́кій“ и пр.

такъ навѣть и нынѣ на-скрôзь остаемъ принадлежными къ тому всему прочому русскому міру, що и въ самой добавочной части граматичныхъ наукъ, въ прозодіи, мы — и на головахъ ставаймо - а не придумаемъ для себе яку иншу будьто отдѣльно-самостôйную ритмику чи рифмику, лишь яка и безъ насъ а — слава Богу — также и для насъ розвилась, розцвила и до совершенства дозрѣла у великой безпредѣльной Руси за кордономъ!

Но що же скажете? Мимо такого полного увѣренья, способного задоволити не-знать яке національне самолюбіе, я таки тогда часомъ поддавался сомнѣванію: чи для столь безмѣрно великого богатства рôзнородной акцентуаціи, якимъ Богъ надѣлилъ нашъ русскій языкъ, довлѣютъ тôлько тіи три роды рифмы, на якіи мы, вся Русь, дотоль себе ограничаемъ? Чи кромѣ рифмы мужеской, женской и дактильной не пободало бы для насъ еще и якой четвертой и даже пятой? Въ такихъ моихъ призадуманьяхъ нагадалась мнѣ разъ таки наша простохохолская пѣсенька изъ подстрѣшной пекарни: „Эй, Семене Семенé, не ходи ты до менé“ и я замечталъ съ самозадоволеньемъ: а ну-жь, удалось бы намъ, русскимъ книжникамъ, по образцу той игрывой пѣсеньки добрати, додумати еще четвертую форму русской рифмы, именно такъ зовимый анапестъ (⏑ ⏑ —)? Правда, тутъ окончанія—**нé** (Семенé — менé) суть прямо якъ-бы ямбы, однакожь два предъидущіи передъ тѣмъ слоги, хотя здѣсь не цѣлкомъ съ собою сходны, но въ своей аріи такъ коротенько произносятся, що того несходства и не примѣчаешь, а чуешь мовъ-бы точный анапестъ Еще добитнѣйше выходятъ тѣ анапесты въ слѣдующей нашей простолюдной спѣванцѣ.

Нѝкто не виненъ — сама я́, сама я́,
Що-мь полюбила — гультая́ гультая́;
Гультай ничь не робитъ — ино пьé — ино пьé,
Прійде до домоньку — мене бьé, мене бьé;
А я на тое — не дбаю́, не дбаю́,
Иду до корчмоньки — гуляю́, гуляю́!

(Дальше будетъ).

Исправленіе ошибки и опечатки въ статьяхъ г. А. Дѣдицкого числа 5. „Вѣстника“:

Стр. 101 строка 35 вмѣсто „Гражинѣ“ должно быти „Пану Тадеушу“.

На стор. 104 въ стихотвореніи „На мостѣ въ Страсбургу“, въ первой строфѣ пропущенъ послѣдній стихъ: „Мой любый, рôдный край!“

Корреспонденція Дениса Зубрицкого съ Копитаромъ.

(К о н е ц ъ.)

„Мѣсто изъ Кромера, наведенное Вашимъ Высокоблагородіемъ, совсѣмъ точное, однако стоявшій ближе оныхъ событій и родившійся при Ягайлѣ Длугошъ пишетъ X. стор. 61: „Ягайло Скиргайло и т. д., всѣ знатныи юноши, которыхъ ихъ родитель утвердилъ въ греческомъ законѣ, привязывая ихъ къ греческому обряду“ и т. д.. Кромеръ, историческій авторитетъ котораго для мене есть мѣродательнымъ только съ того времени, где кончитъ Длугошъ, розсказуетъ, конечно, оное событіе инакше, вѣроятно по той причинѣ, що въ его время вопросъ, нужно-ли русскихъ вторично крестити, или нѣтъ, на ново былъ порушенъ. Папа Александръ VI. отвергнулъ потребу вторичного крещенія, но, не смотря на то, нѣкоторыи польскіи пралаты не хотѣли тому повиноватись и по тому вопросу возникшій споръ вызвалъ сочиненіе Оржеховского: „Baptismus Ruthenorum“ 1554. Тотъ вопросъ для нынѣшнихъ временъ не имѣетъ значенія; онъ имѣетъ однако нѣкоторое значеніе для исторіи Литвы. Литвины были уже передъ Ягайломъ въ большей части христіянами по греческому обряду; тамъ и сямъ могли быти язычники, особенно межи жмудинами, ибо греческое духовенство не заявляло ревности въ навращеніи язычниковъ. Такъ якъ прусскіи рыцари, дѣлая завоеванія подъ предлогомъ ширенія христіянства съ мечами въ рукахъ исполняли апостольское званіе, то Ягайло желая заслужитись около св. Престола, викаріемъ котораго онъ былъ назначенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отняти Ордену предлогъ къ крестоноснымъ походамъ, приказалъ заманивати простый народъ дарами и такимъ путемъ его приводити къ крещенію, основуя епископства въ Вильнѣ и Трокахъ“.

„Мою хронику города Львова я назадъ получилъ и есмь доволенъ высшею цензурою, которая оставила перечеркнутыи здѣшнею цензурою мѣста, за изъятіемъ 5 артикуловъ. Я самъ признаю, що оныи, 5 артикуловъ, яко относящіися къ уніи, теперь въ Галичинѣ не суть допускаемы. Я даже догадуюся, що моя рукопись была подъ Вашимъ перомъ, ибо только человѣкъ такой учености и проницательности, якъ Ваше Высокоблагородіе, есть способный, отличити умѣстное отъ неумѣстного, допускаемое отъ недопускаемого. Теперь приходятъ хлопоты съ печатаніемъ. Наши книготорговцы хотѣли бы все имѣти даромъ, я же не имѣю охоты истрачивати деньги, я слишкомъ старъ и не хочу по смерти моимъ незаосмотреннымъ дочерямъ отнимати нѣсколькосотъ гульденовъ, ибо сочиненіе будетъ обнимати 40 листовъ печати въ осьмую долю черенками гармондъ. Можетъ удастся съ Миликовскимъ“.

„Виленскіи грамоты мнѣ совсѣмъ неизвѣстны, но я постараюсь ихъ получити, ибо я предполагаю, що они важны для исторіи.“

На тѣмъ кончится письмо Зубрицкого. Дальшей его корреспонденціи съ Копитаромъ не нашлось между рукописями „Нар. Дома“.

Що вызвало ту корреспонденцію? — Причиною ея были событія вѣро-исповѣдного характера въ Россіи. Послѣ подавленія польского возстанія 1830/1 гг., русское правительство обратило вниманіе на вѣроисповѣдныи дѣла литовско-малорусскихъ земель и въ началѣ 1838 г. уніятскіи дѣла были переданы изъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ вѣдомство оберъ-прокурора Синода. Когда въ томъ же году умеръ уніатскій митрополитъ Булгакъ, то въ слѣдующемъ 1839 г. послѣдовало всеобщее возсоединеніе уніатской церкви юго-западного края съ православною. Всѣхъ уніатовъ, принявшихъ православіе, было около $1^1/_2$ милліона, въ томъ числѣ выше 100.000 на Волыни и въ Подоліи.

Возс единеніе уніатовъ Литвы, Подоліи и Волыни поразило римскую курію и не могло быти безразличнымъ также для австрійского правительства. Стали опасатись, щобы галицкіи уніаты не поддались вліянію своихъ соплеменниковъ мало- и бѣлороссовъ и не стали тяготѣти тоже къ православію. Статскій референдарій въ коллегіи de propaganda fide, Августинъ Тейнеръ обратился тогда къ о. Михаилу Малиновскому съ просьбою, щобы ему отвровенно и обстоятельно изложилъ нужды уніатовъ въ Австріи, що тотже и сдѣлалъ. По желанію римской куріи митрополитъ Михаилъ Левицкій и перемышльскій епископъ Іоаннъ Снѣгурскій издали 10 марта 1841 г. пастырскіи посланія зъ заявленіемъ, що они твердо будутъ стояти за унію, съ воззваніемъ къ паствѣ, дабы и она послѣдовала ихъ примѣру.

Опредѣленіемъ настоятеля научной библіотеки считается вообще служити информаторомъ для руководящихъ сферъ относительно умственной жизни народовъ, значитъ, давати поясненія не только касательно науки и литературы, а также поясненія и совѣты касательно политическихъ, соціальныхъ и религійныхъ движеній Весьма естественно и Копитаръ, состоявшій настоятелемъ императорской библіотеки въ Вѣнѣ, долженъ былъ употребитись въ роли справщика и помощника по дѣлѣ австрійскихъ уніатовъ. Онъ навязалъ корреспонденцію съ Зубрицкимъ, яко выдающимся галицко-русскимъ ученымъ, щобы изслѣдити теренъ, познати направленіе умовъ среди галицко-русской интеллигенціи и на точныхъ данныхъ основати свой судъ, якого навѣрное требовали отъ него мѣродательныи сферы. Въ такомъ смыслѣ могъ понимати цѣль писемъ Копитара и самъ Зубрицкій и съ той точки зрѣнія надобно оцѣнити отвѣты послѣдняго.

Памятная записка Михаила Гарасевича о іезуитахъ.

(Продолженіе.)

Историкъ Грондзкій (приложеніе 2/Д) чертаетъ намъ наилучше религійный гнетъ, который долженъ былъ терпѣти русскій и козацкій народъ въ Украинѣ съ причины іезуитовъ и жидовъ: вслѣдствіе чего въ время революціи Хмельницкого ненависть козаковъ свернулася найбольше противъ нихъ и вызвала кровавыи рѣзни.

Городъ Львовъ былъ Хмельницкимъ двукратно осажденный, который требовалъ выдачи іезуитовъ и жидовъ, грозя, що въ противномъ случаѣ городъ возьметъ приступомъ и всѣхъ вырѣжетъ, которую-то опасность предотвратило только посредничество русского епископа Арсенія Желиборского. (См. прибавленныи два собственноручныи письма короля Яна Казиміра и королевой Маріи Людвики отъ 6 и 7 сентября 1658 г.). Хотя умиротвореніе нѣсколькократно, подъ Зборовомъ, Замостьемъ, Гадячомъ и Бѣлою Церквою, было устроено, но іезуиты его уничтожили, якъ то Грондзкій и Энгель найлучше представляютъ (См. приложенія 2/2 и 3/3 А.).

Въ время революціи украинскихъ козаковъ, продолжавшейся 52 лѣтъ, русскій народъ сочувствовалъ имъ и принималъ ихъ по братнёму. За то, по отшествіи козаковъ, польское правительство и шляхтичи производили страшныи репресаліи и истребляли огнемъ и мечемъ цѣлыи городы и мѣстности. Що въ тѣхъ происшествіяхъ играли роль іезуиты, о томъ сохранилася до сихъ поръ традиція въ народѣ Якъ огорченъ былъ народъ противъ іезуитовъ, доказуетъ 7-мая точка Зборовского договора, въ которой постановлено, або іезуиты въ Кіевѣ и цѣлой Украинѣ не поселялись.

Принятіе уніи не освободило русиновъ отъ гнета и преслѣдованій съ стороны польского правительства и іезуитовъ. Они не пренебрегали ніякимъ средствомъ при навращеніи русиновъ на латинство и на постоянныи жалобы русскихъ епископовъ папа роспорядилъ, абы безъ соизволенія св. Престола никто изъ греческого обряда на латинскій не переходилъ.

Воспитанный въ іезуитскихъ школахъ и даже послѣ упраздненія ордена іезуитовъ въ 1772 г. эксъіезуитами руководимый латинскій клиръ продолжалъ также подъ австрійскимъ правительствомъ, послѣ ревиндикаціи, свое душехватство и дальше угналъ русиновъ, однако бл. п. мудрая правительница Марія Терезія, вслѣдствіе представленій гр. кат. епископовъ, вмѣнила 3 августа 1776 г. вѣдомствамъ державнымъ въ обязанность, безпрерывно и старательно смотрѣти за тѣмъ, абы съ одной стороны столь роспространенному въ Галичинѣ и такъ по политическимъ, якъ и религійнымъ причинамъ на найбольшее вниманіе заслугивающему, подъ прежнымъ польскимъ прави-

ствомъ угнетенному гр. кат. обряду не причинялось ни малѣйшого ущерба, съ другой же стороны абы между епископами и духовенствомъ обоихъ обрядовъ владѣли миръ и согласіе и одни противъ другихъ, ни прямо ни вкось, не дѣйствовали.

Бл. п. императоръ Іосифъ II вмѣнилъ ц. к. галицкимъ староствамъ указомъ отъ 1782 г. §. 18 особенно за тѣмъ смотрѣти, щобы оба обряды якъ дочери одной матери-церкви въ сестринской любви жили, одинаковымъ авторитетомъ пользовались и одинъ изъ нихъ не присвоивалъ собѣ преимуществъ передъ другимъ.

Бл. п. императоръ Леопольдъ II поставилъ греческій обрядъ на ровнѣ съ латинскимъ и приказалъ подъ строгою отвѣтственностью не признавати латинскому обряду передъ греческимъ ни малѣйшого преимущества и не позволяти на нарушеніе, презрѣніе или маловаженіе греческого обряда.

Подъ славнымъ правленіемъ бл. п. императора Франца I соблюдались всегда тѣ правила и миръ, спокойствіе и согласіе господствовали между обоими обрядами. Бл. п. императоръ Францъ I оказалъ гр. кат. обряду найбольшіи благодѣянія, изложенныи въ приложеніи $^{8}/_{8}$ (пастырское посланіе еп. Бѣлянского отъ 1793 г., два министерскіи письма къ бл. п. еп Антонію Ангелловичу отъ 1805 г., рѣчь держанная митр. Ангелловичемъ при его введеніи на митрополичій престолъ). Архипастыри русской націи не преминули тѣ благодѣянія изложити подвѣдомственному духовенству и народу и заохотити оныхъ къ благодарности, вѣрности, привязанности къ Высочайшему Престолу и патріотическимъ жертвамъ. Русская нація не дастся превзойти въ благодарности, привязанности и вѣрности къ наслѣднику добродѣтельного Франца I., наймилостивѣйшему Фердинанду I, ніякой другой націи, подданной австрійскому скипетру.

Наведенныи историческіи факты касаются единственно поведенія іезуитовъ относительно русиновъ въ Польщѣ. Не въ лучшемъ свѣтѣ изображаетъ исторія ихъ поведеніе въ другихъ державахъ и въ церкви. Историкъ Энгель говоритъ (приложеніе $^{3}/_{3}$): „Можно говорити за и противъ іезуитовъ, но они не очистятся отъ того упрека, що они, где только явились, вносили пагубный эгоизмъ своего ордена и духа истребленія, даже противъ членовъ римской церкви, и метали факель гражданскихъ междуусобицъ и военъ. Во Львовѣ, где они поселились по приказу своего генерала Клавдія Аквавивы, введенныи Мартиномъ Латерною и Каспаромъ Нагаемъ (изъ которыхъ первый въ 1621 г. шведами былъ ввержен въ море), якъ только была готова ихъ церковь, они имѣли уже въ 1636 г. споры съ рим. кат. парохами и капланами съ причины похороновъ и таксъ за нихъ“.

Историкъ Энгель есть вправдѣ протестантомъ, но що онъ не отдаляется отъ строгой исторической правды касательно іезуитовъ, слѣдуетъ изъ того, що онъ свои извѣстія заимствовалъ изъ записокъ современного рим. кат. каноника и они со-

гласны съ показаніями еп. перемышльского Пясецкого, Гродзкого, Свѣнцкого и другими историческими памятниками.

Въ 1653 г. іезуитъ Карватъ выступалъ въ проповѣди противъ кат. архіепископа и большей половины канониковъ, вслѣдствіе чего первый, т. е. архіепископъ Кросновскій, 22 сентября изъ досады умеръ. Въ 1661 г. они хитростію получили отъ короля Яна Казимира декретъ на учрежденіе іезуитского университета во Львовѣ, но проиграли процесъ вслѣдствіе общихъ усилій краковского университета, шляхты воеводства и львовского латинского капитула. Они получили отъ короля Яна Собѣского выговоръ за гордость и корыстолюбіе — все то вынято изъ рукописныхъ замѣчаній львовского каноника Юзефовича. Найлучшій свидѣтель еп. Пясецкій (приложеніе $^2/_2$ В.). розсказующій объ ихъ спорахъ и процессахъ въ Ризѣ и кровавыхъ инцидентахъ съ краковскимъ университетомъ, прибавляетъ: „Не легче соединити іезуитскіи школы съ университетомъ, якъ море съ небомъ“.

III

Образъ мыслей и стремленія жителей Галичины отъ 1772 г. или отъ поры ревиндикаціи Галичины.

Религійному и политическому гнету, претерпѣваемому русинами послѣ руководства іезуитовъ, положило конецъ мудрое и благое австрійское правительство, що тѣмъ легче могло послѣдовати въ виду одновременного упраздненія ордена іезуитовъ. Русскій народъ чувствовалъ себе счастливымъ, когда изъ-подъ анархичного правленія польского попалъ подъ мудрый и кроткій скипетръ австрійскій. Русскій народъ старался всегда заявляти свою вѣрность, благодарность и привязанность къ Австріи.

Напротивъ высшая шляхта и польское духовенство, привыкшіи съ низшею шляхтою, мѣщанами и крестьянами обращатись якъ съ рабами и укороченныи австрійскими законами въ ихъ своеволіи, считали себе только силою обстоятельствъ на нѣкоторое время оторванными отъ Польщи и ждали удобной минуты, щобы при первомъ-лучшемъ случаѣ соединитись съ королевствомъ польскимъ. Такіи мысли и тенденціи обнаружались при каждомъ случаѣ до сей поры.

Первою эпохою такихъ броженій и заговоровъ былъ 1790 г. по смерти имп. Іосифа II при правленіи бл. п. Леопольда II, когда то заговоръ и формальное возстаніе организовались подъ предводительствомъ галицкого фонъ-деръ-Ноота*), адвоката Іосифа Дзѣржковского, съ комитетами — собирались денежныи пособія и высылалася депутаціи къ имп. Леопольду II съ меморі-

*) van der Noot, адвокатъ, предводитель недовольныхъ австрійскимъ правительствомъ въ Бельгіи.

аломъ, на которомъ подписалось нѣсколькосотъ шляхтичей частью добровольно, частью подъ грозьбами. Та депутація считала себе представительницею суверенной націи и предложила условія, подъ которыми императоръ долженъ управляти Галичиною. (См. приложенное извлеченіе изъ „Magna Charta von Galizien 1790 г.). Тѣ комитеты были упразднены выс. рескриптомъ отъ 25 мая 1790 г.

Вторая эпоха такихъ броженій припадаетъ на 1794 г. — время костюшковской революціи. Тогда собирались въ Галичинѣ жертвы въ деньгахъ, составлялись комитеты подъ предводительствомъ Валеріяна Дѣдушицкого и Крз....*), высылалась молодежь, хотя здѣсь не было организаціи формального возстанія, ибо предводители революціи, генералъ Ѳадей Костюшко, гр. Игнатій Потоцкій и пралатъ Гуго Коллонтай хотѣли щадити австрійскій дворъ. Послѣдній, убѣгая съ патріотическими жертвами въ Францію, былъ въ Галичинѣ арестованъ и яко государственный плѣнникъ долшее время съ генераломъ Лафаеттомъ задержанъ въ Оломунцѣ.

Третья того рода эпоха послѣдовала 1795 г. послѣ костюшковской революціи, когда-то былъ открытъ заговоръ съ Пасванъ—Оглу, пашею Виддина, касательно вторженія въ Галичину и вызванія бунта въ Польщѣ. Тогда были компромитованы: гр. Валеріянъ Дѣдушицкій, Рациборовскій и Тшецѣскій.

(Дальше будетъ.)

Русскіи театины въ Городенцѣ.

Между рукописями о. прал. Петрушевича въ библіотецѣ „Нар. Дома“ находится слѣдующая записка на латинскомъ языцѣ:

„Въ городѣ Городенка, галицкой діецезіи вблизи Волохіи есть величественная сіятельнымъ Николаемъ Потоцкимъ, воеводою белзскимъ, изъ кирпича построенная церковь для пяти священниковъ изъ бѣлого духовенства, безженныхъ, живущихъ и должныхъ жити въ сожительствѣ (in communi), съ обязательствомъ, абы не только ежедневно совершали божественныи службы и удѣляли народу св. Тайны, но также по временамъ посѣщали сосѣдніи церкви и простонародію вѣру Христову, сообразно съ его способомъ пониманія, объясняли. Такъ якъ нѣкоторыи изъ тѣхъ священниковъ воспитывались въ польской

*) Мѣсто въ рукописи неудобочтимо. Извѣстно только, що членами комитета кромѣ Дѣдушицкого были Левицкій, Валевскій, полковникъ Стршалковскій и адвокаты Дзѣржковскій и Венгленслій.

коллегіи театиновъ, то хотя они не сложили монашеского обѣта театиновъ, народъ называетъ ихъ театинами. Основаніемъ такого названія служитъ также мировая сдѣлка (transactio) между братьями: Іоакимомъ, чесникомъ литовскимъ, и Ѳеодоромъ, старостою смотрыцкимъ, Потоцкими отъ 5 декабря 1765 г., внесенная въ земскіи книги галицкіи 28 іюля 1773 г., въ которой они названы театинами. — Николай Потоцкій, воевода белзскій, записалъ театинамъ греч обряда въ Городенцѣ 70000 злотыхъ польскихъ на имѣніи Незвище."

Орденъ театиновъ былъ основанъ въ Римѣ, въ 1524 г., кардиналомъ Караффа (позже папа Павелъ IV), епископомъ въ Теате или Кіета и утвержденый въ 1540 г. Его основаніе совпало въ пору, когда Римъ для борьбы съ протестантствомъ заводилъ новыи ордены и конгрегаціи, щобы оживити дѣятельность католической церкви. Якъ іезуиты должны были дѣйствовати на широкіи массы населенія, такъ орденъ театиновъ долженъ былъ воспитывати и приготовляти будущихъ іерарховъ латинской церкви. Сначала театины дѣйствовали въ Венеціи и Неаполѣ, затѣмъ розошлись по Италіи, Франціи, Германіи, Испаніи, Польщѣ и простерли свою дѣятельность даже на Кавказъ. У нихъ было строгое монашеское правило; они жили въ апостольской простотѣ, безъ всякой собственности, содержива себе изъ подаяній, вслѣдствіе чего они себе называли „организованнымъ клиромъ божественного Промысла или совмѣстной жизни".

По порученію конгрегаціи De propaganda fide они въ концѣ 17-ого вѣка основали въ Львовѣ, для воспитанія армянской и русской молодежи, готовившейся къ духовному званію, монастырь съ коллегіею, зовимый „Червонымъ Кляшторомъ". Епископъ русскій перемышльскій, Григорій Винницкій далъ имъ 40.000 злот. польск., на которыи собственно прежде вознамѣрялъ основати русскую духовную семинарію въ Перемышлѣ. Хотя коллегія театиновъ была численная, однако русскихъ воспитанниковъ было въ ней сначало только 6, затѣмъ мало кого изъ русиновъ принимали, — очевидно среди польского духовенства преобладало мнѣніе, що подобаетъ скорѣе уніятовъ навращати въ латинство, чѣмъ скрѣпляти унію.

Названная церковь въ Городенцѣ была устроенная по образцу польскихъ коллегіятъ, т. е. костеловъ, при которыхъ дѣйствовало нѣсколько священниковъ. Дальшая судьба тѣхъ русскихъ театиновъ намъ неизвѣстная.

Проектъ этнографическаго музея въ „Народномъ Домѣ" во Львовѣ.

На генеральномъ собраніи членовъ „Нар. Дома" въ Львовѣ въ 1902 г. былъ поставленъ проектъ устройства этнографическаго музея при библіотецѣ и существующихъ уже музеяхъ

„Нар. Дома“. Пока выскажемъ наше мнѣніе о необходимости, пользѣ и другихъ сторонахъ того рода научного учрежденія, надобно прежде всего изъяснити, що понимается подъ этнографіей и якая цѣль сей науки.

Нѣмцы соединяютъ этнографію съ этнологіею, называя обѣ науки разомъ Völkerkunde, понимая однако подъ этнографіей простое описаніе и классификацію народовъ, подъ этнологіей же глубшее изслѣдованіе о расахъ, народностяхъ, происхожденіи, нравахъ и явленіяхъ духовной жизни народовъ. Предметомъ обѣихъ наукъ есть человѣкъ, яко членъ семьи, племени или народа—коротко сказавши, яко членъ общества, соединенного общею культурою и общими правами, также однимъ и тѣмже языкомъ и общею исторіею.

Отъ этнографіи розличается такимъ образомъ антропологія, которая смотритъ на человѣка яко особняка. Задачею же этнографіи есть: описывати розличныи формы общественного сожитія, розбирати ихъ условія, изображати все творчество извѣстного общества начавши отъ самого простого орудія и конча на баснословныхъ вымышленіяхъ, въ историческомъ его розвитіи, и отмѣчати вліяніе всѣхъ тѣхъ предметовъ на жизнь народовъ. Понеже характеристическимъ знаменемъ человѣческаго общежитія есть языкъ, то описаніе и классификація языковъ составляетъ научную основу каждой системы этнографіи.

Между этнографическими предметами важное иѣсто занимаютъ: оружіе и орудія человѣческого физичного труда. Изъ нихъ познаемъ, якъ съ одной стороны извѣстный народъ, ведя борьбу за свое существованіе, приноровливался къ своей землѣ и даннымъ условіямъ жизни, съ другой же стороны — якъ онъ то оружіе и тѣ орудія передѣливалъ, улучшалъ и приспособлялъ къ новымъ цѣлямъ. Сопоставляя и сравнивая оружіе и орудія розличныхъ племенъ, можно узнати, щó одинъ народъ заимствовалъ отъ другого и въ якого рода сношеніяхъ находились между собою племена. Если собразимъ, що оружіе и орудія суть продуктомъ не только физичного труда, но также произведеніемъ духа, употребляющого матерію на свои услуги, то отпадаетъ роздѣлъ между матеріальною и духовною культурою и мы видимъ, що въ такомъ смыслѣ понятая этнографія представляетъ намъ исторію человѣческого духа,

(Дальше будетъ.)

Покорнѣйше просимъ П. Т. подписчиковъ о скорѣйшую присылку предплаты, которая выноситъ только 2 кор. въ годъ, якъ также о выровнаніе долга за минувшій 1 годъ. Новыи подписчики могутъ полный экз. „Вѣстника Нар. Дома“ изъ 1905 г. получити за 1 кор.

Изд. Инст. „Нар. Домъ“. — За редакцію отвѣчаетъ Ф. И. Свистунъ.

Изъ Ставропигійской типографіи, подъ управленіемъ Мих. Рефця.

Ч. 7. Львовъ, іюль 1906. Годъ XXIV (II)

ВѢСТНИКЪ
„НАРОДНОГО ДОМА".

Выходитъ разъ въ мѣсяцъ. — Предплата въ годъ 2 кор. Редакція и администрація: Львовъ, улица Театральная Ч. 22.

ЖЕРТВЫ.

Въ мѣсяцѣ іюнѣ с. г. изволили пожертвовати П. Т.:

I. На церковь „Народного Дома": Багриновичъ фотографъ изъ Львова 1 кор. 20 гел.

II. На „Народный Домъ": 1) о. Владиміръ Дуркотъ изъ Мыслцовой 20 кор.; 2) Александръ Сероичковскій, чиновникъ австро-угорского банка въ Львовѣ, 20 кор.; 3) о. Адамъ Марковскій изъ Тарнополя 20 кор.; 4) о. Конрадъ Лагола изъ Жабья-Слупейки 20 кор.

III. На бурсу „Нар. Дома": кредитное общество „Поміч" въ Городку 5 кор.

IV. На бл. п. о. Павликова фондъ постройки и обновленія церквей: о. Іоаннъ Давидовичъ изъ Львова 5 кор.

V. Въ библіотеку и музей: 1) Застирецъ изъ Львова 1 соч. въ 1 том.; 2) Іосифъ Сѣмѣнскій изъ Львова 1 соч. въ 1 том.; 3) И. Лѣсковацкій изъ Львова 2 соч. въ 2 том.; 4) Българске книж. дружство изъ Софіи 1 соч. въ 1 том.; 5) Осипъ А. Мончаловскій изъ Львова 37 соч. въ 51 том.; 6) Вячеславъ Будзыновскій изъ Львова 2 соч. въ 2 том.; 7) о. Василій Давидякъ изъ Львова 1 соч. въ 1 том.; 8) д-ръ И. Добрянскій изъ Львова рукописи по бл. п. Юстинѣ Желеховскомъ; 9) Иванъ Созанскій изъ Львова 1 соч. въ 1 том.; 10) Неизвѣстный 1 соч. въ 1 том.; 11) О. А. Марковъ изъ Львова 6 соч. въ 6 том.; 12) д-ръ И. Франко изъ Львова 2 соч. въ 2 том.; 13) Ф. И. Свистунъ изъ Львова 1 соч. въ 4 том.; 14) о. Іоаннъ Билинкевичъ изъ Грибовичъ 1 соч. въ 1 том.; 15) Н. Демчукъ изъ Львова 1 соч. въ 1 том.

Всѣмъ тѣмъ жертводателямъ Упр. Совѣтъ русско-народного Института „Народный Домъ" въ Львовѣ заявляетъ должное благодареніе.

Где-що до исторіи азбуки и языка Галицкой Руси.

(Изъ свое-житьевыхъ записокъ Богдана А. Дѣдицкого).

(Продолженіе.)

Кто знае достопримѣчательную арійку сей простолюдной спѣванки и добре зауважитъ, якъ то въ ней произносятся стишковыи окончения „сама я — гультая, ино пье — мене бье, не дбаю — гуляю“, то чейже признаетъ тіи рифмы анапестами, хотя они не звучатъ такъ вполнѣ анапестично, якъ на пр. слова: „имена — сѣмена — вымена, голова — колова (ѣзда), огородъ — оборотъ, колотилъ — молотилъ, соловъй — колодѣй“ и пр., которыи то чистыи анапесты мы за-для ихъ оконечного долгого слога звычайно употребляемъ за ямбы. А все-жь таки и сей четвертый родъ рифмы — анапестичный — есть у насъ такъ само, якъ у Нѣмцевъ (на пр. schàltende — wáltende, júgendlich — túgendlich), безъ затрудненія возможный.

Ба, еще и надъ пятою формою рифмы для русского языка задумывался я тогда немало, именно надъ тою, якую самъ же нашъ простый народъ выдумалъ и поддалъ намъ въ своей добродушной пословицѣ: „На милованья не ма силованья“, где слагается рифма ажь изъ четвертого слога отъ конца (— ◡ ◡ ◡) и звучитъ дуже выразительно. Кромѣ той пословицѣ я изъ юношеского побыту на селахъ пригадую собѣ еще подъ тую-же рифму подходящіи поговорки чи розсказни, на пр.: „Они съ любочкою — съ голубочкою, якъ надумалися — такъ покумалися“; или же: „Гей за панщиною — за поддащиною, то не спо́ренькій бытъ, та и горенькій свѣтъ“.

Тіи два послѣдніи анапестичныи стишки показуютъ видимо, що рифма сія може содержати въ собѣ даже два схожіи съ собою слова, якъ то примѣромъ бывае и у Нѣмцевъ, где одинъ гуморный поэтъ анапестами повѣдае:

Der ich ein Vernéinender bin,
Und ein anders méinender Sinn.

Но все таки кажется мнѣ, що тая пята претрудна, а таки у насъ возможная форма рифмы умѣстна была бы больше всего лишь для поэтичныхъ твореній гумористики, якъ того отличныи образцы дали намъ Нѣмцы: Карлъ Арнольдъ Кортумъ въ своей „Іобсіадѣ“ и Фридрихъ Рикертъ въ своихъ „Поученіяхъ дѣтворы въ арабской школѣ“.

Если-жь уже такъ широко росписался я тутъ о русской рифмицѣ и тѣсно съ нею связанномъ акцентѣ въ русскомъ языцѣ, который подъ тѣмъ взглядомъ во всѣхъ трехъ розвѣтвленіяхъ Руси слависты уважаютъ однимъ, единымъ, то не могу здѣсь-же не упомянути также о нѣкоторомъ чувствѣ незадоволенья, якое тогда мене и моего доброго учителя,

проф. Як. Головацкого, не въ малой мѣрѣ волновало. Именно я, студіуючій прилѣжно русскій акцентъ паче всего въ поэтичныхъ твореніяхъ закордонной Руси, и проф. Головацкій, самолично изъучившій всю акцентуацію нашей бесѣды майже по всѣмъ мѣстамъ и селамъ австро-угорской Руси, мы оба не гôршились, не иритовалися такъ дуже тѣмъ, що наша интелигенція, наши книжныи поэты, состоявшіи изъ-давна подъ вліяніемъ польской науки, въ своей бесѣдѣ, особенно же въ своихъ стихотвореніяхъ не всегда добре по русски акцентовали; насъ тоже не такъ смущалъ сильно спольщенный акцентъ въ бесѣдѣ нашихъ Лемкôвъ, яко бо тіи отъ вѣка-вѣкôвъ суть самыи безпосередныи сосѣды подгôрскихъ Мазурôвъ, также взаимъ немало порусченныхъ; но насъ дуже а дуже удивляло нѣкоторое акцентовое отклоненіе въ кôлькохъ русскихъ словахъ у всего нашего народа, таки у самого простонародія въ Галичинѣ! Особливо поражало насъ то отклоненіе въ двохъ самыхъ примитивныхъ обще-славянскихъ словахъ: „народъ и свобода“, где лишь мы, Галицко-Буковинская (и подобно мала пригранична Холмская) Русь, произносимъ тѣ слова якъ „свобода́, нáрôдъ, нáрôдный“, коли межи тѣмъ вся проча закордонная Русь выговорює точно „свобóда, нарóдъ, нарóдный“! А такихъ словъ, отмѣнно или подвôйно акцентуемыхъ, есть у насъ еще зъ десятокъ, якъ на пр. мы кажемъ „сельскїй“, прочая Русь „сéльскій“; мы кажемъ разъ „и́мя, сѣмя, конóплѝ,“ другій разъ „имя́, сѣмя́. коноплѝ“. Да еще-жь и въ славномъ, правильнымъ пушкинскимъ ямбомъ составленномъ осьмо-стишіи Тараса Шевченка, написанномъ яко предспѣвъ до бôльшой его (Чеху Шафарику посвященной а, къ сожалѣнью, не вполнѣ сохраненной) поэмы „Иванъ Гусъ“, находимъ кромѣ слова „нарóдъ“еще два слова „монáхъ“ и людскїй“, которы мы Галичане иначе акцентуемъ, чѣмъ Русь Пушкинска и Шевченкова. Прислучайно навожу тутъ сіе осьмо-стишіе знаменитого украинского Кобзаря уже и для того, що выдается оно менѣ надъ многіи стихотворенія Украинцевъ найбôльше удачнымъ и само собою безсмертіе имени Шевченка запоручающимъ. Ото сей предспѣвъ Шевченка до его „Ивана Гуса“:

Кругóмъ непрáвда и невóля:
Нарóдъ замýченный мовчи́ть,
А на апостóльскомъ престолѣ
Монáхъ годóваный сидúть,
Людскóю крóвію шинкýе
И рай у нáймы отдаé...
Небéсный Цáрю! судъ твôй всýе,
И всýе цáрствіе Твоé!*)

---

*Вскорѣ по смерти Тараса Шевченка тѣ прекрасныи стихи его, списанныи нимъ на отдѣльной картцѣ собственноручно, прислалъ другъ его Бѣлозерскій изъ Петербурга на памятку проф. Якову Головацкому во Львовъ, а я въ г. 1861 далъ тое „власноручіе Шевченка“ въ 60 экс. точно

Отже въ тѣхъ то чудесныхъ, на-скрôзь чисто-ямбическихъ стихахъ еслибы мы по нашему галицко-русскому акценту стали читати „нáрôдъ, мóнахъ, лю́дскою“, то мы бы цѣлый правильный метричный ладъ ихъ до неузнаваемости испортили!

По поводу того отмѣнного гал.-русского акцента въ немногихъ оныхъ нашихъ словахъ имѣлъ я въ 50-ти годахъ малу а вскорѣ же удовлетворно розрѣшенную контроверсію съ моимъ Вѣденьскимъ професоромъ славистики, свѣтославныхъ Фр. Миклосичемъ. Изъ весны бо 1850 г. по паденіи Львовского „Галичо-руского Вѣстника“,*) я сталъ тамъ-же постояннымъ ученикомъ того знаменитого професора на Вѣденьскомъ университетѣ, и съ нимъ же, кромѣ на его прелекціяхъ, часто встрѣчался и въ надворной ц. библіотецѣ, где онъ былъ и директоромъ во всеславянскомъ отдѣленіи. Тутъ то прислучайно заводилъ я съ нимъ рѣчь о найбольше мене интересующомъ вопросѣ, о азбучно-языковыхъ соотношеніяхъ нашего тройственного роду-племени Руси. Не обойшлось тутъ безъ того, щобы я не розсказалъ ему где-що фактичного, впрочемъ и ему небезъизвѣстного, изъ политики Поляковъ и австрійского правительства, вымѣренной противъ идеи „языкового единства того роду-племени русского.“ Тогда проф. Миклосичъ сказалъ менѣ — якъ добре помню — quoad verbum: „Möge die Politik welche immer Massregeln treffen, mögen sie selbst (самы Русины чи Рутенцы) mit Händen und Füssen sich dagegen stemmen, dass sie keine Russen sind, ihr Vo-

---

отфотографовати во Вѣдни. Кромѣ сего тіи-же, менѣ чрезвычайно подобавшіися стихи я за все 10-лѣтіе моей редакціи „Слова“ (1861—1871 г.) печаталъ при розличныхъ отвѣтныхъ случаяхъ зъ 5—6 разы въ той моей газетѣ, да и зная ихъ на память, неразъ и до-нынѣ повторяю ихъ собѣ, якъ иногда повторяю и где-якіи пречудесныи стихи великого Пушкина, о которомъ звыкъ я его-же власною згадкою о павшомъ въ дуэлѣ молодомъ Ленскомъ изъ „Евгенія Онѣгина“ згадовати со смущеніемъ (бо якъбы для себе самого писалъ Пушкинъ той некрологъ):

Дохнула буря — цвѣтъ прекрасный
Увялъ ва утренней зарѣ —
Потухъ огонь на олтарѣ!

*) Причиною паденія „Галичо-русского Вѣстника“ и перенесенія его подъ измѣненнымъ названіемъ („Вѣстникъ для Русинôвъ австрійской державы“) и подъ редакціею Василія Зборовского (псевдонимъ ц. к. чиновника Юліяна Выслобоцкого) было именно то, що Львовскій редакторъ его, о. Н. Устіяновичъ, повинуючись настойчивому требованію губернатора гр. А. Голуховского напечаталъ въ „Г.-р. Вѣстнику“ росправку, въ которой сказалъ, що не такъ одна Польща, но и мы самы подъ ей владѣньемъ были виною нашего національного упадка. За то крѣпко собрала насъ старшая цѣлымъ годомъ и яко независимая больше отъ насъ популярная „Зоря Галицка“ А. Павенцкого; и такъ мы изъ нов. года 1850 потеряли мало не половину пренумерантовъ, а во Вѣдни будьто изъ сего увѣрились, що русская офиціальная газета не може устоятись во Львовѣ подъ владѣючимъ вліяніемъ Поляковъ. Затѣмъ Львовскій „Вѣстникъ“ прекращено, о. Устіяновичъ повернулъ на свой приходъ въ село Славско, Ивана же Головацкого и мене призвано до нового „Вѣстника“ въ Вѣдень. М. Коссакъ осталъ дальше правителемъ Ставр. печатни во Львовѣ.

cabularium, ihre Wortbildung, über alles aber ihr Accent verrathet sie. Sie können ja nicht sprechen: голóва, молóдый чолóвѣкъ, жéна, вóда, nicht коровá, соломá etc. sondern sprechen alle die Worte mit demselben Accent aus, wie sonst alle Russen in der ganzen Welt". При той случайности проф. Миклосичъ настойчиво подносилъ великую важность, корелярное значеніе (correlarium) акцентуаціи въ каждомъ языцѣ свѣта, по которой даже народы, якъ именно Нѣмцы, у которыхъ есть три головныхъ а около 20 побочныхъ діалектовъ и въ тѣхъ діалектахъ словá черезъ розличныи выговоры само-, двое- и согласныхъ выдаются якъ-бы чужеязычны, а только черезъ акценты тѣхъ словъ каждый нѣмецъ спознае, що они нѣмецки. Загаломъ уважалъ сей великій Славистъ самымъ головнымъ отличительнымъ свойствомъ языка его акцентъ, и затѣмъ по кôлька разы и потомъ повторялъ менѣ свое мнѣніе о русской акцентуаціи въ томъ-же смыслѣ, якъ я навелъ тутъ оное quoad verbum. Коли-жь я за другимъ разомъ (въ г. 1858 и 1859) пребывалъ во Вѣдни и тутъ студіовалъ еще и „Сровнательную граматику славянскихъ языковъ" (изд. 1852.), въ которой проф. Миклосичъ не только твердитъ, що акцентъ малорусского языка отъ великорусского „гдѣ-въ-чемъ" чи „немного" (выраженія сего по нѣмецкому оригиналу точно не помню, а не имѣю дѣла подъ рукою) розличается, но кромѣ того приводитъ въ примѣрахъ слова малорусскіи не кириловскимъ, а латинскимъ письмомъ, я, вновь яко его постоянный ученикъ, завелъ съ нимъ по сему предмету обстоятельный розговоръ, заявляя не коньче лестиое недоумѣніе що-до обоихъ его языко-азбучныхъ манифестацій. Казалось бо меиѣ, що выраженіе проф. Миклосича о якомъ-будь-тамъ розличіи въ общерусской акцентуаціи не цѣлкомъ согласно съ тѣмъ, що той великій Славистъ внушалъ мнѣ передъ 8 лѣтами, а приноровленье нимъ латинского письма до нашей малорусчины подавало многимъ недругамъ Руси примѣръ соблазнительвый. На то мое недоумѣніе проф. Миклосичъ съ видимымъ выразомъ сожалѣнія отвѣчалъ менѣ добросовѣстно въ томъ смыслѣ: „Я предвидѣлъ, що Вы именемъ Вашихъ землякôвъ, при первой новой встрѣчѣ со мною, не преминете пригадати менѣ про точнѣйшое береженіе свойствъ вашего нарѣчія, которыи — якъ Вамъ здается — въ моей всеславянской Граматицѣ были будьто где-якъ нарушены. Но я сознаюся, що писалъ сію граматику еще тогда, коли меньше зналъ ново-украинскихъ стихотворцевъ, не читалъ Шевченка, который добре соблюдае русскіи акценты, а уважалъ вашъ галицко-русскій діалектъ, по которому Вы майже всегда говорите „нáрôдъ, имя́, свобода́", властивымъ объявомъ малорусчины, затѣмъ акцентуацію тойже и призналъ „немного" отмѣнною отъ великорусской. Такою частково отмѣнною она у васъ въ Галичинѣ чей остается и до-нынѣ, и я могъ бы развѣ въ новомъ изданіи моего дѣла о томъ спеціально запримѣтити. А що-до того, що списывалъ я малорусскіи слова не кирилицею

славянскою, но латинскимъ письмомъ, то дѣлаю се всегда лишь для той необходимой потребы, понеже весь культурно образованный міръ читае кирилицу чи гражданку исключно произношеніемъ всеславянскимъ или великорусскимъ; а затѣмъ посредствомъ ней навѣрно той міръ ученыхъ и славистовъ не узналъ бы властивого діалектового чтенія вашей, дотолѣ въ семъ мірѣ еще меньше другихъ извѣстной малорусчины. А тое, що где-кто менѣ импутуе, будьто черезъ лат. писанье вашихъ словъ чешскою ортографіею я вразъ съ нѣкоторыми вліятельными Чехами затѣваю накинути Вамъ лат. азбуку, то — хрань Боже — анѝ менѣ снилося! Я выбралъ до того чешскую правопись едино по-тому, що помимо надмѣрного испещренія ея надстрочными знаками все таки уважаю ю лучшою, чѣмъ есть правопись польска съ ея кôлько-буквальными а неприродными комбинаціями, якъ то cz, sz, szcze, ch, rz, nie и пр.“ Тіи мотивы и поясненія проф. Миклосича*), яко раціональны, удоволили мене достаточно. Однакожъ не смотря на то уже въ г. 1859 где-якіи державныи мужи въ Австріи (якъ то Чехи: министеръ просвѣщенія гр. Левъ Тунъ и его секретарь Ѣречекъ, и Поляки: намѣстникъ гр. А. Голуховскій и инспекторъ школъ Евзевій Черкавскій), задумавши накинути намъ русскимъ Галичанамъ въ школахъ лат. азбуку, ссылались головно на авторитетъ Миклосича, писавшого въ своей Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen наши русскіи слова лат. письмомъ. Извѣстно же, не успѣли тѣ державныи мужи тогда въ той своей затѣи, а то не такъ во виду завзятого сопротивленія нашей Руси, якъ властиво по поводу несогласія межь собою, бо не годились Чехи на польску, а Поляки на чешску ортографію**).

По первомъ дволѣткѣмъ побытѣ моемъ во Вѣдни повернулъ я въ началѣ 1852 г. назадъ до Львова, где сталъ сперва сотрудникомъ, а потомъ редакторомъ „Зори Галицкой“, котора отъ первобытного издателя д-ра Ант. Павенцкого перейшла на власность Ставропигійского Института и перетворилася изъ политичной въ литературную.

Якось лѣтомъ тогожь 1852 г. познакомился я тутъ съ нѣкимъ поважнымъ паномъ Дубинскимъ, Полякомъ изъ

*) О проф. Миклосичѣ, имѣвшомъ немалое вліяніе на мои студія подѣлу русского языкового вопроса, надѣюсь въ моихъ запискахъ еще близше потолковати.

*) Що „завзятая“ опозиція нашихъ русиновъ въ дѣлахъ школьництва, состоящого подъ правленіемъ державы, ничого бы тутъ не была помогла, еслибы не то несогласіе межи Чехами а Поляками, показалъ потомъ годъ 1891, где такого несогласія у правящихъ не было, а горстка подрядныхъ школьной Радѣ учителей помогла правительству супротивъ „завзятой“ опозиціи народного большинства своихъ земляковъ завести въ школахъ Руси нашей фонетику. — Що-до русско-азбучного вопроса въ г. 1859 где-що близше можь узнати изъ двохъ моихъ брошуръ: 1) „О неудобности латинской азбуки въ письменности рускої“, Вѣдень, 1859; 2) „Споръ о рускую азбуку“, Львовъ, 1859, и также просторонно изъ дѣла Мих. Малиновского подъ з. 3) „Ruthenische Sprach- und Schriftfrage“, Lemberg, 1861.

Варшавы, который тамъ-же отъ многихъ лѣтъ былъ приватнымъ учителемъ языковъ, именно французского, италіянского, испанского, англійского, нѣмецкого и великорусского. Всѣ тіи языки зналъ онъ основно и говорилъ каждымъ изъ нихъ якъ-бы своимъ родовитымъ, польскимъ. Отъ него то, яко отъ урожденного языкового генія (geborenes Sprachengenie), поучился я подъ взглядомъ языкословія немало доброго, а для мене тѣмъ бôльше полезного, що кромѣ книжной великорусчины зналъ онъ майже такъ само исправно бесѣдовати и по малорусски, а то по чисто-украинскому говору. Онъ же и бесѣдовалъ со мною плавненько тѣмъ говоромъ, легко изъ памяти цитовалъ где-що изъ Энейды Котляревского, также не-одно изъ совсѣмъ незнаныхъ менѣ тогда стихôвъ Шевченка. Да и росповѣдалъ ôнъ менѣ, якъ то, знаючи изъ-давна въ точности книжный русскій языкъ, ôнъ тôлько-що прошлого года сойшолся съ офицерами козацкого полка въ Варшавѣ и якъ-разъ въ теченіи первого ихъ розговора понялъ діалектичное розличіе ихъ русской бесѣды, и таки въ тойже часъ началъ съ ними говорити по ихнёму, по малорусски. Вскорѣ запріязнившись съ ними, тѣми предобрыми молойцями, отъ нихъ-же получалъ ôнъ до читанья сочиненія русско-украинскихъ авторôвъ, розговоривалъ съ ними такъ плавно, якъ тутъ со мною, по малорусски, ба и кôлька разы игралъ съ ними на аматорскихъ представленіяхъ въ Котляревского „Наталцѣ Полтавцѣ“; да изъ того часу онъ навсегда полюбилъ слухати и читати козацкіи думы и народныи пѣсни Украины.

Тое все розсказывалъ онъ такъ чисто по нашему, типово по галицко-русски, що не будь въ его бесѣдѣ иногда употребляемыхъ скороченныхъ infinitiv овъ (украинскихъ „говорить, ходить“ вмѣсто нашихъ „говорити, ходити“) и впрочемъ спеціально-Кіевского „це-це“ вмѣсто нашего „то, се, се-се“, то можь было уважати его за галицко-русского уроженца.

А однакожь коли далѣй я предложилъ ему отчитати коещо изъ нашей-же „Зори Галицкой“, онъ, той обстоятельный знатокъ двохъ русскихъ „языковъ“ чи діалектовъ, читая тутъ наше **ѣ** и **и** по московски яко **je** и тонкое **і**, съ удивленіемъ воскликнулъ: „А то чудо! це-це якій-то новый русскій діалектъ або жорстоке малпованье московщины!“ Только ажь якъ пояснилъ я ему, що мы, Русины въ Галичинѣ, отъ тысяча лѣтъ читаемъ **ѣ** и **и** по малорусски, т. е. первую букву, якъ тончайшое і (ji) а вторую найчастѣйше якъ польское **у** (**ы**); коли къ тому и прибавилъ я исторію и мотивы возникновенія ново-украинской фонетики, существующой за кордономъ ледви отъ полъстолѣтія, то умный сей языковѣдъ вскорѣ понялъ самую суть русско-азбучного вопроса и призналъ положительно, що наша правопись, еще и при помочи дашкованныхъ **ô**, **ê**, **ѝ**, яко вполнѣ корнесловна, якъ найлучше отвѣчае свойствамъ малорусчины; а напротивъ украинская фонетика тѣ коренныи свойства такъ страшно нигилюе, що малорусчина въ письмѣ кажется быти не-русскою. При

томъ же и сознался панъ Дубинскій, що устную рѣчь украинску онъ понялъ и научился якъ-стôй, а писанную въ твореніяхъ Котляревского и Шевченка долженъ былъ не безъ затрудненій студіовати.

Въ дальшихъ сообщеніяхъ со мною тотъ рѣдкій Полякъ „архи- чи сверхъ-лингвистъ“ утверждалъ интуиційно, що книжный русскій языкъ еще разъ выобразуется до полнѣйшого совершенства, що стати може яко-бы общерусскимъ, для Мало- и Велико-Русовъ вспôльно-же легко-понятнымъ и „своимъ“, да именно тогда, коли писатели Малорусы точно разъ изъучатъ великорусскій, а Великорусы такъ-же точно спознаютъ малорусскій языкъ. Упомянулъ онъ по тому случаю нашего Ник. Гоголя, который найпаче только точному знанію мало- и великорусчины одолженъ славою великого повѣствователя въ книжной литературѣ русской.

А що кромѣ того въ сей языкословной интуиціи безстороннего Поляка-Варшавяка содержалась и реальная правда, да послужитъ доказомъ событіе происходившое майже одновременно (въ 50-ти годахъ) въ закордонной Руси, а о которомъ я только лишь въ 40 лѣтъ потомъ узналъ, именно узналъ изъ „*Кобзаря Тараса Шевченка*“, изданного во Львовѣ Д-ромъ Омелянômъ Огоновскимъ 1893 года. Впчт. издатель сего „Кобзаря“ розсказуе въ біографіи знаменитого Т. Шевченка (Томъ I. стр. LXX) слѣдующое, до моихъ настоящихъ толковъ о мало- и великорусчинѣ весьма подходящое событіе, якое и навожу тутъ по подлиннику (а лишь не фонетикою) дословно:

„Живучи въ Петербурзѣ (въ г. 1858 - 1861), познався Шевченко съ Иваномъ Тургеневомъ. Славный той россійскій письмовець ôтвѣдавъ украинского поэта вразъ исъ Маркомъ Вовчкомъ, се-бъ-то съ Маріею Марковичкою, и ôттакъ Тарасъ приходивъ инодѣ въ дôмъ Тургенева. Въ товариствѣ Тургенева прочитавъ разъ Шевченко свôй стихотвôръ „Вечêръ“ и очарувавъ всѣхъ присутныхъ своею деклямаціею и чудовымъ змѣстомъ сеи думки. Тургеневъ розсказуе, що Шевченко бувъ задумавъ написати якусь поэму въ такôй мовѣ, яку зрозумѣли-бъ Украинцѣ й Россіяне; и справдѣ, Тарасъ зладивши частинку тои поэмы, читавъ Тургеневу еи початокъ. Одначе россійскому письмовцеви не вподобалося таке эпичне писанье, котре було слабымъ переспѣвомъ якогось стихотвору Пушкинового. Того-жь часу бажавъ Тургеневъ пôзнати украински творы литературнй и пытався Шевченка, якого автора треба читати, щобы швидко научитись „малороссійского языка“. На те ôтповѣвъ Кобзарь живо: „Марка Вовчка. Онъ одинъ володѣе нашою мовою!“ (Зри: „Вспоминки про Шевченка И. С. Тургенева“ въ Пражскомъ „Кобзарѣ“ 1876 г.). — И справдѣ, Тарасъ дивувався вже давнѣйше гарнымъ „Народнымъ оповѣданьямъ“ Марка Вовчка, коли сидѣвъ невольникомъ въ Новопетровскôй крѣпости (1847 г.). Сй оповѣданья прислявъ ёму Кулишъ, пишучи въ листѣ своêмъ отъ-се: „Бачь, яки дива творятся! уже и камêнье починае во-

пѣяти. Где-жь бакъ не диво, що Московка переобразовалась въ Украинку, та таки повѣсти вдрала, що хоть-бы и тобѣ, мôй друже, то пріймлось бы въ мѣру. Якъ то ихъ ты вподобаешь? Пиши щиро, бо ты въ насъ голова на всю Украину". (Зри: М. К. Чалого „Жизнь и произведенія Т. Шевченка" въ „Кіевской Старинѣ" 1892 г. стр. 106).

Изъ тѣхъ розсказовъ, достовѣрно переданныхъ друзьями Шевченка, явствуе очевидно, що (якъ-бы по интуиціи Варшавского языковѣда въ г. 1852), во 1) самъ Шевченко ладился „писати поэму въ такой мовѣ, яку зрозумѣли бы Украинцы и Россіяне"; що во 2) Марка Вовчка, писавшого зъ-давна такою мовою, Шевченко призналъ однимъ, що володѣе (значитъ, найлучше пише) тою мовою, а въ 3) що сей Марко Вовчокъ была то Марія Марковичка — настоящая Москвока!

Думаю, що близшіи коментары мои до тѣхъ вспоминокъ Тургенева и Чалого про Шевченка суть излишны, тѣмъ паче, що и Ом. Огоновскій въ своемъ изданіи „Кобзаря" отъ всякихъ примѣчаній подъ тѣмъ взглядомъ благорозумно воздержался. Добавлю тутъ лишь еще тое, що русско-язикословныи диспуты съ упомянутымъ выше Полякомъ въ г. 1852 были для мене, якъ колись прелекціи съ о. Куриловымъ въ Мостахъ Великихъ, новою побудкою до написанья брошурки: „Въ одинъ часъ"..., о ней-же далѣй еще потолкую.

(Дальше дудетъ).

Памятная записка Михаила Гарасевича о іезуитахъ.

(Продолженіе.)

Четвертая эпоха послѣдовала въ 1809 г., когда за изъятіемъ нѣкоторыхъ западныхъ и залѣщицкого округовъ, обсаженыхъ ц. к. войскомъ, вездѣ приготовлялося возстаніе польского народа, щó много несчастій повлекло-бы было за собою, если-бы русскіи войска не заняли были столицы края, Львова, и вскорѣ затѣмъ заключеннымъ миромъ не былъ привернен давній порядокъ. Бл. п. митр Ангелловичъ и я подвергнулися тогда обидамъ отъ польскихъ инсургентовъ за привязанность къ Высочайшей особѣ Его Величества.

Доброта австрійского правительства не только покрывала всѣ тѣ дѣйствія, но отличила также нѣсколько особъ, принимавшихъ участіе въ возстаніи. Яко доказательство пускай служитъ проклямація генерала Рожнѣцкого отъ 27 марта 1809 г., где находятся имена тѣхъ, що послѣ получили отличія чинами и орденами отъ Его Величества. Ксаверъ Холоневскій сталъ тайнымъ совѣтникомъ и получилъ орденъ св. Стефана, гр. Іосифъ Левицкій получилъ малый крестъ Леополда, Яцекъ Фредро сталъ графомъ, Игнатій Скарбекъ получилъ командорскій крестъ Леополда и достоинство тайного совѣтника, гр. Войтѣхъ Голуховскій получилъ орденъ Леополда.

Та эпоха испытаній подала галицко-русской націи и духовенству найлучшую способность заявити свою вѣрность и привязанность къ Престолу.

Къ четвертой эпосѣ, не кончившейся еще, принадлежитъ варшавская революція отъ 1831 г., нити и броженія которой продолжаются до сей поры. То событіе служитъ также доказательствомъ, що якъ польская нація, особенно же ея шляхта, стремитъ къ возстановленію Польщи и присоединенію къ ней Галичины и старается то всякими способами осуществити, такъ противно галицко-русская нація и ея духовенство противодѣйствуютъ сему стремленію, соблюдаютъ вѣрность и привязанность къ австрійскому правительству и не желаютъ попасти подъ польское правительство. Амнистія и доброта австрійского правительства не произвела поправы въ мысляхъ польской шляхты.

При семъ случаѣ не будетъ излишнимъ замѣчаніе, що якъ въ третьей эпосѣ, такъ и теперь тѣ изъ шляхты заявили себе самыми рьяными патріотами, которыи изъ греческого обряда перешли въ латинскій, якъ н. пр. Копыстинскій, приговоренный къ смерти и застрѣленный на основаніи приговора judicium statarium, но помилованный гр. Мерфельдомъ, Максимиліянъ Левицкій, найдѣятельнѣйшій яко генеральный секретарь такъ зовимого революційного центрального правительства, также тѣ, которыи въ варшавской революціи первую роль играли, якъ кн. Чарторыйскій, кн. Сапѣга, гр. Тышкевичъ, гр. Ходкевичъ, гр. Пацъ и други, происходящіи изъ прежнихъ русскихъ, греческій обрядъ исповѣдавшихъ фамилій.

Найбольшіи демагоги въ Варшавѣ, якъ Городыскій и оба Мохнацкіи, принадлежавшіи къ парижской пропагандѣ, то такіи, що перешли изъ греческого обряда въ латинскій. Отъ Мохнацкого происходитъ планъ, посредствомъ галицко-русскихъ кандидатовъ духовного званія роспространяти демагогическіи принципы въ Галичинѣ, на що было обращено вниманіе ординаріатовъ.

То предпославши, не трудно рѣшити вопросъ, можно-ли желати, щобы воспитаніе юношества въ Галичинѣ и веденіе публичныхъ учебныхъ заведеній было отдано іезуитамъ. Яко человѣкъ, въ продолженіе половины столѣтія жившій въ тѣсной связи съ воспитательнымъ дѣломъ, знающій отлично краевыи отношенія и отданный правительству, на основаніи моего опыта, я твердо убѣжденъ, що найлучше было-бы низшіи учебныи заведенія поручити веденію духовной корпораціи, однако подъ верховнымъ управленіемъ державной власти. Учебныи заведенія въ Чехіи, Моравіи, Австріи, Венгріи, порученныи веденію премонстратензовъ, бенедиктиновъ, цистерзовъ, августиновъ и другихъ духовныхъ орденовъ приносятъ пользу. Вѣдь Его Величество императоръ, на просьбу баварского короля, позволилъ бенедиктинамъ австрійскимъ заводити школы въ Баваріи; они затѣмъ и въ чужомъ краѣ приносятъ пользу. Орденъ бенедиктиновъ есть старымъ нѣмецкимъ духовнымъ орденомъ, нѣмецкимъ духомъ проникнутый, привязанный къ Престолу и соблюдающій державныи законы; онъ всегда отличался научною обра-

зованностью, жизнерадостными взглядами (heitere Lebensansicht) и своимъ облагородняющимъ способомъ воспитанія пріобрѣлъ у всѣхъ вѣроисповѣданій одинаковое уваженіе. Ему нѣмецкій народъ одолженъ своею цивилизаціею и великолѣпнымъ характеромъ своего духовного розвитія.

Всякій приростъ польской націи черезъ переходъ русиновъ въ латинскій обрядъ уменьшаетъ число вѣрныхъ правительству подданыхъ и убольшаетъ число его противниковъ. Прозелитизмъ или переведеніе русиновъ въ латинскій обрядъ, продолжающійся нынѣ по плану іезуитовъ, вредитъ общественному спокойствію, якъ то изложено Его Величеству императору епископомъ перемышльскимъ Снѣгурскимъ въ представленіи противъ епископа Корчинского — вредитъ затѣмъ государству. Тотъ прозелитизмъ и духъ нетерпимости къ русинамъ есть особенно опаснымъ при воспитаніи молодежи, ибо изъ него возникаютъ несогласіе, споры, вражда межи исповѣдниками обоихъ обрядовъ. Тѣ соображенія я смѣю почтительнѣйше сообщити, побужденный патріотизмомъ.

Орденъ піаристовъ, основанный собственно для воспитанія молодежи, дѣлаетъ успѣшныи услуги въ Чехіи, Моравіи и Венгріи; вездѣ онъ примѣняется къ устройству державы и его законамъ. Онъ ведетъ телерь Терезіанскую академію, конвиктъ Левенбурга и ц. к. конвиктъ при университетѣ въ Вѣнѣ. Для того ордена піаристовъ основалъ прежде въ Львовѣ епископъ Гловинскій, знавшій отлично суть и дѣятельность ордена іезуитовъ, коллегію для воспитанія молодой шляхты. Ту фундацію съ другими пособіями отдается противъ воли учредителя іезуитамъ.

Іезуиты не исполнили надеждъ, возложенныхъ на нихъ бл. п. импер. Францомъ I, принявшимъ ихъ въ 1827 г. Въ высочайшемъ габинетномъ письмѣ отъ 18 ноября 1827 г. выраженная надежда, що они пользу принесутъ при публичномъ обучаніи и воспитаніи молодежи и также въ душпастырствѣ, що они безвѣрію и ненравственности положатъ предѣлы, що ихъ ученики и воспитанники будутъ хорошими христіянами и вѣрными поддаными, що они причинятся къ поднятію подлинной культуры и къ благоденствію подданыхъ Его Величества.

Всего того не было. Подъ чужимъ настоятелемъ, имѣвшемъ въ виду только выгоды ордена, тотъ же старается быти незавысимымъ, не заявляетъ патріотизма и привязанности къ правительству, не поддается законамъ края и заявляетъ реакційныи тенденціи. Съ поры его пришествія усилилося гоненіе гр. кат. обряда и сѣется сѣмя роздора межи гр. кат. и латинскимъ клиромъ и народомъ.

Съ поры, якъ гимназія и философическое заведеніе въ Тарнополѣ имъ отданы, видимъ, що :

1) поступающіи изъ ихъ гимназіи на философію или изъ ихъ философіи на юридическій факультетъ ученики, даже съ отличіемъ кончившіи ихъ школу, суть найслабшими и заслуживаютъ едва первый классъ ;

2) що тѣже ученики и воспитанники суть испорчены, не имѣютъ правдивой вѣры и заявляютъ притворство и ипокризію.

Доказательствомъ того служатъ специфичныи данныи касательно ихъ ученика и воспитанника, Емиліяна Корытко, который публично въ 1833 г. передъ профессоромъ Танглемъ выразился, що онъ не потребуетъ ніякой вѣры; тойже находится съ причины революційныхъ затѣй въ криминальномъ арестѣ.

Якъ мало молодежь тарнопольской іезуитской школы воспитуется на хорошихъ подданыхъ, видно изъ факта, що въ время польской революціи много молодыхъ людей, якъ говорятъ, поощренныхъ самыми іезуитами, отправилось на защиту польского отечества, хотя, можетъ быти, съ стороны властей не было ніякого донесенія въ высшее мѣсто и іезуиты даже получили похвалу. Ученики и воспитанники ихъ, Лончинскій и Корытовскій, попали за революційныи попытки подъ криминальное слѣдствіе, а когда ихъ освободили и позволили имъ продолжати науки въ Львовѣ, они хвалились, що за свой патріотизмъ сидѣли въ арестѣ.

Въ время перехода революційного корпуса ген. Дверницкого, гостили іезуиты революціонистовъ, а архиякобинецъ и польскій демагогъ, священникъ Пулавскій, сочинитель нѣсколькихъ маленькихъ демагогическихъ писемъ, отпечатанныхъ въ библіотецѣ Оссолинскихъ, читалъ миссу въ іезуитскомъ костелѣ въ острогахъ и опоясаный мечемъ, щобы вызвати сензацію. Слушатель правъ на львовскомъ университетѣ Эдгардъ Вѣржховскій былъ наочнымъ свидѣтелемъ.

Въ прочемъ якъ они себе представляютъ въ душпастырствѣ, видимъ въ Львовѣ: на исповѣди они мѣшаются въ семейныи отношенія и спрашиваютъ студентовъ, якъ ихъ учители учатъ, которое-то послѣднее обстоятельство сталось голоснымъ и дало поводъ литинскому ординаріяту прекратити слушаніе исповѣди черезъ нихъ. Въ время ювилея въ 1826 г. позволилъ себѣ іезуитъ Бочко въ поіезуитскомъ костелѣ такіи рѣчи противъ правительства, що возникъ-бы былъ шумъ, если-бы его не свели были изъ амвона. Що тѣ факты не были доведены къ высшему свѣдѣнію — причина тому та, о которой упоминаетъ еп. Пясецкій: paene sacrilegii crimen reputabatur, siquis eorum dicta factaque reprehenderet et nemini, qui non ipsis applauderet, facilis ad dignitates aditus patebat. (Считалось почти преступленіемъ святотатственнымъ, если кто порицалъ ихъ слова и дѣйствія и не легкій былъ доступъ къ достоинствамъ для такого, кто ихъ не похвалялъ.)

Всѣ духовныи корпораціи въ австрійскихъ краяхъ имѣютъ своихъ провинціаловъ изъ австрійскихъ подданыхъ, членами же уроженцевъ краевыхъ съ природною привязанностію къ отечеству и его отеческому правительству. Изъятіе составляютъ іезуиты. Ихъ настоятель есть чужинецъ и живетъ въ чужомъ краѣ, тоже чужинцы члены ордена, якъ видно изъ его Catalogus sociorum et officiorum. Настоятель и члены ордена слѣпо послушны статуту своему; они не связаны происхожденіемъ съ землею, въ которой дѣйствуютъ, ибо нидерландцы дѣйствуютъ въ Штиріи, поляки въ Италіи, Франціи, Швейцаріи и т. д.

Прибавленное роспоряженїе ц. к. научного консесса отъ 1 февраля 1831 г. служитъ доказательствомъ, що іезуиты въ своихъ школахъ не примѣняются къ правительственнымъ роспоряженіямъ и учатъ несогласно съ австрійскимъ законодательствомъ. Именно не исполняютъ роспоряженій: 1) научного консесса (Studien-Consess) отъ 1 февраля 1831 г.; 2) роспоряженія отъ 4 февраля 1831, ибо не поддаютъ своихъ профессоровъ богословія предписанному экзамену; 3) роспоряженія отъ 5 февраля 1831 г., ибо не заводятъ предписанныхъ преподаваній пасторальной для членовъ ордена; 4) найвысшого роспоряженія отъ 17*) 1832 г., ибо не хотятъ провизоричныхъ своихъ учителей подвергнути предписаннымъ испытамъ и не заводятъ въ своей школѣ предписанныхъ учебниковъ. Они составили учебникъ для религіи въ 4 частяхъ, которого не одобрилъ латинскій ординаріятъ, придворная же научная коммиссія поручила имъ его передѣлати; послѣ двухъ лѣтъ они его опять предложили придворной научной коммиссіи съ маленькими измѣненіями и помѣстили изреченія, несогласныи съ гражданскимъ закономъ и подлинною католическою наукою. Придворнымъ декретомъ отъ 28 апрѣля 1830 г. поручено ординаріятскимъ коммиссарямъ визитовати іезуитскую школу въ Тынцѣ и присутствовати при экзаменахъ; іезуиты предпочли школу закрыти, чѣмъ поддатись такой контроли.

Относительно прозелитизма межи русинами — то о неприклонномъ для гр. кат. обряда настроеніи іезуитовъ свидѣтельствуетъ фактъ, що они, исполняючи свои миссіи въ Буковинѣ, вмѣсто навращати протестантовъ и неуніятовъ, въ 1827 г. посредствомъ буковинского декана Кунца безпосредственно придворной канцеляріи предложили проектъ, абы гр. кат. исповѣдниковъ Буковины приписати къ латинскимъ парохіямъ и поддати духовной юрисдикціи латинскихъ душпастырей. Такимъ способомъ греко-католики имѣли быти привлечены къ латинскому обряду. Благодаря возраженію львовского гр. кат. ординаріята, тотъ проектъ не осуществился, напротивъ Его Величество, бл. п. Францъ I, приказалъ установленіе нужныхъ гр. кат. душпастырей для Буковины.

Также въ Галичинѣ, где іезуиты въ львовской гр. кат. діецезіи устроиваютъ миссіи, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они вызвали споры съ гр. кат. душпастырями и въ своихъ проповѣдяхъ публично выступали противъ гр. кат. духовенства, о чѣмъ вплынули жалобы въ гр. кат. митрополитальную консисторію, неудовлетворительно рѣшенныи изъ причинъ, якъ выше. Недавно они молодого галицко-русского шляхтича, именемъ Лодинского, своего ученика въ Тарнополѣ, своевольно, противъ воли отца, богатого помѣщика и члена становъ, уговорили перейти въ латинскій обрядъ — который-то

*) Мѣсяцъ пропущенъ въ рукописи.

фактъ повлечетъ за собою семейный роздоръ, ибо отецъ сдѣлалъ роспоряженіе, записанное въ краевой табалѣ: що такое изъ его дѣтей, которое отступитъ отъ гр. кат. обряда, лишится своей части наслѣдія и та часть припадаетъ прочимъ дѣтямъ.

(Конецъ будетъ.)

Проектъ этнографическаго музея въ „Народномъ Домѣ“ въ Львовѣ.

(Продолженіе.)

Понеже этнографія занимается орудіями человѣческого рода и его оружіемъ, яко одними изъ важнѣйшихъ признаковъ культуры, то нѣкоторыи, якъ Бастіанъ — нѣмецкій путешественникъ и этнологъ — смотрятъ на нее якъ на науку о культурѣ и цивилизаціи народовъ. Напротивъ Тайлоръ въ Англіи, Петри и Крживицкій въ Россіи, также послѣдователи Брока въ Франціи считаютъ этнографію составною частью атропологіи, т. е. науки о природѣ человѣка, выходя изъ той точки зрѣнія, що изученіе образа жизни, нравовъ и обычаевъ людей, въ особенности первобытныхъ, яко найблизше стоящихъ къ природѣ, должно находитись въ связи съ ихъ тѣлесными свойствами. На томъ основаніи они въ кругъ антропологіи вводятъ также культуру первобытного человѣка, т. е. доисгорическую археологію. Тотъ взглядъ не нашелъ сочувствія у нѣмцевъ, которыи доисторическую археологію обыкновенно называютъ »Urgeschichte.«

Вообще еще не упрочился цѣльный взглядъ на задачи этнографіи. Англійскій ученый Кинъ говоритъ, що этнографія скорше литература чѣмъ наука, т. е. що она чисто описательнымъ образомъ трактуетъ о характерѣ, обычаяхъ и другихъ чертахъ быта розныхъ народовъ, безъ взгляда на ихъ возможныи физическіи отношенія и сродства. Англичане склонны дѣлати розличіе межи этнологіей и этнографіей; по ихнему этнографія охватываетъ описательныи детали жизни человѣческихъ аггрегатовъ, этнологія же занимается раціональнымъ изложеніемъ тѣхъ деталей — этнографія имѣетъ дѣло съ отдѣльными племенами, а этнологія сводитъ розличныи факты къ одному общему началу. Таковый взглядъ находится въ Британской энциклопедіи въ статьи объ этнографіи пера Э. Реклю.

Нѣмцы ввели для обозначенія сей науки слово »этнологія« (Völkerkunde), що причинилось къ замѣшательству въ опредѣленіи задачъ ея. Потому проф. Вейле въ Липску предлагаетъ подъ этнографіей понимати матеріальную культуру, подъ этнологіей — духовную культуру. Другіи (въ Англіи и Германіи) хотятъ этнологію

считати частію физической антропологіи, этнографію же частію исторіи культуры.

Хотя нѣтъ точного опредѣленія сути и границъ этнографіи, яко науки, однако все таки всѣ взгляды на нее сводятся къ тому, що она должна представляти внѣшнюю и внутреннюю жизнь народовъ въ зависимости отъ ихъ природныхъ свойствъ. Уже въ глубокую старину народы старалися узнавати жизнь, нравы и обстановку другъ-друга, въ чемъ уже находились зародыши нынѣшней науки. И въ среднихъ вѣкахъ были путешественники — въ первыхъ арабы, познакомлявшіи своихъ земляковъ съ бытомъ народовъ Европы, затѣмъ европейцы, описавшіи Китай, Японію и народы Азіи. Когда Америка съ ея червонокожими жителями была открыта, этнографія получила новый толчекъ Особенное любопытство вызвали оныи червонокожіи дикари. Іезуитъ Лафито, изучавшій въ началѣ 18-ого вѣка индійцевъ въ Канадѣ, писалъ въ своей книзѣ »Обычаи дикарей Америки въ сравненіи съ обычаями древнихъ временъ«, що обычаи дикарей — ключъ къ пониманію обычаевъ классической древности. Тотъ же утверждаетъ на основаніи своихъ наблюденій, що дикари Америки обладаютъ умомъ, живымъ воображеніемъ и чудной памятью, що у иихъ есть слѣды древней религіи, есть своя форма правленія, справедливости же у нихъ больше, чѣмъ у европейскихъ народовъ.

Тѣмъ онъ далъ начало идеализаціи первобытного человѣка, которою проникнулись философы 18-го вѣка. Даже не восхищавшіися добродѣтелями дикарей видѣли въ изученіи жизни послѣднихъ хорошій матеріалъ для науки, особенно исторіи науки. Шиллеръ въ своей рѣчи: »Was heisst und zu welchem Ende studiert man Universalgeschichte? — сказалъ: »Открытія нашихъ европейскихъ моряковъ въ отдаленныхъ странахъ рисуютъ намъ племена, росположенныи вокругъ насъ на самыхъ рознообразныхъ ступеняхъ культуры, якъ дѣти розличного возраста вокругъ взрослого, напоминая ему своимъ примѣромъ, чѣмъ онъ самъ раньше былъ и откуда онъ вышелъ... И якъ ни печально представленіе, которое намъ тѣ народы даютъ о нашемъ дѣтствѣ, тѣмъ не меньше то не первая степень, на которой мы ихъ видимъ. Человѣкъ находился на еще позорнѣйшей степени«...

Идеализація первобытного человѣка довела къ тому, що Руссо́ состояніе человѣка на понѣ природы считалъ самымъ счастливымъ и въ общественныхъ и державныхъ учрежденіяхъ видѣлъ причину порчи человѣческой природы. Въ бытѣ первоначального дикого человѣка онъ видѣлъ „облагородняющую свободу“, въ бытѣ принадлежащого къ культурной державѣ человѣка — »портящую лучшую сторону человѣческой природы неволю«... Тѣмъ взглядомъ, доставшимся съ французской литературой въ Россію, проникнутая поэзія Шевченка. жалѣвшого объ утратѣ козацкой свободы, сближавшейся по его мнѣнію къ вымечтанной Руссо́мъ свободой дикаря.

Такъ, можно сказати, къ концу 18-ого вѣка этнографы обращали свое вниманіе исключительно на внѣшнюю жизнь племенъ, стоявшихъ на низшей степени культуры или находившихся въ какихъ-нибудь сношеніяхъ съ Европой. Къ концу 18 ого вѣка Линней, Бюффонъ и Блюменбахъ ввели человѣка въ лѣстницу зоологіи, какъ видъ homo sapiens, классифицируя людей по тѣлеснымъ признакамъ на расы. Тутъ была положена основа антропологіи и вмѣстѣ съ тѣмъ этнографія вступила на новый путь, ибо приняла въ себе также естественный, антропологами розработанный матеріалъ.

До оной поры европейскіи этнографы занимались изученіемъ быта головно иностранныхъ, особенно заморскихъ народовъ. Первыи братья Гриммъ въ Германіи стали изучати преданія, народный эпосъ, суевѣрія, пѣсни своего нѣмецкого народа и прочого европейского населенія, щобы соединити современность съ самою раннею эпохою народного быта. Станувъ на ту точку зрѣнія, они пришли къ заключенію, що и европейскіи народы когда-то находились въ такомъ же состояніи, какъ дикари Америки и проходили путь постепенного розвитія, пока не розвили свою высокую культуру. Такое изслѣдованіе древнихъ вѣрованій, предразсудковъ, обычаевъ, обрядовъ, пословицъ, заговоровъ, поговорокъ, пѣсней и сказокъ, живущихъ въ простонародной средѣ по традиціи и происходящихъ по видимому изъ древнѣйшихъ временъ англичане назвали ф о л к л о р о м ъ, т. е. народовѣдѣніемъ. Фолклоръ имѣетъ за задачу, вскрыти заслону закрывавшую языческую эпоху европейскихъ народовъ, такъ какъ христіанство старалось въ свое время искоренити языческіи суевѣрія, которыи могли затѣмъ сохранитись только въ простонародныхъ преданіяхъ. Такимъ образомъ возбужденъ былъ интересъ къ народнымъ пѣснямъ и сказкамъ, которыи стали собирати и издавати печатью.

(Дальше будетъ.)

Слѣдующій нумеръ выйдетъ двойный за августъ и сентябрь въ концѣ сентября.

Изд. Инст. „Нар. Домъ“. — За редакцію отвѣчаетъ Ф. И. Свистунъ.

Изъ Ставропигійской типографіи, подъ управленіемъ Мих. Рефця.

Ч. 8. 9. **Львовъ**, августъ-сентябрь 1906. **Годъ XXIV (II)**

ВѢСТНИКЪ
„НАРОДНОГО ДОМА".

Выходитъ разъ въ мѣсяцъ. — Предплата въ годъ 2 кор. Редакція и администрація : Львовъ, улица Театральная Ч. 22.

ЖЕРТВЫ.

Въ мѣсяцѣ іюлѣ и августѣ с. г. изволили пожертвовати П. Т.:

I. На церковь „Народного Дома": 1) Владиміръ Куриловичъ, сов. суда въ Рымановѣ и посолъ на соймъ краевый, коверъ стоимости 700 кор.; 2) о. Антоній Шанковскій изъ Нижборка 10 кор.

II. На бурсу „Нар. Дома": о. Антоній Шанковскій изъ Нижборка 10 кор.

III. На бл. п. о. Павликова фондъ постройки и обновленія церквей: о. Іоаннъ Давидовичъ изъ Львова собранныхъ жертвъ 23 кор.

IV. Въ библіотеку и музей: 1) о. Сыроѣдовъ изъ Сѣхова 2 соч. въ 4 том.; 2) Андрей Гукъ, ученикъ гимназіи, 2 соч. въ 3 том.; 3) о. А. Левицкій изъ Ферескулы (Буков.) 10 монетъ; 4) М. Тершаковецъ изъ Львова 1. соч. въ 1 том.; 5) о. Прислопскій изъ Дубецка 2 соч. въ 4 том.; 6) Иванъ Кревецкій изъ Львова 1 соч. въ 1 том.; 7) Эм. Савицкій, директоръ гимназіи въ Тернополѣ 1 соч. въ 1 том.; 8) А. И. Яцимирскій изъ Россіи 9 соч. въ 10 том.

Всѣмъ тѣмъ жертводателямъ Упр. Совѣтъ русско-народного Института „Народный Домъ" въ Львовѣ заявляетъ должное благодареніе.

КОНКУРСЪ.

Ч. 794/906. — Въ цѣли принятія лѣсничого для имѣній Бѣлка и Костеневъ въ Перемышлянскомъ повѣтѣ объявляется симъ

конкурсъ съ назначеніемъ срока по день 2 (15) октября 1906 г. подъ слѣдующими условіями:

1. Кандидатъ долженъ предложити свое curriculum vitae и доказательство квалификаціи, що трудился, взглядно трудится веденіемъ лѣсной господарки.

2. Кандидатъ не долженъ переступити 35-го года жизни и выказатися лѣкарскимъ свидѣтельствомъ, що есть здоровый и можетъ безпрепятственно исполняти обязанности лѣсничого.

3. Вознагражденіе лѣсничого будетъ состояти изъ свободной квартиры, натуралій и изъ доплаты. Высоту доплаты, якъ и всѣ прочіи условія принятія можно узнати въ канцеляріи „Народного Дома“ во Львовѣ, при ул. Театральной ч. 22 II. поверхъ, въ будныи дни отъ 9—12 ч. передъ полуднемъ и отъ 3 - 6 ч. пополудни.

4. Прошенія съ относительными приложеніями слѣдуетъ вносити въ Управляющій Совѣтъ русского народного Института „Народный Домъ“ во Львовѣ, въ институтскую канцелярію, найдальше до дня 2 (15) октября 1906 г. и добавити къ прошенію почтовую марку на 45 гел.

Отъ Управляющого Совѣта русского народного Института „Народный Домъ“.

Львовъ, дня 16 (29) августа 1906.

Роздача стипендій и пособій.

Изъ фонда имени Алекс. Париловича получилъ стипендію годичныхъ 76 кор. Василій Коцко, учен. 4 кл. гимназіи въ Дрогобичѣ, сынъ народного учителя, сродникъ фундатора.

Изъ фонда имени Сомика надѣлены пособіями 200 кор. на 1907/8 учебный годъ Елена Мельникъ ученица 2 года женской учительской семинаріи Стшалковской въ Львовѣ, и Софія Авдыковская, ученица 3 года ц. к. женской учительской семинаріи въ Львовѣ. Обѣ сироты по священникахъ.

Изъ фонда им. Блажкевича надѣленъ стипендійнымъ пособіемъ год. 160 кор. Николай Курдыдикъ, ученикъ 4 кл. 7-мой гимназіи въ Львовѣ, сынъ гр. к. приходника, отца 7 дѣтей.

Изъ фонда им. Целевича получилъ стипендійное пособіе 200 кор. годично Стефанъ Гудзъ, ученикъ 2 кл. нѣмецкой гимназіи въ Львовѣ, сынъ убогого селянина въ Смерековѣ.

Воспитательныи заведенія, содерживаемыи и пособляемыи „Народнымъ Домомъ“.

Въ бурсѣ „Нар. Дома“ было съ концемъ второго семестра 1905/6 учебного года 73 учениковъ середнихъ и народныхъ школъ и 5 ремесленныхъ учениковъ, всего 78 воспитанниковъ. Изъ нихъ 32 посѣщали академическую гимназію, 26 нѣмецкую, 4 гимназію Францъ-Іосифа, 1 четвертую, 1 пятую, 4 семую львовскую гимназію, 4 вторую реальную школу, 1 народную школу, 1 выдѣловую школу им. Мицкевича, 4 училося слесарству. Изъ учениковъ середнихъ и народной школъ получили при классификаціи за вторый семестръ 1905/6 учебного года первую степень съ отличіемъ 6, первую степень 63, вторую 4.

Въ бурсѣ воспитывались слѣдующіи ученики гимназій: 1) Иванъ Вергунъ (8 кл.), 2) Петръ Бачинскій, 3) Андрей Иваховъ, 4) Ярославъ Кузьмовичъ (отл.), 5) Василій Лончина (всѣ 4 изъ 7 кл.), 6) Стефанъ Борсукъ, 7) Петръ Гаталякъ, 8) Михаилъ Литвакъ, 9) Илія Пюрикъ, 10) Ѳеодосій Стефановичъ, (всѣ 5 изъ 6 кл.), 11) Михаилъ Зинко, 12) Ѳеодозій Лесевъ (отл.), 13) Димитрій Лютикъ, 14) Осипъ Слюзаръ, 15) Осипъ Тымцьо, 16) Петръ Швайка, 17) Симеонъ Шевчукъ (всѣ 7 изъ 5 кл. гимн.), 18) Иванъ Вовкъ, 19) Меѳодій Дудикъ, 20) Василій Климко, 21) Николай Курдыдикъ, 22) Стефанъ Павловъ, 23) Лонгинъ Свѣтенкій, 24) Василій Серединскій, 25) Михаилъ Стасюкъ, 26) Иванъ Струсинскій, 27) Михаилъ Хаврона (отл.), (всѣ 10 изъ 4 кл. гимн.), 28) Антоній Брыда, 29) Василій Дикій, 30) Иванъ Иванусовъ, 31) Романъ Иванусовъ, 32) Климентій Кузьмовичъ, 33) Андрей Серафинъ, 34) Павло Цымбалистый, 35) Андрей Шеремета, 36) Иванъ Якубовскій, (всѣ 9 изъ 3 кл. гимн.), 37) Осипъ Бачинскій, 38) Прокопій Гарасимчукъ, 39) Тимоѳей Головка, 40) Симеонъ Дацковъ (отл.), 41) Стефанъ Зельскій, 42) Стефанъ Кійко (отл.), 43) Евгеній Клодницкій, 44) Ѳеодоръ Кунанецъ, 45) Дометій Ничай, 46) Василій Печукъ, 47) Григорій Подолюкъ, 48) Димитрій Процыкъ, 49) Александръ Романовскій, 50) Василій Самотѣй, 51) Адамъ Сѣнкевичъ, 52) Иванъ Ярошъ, 53) Николай Яцкевичъ, 54) Михаилъ Бойко, 55) Стефанъ Гудзъ, 56) Василій Дольницкій, 57) Владиміръ Зарицкій, 58) Владиміръ Курдыдикъ, 59) Иванъ Курдыдикъ, 60) Владиміръ Савчинъ, 61) Василій Танчинъ, 62) Димитрій Тихій, 63) Илія Томашевскій, 64) Романъ Харпола, (всѣ 11 изъ 1 кл. гимн.), 65) Василій Михалиничъ, 66) Григорій Михальчукъ, 67) Николай Олекса, 68) Ѳеодозій Романовскій, (всѣ 4 изъ пригот. кл. гимн.). Изъ школы реальной: 69) Андрей Хмелевскій, (3 кл.), 70) Ярославъ Кунанецъ (2 кл.), 71) Яковъ Солукъ (2 кл.), 72) Владиміръ Дрогомирецкій (1 кл.). Изъ народной школы: 73) Михаилъ Михальчукъ. Изъ выдѣловой школы им. Мицкевича: 74) Василій Коваль (2 кл.). Учились въ ремесленныхъ мастерскихъ: 75) Иванъ Козюкъ, 76) Михаилъ Панчишинъ, 77) Михаилъ Старицкій 78) Михаилъ Сѣкорскій (всѣ 4 слесарству).

Бурсою управлялъ комитетъ, состоявшій изъ о. проф. И. Костецкого, яко предсѣдателя, и членовъ: о. д-ра Діонизія Дорожинского, катихита нѣмецкой гимназіи, ред. Осипа Мончаловского, д-ра Василія Лаголы, о. Романа Красицкого, проф. Ф. Свистуна. Директоромъ бурсы есть о. П. Пилипецъ, его помощниками были студенты университета: М. Назаркевичъ, И. Рудко, Н. Туркалевичъ и А. Цьорохъ. Въ бурсѣ преподавались воспитанникамъ слѣдующіи домашніи предметы: Уставъ церковный, Гласопѣснецъ и Ирмологіонъ вмѣстѣ съ нотнымъ пѣніемъ (училъ студентъ политехники В. Галушка), исторія Руси (для учениковъ гимназій и реальной школы препод. проф. Ф. Свистунъ, для ремесленныхъ воспитанниковъ М. Назаркевичъ), русскій литературный языкъ (преп. ред. О. Мончаловскій), законъ Божій для ремесленныхъ воспитанниковъ (преп. о. П. Пилипецъ), галицко-русскій языкъ для ремесленныхъ воспитанниковъ (преп. М. Назаркевичъ). Публичный испытъ изъ тѣхъ предметовъ состоялся 16 (29) іюня въ великой салѣ „Нар. Дома“, совмѣстно съ испытомъ воспитанниковъ бурсы Ставропигійского Института, въ присутствіи управляющихъ совѣтовъ обоихъ заведеній и численно собравшихся гостей.

Съ началомъ іюля с. г. Управл. Совѣтъ началъ постройку нового дома на бурсовой площади отъ улицы на сумму 300.000 кор. Постройка отдана въ подрядъ проф. львовской политехники и архитекту Левинскому съ условіемъ, щобы новый домъ былъ готовъ до 31 августа 1907 г. Въ немъ помѣстится 300 воспитанниковъ.

Въ Институтѣ сс. василіянокъ въ Львовѣ, для которого „Нар. Домъ“ даетъ даровое помѣщеніе съ застереженіемъ надзора надъ нимъ черезъ делегатовъ „Управл. Совѣта“ и съ условіемъ, абы институтъ безплатно содерживалъ нѣсколько воспитанницъ, было въ 1905/6 учебномъ году 61 воспитанница. Изъ нихъ посѣщали: ц. к. женскую учит. семинарію 7, женскую учительскую семинарію Стшалковской 5, женскую учит. семинарію русского Педагог. Товарищества 13, гимназію Стшалковской 3, лицей Диттнеръ 1, школу им. Шевченка 25, школу „Notre Dame“ 4, школу упражненій ц. к. женской учит. семинаріи 3. Испытъ зрѣлости въ ц. к. женской учит. семинаріи выдержало 5. На счетъ „Нар. Дома“ примѣщалось въ институтѣ 6 ученицъ.

Въ институтѣ были въ 1905/6 учебномъ году: изъ ц. к. женской учит. семинаріи 1) Владиміра Горбъ, 2) Екатерина Гуляй, 3) Марія Фуртакъ, 4) Марія Лянгъ, 5) Текля Луцковъ — всѣ 5 выдержали испытъ зрѣлости, 6) Анна Котовичъ (2 г.), 7) Екатерина Гаргѣль (1 г.); изъ женской учит. семинаріи Стшалковской 8) Олимпія Метеля (3 г.) 9) Климентина Лада (3 г.), 10) Юлія Тымкевичъ 3 г.) 11) Ольга Сойка (2 г.), 12) Елена Метеля (1 г.); изъ женской учит. семинаріи Педаг. Товарищества 3 года 13) Ольга Гнатковская, 14) Іосифа Чайковская — изъ 2 года 15) Юлія Лада, 16) Іоанна Левицкая, 17) Теодора Левицкая, 18) Ан-

на Романовичъ, 1) Ярослава Ковалевъ – изъ 1 года, 2) Юлія Билинкевичъ, 21) Марія Дроздовская, 22) Михалина Харакъ, 23) Елена Хировская, 24) Неонилія Черевко, 25) Розалія Тимощукъ; изъ гимназіи Стшалковской 26) Стефанія Садовская (7 кл.), 27) Леонтина Садовская (4 кл.), 28) Іоанна Сойка (2 кл.); изъ лицея Диттнеръ 29) Марія Дяковъ (3 г.); изъ школы им. Шевченка 30) Наталія Бордулякъ (9 кл.), 31) Елена Демчишинъ, 32) Текля Третьякъ, 33) Ольга Гуглевичъ, 34) Наталія Чумакъ, 35) Ирина Тымкевичъ, 36) Іоанна Ковальская — всѣ 6 изъ 8 кл., 37) Ирина Бахталовская, 38) Марія Ваньо, 39) Евгенія Манастырская, 40) Ксеня Каровецъ, 41) Софія Делькевичъ, 42) Анна Смутекъ, 43) Марія Смутекъ – всѣ 7 изъ 7 кл., 44) Марія Банахъ, 45) Павлина Грицко, 46) Меланія Левинская, 47) Екатерина Якубовская – всѣ 4 изъ 6 кл., 48) Анна Дяковъ, 49) Ольга Винницкая, 50) Марія Мальчинская, 51) Изидора Левинская, 52) Елена Третякъ, 53) Анна Павловичъ, 54) Марія Литвинъ — всѣ 7 изъ 5 кл.; изъ школы „Notre Dame“ 55) Іоанна Господаревская (8 кл.), 56) Юлія Борисевичъ 5 кл.), 57) Іоанна Кмицикевичъ (4 кл.), 58) Стефанія Коропась (2 кл.); изъ школы упражненій ц. к. женской учит. семинаріи 59) Ольга Крыницкая, 60) Софія Мацюракъ, 61) Савина Сидоровичъ (всѣ 3 изъ 4 кл.).

Воспитанницы, кромѣ школьныхъ предметовъ, учились въ институтѣ церковно-славянскому языку (преп. о. Владиміръ Гургула), русской литературѣ и русской исторіи (преп. проф. Ф. Свистунъ), игрѣ на фортепянѣ (уч. Іоанна Косовская), пѣнію (уч. настоятелька монастыря с. Володиміра Филевичъ) Префектою института была с. Зиновія, надзоръ надъ поведеніемъ воспитанницъ внѣ института и нѣмецкую конверзацію съ ними вела Стефанія Хоминская. Публичный испытъ изъ домашнихъ предметовъ состоялся 15 (28) іюня въ присутствіи нредставителей львовской митрополичьей консисторіи, Управляющого Совѣта „Нар. Дома“, родителей воспитанницъ и приглашенныхъ гостей.

Въ пансіонѣ Общества Русскихъ Дамъ въ Львовѣ воспитывалось въ 1905/6 учебномъ году 20 ученицъ. Изъ нихъ 1 посѣщала ц. к. женскую учительскую семинарію, 1 женскую учительскую семинарію Стшалковской, 1 лицей Диттнеровой, 5 евангелическую школу, 1 выдѣловую школу им Шевченка, 5 народную школу им. Ядвиги, 1 школу армянокъ, 5 народную штолу Гофмана, 2 народную школу Notre Dame.

Въ пансіонѣ примѣщались: 1) Валерія Калинская, уч. 2 г. ц. женской учит. сем., 2) Ирена Козакъ уч. 1 г. женской учит. семинаріи Стшалковской, 3) Марія Хилякъ, 6 кл. лицея Диттнеръ, 4) Калужняцкая Володиміра 8 кл., 5) Рыбакъ Стефанія 7 кл., 6) Ирена Чайковская, 6 кл., 7) Елена Юрчакевичъ, 4 кл., 8) Кристина Сабарай, 4 кл. — всѣ 5 изъ евангелической школы, 9) Ольга Лагола, 7 кл. (школа Шевченка), 10) Ольга Копыстянская 7 кл., 11) Марія Крижановская, 7 кл., 12) Александра Вербицкая, 6 кл., 13) Ольга Жолкевская, 6 кл., 14) Ирена Преторіусъ 5 кл.

— всѣ 5 изъ школы Ядвиги, 15) Ирена Стецевъ, 7 кл. школы армянокъ, 16) Любовь Калитчукъ, 4 кл., 17) Александра Луцыкъ, 3 кл., 18) Стефанія Луцыкъ, 3 кл., 19) Марія Ступчинская, 2 кл. — всѣ четыре изъ школы Гофмана, 20) Евгенія Куропась, 1 кл. школы Notre Dame.

Директоромъ пансіона былъ о. д-ръ Титъ Мышковскій. Ученицы, сверхъ школьныхъ предметовъ обучалися богочестію (преп. о. д-ръ Титъ Мышковскій), русской исторіи (преп. проф. Ф. Свистунъ), русскому литературному языку (преп. г-жа Чехакъ), игрѣ на фортепьянѣ (учили г-жи Морвицъ, Клеберъ и Эмилія Ясеницкая), нотному пѣнію (училъ о. Романъ Красицкій); надзоръ и нѣмецкую конверсацію вела Гертруда Трегеръ, хозяйкою пансіона была Клара Левицкая. Пансіонъ имѣетъ самое удобное и здоровое помѣщеніе въ центрѣ города, при улицѣ Корнякта.

Въ ново основанной школѣ кройки, шитья и гафту „Общества Русскихъ Женщинъ“ въ Львовѣ обучалося 13 воспитанницъ, изъ которыхъ 10 имѣли полное содержаніе въ пансіонѣ при школѣ, 3 же были доходящіи. Директоркою была г-жа Божена Гумецкая, шитью бѣлья учила г-жа Елена Кочеркевичъ, шитью женского платья Марія Газельбахъ, гафту Марія Чижъ, рисункамъ Эмилія Ясеницкая, нѣмецкому языку Іоанна Ясеницкая, русскому языку г-жа Меговичъ, счетоводству г-жа Гумецкая, торговельной географіи дир. А. Ничай, русской и всемірной исторіи г-жа Яновская. Законоучителемъ школы былъ о. Р. Красицкій. Школа имѣетъ начатки библіотеки изъ русскихъ книгъ по общеполезнымъ знаніямъ, прежде всего по женскому труду. Воспитанницы платили найвыше по 24 кор. мѣсячно за полное содержаніе и науку.

Та ново основанная школа заслугиваетъ изъ взгляда на гуманитарныи и для общенародной нашей жизни важныи цѣли на сильную поддержку съ стороны нашего народа. Помѣщеніе ея при русской улицѣ ч. 3.

Где-що до исторіи азбуки и языка Галицкой Руси.

(Изъ свое-житьевыхъ записокъ Богдана А. Дѣдицкого).

(Продолженіе.)

О томъ-же времени (1852 г.) въ нашей нововозрожденной словесности, обогаченной уже и переводомъ или собственно зма-

лорусченнымъ передрукомъ Гоголевого „Тараса Бульбы“, взмоглося съ большимъ рвеніемъ стремленіе къ всевозможному единенію малорусской бесѣды съ великорусскою по крайней мѣрѣ на столько, щобы нашъ языкъ особенно въ письмѣ „розумѣли и Украинцы и Россіяне“, якъ такое стремленіе тогда-же за кордономъ первая объявляла славная Московка Марко Вовчокъ. За тѣмъ стремленіемъ яко-тако подвизался и я, уважая тое-жь объявомъ заровно русско-патріотичнымъ, якъ и общекультурнымъ и гуманитарнымъ. Такъ и печаталъ я въ редагуемой мною „Зорѣ Галицкой“ списанное съ такою попыткою языкового единенія дѣльце „Отецъ Игнатій, приходникъ изъ Соломянки, повѣсть, нимъ самымъ написанная“. Тую то повѣсть передѣлалъ я изъ свѣтославного романа Вильяма Гольдсмида „The Vicar of Wakefield“, но передѣлалъ съ такимъ довольно близкимъ свойско-русскимъ обарвленьемъ, що даже многіи изъ нашихъ интелигентовъ, дѣло то може коли въ подлиннику или въ переводахъ и читавшіи, уважали сію русскую передѣлку „Векфильского пастора“ за оригиналъ,*) а рачительный Меценатъ нашъ Михаилъ Качковскій издалъ ю яко оригинальну на свой счетъ въ г. 1854 еще и отдѣльно. По правдѣ бо, изъ всѣхъ 26 главъ той повѣсти ледви 5—6 были переводны, прочіи же такъ русски-характерно передѣланы или переиначены, що англиканскій пасторъ досыть въ мѣрѣ походилъ на русского попа. А сознаюсь же я, що передѣлывая то архидѣло извѣстного писателя Великобританіи, я послѣдовалъ примѣру Яна Непомука Каминского, котрый въ издаваемыхъ нимъ львовскихъ „Rozmaitościach“ подобными передѣлками лучшихъ повѣстей изъ нѣмецкого и французского кормилъ жаждущую чогось лучщого въ томъ родѣ польскую публику. Послѣ „О. Игнатія“ я готовился на русскій же ладъ передѣлати еще и „Wahlverwandschaften“ (Сродство по выбору) Гетого; однакъ прекратилъ ту роботу, такъ якъ тогда-же за побужденіемъ и по желанію старшихъ литераторовъ нашихъ я вразъ съ проф. Як. Головацкимъ занялся изданіемъ „Русской Аноологіи“, котора въ то время нашего щó-до формы весьма погрѣшного поэтизованья, яко руководство для правильного русского стихотворства, была для насъ необходимою потребою.

---

*) Во время печатанья той повѣсти ученый нашъ крыл. М. Малиновскій и даже нашъ поэтъ Н. Устіяновичъ завѣряли мене, що они того „Отца Игнатія“ а также нѣкоторыи личности, о якихъ онъ въ своей повѣсти розсказуе, таки лично знаютъ, да затѣмъ и просили открыти властивое имя того ихъ знакомого пароха, живущого где-то подъ Карпатами на Лемкахъ. Но я, задоволеный въ душѣ удачею такой, впрочемъ никому не вредящой мистификаціи, ніякъ не открывалъ запорученное будьто мною имя анонима, а многіи читатели „Зори Галицкой“ таки вѣрили въ дѣйстное существованіе пароха о. Игнатія въ якой-то псевдонимной русской Соломянцѣ. Ажь въ немало лѣтъ потомъ первый п. Платонъ Костецлій въ одной польской газетѣ открылъ настоящіи имена англійского автора и русского передѣльщика упомянутой повѣсти.

А щó-до той „Русской Анѳологіи“ дѣло состояло такъ:

Наши галицко-русскіи поэты якъ передъ тѣмъ, такъ далѣй и теперь не переставали творити книжныи стихи польскимъ силябичнымъ ладомъ а до того и съ частыми фальшивыми рифмами, якъ я о томъ въ сихъ моихъ запискахъ достаточно былъ упомянулъ. Заѣзжающіи иногда до насъ изъ-за кордона настоящіи Украинцы, якіи заходили бывало то до Як. Головацкого, то до моей редакціи, немало упрекали насъ за тѣ наши книжныи стихотворы, называя ихъ „недоляцькими віршами“ (нѣм. Verse). Ихъ сужденіе о нашемъ примѣтно спольщенномъ акцентѣ въ стихахъ высказывали и ученыи украинскіи лингвисты, именно и знаменитый проф. А. Потебня въ своемъ спеціальномъ дѣлѣ „Изслѣдованія о звукахъ русского языка“, говоря о польскомъ акцентѣ нашихъ Лемковъ, заявляе съ сожалѣніемъ: „Во всѣхъ галицкихъ говорахъ замѣтна наклонность къ тому же (къ польскому ударенію на предпослѣднемъ слозѣ), и вслѣдствіе того Галицкія искуственно-поэтическія произведенія **невиносимы для нашего уха**“ (стр. 154 въ отдѣленіи „Малорусское нарѣчіе“).

Мы и самы знали той нашъ наслѣдственный по Польщѣ грѣхъ, знали и то, що также Украина подъ взглядомъ книжного стихотворства позбылась того-же грѣха не скорше, ажъ коли вмѣсто Яна Кохановского, Игн. Красицкого и Трембецкого стала изучати Державина, Крылова и Пушкина, писавшихъ стихи не польскимъ, а таки прямо русскимъ, то значитъ и русско-украинскимъ ладомъ.

Тожъ не диво, що середъ старшихъ нашихъ стихотворцевъ, состоявшихъ поневольно все еще подъ вліяніемъ насякшого въ нихъ польского акцента, возникла добра русская мысль издати разъ у насъ якій Сборникъ образцевыхъ твореній тѣхъ русскихъ поэтовъ, по которымъ свои хорошіи стихотворы настоящимъ русскимъ складомъ научилась сочиняти наша же закордонная Русь-Украина. Тогда то, думали тѣ наши старшіи поэты, изъучая на дѣлѣ правильну русскую прозодію, успѣемъ чей и мы являтись въ найкрасшой области духового житья не яко „невыносимы для уха всей прочой Руси.

Первыи, щó подняли тую мысль и такое требованіе, были у насъ извѣстный граматикъ Іосифъ Левицкій, да старшіи поэты Ник. Устіяновичъ и Ант. Могильницкій, которыи именно тогда, коли я въ „Зорѣ Галицкой“ помѣщалъ иногдѣ змалорусченныи немножко передруки басень Крылова, писали менѣ майже una voce: „Печатайте хоть цѣлую книжку такихъ поэзій, якъ тѣ басни изъ Великой Руси, то и наша Русь научится разъ писати стихи правильно“.

А тутъ якъ-разъ въ тоже время (въ г. 1853) принесъ менѣ Як. Головацкій цѣлыи сошиты стихотвореній списанныи власноручно нимъ, Ив. Вагилевичемъ и Маркіяномъ Шашкевичемъ

еще за ихъ семинарскихъ лѣтъ (въ 30-ти лѣтахъ XIX ст. и списыванныхъ очевидно тайкомъ) изъ Хрестоматіи А. Галахова и другихъ того рода Московскихъ и Петроградскихъ изданій. И удивительно: проф. Як. Головацкій даже и до-теперь сохранялъ у себе дома тіи завѣтныи сошиты-сокровища „подъ семи замками“ (въ найбо̂льшой тайни), якъ и не всякому давалъ онъ изъ своей библіотеки до читанья московскіц книжки, а то изъ опасенія, быти въ своемъ професорскомъ званіи заподозрѣннымъ о московскую агентуру! Только ажь въ онъ часъ, коли также онъ получалъ отъ старшихъ литераторовъ нашихъ подобныи письма, якъ я ихъ одержалъ отъ І. Левицкого, Устіяновича и Могильницкого, передалъ онъ менѣ тѣ стихотворныи сокровища „запрещенной для насъ Москвы“ для изданія подъ моимъ отвѣчательствомъ, а впрочемъ на его счетъ и на надежную поддержку отъ стороны нашего Мецената Михаила Качковского. Такъ и рѣшено было нами напечатати перемытченныи колись львовскими семинаристами поэтичныи творенія Москвы во Львовѣ въ книжцѣ подъ з. „Русская Анѳологія или выборъ лучшихъ поэзій подлинныхъ и переводныхъ“.

А всежь таки — до якой степени еще до сихъ поръ „страха ради ляцка“ даже у того доблестного мужа русской науки состоялъ духъ опасенія передъ тѣмъ, „что — якъ сказалъ Пушкинъ — Русью пахнетъ“, да служатъ доказомъ два условія, подъ якими онъ, проф. Головацкій, препоручилъ менѣ изготовити то изданіе. Условія тѣ были: въ 1) не имѣлъ я означити нигде въ титулѣ, що „Р. Анѳологія“ содержитъ творенія великорусскихъ поэтовъ, отже и имена тѣхъ-же поэтовъ ніякъ не объявляти; въ 2) имѣлъ я помѣстити середъ тѣхъ поэзій также гдеякіи мои стишки, особенно австрійско-патріотичныи, якіи печаталпсь уже то въ Вѣдни, то во Львовѣ, — хотя бы тѣ-же стишки (якъ я ему то усильно представлялъ) пасовали до той изъящной Анѳологіи „якъ пястукъ до носа“. А поставилъ же Головацкій такіи два истинно-перемытническіи условія съ тою рутенско-хитрою цѣлію, щобы для сего предоброго подручника русской прозодичной наукн колись тѣмъ легче пріобрѣсти допустъ до школьного употребленія въ австро-угорской Руси.

Такъ и зладилъ я подъ весну 1854 г. изданіе „Русской Анѳологіи“,*) добавивши къ ней въ концѣ своимъ слогомъ ста-

*) Анѳологія, по скудости нашихъ грошевыхъ средствъ, печаталась дробненькими черенками (petit), и я, занятый современно и редакціею „Зори Галицкой“, и перепечаткою „Отца Игнатія“ — та коректурою всѣхъ тѣхъ трехъ изданій, въ м. мартѣ 1854 г. совершенно пострадалъ зрѣніе на цѣлый полъ года. Д-ръ Гавранекъ спасъ мене отъ цѣлковитой слѣпоты (чорного бѣльма), и я зъ осени тогожь года и до нынѣ, яко 80-лѣтній старецъ, читаю и пишу — слава Богу — даже дробненькое письмо совсѣмъ безъ очковъ. Затѣмъ то я нынѣ стаю увѣренъ, що чѣмъ больше кто (кобы лишь не надъ мѣру) упражняе якій органъ свого тѣла, т. е. чѣмъ больше, а не ажь надмѣрно нимъ работае, тѣмъ певнѣйше може и надѣятись, що той органъ на тѣмъ долшое время останется у него крѣпокъ.

тью „О русскомъ стихосложеніи“, занятую въ большой части изъ граматики Востокова, по которой впрочемъ еще въ г. 1845 списалъ свою малорусску граматику нашъ Иванъ Вагилевичъ.

Издавши такимъ способомъ анонимно во Львовѣ духовныи плоды Москвы, состоявшіи тогда все еще для насъ подъ запретомъ, мы съ Головацкимъ сознавали себе тѣми „перемытника ми“, якими статисн намъ онъ-же полушуткою предвѣщалъ еще въ 1849 г. Однакожь первая та проба нашего перемытничества не совсѣмъ намъ повелася, такъ якъ „Р. Анѳологія“ не только не пріобрѣла доступу въ школахъ Галицкой Руси, но и надто мало отъучила старшу генерацію нашихъ поэтовъ отъ писанья „невыносимыхъ для слуха Украины“ зъ-польска акцентованныхъ стихотвореній.

Ажь въ якихъ 10 лѣтъ потомъ лучшимъ удачнымъ „перемытникомъ“ духовныхъ плодовъ того рода великой закордонной Руси сталъ изрядный любимецъ нашей молодежи, настоящій Украинецъ Тарасъ Шевченко, именно же его „Кобзарь“, весь составленный въ русско-народномъ дусѣ и по тѣмъ правиламъ русской прозодіи, по якимъ вся Украина въ своихъ школахъ объучалась писати свои книжныи стихи по образцу Крылова и Пушкина. И тая новая проба въ объученіи насъ по дѣлу правильного русского стихотворства повелась тогда уже тѣмъ легче и тѣмъ вѣрнѣйше, що такъ „Кобзарь“ якъ и другіи литературныи изданія Украины являлись у насъ въ такой розличительной отъ „московского письма“ формѣ, що національно-политичныи недруги Москвы, нынѣшніи властелины нашей Галичины, только ради того розличія не лишь не противились, но еще и пособляли принятію и розширенію у насъ того, що въ формѣ фонетизма*) (т. е. не-московской правописи) преподала намъ Украина.

Дальшіи занятія около изъученія русчины проводилъ я чрезъ два лѣта (1856—57) въ городѣ Перемышли, куда тогдашній многовластный инспекторъ восточно-галицкихъ середнихъ школъ д-ръ Евзевій Черкавскій (русскій поповичъ) назначилъ мене на мѣсто упокоившогося граматика нашего о. Іосифа Левицкого, въ званіи побочного учителя (Nebenlehrer der Landessprachen) при тамошнѣй (тогда еще вѣмецкой) гимназіи. Тутъ то въ Перемышли — згадаю мимоходомъ — имѣлъ я случай близко познакомитись съ великимъ свѣтиломъ-любимцемъ нашей

*) О цѣли и значеніи у насъ фонетики см. мое „Открытое письмо“ въ брошурѣ: „Митрополитъ Андрей Шептицкій и Галицко-русская Матица“ (Львовъ, 1905). Здѣсь же прибавлю еще тое: Наши фонетисты въ новѣйшое время примѣтно острѣйшимъ оружіемъ поборюютъ Поляковъ, чѣмъ мы старшіи этимологисты, а помимо того получили теперь большую отъ прежнихъ польско-соймовую субвенцію, и затѣмъ увѣрены, що чрезъ ихъ грознѣйшіи виступы Поляки зневолены съ ними считатися. А то ей-Богу: не грозьбы тутъ, а взглядъ на фонетику! Поляки стаютъ dona ferentes изъ обавы, щобы правовѣрно досель соблюдающіи фонетику коли ей не покинули!

Руси, Владыкою Григоріемъ Яхимовичемъ, а также съ другими знаменитыми Русинами, тогда тамъ живущими, межи которыми особенно видны были два оо. Ѳомы Полянскіи и о. Юстинъ Желеховскій. Но о тѣхъ, якъ и о многихъ иныхъ примѣчательныхъ людяхъ нашей Отчины, съ которыми я лично знался, отлагаю писати где-що близше въ дальшихъ частяхъ моихъ Записокъ,*) если тіи дасть Господь Богъ менѣ продолжати. Покамѣстъ нынѣ радъ я толковати паче всего о томъ, що — якъ я сказалъ — по значенію въ сіе время уважаю для Руси самымъ важнѣйшимъ, именно о происходившомъ у насъ за моего житья и при моей участи русско-языковомъ саморозвитіи.

И такъ — въ Перемышли добавками до моихъ студій были старорусская „Хрестоматія“ Як. Головацкого и „Исторія древне-русской словесности“ Шевырева, изъ которыхъ то книгъ я, самъ нашу старину точнѣйше изъучая, преподавалъ русскимъ ученикамъ высшихъ клясъ гимназіальныхъ, а тіи — розумѣется — внимали рѣдко у насъ роздающимся отзвукамъ своей прапрародины съ непритворнымъ умиленіемъ. Въ низшихъ клясахъ гимназіи училъ я по предписаннымъ учебникамъ всѣхъ школярей вспôльно по русски и по польски, иногда читалъ имъ где-що изъ „Маріи“ Мальчевского и поэзій Сирокомлѝ, также где-якіи стихи украинскихъ поэтовъ, а подъ-часъ для правописного упражненія и для деклямацій диктовалъ имъ мои русскіи и польскіи переводы балядъ Шилера и Гетого, очевидно послѣ того, коли тіи переводы удобрены были цензурою инспектора Черкавского.

Послѣ двохъ лѣтъ того учительства въ Перемышли получилъ я по особенной милости сего инспектора Черкавского стипендію для отбытія спеціальныхъ филологичныхъ студій на Вѣденскомъ всеучилищѣ, где найдальше до трехъ лѣтъ имѣлъ бы я пріобрѣсти полную квалификацію на дѣйствительного професора русской и вразъ съ тою клясичной лингвистики.

Такъ благодаря рачительству спріявшого менѣ дотоль д-ра Черкавского, я въ г. 1858 по другій разъ отправился въ Вѣдень, где съ найбольщимъ удовольствіемъ и пользою для себе по дѣлу всеславянского языкознанія возъобновилъ давныи сношенія съ великимъ славистомъ Миклосичемъ, которыи однакъ, къ моему сожалѣнію, сновь тревали не долше, якъ два лѣта. Еще бо лѣтомъ 1859 г. возникъ извѣстный публицистич-

*) А таки и тутъ не могу хоть побѣжно не напомкнути, що молодшій высоко-даровитый о. Ѳома Полянскій, проф. латины и пропедевтики въ высшихъ клясахъ гимназіи въ Перемышли, на своихъ недѣльныхъ экзортахъ говорилъ по русски съ такимъ изящнымъ доборомъ даже самыхъ простолюдныхъ выраженій и къ тому съ такимъ самородно милымъ выговоромъ тѣхъ-же, що намъ слушателямъ казалось: бесѣда то не хлопска, а княжески-салонная.

ный, а весьма завзятый споръ*) межи мною а анонимомъ урядовой „Gazety Lwowskiej“ и „Lemberger Zeitung“, т. е. собственно съ моимъ школьнымъ инспекторомъ д-ромъ Черкавскимъ (онъ бо былъ тотъ анонимъ). Вслѣдствіе того спора, где мнѣ предстояло было за оскорбленную честь даже судебно упомнутися,**) отказался я отъ дальшой милости моего бывшого рачителя (щобы подъ его инспекторатомъ еще коли не служити), и въ началѣ 1860 г. сновь повернулъ во Львовъ.

А повернулъ я во Львовъ тѣмъ паче и на воззваніе правдивого покровителя нашой литературы, извѣстного патріота Михаила Качковского, который еще сейчасъ за изданіемъ моей брошуры „О неудобности лат. азбуки“ въ Вѣдни настойчиво требовалъ, щобы я „на-всегда покинулъ всякое другое званіе, именно и яку професуру, а занялся исключно дѣятельностію литературною въ пользу нашей Руси, да и для тойже цѣли изготовлялъ бы во Львовѣ всякіи добрыи словесныи изданія при его помочи на теперь и на всю будучность***).

Повинуючись сему высоко-патріотичному жаланію Мецената нашей Руси, я во Львовѣ принялся сейчасъ спорядити въ честь новоименованного галицко-русского Митрополита Киръ Григорія Яхимовича словесный памятникъ, и при многомъ участіи нашихъ литератовъ, старшихъ и молодшихъ, въ теченіи нѣсколько мѣсяцевъ издалъ я объемистую книгу подъ з. „Зоря Галицка, яко Альбумъ на г. 1860“. Книга та въ самомъ дѣлѣ якъ своимъ объемомъ и внѣшнимъ видомъ, такъ и свойско-русскимъ содержаніемъ и богатымъ числомъ участвовавшихъ писателей и подписчиковъ была первымъ того рода

---

*) Споръ той начался властиво отъ мене, бо еще весною 1859 г. издалъ я въ Вѣдни, даже совсѣмъ безъ вѣдома о якихъ урядовыхъ затѣяхъ противъ русской азбуки, а такъ собѣ въ научной цѣли, брошуру „О неудобности латинской азбуки въ письменности русской“. Но тая брошура въ русской публицѣ произвела такое дѣйствіе, що созванная по ней комисія русскихъ ученыхъ „для принятія лат. азбуки въ письменности русской“ оказалась созванною post festum. Отже inde irae Черкавского противъ мене, якъ о томъ всемъ близше розвѣдати можь изъ М. Малиновского „Ruthenische Sprach- und Schriftfrage“ да изъ моей другой тогоже предмета брошуры „Споръ о русскую азбуку“. Впрочемъ примѣчаю, що ажь по изданіи сей другой брошуры узналъ я, яко анонимный спорщикъ мой въ „Lemb. Zeitung“ былъ инспекторъ Черкавскій.

**) Въ урядовой Lemb. Zeitung Черкавскій закинулъ ложь моему цитату одной бесѣды Миклосича со мною, а власноручное письмо самого же Миклосича, затвержающее правдивость того цитата, онъ „именемъ ц. к. намѣстничества не дозволилъ“ — якъ то менѣ заявилъ редакторъ Сартини — се письмо въ Lemb. Zeitung помѣстити.

***) Помочь та не была лишь „теплымъ словомъ“, бо М. Качковскій тогда-же прислалъ менѣ въ Вѣдень за изданіе „О неудобности лат. азбуки“ 250 злр., т. е. о 60 злр. больше, чѣмъ то изданіе стоило. Да и за всю жизнь свою присылалъ онъ мнѣ о 30—50 злр. больше, чѣмъ бы по що-полгоднымъ розсчетамъ особныхъ брошурныхъ изданій, якіи я по-при „Словѣ“ споряжалъ, менѣ слѣдовало. Впрочемъ и за редакцію „Слова“ изъ власной доброй воли присылалъ онъ менѣ все по 25 злр. мѣсячно, а по смерти завѣщалъ синѣ 300 злр. пожизненной ренты.

дѣломъ, якого передъ тѣмъ у насъ въ юной литературѣ не бывало. Тожъ радовался нимъ паче всѣхъ головный пособитель его Мих. Качковскій, радовался и нашъ новопоставленный Первосвятитель Киръ Григорій, дождавшись по сему случаю того, чого преискренно желалъ, т. е. соединенія лучшихъ силъ нашихъ народныхъ, бывшихъ уже въ то время иногда въ розъединеніи. И я же самъ изъ своей стороны весьма радый былъ событію такого силъ нашихъ единенія, особенно таки торжествовалъ о искреннѣмъ содѣйствіи въ изданіи сей книги со стороны моего бывшого лингвистичного антагониста, якимъ еще до недавна былъ старшій, а заслуженный дѣятель на нивѣ письменности русской, о. Іосифъ Лозинскій изъ Яворова.

Згадавши тутъ про того о. Іосифа Лозинского, уважаю умѣстнымъ помянути о немъ где-що близше, такъ якъ его соотношеніе къ дѣламъ нашей Руси прямо касается предмета мною въ тѣхъ Запискахъ спеціально обговориваемого. Ото бо уже отъ начала нашего національного возрожденія стали творитись подъ взглядомъ языковимъ и правописнымъ — якъ то можь видѣти изъ газетъ 1848 г. и якъ я здѣсь своемѣстно указалъ въ розсказѣ о дѣятельности нашей въ редакціи „Галичорусского Вѣстника“ въ г. 1849 - два сторонництва, изъ которыхъ одно можь бы схарактеризовати названіемъ „обще- или всерусскимъ“. Въ редакціи „Г.-р. Вѣстника“ репрезентовали напр. первую партію Н. Устіяновичъ, Ив. Головацкій и я, другую М. Коссакъ. Обѣ тіи партіи, розростаясь съ ходомъ розвитія нашей народности, состояли изъ самыхъ ровно-добрыхъ патріотовъ галицко-русскихъ, а хотя тіи говорили и писали однимъ и тѣмъ-же языкомъ чи „язычіемъ“ Руси, то подъ Русью въ томъ-же языковомъ отношеніи первая партія розумѣла всю а всю Русь, яка существуе на Божомъ свѣтѣ, другая же ино тую „нашу“ Русь, яка живе въ Галичинѣ. Тая послѣдня, впрочемъ отъ своего рожденія значно меньша партія, середъ которой чело держали нелингвисты, якъ оо. Ѳеодоръ Лысякъ изъ Должнева и Ѳеофанъ Глиньскій изъ Городницы,*) а при нихъ только одинъ языкословъ о. Іосифъ Лозинскій, авторъ малорусской, но польскимъ правописаніемъ еще въ г. 1846 напечатанной граматики, достоинъ былъ серіозного вниманія, стала изъ начала 50-ти годовъ м. ст. выступати противъ насъ, „Всерусиновъ“, полемично, укоряя насъ то за неумѣрное чество-

*) Ѳ. Лысякъ, мой личный другъ и родомъ Угновецъ, такъ якъ и я, отличился именно тѣмъ, що церковщину и языкъ Нестора назвалъ „мертвеччиною и бабусею“, а Ѳ. Глинскій, литературный хлопоманъ, бажалъ, щобы наша Русь писала такъ, якъ говоритъ народъ около его Городницы, первый выкинулъ полугласну ъ изъ русской азбуки, ба и мечталъ выдумати якіи-то новыи письмена, якъ бы то подобало для новой русско-людовой словесности. Мимо того оба тѣ найискреннѣйшіи приверженцы галицко-русской хлопистики были и постоянными пренумерантами и дописывателями моего „Слова“.

ваніе церковщины и старорусчины, то за увлеченье слогомъ и прозодіею Пушкина... Впрочемъ одно и друге тая партія въ своей полемицѣ противъ насъ уважала просто лишь „похибками въ наськой мовѣ“, а не то „подлымъ отступничествомъ отъ народа, здрадою противъ Руси-Украивы, запроданнымъ кацапствомъ“ и всякимъ прочимъ злочинствомъ, якіи тая-же партія въ дальшомъ возростѣ, принявши и заведши у насъ при помочи Поляковъ и австрійского правительства фонетику та ставши черезъ тую въ школѣ и въ урядахъ офиціальною Русію, импутовала и до днесь импутуе намъ рôдно-братнимъ Всерусинамъ.

Но вертаю тутъ еще до згадки о Іосифѣ Лозинскомъ. Въ г. 1853—54, коли я редаговалъ „Зорю Галицку“, онъ кôлька разы рѣзко закинулъ въ ретроградномъ Вѣденьскомъ „Вѣстнику“ нашой партіи Всерусиновъ, що мы все пишемъ лишь по московскому Словарю Шмида и ôттакъ испорчиваемъ людовую мову Галицкой Руси. На тѣ упреки, якіи высказати далъ я о. Лозинскому вôльное мѣсто даже въ моей „Зорѣ Галицкой“, отвѣтилъ я просто воззваніемъ къ нему: да онъ на каждыхъ 100 словъ въ Словарѣ Шмида выкаже хоть бы 10 словъ такихъ, которыи не были бы и нашими галицко-русскими. На то о. Лозинскій не далъ ніякого отвѣта, а къ тому еще за свою трохи прерѣзкую полемику по отечески упомненъ Епископомъ Григоріемъ Яхимовичемъ въ Перемышли, замолчалъ упорственно на цѣлыхъ шесть лѣтъ. Тôлько въ концѣ г. 1859, коли я собирался повертати по двоелѣтнёмъ побытѣ въ Вѣдни назадъ во Львовъ, получилъ я отъ него въ Вѣдни-же письмо такого дружелюбного содержанія: „Вашъ запросъ за 10 словъ на 100 въ Словарѣ Шмида, а еще бôльше Ваша тогорочна брошура „О неудобности латинской азбуки“ подѣйствовали на мене такъ, що я призванъ сего лѣта полагавшими на мою давну предилекцію для латинопольской писовнѣ графомъ Голуховскимъ и д-ромъ Черкавскимъ до русской Комисіи що-до азбучного вопроса для насъ, не тôлько голосовалъ згôдно съ другими учеными Русинами противъ латинской азбуки, но постановилъ до кôнця житья писати лишь нашимъ русскимъ письмомъ по русски“. И въ самомъ дѣлѣ сейчасъ въ г. 1860 о. Іосифъ Лозинскій былъ первый, щó на мое приглашеніе прислалъ мнѣ свою цѣнную статью о звычаяхъ народныхъ въ Яворовской Руси до издаваемого мною тогда Альбума „Зоря Галицка“. Потомъ изъ г. 1861 черезъ всѣ 10 лѣтъ моего редагованья „Слова“ былъ онъ постояннымъ а весьма умно росправляющимъ дописывателемъ*) того-же „Слова“,

*) Дописи свои до „Слова“ І. Лозинскій надписывалъ просто „Изъ Яворова“ или подписывалъ „Отъ глубокого озера“. Одну немного пространнѣйшую его допись экономичного содержанья съ тою псслѣднею подписью издалъ я подъ з. „Гадки о власности“ отдѣльною брошуркою. А же не дуже давно тому французскіи соціалы-комунисты Ледру-роленъ и Люй Блянкъ настрашили весь мирный свѣтъ своими толками „о правахъ власности“ по теоріямъ комунизма, а теперь и въ Соймѣ Львовскомъ нашъ посолъ-селянинъ Ковбасюкъ напугалъ польскихъпан овъ своею допоминкою за „лѣ-

а наконецъ въ 80-ти годахъ, коли я проектовалъ изготовити Сборникъ житьеписей нашихъ виднѣйшихъ писателей, знову о. І. Лозинскій на мое приглашеніе таки первый прислалъ мнѣ свою автобіографію, котору и помѣстилъ я въ редагуемомъ мною тогда матичномъ „Литературномъ Сборнику“ г. 1885, прибавивши къ ней м е предисловіе, полное искренней признательности для добрыхъ патріотичныхъ заслугъ моего колишнёго антагониста.

Такъ то кончилась борьба межи тѣми „старшими“ нашими антагонистами, которыи за первого періода нашего народного возрожденія спорили было съ собою за языкъ и азбуку; а кончилась — якъ тутъ показано — борьба полнымъ примиреніемъ и взаимнымъ признаніемъ обоесторонныхъ заслугъ и подвизаній въ пользу матери Руси. Не на таке походитъ нынѣшнее выжиданіе конца такои-же борьбы, лютѣющой отъ возникновенія такъ званой „новой эры“, за якой на Руси нашей настала фонетика!.. Кажется мнѣ, тая борьба, принявшая за „новой эры“ еще и политичную подкладку, не усмирится, не окончится скорше, ажь послѣдуе полнѣйшое сознаніе-вырозумѣніе русско-языкового вопроса въ коренной средоточной Руси за кордономъ.

Въ г. 1861 поселившись на постоянное житье во Львовѣ, я по желанію Мих. Качковского сталъ редакторомъ учрежденной его кавціею политичной газеты „Слово“. Хо я не имѣлъ я наклонности къ дѣламъ политики а тѣмъ меньше и охоты до необходимой борьбы, яку у насъ русскому редактору въ области политики вести предстояло, но принялъ я то званіе найпаче по тому побужденію, що буду тутъ дальше продолжати занятіе около саморозвитія рѡднаго русского языка, якое то занятіе уже отъ выше 20 лѣтъ было для мене жизни идеаломъ. И въ самомъ дѣлѣ за все время (полныхъ 1 лѣтъ) моего редакторства тутъ-же я весьма рѣдко писалъ статьи политичного содержанія, а предъоставлялъ ту роботу даровитымъ моимъ сотрудникамъ-соредакторамъ, якими были: сперва о. Маркилъ Попель, по немъ Ксенофонтъ Климковичъ, далѣй Николай Лисикевичъ а наконецъ Венедиктъ Площанскій; самъ же я преимущественно занимался лингвистичною коректою, стараясь больше всего о то, щобы по языку каждая статья въ „Словѣ“ была якъ лишь возможно понятна такъ Украинцямъ якъ и Россіянамъ“. Очевидно, якъ при издаванью „Зори Галицкой“ такъ теперь и „Слова“ не нарушалъ я свойственности малорусчины у нашихъ писателей, а только изъ пребогатого языкового источника тойже малорусчины въ случаяхъ видимой потребы

сы и насовиска“, то ц. к. Львовская цензура, вѣроятно и не отчитавши всего, цѣлкомъ безвинного текста упомянутой брошуры, сконфисковала ю задля самого подозрѣнного о комунизмъ титула. Тѣлько якось по 3—4 недѣляхъ отчитано въ судѣ съ большимъ вниманіемъ всю брошуру и звернено туюже менѣ съ заявленіемъ, що конфиската ей случилась по недорозумѣнью.

подбиралъ выраженія, якіи и для всей прочой Руси были „своими“ вполнѣ понятными

И казалось намъ всѣмъ „твердымъ“ Русинамъ, що такая цѣль къ направленію саморозвитія нашей малорусчины встрѣтитъ удобреніе именно у Великорусовъ, у которыхъ власне тогда-же насталъ новый свѣтлый періодъ больше либерального прогреса въ литературѣ, а въ челѣ того вольнодумного движенія стоялъ знаменитый публицистъ Николай Г. Чернышевскій. Якъ бо славный либералъ Великорусъ Герценъ (редакторъ запрещенного въ Россіи „Колокола“) могъ дѣйствовати въ цѣляхъ политичного прогреса не въ своемъ отечествѣ, а лишь за предѣлами Россіи, такъ на-противъ даже и славнѣйшому, но осторожнѣйшому отъ Герцена проповѣднику либерализма, Н. Чернышевскому, дозволено было голосити тѣ-же идеи внутрь самой Россіи. И той-то самый Н. Чернышевскій вскорѣ по появленіи нашего „Слова“ во Львовѣ выступилъ противъ тогожъ въ Петроградскомъ „Современнику“ съ рѣзкою статьею подъ з. „Національная безтактность“, строго упрекая насъ, русскихъ Галичанъ, що мы во 1) совсѣмъ безтактно дальше по-старому враждуемъ противъ Поляковъ, а во 2) по языку не держимся „малорусской племенной особности“, а будь то особный языкъ той москвитизуемъ. Очевидно, якъ немило доткнули насъ, галицкихъ Русиновъ, тѣ упреки въ оныхъ двохъ направленіяхъ, но мы думали собѣ, що походили они отъ недорозумѣнія, по которому знаменитый авторитетъ великорусской литературы а до того заявленный либералъ Н. Чернышевскій могъ изъ одной стороны анѝ допускати, щобы галицкіи Поляки въ то время всемірного прогреса еще мнили себе и дѣйствовали яко давныи гегемоны супротивъ народа Малои Руси, а зъ другой стороны чей и не зналъ онъ, якъ того не зналъ и упомянутый прежде мною Варшавякъ-языкословъ п. Дубинскій, що мы наше Львовское, русско-этимологичною правописію печатаемое „Слово“ читаемъ скрóзь лише по малорусски. Ба, г. Чернышевскій, яко не-славистъ по спеціальности, представлялъ собѣ ошибочно, що „особности“ малорусчины такъ значно дивергуютъ отъ великорусчины, якъ языки Болгаръ, Сербовъ-Хорватовъ, Чеховъ (розумѣеся и Поляковъ).*) И при такихъ понятіяхъ сла-

*) Г. Чернышевскій, полемизуючи въ своей другой статьи „Современника“ съ Петербургскимъ професоромъ Влад. Ламанскимъ, оборонявшимъ противъ него наше „Слово“ въ органѣ славянофиловъ „День“ (г. 1861 N· 2.), говоритъ дословно: „Малороссовъ 13 милiоновъ. Если народъ, считающій 13 милiоновъ населенія не удостоенъ считаться имѣющимъ свою неприкосновенную (себъ-то самостóйную) народность, то поцеремонится ли наше славянофильство съ какими-нибудь Болгарами или Сербами, Хорутанами или Чехами, которые несравненно малочисленнѣе Малороссовъ“. Дальше сознается онъ, що написалъ свои статьи „Національная безтактность“ противъ „Слова“ и „Народная безтолковость“ противъ „Дня“ съ тою цѣлiю, „дабы раскрыть глаза другимъ Славянамъ“, да они видятъ, щó ихъ жде отъ русскихъ Славянофиловъ! Тожъ вѣдай такіи самы предъостереженія пе-

вянского языкознанія г. Чернышевскій найшоль адептовъ своего ученія даже межь молодшою генераціею едино-языковой Руси!

На перекоръ тѣхъ упрековъ нашему „Слову“ отъ стороны самого виднѣйшого великорусского публициста, чи може въ слѣдствіе той его, справдѣ негативной, но дуже поважной реклямы, сталося такъ, що редакціи русскихъ изданій во Львовѣ николи передъ тѣмъ не были такъ часто посѣщаемы интелигентными гостьми изъ-за кордону, якъ теперь, а особенно редакція нашего „Слова“. О нѣкоторыхъ изъ тѣхъ мило витаемыхъ гостей, именно о тѣхъ, съ которыми я имѣлъ случай о излюбленномъ мною русско-языковомъ вопросѣ потолковати и поучитися, уважаю умѣстнымъ здѣсь кое-що записати.

Первымъ такимъ гостемъ, который однакъ прибылъ въ г. 1861 во Львовъ не изъ Россіи, а изъ нового своего духовного отечества, изъ Рима, былъ настоящій Великорусъ, но теперь римо-католическій езуитъ о. Иванъ Мартыновъ. Онъ то, о. Мартыновъ, спроваженный ко мнѣ тогдашнимъ професоромъ богословія о. Іосифомъ Сембратовичемъ, просилъ мене завести его къ нашему Митрополиту Яхимовичу за-для „очень важныхъ съ нимъ переговоровъ“. Я и завелъ его сейчасъ въ палату св. Юра и тамъ, по желанію самого-же Митрополита присутствовялъ цѣлый часъ при тѣхъ „очень важныхъ переговорахъ“, якіи о. Мартыновъ излагалъ вразъ и въ имени такого-же великорусского езуита, богатого князя Гагарина, а якіи изъ стороны Митроп. Яхимовича окончились негативно. Но о тѣхъ переговорахъ, яко не относящихся спеціально къ предмету языкословія, упомяну близше*) въ заготовляемыхъ мною „Воспоминаніяхъ о Владыцѣ Киръ Григорію Яхимовичу“, а тутъ примѣчаю только, що весь розговоръ въ митрополичой палатѣ велся въ русскомъ языцѣ, а только изъ стороны Митрополита исключно съ малорусскимъ, изъ стороны о. Мартынова съ типово-московскимъ словопроизношеніемъ, да помимо того оба бесѣдники понимали взаимъ себе якъ найточнѣйше.

редъ Москвою вообще давали и даютъ еще и нынѣ все другимъ Славянамъ отвѣчныи недруги Руси, Поляки! Не траги-комично ли то для славного московского публициста!

*) Здѣ лишь коротко згадаю хоть слѣдующее: Московскіи езуиты намѣрили поселитися во Львовѣ и тутъ за соизволеніемъ нашего Митрополита создати велелѣпную уніатскую церковь, съ условіемъ однакъ, що останутъ и дальше подъ юрисдикціею своего генерала въ Римѣ; а подъ видомъ просьбы желали они еще, щобы мы уніаты приняли новый календарь, такъ якъ и русскій Царь со своимъ народомъ готовится календарь той приняти. Нашъ же Митрополитъ отвѣтилъ, що дозволитъ имъ во Львовѣ создати уніатскую церковь, если они изъ езуитовъ станутъ русскими Василіянами и подвергутся цѣло власти нашей уніатской Церкви; а що-до нового календара заявилъ, що русскій Царь съ цѣлымъ своимъ народомъ може приняти оный, бо не присягалъ такъ, якъ мы уніаты присягали и все присягаемъ передъ папою та и папа присягае намъ сохраняти старый Юліанскій календарь на всѣ вѣки.

Того же года были во Львовѣ два извѣстныи въ русской литературѣ Малорусины, именно ректоръ Харьковского всеучилища Петръ Лавровскій и проф. философіи Гогоцкій изъ Кіева. Оба они были старшіи вѣкомъ люди и — якъ тѣмъ сами даже гордились — оба происхожденіемъ галицкіи Русины; именно проф. Гогоцкій былъ родомъ изъ села Голгоче подгаецкого повѣта на нашомъ Подо́лью.

Ученый славистъ Петръ Лавровскій, извѣстный авторъ цѣнного дѣла „О языкѣ сѣверо-русскихъ лѣтописей“ и росправы „О русскомъ полногласіи“, изданной въ г. 1859 Академіею Наукъ въ Петербурзѣ, явился мнѣ яко полнѣйшій знатокъ всѣхъ „особностей“ русчины, паче всего же тѣхъ двоихъ особностей, якіи середъ славянскихъ языковъ такъ исключно свойственны лишь мало-, бѣло- и великорусчинѣ, що тѣ видимо тройныи говоры рѣшительно составляютъ одинъ языкъ. Двѣ тіи русско-языковыи особности — по мнѣнію, высказанному мнѣ тогда во Львовѣ проф. П. Лавровскимъ суть именно: спеціально-русская акцентація и полногласіе словъ, по которому то послѣднёму славянское **ла, ра, лѣ, ре** перетворюются въ полное **оло, оро, еле, ере** (голова́, коро́ва, селе́децъ, перепе́лъ). Въ своей росправѣ о томъ русскомъ полногласіи П. Лавр. навелъ такихъ словъ 123, а другій русскій славистъ проф. А. Потебня (тоже Малорусъ) дополнилъ то число до 155, но по увѣренью самого же П. Лавровского найшлось бы такихъ словъ еще зъ десятковъ два-три, если поглядимъ за ними по всѣмъ всюдамъ Великой, Малой и Бѣлой Руси, а не ограничимса лишь на тѣ, якіи досель войшли уже въ книжный русскій языкъ. Вообще проф. Лавровскій якъ и до полноты розъузналъ книжную и простолюдную русчину, та якъ и обогатилъ академическіи изданія „Областныхъ русскихъ Словарей“ Даля „особностями“ Малой Руси, а уважалъ языковыи сокровища всего русского племени далеко еще не изчерпаны, да и удобрялъ мое завѣтное, также ему изложенное инѣніе, по которому слѣдовало бы по всей Руси завести еще и больше спеціальное а параллельное ученіе мало- и велико русчины въ высшихъ училищахъ. „А также и бѣло-русчины“, сквапно добавилъ проф. Лавровскій: „такъ якъ тая у насъ паче мало-русчины въ безпощадномъ небреженіи!“ При той случайности въ дальшихъ розговорахъ о томъ предметѣ узналъ я отъ проф. Лавровского въ первый разъ тое положительно, що Бѣлая Русь въ своемъ областномъ говорѣ не только соблюдае всѣ особности московского выговора (**г, и, ѣ**, далѣй **о, е** якъ **g, i, je**, и сновь **а, je, ga, jo**); но кромѣ того змягчивая **д и т** въ **дз** и **ць**, подходитъ до польщины, а едино лишь своимъ русскимъ акцентомъ отстоитъ отъ Польщи такъ-же далеко, якъ и вся прочая Русь. „Такъ на пр. (продолжалъ ученый професоръ) слова „о тецъ, дѣтя, ходи́ти или ходи́ть“ звучатъ по бѣлорусски „ацје́цъ, дзјеця́, хадзіці или хадзіць“ даже „дзнјесь“ вм. „днесь“. Но не смотря на такъ великое розличіе выговора, Бѣлорусы этнографами причисляются къ Малору-

самъ, а то развѣ по тому поводу, що они изъ-давна (со времени попаденія своего вразъ съ Малорусами по̂дъ Польщу) имѣютъ сходственныи съ Малорусами народныи звычаи-обычаи, ба и присловья, поговорки и даже пѣсни. Но они тѣ послѣдни спѣваютъ по своему, на пр. „Нје хадзі Грицу на вјечјорницу“ и т. д. „А розумѣется“ заключилъ г. Лавровскій свой лигвистичный толкъ со мною: „считати бѣло- или же мало-русчину самостоятельными, отдѣльными отъ книжной русчины языками, примѣромъ за-для того, що въ первой (б. р.) говорится „хдзје, gто, шо и чо, вунъ и юнъ, юна́, юно́, цје-цје“, а въ другой (м. р.) „де, хто, що и сьцјо, во̂нъ, вона́, воно́, це-це“, вмѣсто книжного „гдѣ, кто (к-ого), что (ч-его), онъ, то“, можетъ развѣ неимѣющій понятія о языкословіи“.

Столько весьма мнѣ полезного запамяталъ я до-нынѣ изъ розговоровъ моихъ со знаменитымъ славистомъ Петромъ Лавровскимъ.

Съ поважнымъ старикомъ г. Гогоцкимъ, эмеритомъ-професоромъ философіи на Кіевскомъ университетѣ, проѣзжающимъ со своею донькою Еленою*) черезъ Львовъ въ чешскую Прагу, имѣлъ я розговоръ о сто̂лько тутъ къ записанію удобный, що относился онъ къ исконной философичной терминологіи Славянъ. Яко авторъ объемистой историко-философской Энциклопедіи, печатаніе которой тогда-же въ Кіевѣ продолжалось, проф. Гогоцкій въ розговорѣ со мною все переходилъ на спеціальный свой предметъ и пояснялъ мнѣ обстоятельно, що ни одинъ языкъ древнёго и нового міра для выраженія философскихъ идей не имѣе такъ хорошо и точно придуманныхъ терминовъ, якъ языкъ старославянскій и затѣмъ и розвившійся изъ него-же книжный общерусскій. Наводимыи нимъ, въ присутствіи скучавшей немного при томъ сухо-ученомъ выкладѣ его дочери, премногіи такіи термины я не запамяталъ, но и нынѣ радуюсь ихъ существованію.

---

*) Да не во грѣхъ буде менѣ вмѣнено, если розскажу тутъ и вотъ тое Увлеченный тогда видомъ первой настоящей Украинки, я замечталъ написати повѣсть „Двѣ Елены“. Герой той повѣсти, 22-лѣтній укончeнный богословъ, женихъ призначенной ему отъ дѣтства попадянки Оленки, высланъ для довершенья и своихъ лѣтъ и музыкальной науки въ Прагу, встрѣчае тамъ на студіяхъ въ консерваторіи и полюбляе искреннѣ Украинку Елену, а попавши отъ любви двоихъ еднако прекрасныхъ и предобрыхъ Еленъ въ мучительную борьбу съ собою, высвящуется въ безженствѣ — вконецъ даже въ полномъ пожертвованіи себе найвышимъ цѣлямъ жизни духовной и русско-народной, таки страдае отъ пренебреженія чувствъ прирожденныхъ туземному человѣчеству. Другій герой повѣсти, искреннѣйшій другъ первого, римо-кат. клерикъ, имѣлъ въ сей повѣсти еще тѣмъ больше послужити замѣренной тенденціи, неприклонной целибату пастырей народа. — Задуманная въ молодыхъ лѣтахъ повѣсть та, до которой вступленіе въ стихахъ я даже написалъ былъ и напечаталъ въ „Зорѣ Галицкой“ чи въ фелетонѣ „Слова“, есть у мене еще и по днесь въ проектѣ; однакъ на жаль, ніякъ уже менѣ принятися до ней, бо — tempi passati!

(Дальше будетъ.)

Памятная записка Михаила Гарасевича о іезуитахъ.

(Конецъ).

Іезуиты, омотавшіи перемышльского латинского епископа Корчинского, были виновниками оного поведенія названного епископа противъ гр. кат. обряда, которое заставило гр. кат. епископа Снѣгурского въ минувшемъ году внести жалобу передъ престолъ Его Величества императора*). Они передѣлали сочиненіе священника Сярчииского о соглашеніи восточной и западной церкви въ духѣ еще больше неприклонномъ гр. кат. обряду и дали его въ время польской революціи въ Варшавѣ, въ 1831 г., напечатати и постаралися о роспространеніе въ Галичинѣ посредствомъ польскихъ эмигрантовъ. Соучастниками въ семъ дѣлѣ были: находящійся въ криминальномъ слѣдствіи директоръ библіотеки заведенія Оссолинскихъ, Слотвинскій, кураторъ библіотеки кн. Генрикъ Любомирскій, у которого находилася рукопись Сярчинского, и резидующій въ Ланцутѣ гр. Альфредъ Потоцкій, посвояченый съ Генрикомъ Любомирскимъ, и Сангушко, въ семьи которыхъ втерлися іезуиты. По наущенію іезуитовъ еп. Корчинскій похвалилъ то сочиненіе въ своей часописи. Все то выяснилъ еп. Снѣгурскій.

Напечатаніе въ часописи „Przyjaciel chrześcijańskiej prawdy“, остающейся подъ покровительствомъ еп. Корчинского — въ III выпускѣ 1855 г, стор. 120—126 и въ IV выпускѣ стор. 105—109 — документовъ эрекційныхъ приходскихъ костеловъ въ Издебкахъ, Ноздрѣ, Веселой, Ваврѣ, Лубнѣ, Гартѣ и Бахорѣ отъ 1593 г., свидѣтельствующихъ о томъ, що по внушенію и подъ руководствомъ ярославскихъ іезуитовъ тамошніи русскіи церкви съ ихъ дотаціями были отняты у русиновъ яко язычниковъ и отданы латинскимъ священникамъ, русины же оныхъ мѣстностей по неволѣ приняли латинскій обрядъ, не могли имѣти другой цѣли, якъ только вызвати несогласіе и вражду межи исповѣдниками обоихъ обрядовъ. Та статья имѣла отмѣтити заслуги іезуитского ордена въ 16 вѣцѣ на поприщѣ истребленія русиновъ и гр. кат. обряда посредствомъ перемѣны русскихъ церквей на латинскіи костелы. Въ тойже

---

*) Объ отношеніи еп. Снѣгурского къ еп. Корчинскому Юстинъ Желеховскій въ сочиненіи „Іоанъ Снѣгурскій его жизнь и дѣятельность въ Галицкой Руси“ Львовъ 1894 на стор. 52 говоритъ: „Съ латинскими епископами перемышльскими, слѣдовавшими одинъ за другимъ, якъ съ Голашевскимъ, Поточкимъ, Захарьясевичемъ и Вѣржхлейскимъ жилъ согласно и дружелюбно, съ однимъ только Корчинскимъ имѣлъ конфликты по причинѣ, що тойже втягнулъ однажды до своего шематизма при жидахъ и русиновъ, обитающихъ въ округѣ приходовъ латинскихъ, якоже изъ-за одной статьи, духовенству русскому враждебной, помѣщенной во временописи, нимъ издаваемой подъ заглавіемъ „Przyjaciel chrześcijańskiej prawdy“.

часописи гр. кат. духовенство, съ причины, що оно не соблюдаетъ целибата, представляется некатолическимъ и неспособнымъ слушати св. исповѣдь.. Затѣмъ въ случаѣ передачи воспитанія молодежи и учебныхъ заведеній въ Галичинѣ въ руки іезуитовъ надо опасатись вредныхъ послѣдствій тѣмъ больше, що гр. кат. русское духовенство, благодаря ласковую опеку акстрійского правительства, нынѣ стоитъ на высшей степени образованія, чѣмъ іезуиты.

Передача воспитательного конвикта и всѣхъ академическихъ стипендій въ руки іезуитовъ имѣлабъ послѣдствіемъ:

1) придирки и ссоры между іезуитами и львовскимъ университетомъ, такъ якъ іезуиты старались бы всячески молодыхъ людей приклекати къ себѣ поблажкою въ классификаціи и другими хитростями и внушалибъ молодымъ людямъ недовѣріе къ университетскимъ профессорамъ.

2) привитіе у молодыхъ людей ненависти и презрѣнія къ русинамъ вообще, вслѣдствіе чего безпрестанно шлибы къ правительству заявленія неудовольствія и жалобы съ стороны русиновъ, якъ то дѣялось прежде подъ польскимъ правительствомъ.

Поведеніе отрѣшенного отъ должности профессора догматики въ Львовѣ, Пенка, позволявшого себѣ при преподаваніяхъ о целибатѣ язвительныи для гр. кат. духовенства слова и вызывавшого только соблазнь, якъ также поведеніе отрѣшенного отъ должности профессора въ Перемышлѣ, Суликовского, предосудительно выражавшогося о переходѣ изъ гр. кат. обряда въ латинскій (на що еп. Снѣгурскій жаловался передъ его Величествомъ) было споводованное іезуитами.

Вконцѣ не могу преминути еще того замѣчанія, що, съ поры принятія русинами уніи церковной съ римскимъ престоломъ въ концѣ 16 вѣка, такъ іезуиты, якъ и латинское духовенство свой прозелитизмъ между русинами оправдывали передъ римскимъ престоломъ тою отговоркою, що будто бы русины не привязаны къ уніи, вскорѣ ее оставятъ и потому надо ихъ насильственно принудити къ принятію латинского обряда. Подобныи инсинуаціи происходили также подъ австрійскимъ правительствомъ отъ латинскихъ епископовъ, напиравшихъ на тоже правительство, абы оно гр. кат. епископовъ яко викарныхъ (Weihbischöfe) подчинило латинскимъ епископамъ, въ чѣмъ бл. п. императоръ Францъ I отказалъ, признавая оныи инсинуаціи невѣрными. Нынѣ тѣ гр. кат. духовенство обижающіи инсинуаціи возобновляются іезуитами. Именно приписуется русинамъ склонность къ Россіи и такимъ образомъ возбуждается недовѣріе правительства къ русинамъ. Що такое подозрѣніе не имѣетъ основанія, доказательствомъ служагъ многократныи заявленія вѣрности, любви и благодарности для австрійского правительства съ стороны галицко-русского народа пользующогося такоюже опекою, якъ и латиняне.

Якъ несправедливымъ есть обвиненіе іезуитами и латинскимъ духовенствомъ русиновъ, будто они не привязаны къ уніи и склоняются къ православію и русскому правительству, видно изъ исторического на документахъ обоснованного поясненія, составленного на требованіе св. Престола. Изъ него слѣдуетъ, що въ замѣчательнѣйшіи эпохи, въ въ 1768 г., подъ русскимъ правительствомъ въ 1795 г., подъ русскимъ правительствомъ въ 1810—1815 г., когда тарнопольская земля принадлежала Россіи, гр кат. клиръ за свое постоянство въ уніи снискалъ признательность св. Престола. Въ продолженіе шестилѣтняго владѣнія Россіи въ Тарнопольщинѣ не было ни одного случая перехода изъ уніи въ дизунію.

Галицко-русскій гр. кат. клиръ, получающій отъ 60 лѣтъ высшее образованіе благодаря единственно австрійскому правительству, есть за то томуже правительству благодарный. Хотя онъ тогоже происхожденія, що и малороссы Подоліи, Волыни и Украины, принадлежавшихъ прежде къ королевству Галиціи и Лодомеріи, хотя онъ съ ними связанъ своею литургіею и языкомъ, но не смотря на то, онъ никогда не заявилъ желанія соединитись съ оными соплеменниками и прійти подъ русское правительство. Уніяты въ Россіи, подобно протестантамъ суть тамъ терпимы и ихъ тамъ больше презрѣваютъ и ненавидятъ, чѣмъ католиковъ. Уніятское духовенство въ Австріи есть образованное и матеріально съ стороны правительства обезпечено — православное же духовенство Россіи оставлено его судьбѣ.

Послѣ пятидесятилѣтней публичной дѣятельности, я старикъ, нахожусь на склонѣ моего теченія жизни. Не що нибудь другое, а только вѣрность, благодарность и привязанность къ Высочайшему престолу вложили на мене долгъ, въ полномъ довѣріи сложити сіе представленіе въ руки Вашего Превосходительства яко найближе престола Его Величества стоящого: возможно-ли воспитаніе молодежи и веденіе учебныхъ заведеній Галичины, особенно восточной, русинами зяселенной части ея, безъ опасенія и съ пользою государства и церкви, отдати іезуитамъ?

На томъ кончится памятная записка, опредѣленная, якъ въ ней говорится, для найближе Его Величества престола стоящей особы. Она по видимому долго лежала на столѣ Гарасевича, ибо полно въ ней поправокъ, дополненій чорными и красными чернилами, и такъ якъ въ ней о императорѣ Францѣ I упоминаеття якъ объ усопшемъ, то составленіе ея продолжалося послѣ 2 марта 1835 г., въ которомъ-то днѣ Францъ I умеръ. Особами, найближе такъ Франца I, въ послѣднемъ годѣ его правленія, якъ и Фердинанда I стоявшими, были кн Меттернихъ и гр. Францъ Антонъ Коловратъ. Записка была опредѣлена вѣроятно для послѣдняго яко государственного министра.

Письма Іордана Мицкевича, генерального прокуратора базиліянъ въ Римѣ, къ митрополиту Михаилу Левицкому.

Орденъ уніатскихъ василіянъ съигралъ важную роль въ исторіи уніатской церкви. Начало ему далъ вторый уніатскій митрополитъ, Іосифъ Вельяминъ Рутскій, который бывши въ Римѣ, просилъ у папы, абы ему прислалъ нѣсколькихъ босоногихъ кармелитовъ для реформы монастырей на Руси, принявшихъ унію, но при томъ требовалъ, щобы тѣ кармелиты явилися на Руси съ бородами и долгими волосами, въ облаченіи православныхъ василіянъ, и исполняли священнодѣйствія по греческому обряду. Первая кармелитская миссія прибыла на Русь около 1605 г. Она состояла изъ четырехъ лицъ подъ предводительствомъ о. Петра, устроилась въ Вильнѣ, въ Троицкомъ монастырѣ, и основала новиціятъ, въ который поступилъ самъ Рутскій въ качествѣ послушника (новиція). Однако іезуиты, дѣломъ которымъ была церковная унія южной Руси съ Римомъ, желая управляти уніатскою церквою въ Польщѣ, возстали противъ вмѣшательства босоногихъ кармелитовъ и добились того, що въ 1621 г. уніатскіи василіяне поддались ихъ руководству. Такъ зовимая первая лавриновская конгрегація василіянъ-уніатовъ постановила, щобы орденъ руководствовался предписаніями іезуитовъ. Однако вліяніе іезуитовъ вызвало въ орденѣ разногласія, для устраненія которыхъ была созвана вторая конгрегація въ Руткѣ въ 1623 г., на которой василіяне-уніаты дали клятву другъ-другу сохраняти обычаи и обряды восточной церкви. Вслѣдъ затѣмъ (въ 1624 г.) они въ Римъ послали секретное прошеніе, щобы папа снова прислалъ имъ въ руководители четырехъ монаховъ ордена босыхъ кармелитовъ. Папа удовлетворилъ той просьбѣ и съ той поры не было дружбы между базиліянами (такъ обыкновенно называли уніатскихъ василіянъ для отличія отъ православныхъ василіянъ) — да иногда возникала даже вражда. Такъ продолжалося до 1686 г., когда-то опять послѣдовало сближеніе обоихъ орденовъ.

На первой новогрудской конгрегаціи базиліянъ въ 1617 г. былъ для всѣхъ базиліянскихъ монастырей Литвы и Польщи установленъ санъ архимандрита и такимъ образомъ послѣдовала организація ордена. Протоархимандритъ долженъ былъ не непосредственно подчинятись папѣ, но митрополиту, яко посреднику между нимъ и папой. Въ львовской и перемышльской епархіяхъ продолжало существовати православіе и базиліянская организація на нихъ не роспространялася. Но когда обѣ епархіи приняли, вмѣстѣ съ монастырями (за изъятіемъ Скита Манявского), унію, также для тѣхъ послѣднихъ настало время примкнути къ базиліянской организаціи. То и сдѣлалъ основанный

въ 1712 г. Потоцкимъ бучацкій монастырь, однако большинство другихъ червонорусскихъ монастырей, кажется, не имѣло охоты вступити въ его слѣды, ибо замостьскій синодъ 1720 г. выдѣлъ себе принужденнымъ изъ монастырей епархій: владимірской, луцкой, холмской, львовской и перемышльской сдѣлати отдѣльную конгрегацію. То рѣшеніе послѣдовало вопреки желанію епископовъ, изъ-подъ юрисдикціи которыхъ выступали монастыри, получившіи свою отдѣльную организацію. Такъ возникли двѣ провинціи базиліянъ: литовская и польско-русская.

Въ 1616 г. Рутскій добился у Сигизмунда III подтвержденія грамоты Сигизмунда I отъ 1519 г., которою все духовенство православное Польщи, бѣлое и черное, подчинилося и поддавалося суду кіевского митрополита — яко обязательной для уніятовъ. Въ 1635 г. же самъ базиліянскій орденъ получилъ отъ Владислава IV очень важную привилегію, по которой въ епископы должны быти избираемыи не свѣтскіи священники, а непремѣнно монахи базиліянского ордена. Такъ якъ на основаніи сей грамоты базиліяне стали стремитись не только къ самостоятельности, а также къ сильному вліянію на дѣла уніятекой церкви, то должно было прійти къ роздору между орденомъ и уніятскою церковною іерархіею. Распря та сверхъ оного имѣла свой источникъ въ недостаткѣ точныхъ опредѣленій отношенія митрополита къ ордену. Столкновенія началися еще въ 1640-выхъ годахъ при митрополитѣ Антоніи Сѣлавѣ, продолжалися затѣмъ при митрополитѣ Гаврилѣ Колендѣ, противъ которого выступали провинціалъ базиліянъ Бенедиктъ Терлецкій, протоархимандритъ Яковъ Суша и провинціалъ Пахомій Огилевичъ. Но самая упорная борьба происходила при митрополитѣ Кипріянѣ Жоховскомъ, споривщимъ съ прото-архимандритомъ Стефаномъ Мартышкевичъ — Бусинскимъ. Для рѣшенія сего спора собрался въ 1686 г., по предпинію папы и конгрегаціи о роспространеніи вѣры базиліянскій капитулъ въ Новогрудкѣ, который составилъ такъ зовимый nexus, точно опредѣлявшій отношенія ордена къ митрополиту; за митрополитомъ было оставлено право въ нѣкоторыхъ случаяхъ вмѣшиватися въ управленіе ордена, но впрочемъ орденъ получилъ полную самостоятельность.

Замостьскій синодъ, якъ выше сказано, установилъ двѣ отдѣльныи конгрегаціи: литовскую и польско-русскую. Каждая изъ нихъ управлялася своимъ провинціаломъ и капитуломъ, обѣ же вмѣстѣ подчинялися одному общему генералу или протоархимандриту. Дѣло шло только о територіальномъ розграниченіи обѣихъ провинцій. На той-то точцѣ розгорѣлся новый споръ, ибо литовская провинція не хотѣла ничего теряти изъ своей прежней територіи. Для рѣшенія того несогласія собралася генеральная конгрегація въ Дубнѣ, не приведшая ни къ якому результату, ибо обѣ стороны подали свои протесты. Митрополитъ Аѳанизій Шептицкій собралъ въ 1739 г. въ Львовѣ второй капитулъ, на которомъ епископы и митрополитъ освободи-

ли базиліянъ изъ-подъ своей власти. Литвины не помирились и все таки требовали монастырей, принадлежавшихъ имъ прежде, подавая жалобу папѣ Бенедикту XIV. Только въ 1743 г., на конгрегаціи въ Дубнѣ, споръ окончательно былъ рѣшенъ и только нѣкоторыи спорныи пункты были посланы на рѣшеніе папы. На сей конгрегаціи рѣшено также, абы протоархимандритъ съ своими конзульторами митрополиту предлагалъ кандидатовъ на упраздненныи епископства и аббатіи, при выборахъ же митрополита и его коадъютора имѣлъ рѣшающій голосъ. Сверхъ того обѣ провинціи согласились на избраніи протоархимандрита, соединяющого обѣ провинціи въ одну конгрегацію и ка содерживаніе въ Римѣ генерального прокуратора ордена.

Окончивъ съ организаціею своего ордена, базиліяне въ послѣдовавшемъ періодѣ розвили живую дѣятельность на поприщѣ воспитанія молодежи, соревную съ іезуитами. Они вскорѣ могли повеличатись хорошими успѣхами, ибо въ время первого роздѣла Польщи ихъ школы числили по 700 и 500 учениковъ. Не удивительно затѣмъ, если они послѣ уничтоженія ордена іезуитовъ, считая себе наслѣдникомъ его правъ и традицій, польскому королю, Станиславу Августу, предложили проектъ, передати имъ всѣ монастыри и капиталы іезуитовъ, объязуясь вести дальше дѣло образованія и воспитанія польского юношества. Польское правительство не приняло проекта и учредило едукаціонную коммиссію — тѣмъ не менѣе нѣсколько іезуитскихъ коллегій перешло въ ихъ руки и въ ихъ вѣдѣніи нашлося 26 училищъ.

Однако роздѣлы Польщи розбили организацію базиліянъ, упадокъ которыхъ начинается точно съ той поры. Они принуждены были роздѣлити себе на четыре провинціи, примѣняясь къ новому политическому положенію, именно на литовскую, польско-русскую, бѣлорусскую и галицкую. Послѣдняя называлася провинціею Спасителя. Въ Польщѣ въ 1786 г. всѣ базиліянскіи школы были подчинены эдукаціонной коммиссіи, въ Россіи въ 1785 г. базиліяне были отданы въ власть архіепископа Лисовского и имъ запретили выбирати генерала и провинціала, а въ 1793 г. тѣ постановленія были роспространены на Украину Волынь и Подолію — послѣ третьяго роздѣла Польщи въ 1795 г. базиліянамъ было воспрещено непосредственно сноситися съ Римомъ. Базиліяне въ Россіи перестали быти орденомъ и состояли только изъ поодинокихъ монастырей безъ соединяющей ихъ организаціи. Правда, въ 1800 г. былъ изданъ регламентъ привертавшій имъ орденское устройство, но то продолжалося недолго, ибо въ 1804 г. званіе протоархимандрита было уничтожено и базиліяне отданы въ власть епископовъ.

Въ галицкой провинціи базиліяне, якъ и прежде, не жили въ ладахъ съ епископами, которыи хотя и происходили изъ базиліянъ, однако получивши епископскую власть не могли примиритись съ притязаніями настоятелей базиліянского ордена.

Въ перемышльской и львовской епархіяхъ были при епископахъ капитулы, въ которыхъ свѣтскіи священники имѣли перевѣсъ. Перемышльскій капитулъ, по образцу латинскихъ, учредилъ въ 1687 г. еп. Иннокентій Винницкій — львовскій, но такому же образцу, Іосифъ Шумлянскій въ 1700 г. По повидимому епископы въ мірскихъ священникахъ находили лучшихъ совѣтниковъ и надежнѣйшую опору. Базиліяне же хотѣли свѣтскихъ священниковъ изъ капитулъ усунути, и не только достоинства при епископахъ, но и лучшіи приходы захватити; по тѣмъ причинамъ при еп Львѣ Шептицкомъ возгорѣлъ споръ между нимъ а базиліянами, заключившими союзъ съ латинскимъ духевенствомъ. Споръ тотъ должно было рѣшити австрійское правительство. Внутренняя политика его была въ оную пору того рода, що исключала всякое покровительство сему ордену, ибо оно старалось вѣроисповѣдныи дѣла втянути въ сферу своей компетенціи, и по той причинѣ не приняло въ вниманіе представленій львовского лат. архіепископа Сѣраковского, заступавшогося за базиліянъ и утверждавшого, будто львовскій русскій епископъ есть только суффраганомъ львовского латинского архіепископа. Базиліяне просили австрійское правительство, абы оно за принципъ приняло, що гр. кат. епископами могутъ быти только монахи. Однако декретъ надворный отъ 22 января 1779 г. постановилъ, що право назначати гр. кат, епископовъ и управильняти капитулы принадлежитъ къ императору и що державному владѣтелю свободно на епископовъ избирати найдостойнѣйшихъ изъ свѣтского и монашеского клира. По смерти Льва Шептицкого въ 1779 г., правительство назначило львовскимъ епископомъ свѣтского священника, члена капитулы, Петра Бѣлянского. По смерти послѣдняго 1798 г., на просьбу духовенства львовской епархіи, былъ назначенъ епископомъ тоже свѣтскій священникъ, Николай Скородинскій, по его же смерти въ 1805 г., тоже на просьбу духовенства епархіи, Антоній Ангеловичъ.

Назначенію Антонія Ангеловича львовскимъ епископомъ воспротивлялись базиліяне и генеральный прокураторъ ихъ въ Римѣ, Іорданъ Мицкевичъ, старался помѣшати тому выбору на папскомъ дворѣ и въ конгрегаціи пропаганды. Базиліяне имѣли союзника въ референтѣ духовныхъ дѣлъ въ львовской губерніи, Цейзлѣ, и въ латинскихъ духовныхъ сановникахъ, которыи еще въ 1803 г. по случаю регуляціи латинскихъ епископствъ и ихъ капитулъ, домагались были отъ правительства, абы оно галицко-русскихъ епископовъ подчинило латинскимъ и по смерти ихъ новыхъ епископовъ не назначало, но ихъ епархіи къ латинскимъ присоединило. Не смотря на то Антоній Ангеловичъ сталъ не только епископомъ, но и митрополитомъ въ 1808 г. Къ сему нужно прибавити, що базиліяне проникліись всецѣло польскимъ духомъ и по той причинѣ были противны сельскому духовенству.

Іорданъ, Мицкевичъ якъ видно изъ одного его письма, былъ

съ 1786 г. генеральнымъ прокураторомъ базиліянъ въ Римѣ, и яко такій имѣлъ задачу боронити передъ римскою куріею интересы своего ордена въ пору, когда въ Галичинѣ велась церковная борьба съ причины притязаній базиліянъ, дѣлались старанія объ упроченіи положенія галицко-русскихъ капитулъ и учреждалась львовская митрополія. Небезъинтересно будетъ затѣмъ познати ближе ту личность изъ его писемъ, хранящихся въ библіотецѣ „Нар Дома“, въ отдѣленіи: Музей Петрушевича.

Первое письмо Іордана Мицкевича отъ 31 декабря 1814 г. изъ Рима къ Михаилу Левицкому, яко епископу перемышльскому, гласитъ въ переводѣ изъ польского на русскій языкъ:

Illustrissime ac Reverendissime Domine, Patrone singularissime! Когда всѣ предметы пожизненного счастья посреди всѣхъ сословій единственно постановленіемъ Найвысшого Управителя ростутъ, держатся и падаютъ, не остаетъ намъ средства для предотвращенія названныхъ случаевъ, яковымъ есть смерть, совершившаяся — въ пору самого большого осчастливенія русской іерархіи — на достойномъ вѣчного сожалѣнія митрополитѣ; только абы мы ему передъ Богомъ отблагодарили! Ваше Превосходительство выразили менѣ основныи причины кромѣ общого блага, своей привязаности и личного уваженія къ покойному іерарху, а при первомъ моемъ адресѣ до Вашего Превосходительства оставаясь не безъ сыновского жаля надъ утратою возобновителя львовской митрополіи — ослаждая себѣ чувствительное состраданіе, проникнувшись несомнительною надеждою, що вскорѣ, за Божьею, монарха и Апостольской столицы волею, узрю Ваше Превосходительство на степени упраздненного достоинства и удостоюсь такой благосклонности, якую я собѣ снискалъ у бл. п. Антонія. Потому я совѣтую, абы Illustrissimus Dominus, по полученіи нынѣшняго моего письма, доложилъ Его Эминенціи кардиналу Литта, префекту Sae Congregationis de propaganda fide — ибо русскіи духовныи дѣла принадлежатъ самой Пропагандѣ, латинскіи же ad Congregationen concilii — о своемъ возвышеніи на перемышльское епископство, подалъ извѣстіе о состояніи своей діецезіи и просилъ о facultates dari solitas episcopis a Sede Apostolica, къ которому-то письму можно прибавити коротенькое письмо къ Его Святости папѣ Пію VII съ просьбою о блугословеніе на исполненіе епископскихъ обязанностей, якъ то сдѣлалъ консекрованный упокоившимся митрополитомъ епископъ холмскій, получившій на свой отзывъ желаемый отвѣтъ. Если такіи письма будутъ прямо въ Римъ Вами высланы, извольте мене извѣстити, щобы я могъ въ случаѣ замедленія, якое случается въ секретаріяхъ, потребовати скорѣйшого улаженья. — Касательно кандидатовъ духовного званія — въ Римѣ будетъ время роздумати то дѣло послѣ приведенія въ порядокъ тамошняго края и здѣшняго церковного положенія, ибо, якъ теперь дѣла стоятъ въ Римѣ, Пій VII своихъ преднамѣренныхъ проектовъ осуществити не можетъ. Если бы же здѣсь все благополучно для католической

церкви кончилося, то tacentibus loci ordinariis per organum nuntiorum apostolicorum cum principibus christianis все дастся сдѣлати. Я задержанный въ Римѣ, сверхъ практики прежняго обычая, 27 лѣтъ ради духовныхъ дѣлъ при Апостольской столицѣ и исполняя общіи относительно нашей іерархіи обязанности, считаю среціальнымъ своимъ долгомъ исполняти порученія Вашего Превосходительства, которыи бы по надобности Вашей были присланы въ Римъ, ибо отъ нынѣшняго момента, одновременно съ новымъ годомъ, имѣю честь желати Вамъ отъ Дателя всякихъ благъ всякого благополучія. Вашего Превосходительства, милостивого Государя найнизшій слуга Іорданъ Мицкевичъ. Василіянинъ.

Второе письмо Іордана Мицкевича къ еп. Левицкому гласитъ:

Дня 1 апрѣля 1815. Римъ. Excellentissime Illustrissime Reverendissime Domine Patrone Amplissime! Получивъ Ваше письмо отъ 1 марта с. г., я удостовѣрился in secretaria Sae Congregationis de propagande fide о прибытіи подъ тѣмже числомъ Вашихъ писемъ до Пія VII и кардинала Литта, префекта названной конгрегаціи, на которыи вскорѣ будетъ данъ отвѣтъ Вашему Превосходительству, въ случаѣ отсутствія въ Римѣ папы и кардинала префекта черезъ монсиньора Кварантотти, секретаря пропаганды, а то по слѣдующей причинѣ. Необыкновенное приключеніе случилося сдѣсь въ минувшій мѣсяцъ. Послѣ насильственного уведенія папы Пія 6 іюля 1809, о чѣмъ вся Европа знаетъ, и послѣ торжественного его возвращенія въ Римъ 24 мая 1814 здѣсь все уложилось было въ порядкѣ, спокойно и благополучно возстановились духовныи и гражданскіи суды, монархи почувствовали себе безпечными, министры иностранныхъ государствъ опять акредитовалися, кардиналы утвердилися на своухъ креслахъ, граждане высшого и низшого сословія успокоилися, такъ що каждый позабылъ о бѣдствіяхъ минувшей войны и надѣялся отъ мира большого благоденствія. Однако отъ непостижимыхъ причинъ — около 20 минувшого мѣсяца timor panicus палъ на Римъ и въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, собственно нѣсколькихъ дней, короли, министры, кардиналы, виднѣйшіи путешественники изъ иностранныхъ государствъ и самъ папа съ своимъ подорожнымъ обозомъ тайно болонскою дорогою 22 числа выѣхавъ, оставилъ въ Римѣ для гражданского правленія шесть пралатовъ подъ предсѣдательствомъ кардинала Виліари изъ Рима, а другого кардинала, пенитенціарія, для духовныхъ дѣлъ. Що послѣдуетъ съ возникновеніемъ новой, и неизвѣстно противъ кого направленной войны — одно время покажетъ. Въ виду обязанностей моихъ въ семъ городѣ для русской іерархіи, связывающихъ мене и безъ сношеній съ начальствомъ моего ордена, платившого передъ роздѣломъ Польщи годичное пособіе своей римской резиденціи, буду считати своимъ долгомъ и даже честью отбирати отъ Вашого Превосходительства якіи-бы то ни были приказы и дава-

ти доказательства внимательства къ всему тому, що касалосябы особы Вашего Превосходительства. При первомъ лучшемъ случаѣ, когда будете писати въ Римъ, извольте менѣ прислати извѣстіе о себѣ въ томъ родѣ, якъ н. пр. Ferdinandus Ciechanowski natus in Palatinatu Volhynensi anno 1759 factus episcopus Chełmensis die 8 octobris 1810 Ao. Таковыи даты о новыхъ епископахъ потребны суть въ Римѣ для помѣщенія въ политическомъ римскомъ календарѣ, въ которомъ въ азбучномъ порядкѣ печатаются имена и фамиліи епископовъ всего съ Римомъ соединенного христіанства. Дня 21 января с. г. я выслалъ отвѣтъ св. конгрегаціи de propaganda fide Высокопреподобному о. викарію львовской архидіецезіи нашего обряда, Михаилу Гарасевичу cum facultatibus vacante sede Metropolitana dari solutis, о которыи я просилъ отъ Вашего имени Апостольскую столицу. Я писалъ также ему (Гарасевичу), щобы досмотрѣли дѣла на дворѣ Его императорского Величества и противодѣйствовали соискательству, кандидатовъ на митрополичье-достоинство латинского обряда, щó готовилося передъ назначеніемъ митрополитомъ бл. п. Ангелловича, о чѣмъ я получилъ былъ такое извѣстіе отъ него самого. Если-бы латинникъ безъ перемѣны обряда попалъ въ русскіи митрополиты, его суфраганы подверглибыся праву греко-италійскихъ епископовъ, чего усильно домогалися въ Римѣ латинскіи епископы при Венедиктѣ XIV. По выѣздѣ папы изъ Рима, если онъ вскорѣ не вернетъ послѣдуетъ много перемѣнъ для всякихъ состояній и наша резиденція, безъ связи съ Польщей и безъ прежнихъ пособій, останется безъ возмсжности содерживати себе. Въ виду того я поручаюся Божьему Провѣдѣнію и хочу остатись навсегда съ найвысшимъ уваженіемъ Excellmi Illmi et Rmi Domini Patroni Singlmi Humillimus et Obsmus Servus Jordanus Mickiewicz OSBM. PS. Публичное извѣстіе дало вчера знати Риму, що Пій VII съ своею свитою идетъ въ направленіи Генуи. Генуенская республика рѣшеньемъ въ Вѣнѣ отдана въ управленіе сардинскому королю.

(Дальше будетъ.)

Проектъ Этнографического музея въ „Народномъ Домѣ“ во Львовѣ.

(Продолженіе).

Подъ вліяніемъ западной науки начались также въ Россіи. въ пору царствованія Екатерины II, пробы изучати народныи обычаи, преданія и пѣсни въ той цѣли, щобы розыскати народ-

ную старину, яко исторически поучительный остатокъ древнихъ временъ, и появилися труды Чулкова, Новикова, Прача. Особенно любопытство возбуждали останки древности, яко матеріалъ для исторической науки. Но собственная этнографическая наука стала въ Россіи розвыватися около 1820 г. Кн. А. Н. Голицынъ оберъ-прокуроръ св. синода и министръ народного просвѣщенія (съ 1816 г.), старавшійся о роспространеніе грамотности въ народѣ, пригласилъ Доленгу Ходаковского (Адама Черноцкого), собиравшого памятники дохристіанской живой старины, и командировалъ его на сѣверъ и востокъ Россіи для собиранія свѣдѣній о городищахъ и памятникахъ археологическихъ и этнографическихъ. Доленга Ходаковскій собралъ сравнительный лексиконъ 700 урочищъ, свѣдѣнія о жальникахъ (могильникахъ) и матеріалы по вопросу о значеніи древне-славянскихъ и русскихъ городцовъ и городищъ.

Зоріанъ—Ходаковскій имѣетъ важное значеніе для исторіи умственнного движенія Галицкой Руси, такъ якъ по видимому отъ него вышелъ толчекъ, хотя-бы и посредственный, къ занятіямъ этнографіей Вагилевича и Якова Головацкого. По крайней мѣрѣ оно слѣдовалобъ изъ рукописного матеріала, оставшогося по выше названныхъ ученыхъ и находящогося въ библіотецѣ „Народного Дома“, изъ которого видно живый интересъ обоихъ ученыхъ для дѣятельности Ходаковского на поприщѣ этнографіи. Вообще первыи шаги галицко-русскихъ литераторовъ 1830-ти и 1840-выхъ годовъ имѣли больше этнографическій характеръ, поддерживаемый такъ тогдашнимъ австрійскимъ славянофильствомъ якъ и трудами русскихъ ученыхъ (Снегирева, Сахарова, Терещенка, Срезневского, Цертелева, Максимовича, Метлинского, Костомарова). Толчекъ къ изученію народного быта австрійскихъ малороссовъ выходилъ также не только отъ австрійского правительства, якъ-то слѣдуетъ изъ статьи „Проектъ первой австро-русской литературной временописи въ 1842 г.“, печатанной въ „Вѣстникѣ Нар. Дома“ за 1904 г., но также отъ русского правительства. Въ Россіи стали въ началѣ тридцати годовъ минувшого вѣка изучати славянскій міръ, западный и южный, и правительство императора Николая I учредило въ своихъ университетахъ каѳедры славянскихъ нарѣчій, посылая, почавши съ конца 1830-ти годовъ, молодыхъ ученыхъ въ славянскіи земли для научныхъ изслѣдованій и студій по части славистики. Первыи галицко-русскіи этнографы, Вагилевичъ и Яковъ Головацкій находились въ тѣсномъ духовномъ общеніи съ славистами въ Россіи.

Начало галицко-русской этнографіи совпало въ пору розвитія романтизма въ поэзіи у поляковъ, русскихъ, чеховъ, нѣмцевъ. Романтизмъ наклонялъ поэтовъ обращатись къ старинѣ и народному духу, проявляющемуся въ его простонародныхъ пѣсняхъ, преданіяхъ, вѣрованіяхъ и обычаяхъ; неудивительно затѣмъ, що этнографія въ романтизмѣ находила подпору и попала въ тѣсную съ нимъ связь.

Такъ якъ этнографы обращали вниманіе также на языкъ,

то они воспользовались для своихъ трудовъ новою наукою, основанной Боппомъ въ началѣ 19 вѣка сравнительнымъ языкознаніемъ, роскрывшимъ лингвистическое сродство различныхъ племенъ и народовъ, що̀ не только давало основаніе для раціональной этнической классификаціи, но также проливало свѣтъ на темныи историческіи вопросы. Вліяніе новой науки у насъ отразилось на литературно-ученыхъ занятіяхъ о. Антонія Петрушевича.

Омелянъ Огоновскій, отводящій въ своей Исторіи литературы рускои для малорусской этнографіи отдѣльную часть (часть IV), считаетъ туже науку виновникомъ сознанія отдѣльности малорусской націи — значитъ, она породила малорусскій національный сепаратизмъ. („Вôдтакъ етнографія вважає ся засновкомъ реставраціи народности руско-украиньскои“ т. IV стор. 1.) — Омелянъ Огоновскій въ семъ отношеніи отъ части правъ. Дѣйствительно этнографическіи труды, относящіися къ малорусскому племени, причинились къ возникновенію малорусского національного сепаратизма и тѣ изъ политиковъ, для которыхъ становится важнымъ дѣломъ привити у малороссовъ сознаніе національной отдѣльности, стараются научную дѣятельность малороссовъ направити на этнографиечскіи изслѣдованія. Однако этнографія сама собой не произвела малорусского національного сепаратизма. Онъ возникъ только отъ примѣненія началъ позитивной философіи Конта къ этнографіи.

Французскій философъ Августъ Контъ въ своихъ сочиненіяхъ „Cours de philosophie positive 1830—1842 и „Systéme de politique positive“ 1851—1854 высказалъ то мнѣніе, що вслѣдствіе розвитія положительныхъ наукъ водворилась среди интеллигенціи умственная анархія и дезорганизація, ибо результаты новѣйшихъ научныхъ пріобрѣтеній часто не согласуются съ прежними теологическими и метафизическими воззрѣніями. Потому необходимо сорвати съ теологіей и метафизикой и принятись за объединеніе всѣхъ положительныхъ, т. е. на чувственномъ наблюденія основанныхъ наукъ, значитъ составити новую положительную философію, основанную не на фантазіи и отвлеченномъ мышленіи, якъ теологія и метафизика, а на безспорномъ фактическомъ матеріалѣ наукъ, яко послѣднее объобщеніе ихъ данныхъ. Та новая философія должна всѣ науки привести въ общій систематическій порядокъ. Контъ принялъ шесть основныхъ наукъ: математику, астрономію, физику, химію, біологію и соціологію.

Контъ и его послѣдователи основали новую науку — соціологію — т. е. науку о законахъ общественныхъ формъ человѣческого сожитія, для которой этнографическіи наблюденія должны доставляти матеріалъ. Въ соціологіи отмѣчается законъ „эволюціи“, свойственный такъ человѣческимъ, якъ и естественнымъ явленіямъ. Подъ эволюціей розумѣется розвитіе физического и нравственного организма въ направленіи большого совершенства въ количественномъ и качественномъ отношеніи т. е. природный

организмъ (н. пр, культурованная рожа, извѣстная порода животного), общественный организмъ (народъ держава) становится болѣе совершеннымъ, сложнымъ, значительнѣйшимъ. Понеже нѣкоторыи изъ малорусскихъ этнографовъ на явленія народной жизни малороссовъ смотрѣли изъ естественной точки зрѣнія и видѣли розличія въ нравахъ, бытѣ, языцѣ малороссовъ отъ такихъже явленій простонародной жизни великороссовъ, то поневольно склонились къ мысли отдѣльности первыхъ отъ послѣднихъ. Ту отдѣльность они объясняли себѣ закономъ эволюціи, т. е. природнымъ розвитіемъ русского племени, роспавшого, подобно ростеніямъ и домашнимъ животнымъ, подъ вліяніемъ культуры, на розновидности, имѣющіи право на существованіе. Послѣдствіемъ того было желаніе создати новую малорусскую литературу, науку, культуру, отдѣльный политическій организмъ. Согласно, съ теоріею Конта они значеніе религіи м метафизики отвергали яко пережившуюся старину, пригодную единственно для музея достопамятностей, такъ якъ Контъ въ розвитіи человѣчества и отдѣльного нормального человѣка розличалъ три періоды: теологическій, когда человѣкъ свое мышленіе обосновывалъ на понятіи о божествѣ — метафизическій, когда онъ сталъ сомнѣватися о своей вѣрѣ и искалъ отвлеченныхъ первопричинъ и цѣлей своего бытія — позитивный, когда онъ (по мнѣнію Конта) вымыслы теологіи и метафизики замѣнилъ познаніемъ дѣйствительныхъ законовъ природы, т. в. постоянной фактической связи наблюдаемыхъ явленій въ ихъ существованіи и послѣдовательности! Этнографы-поклонники Конта — были того мнѣнія, що насталъ вѣкъ научного мышленія примѣнительно къ методѣ, соблюдаемой въ естестенныхъ наукахъ.

Малорусскіи этнографы, усвоившіи себѣ тотъ взглядъ, опустили однако изъ виду значеніе національности, яко продукта исторического розвитія, обезпечающого за поодинокими частями человѣчества успѣшный культурный трудъ въ области матеріальной и духовной. Они малороссовъ поставилн въ положеніе дикихъ и полудикихъ племенъ Америки и Африки, которыи только-що должны начати свою культурную роботу. Современная гражданственность требуетъ однако всесторонно розвитыхъ наукъ съ богатой литературой, свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ познаній, которыхъ малорусская литература этнографического характера заступити не можетъ. Неудивительно, що и галицко-русская литература, оставившая историческую почву и поступившая по слѣдамъ этнографіи, ніякъ не причинилась къ подъему галицкихъ русиновъ которыхъ въ продолженіе 70-ти лѣтъ т. е. отъ „Русалки Днѣстровой“ или начала пробужденія малорусского національного духа у нихъ, изъ городовъ и мѣстечокъ вытѣснили поляки и евреи и даже значительно ослабили по селамъ. Сегодня на галицкихъ, буковинскихъ и венгерскихъ русиновъ смотрятъ не яко на національность, но яко на „этничный матеріалъ.

Изд. Инст. „Нар. Домъ“. — За редакцію отвѣчаетъ Ф. И. Свистунъ.

Изъ Ставропигійской типографіи, подъ управленіемъ Мих. Рефпя.

Ч. 10. Львовъ, октябрь 1906. Годъ XXIV (II)

ВѢСТНИКЪ „НАРОДНОГО ДОМА".

Выходитъ разъ въ мѣсяцъ. — Предплата въ годъ 2 кор. Редакція и администрація: Львовъ, улица Театральная Ч. 22.

ЖЕРТВЫ.

Въ мѣсяцѣ сентябрѣ и октябрѣ с. г. изволили пожертвовати П. Т.

I. **На „Народный Домъ"**: 1) о. Николай Макухъ изъ Балучина 4 кор.; 2) о. Іоаннъ Гомза изъ Молодыча 2 кор.; 3) г-жа Наталія Игн. Кузыкъ изъ Осовецъ 50 кор.; 4) о. А. Даниловичъ изъ Нестаничъ (на фондъ 3-тьяго мая 7 кор.; 5) о. Иларіонъ И. Гошовскій въ Журавнѣ 20 кор.

II. **На бурсу „Нар. Дома"**: 1) о. Ѳеофилъ Царевичъ изъ Кобыловолокъ 2 кор.; 3) о. Владиміръ Филиповскій изъ Бенковецъ 20 кор.; 3) о. В. Хомицкій изъ Далёвой 5 кор.; 4) о. Іоаннъ Дуркотъ изц Рыхвалда 2 кор.; 5) о. Николай Фольварковъ изъ Демни 5 кор.; 6) о. Василій Чировскій изъ Барыша 10 кор.; 7) Изидоръ Коверчукъ изъ Львова 1 кор. 20 сот.; 8) Русскіи гимназисты изъ Самбора 2 кор.; 9) о. Владиміръ Филиповскій изъ Бенковець 100 кор.

III. **Въ библіотеку и музей:** 1) о. Антоній Левицкій изъ Ферескули 39 соч. въ 39 т.; 2) И. Франко изъ Львова 1 соч. въ 1 том.; 3) И. Лѣсковацкій изъ Львова 2 соч. въ 2 том.; 4) О. А. Мончаловскій изъ Львова 1 соч. въ 1 том.; 5) Романъ Билевичъ уч. гимн. 1 соч. въ 2 том.; 6) д-ръ Д. Н. Вергунъ изъ Вѣны 1 соч. въ 1 том; 7) В. Гнатюкъ 1 соч. въ 1 том.; 8) Томасевичъ, живописецъ изъ Львова, 2 соч. въ 2 том.; 9) д-ръ К. Студинскій изъ Львова 1 соч. въ 1 том; 10) Г. Михалиничъ, богословъ, 2; соч. въ 4. том.; 11) И. Созанскій изъ Львова 1 соч. въ 1 том. 13) о. Илія Мардаровичъ 2 автографы бл. п. крыл. М. Малиновского; 14) Л. И. Яцимирскій изъ Петербурга 3 соч. въ 3 том.; 15) И. А. Шляпкинъ изъ Петербурга 1 соч. въ 1 том.; 7) Н. Карпинскій изъ Петербурга 1 соч. въ 1 т.; 17) Н. И. Срезневскій изъ Петербурга 3 соч. въ 3 том.

Всѣмъ тѣмъ жертводателямъ Упр. Совѣтъ русско-народного Института „Народный Домъ“ во Львовѣ заявляетъ должное благодареніе.

КОНКУРСЫ.

Ч. 1062/906 На упраздненную стипендію изъ фонда бл. пам. Петра Целевича, приходника изъ Викторова, годичныхъ 100 (сто) коронъ, для студента русской народности и гр. кат. обряда на правничемъ или медичномъ факультетахъ, объявляется симъ конкурсъ, съ назначеніемъ срока по 2/15 декабря 1906 года.

Желающіи старатись о ту стипендію, должны, посредствомъ своего университетского настоятельства, переслати въ опредѣленномъ сроцѣ въ Управляющій Совѣтъ русского народного Института „Народный Домъ“ во Львовѣ свои прошенія и предложити:

а) Метрику о крещеніи:

б) свидѣтельство о выдержаніи испыта зрѣлости, — проведшіи же одинъ или больше годовъ на правничемъ или медичномъ факультетахъ, сверхъ того свидѣтельство о выдержанномъ штатскомъ испытѣ или коллоквіяхъ;

в) свидѣтельство объ убожествѣ и

г) свидѣтельство о нравственности.

Отъ Управляющого Совѣта Института „Народный Домъ“.

Львовъ, 11/24 октября 1906.

Ч. 1863/906 Въ цѣли надѣленія одною стипендійною запомогою имени бл. пам. о. Михаила Козановича греко-кат. приходника въ Ольшаницѣ, въ сумѣ 136 кор. годично, объявляется конкурсъ подъ слѣдующими условіями:

I. Право надѣленія тою стипендіею прислугуетъ русскому народному Институту „Народный Домъ“ во Львовѣ, въ который посредствомъ относительныхъ властей слѣдуетъ подавати просьбы до 2/15 декабря 1906 года.

II. О надѣленіе тою стипендіею могутъ старатись такіи ученики середнихъ и высшихъ школъ, которыи выкажутся, що:

а) суть русской народности и придержуются руского церковного обряда.

б.) нравственно хорошо ведутся;

в.) суть сироты по русскихъ родичахъ;

г.) окончили послѣдній курсъ школьный съ хорошимъ успѣхомъ.

Первенство передъ всѣми имѣютъ ученики, выказавшіися,

що походятъ изъ родины фундатора, бл. п. о. Михаила Козановича, однакъ только подъ условіемъ, если всѣ прочіи данныи относительныхъ сродниковъ будутъ ровныи съ иными соубѣгателями.

Ш. Наданною стипендіею пользуются до окончения наукъ.

Отъ Управляющого Совѣта русского народного Института „Народный Домъ“.

Львовъ 9/22 октября 1906.

1064/906. На одну съ началомъ 1906/7 школьного года упраздненную стипендію имени бл. п. Павла Черлюнчакевича, годичныхъ 160 коронъ, объявляется симъ конкурсъ съ опредѣленіемъ срока по день 2/15 декабря 1906 года.

Подаватись могутъ посредствомъ школьного настоятельства въ Управляющій Совѣтъ русского народного Института „Народный Домъ“ во Львовѣ русскіи ученики посѣщающіи школы гимназіяльныи или реальныи въ Галичинѣ, которыи выкажутся, що суть:

1.) родомъ изъ Галичины,
2.) русской народности и гр. кат. обряда,
3.) бѣдныи,
4.) нравственно хорошо ведутся и
5.) въ наукахъ хорошо успѣваютъ.

Сродники фундатора, успѣвающіи хорошо въ наукахъ будутъ предпочтены.

Право надѣленія тѣми стипендіями прислугуетъ о. Іосифу Черлюнчакевичу, д-ру св. Богословія, въ Перемышлѣ.

Стипендисты пользуются надѣленною стипендіею до окончанія гимназіяльныхъ или реальныхъ школъ.

Отъ Управляющого Совѣта русского народного Института „Народный Домъ.

Львовъ 11/24 октября 1906.

Ч. 1069/906.—Съ началомъ 1906/7 школьного года объявляется симъ конкурсъ на слѣдующіи стипендійныи пособія имени „НЕНАЗВАННОГО“:

1) На одно стипендійное сособіе въ сумѣ 300 коронъ въ годъ, призначенное для одного ученика имени Яворскихъ посѣщающого гимназію въ Самборѣ, рожденного въ повѣтѣ Турчанскомъ,а преимущественно въ Яворѣ въ Турцѣ.

3) на одно стипендійное пособіе въ сумѣ 300 коронъ гогично призначенное для одного ученика, посѣщающого гимназію въ Бучачѣ:

3) на одно стипендійное пособіе въ сумѣ 300 коронъ годично, призначенное для одного медика;

4) на одно одноразовое пособіе въ сумѣ 300 коронъ назна-

ченное для докторанда на нужныи издержки при полученіи диплома докторского.

Желающіи старатись о тѣ стипендійныи пособія должны, посредствомъ настоятельствъ относительныхъ учебныхъ заведеній, включительно по день 2/15 декабря 1906 года въ Управляющій Совѣтъ русско-народного Института „Народный Домъ“ въ Львовѣ, который окончательно надѣляетъ названными стипендійными пособіями, подавати свои прошенія, заосмотренныи свидѣтельствами о крещеніи, объ убожествѣ и объ успѣваніи въ наукахъ.

Первенство при ровныхъ данныхъ имѣютъ при надаваніи стипендійныхъ пособій подъ 1) до 4) соубѣгатели имени „Яворскій“.

Надѣленный стипендійнымъ пособіемъ ученикъ гимназіяльный пользуется тѣмъ же пособіемъ только до окончанія гимназіяльныхъ наукъ.

Надѣленный стипендійнымъ пособіемъ слушатель университета или политехники пользуется относительнымъ пособіемъ до окончанія наукъ.

Кандидатъ докторандъ, желающій получити пособіе на нужныи издержки при полученіи диплома, долженъ выказатись, що выдержалъ относительныи испыты.

Отъ Управляющого Совѣта Института „Народный Домъ“.

Львовъ 11/24 октября 1906 г.

Ч. 1965/906. —На упраздненную съ началомъ сего 1906/907 школьного года стипендійную запомогу им. бл. п. Николая Панковича, въ сумѣ 120 кор. годично, роздаваемую русскимъ народнымъ Институтомъ „Народный Домъ“ во Львовѣ и призначенную для родственника бл. п. Николая Панковича, — въ недостатку же такого, для ученика, рожденного въ Милошевичахъ, въ недостатку же и такого, для другого ученика русской народности, бѣдного и посѣщающого IV-й классъ народныхъ школъ, — или гимназіяльныи или реальныи школы съ хорошимъ успѣхомъ и похвальнымъ поведеніемъ: объявляется симъ конкурсъ и назначается срокъ къ подаванью по день 2/15 декабря 1906 года. Прошенія вносити слѣдуетъ въ русскій народный Институтъ „Народный Домъ“ посредствомъ настоятельствъ относительныхъ учебныхъ заведеній, и снабдити таковыи свидѣтельствами о крещеніи, объ убожествѣ и школьнымъ изъ послѣдняго полугодія.

Отъ Управляющого Совѣта, русского народного Института „Народный Домъ“.

Во Львовѣ, 11/24 октября 1906 года.

Ч. 1067/906. Въ цѣли надѣленія одною стипендіею имени бл. п. о. Николая Дебельского, приходника въ Ключевѣ вели-

комъ, въ сумѣ 200 коронъ годично, объявляется конкурсъ подъ слѣдующими условіями:

I. Право надѣленія тою стипендіею прислугуетъ русскому народному Институту „Народный Домъ“ во Львовѣ, въ который, посредствомъ относительныхъ школьныхъ властей, слѣдуетъ подавати просьбы по 2/15 декабря 1906 г.

II. О надѣленіе тою стипендіею старатись могутъ такіи ученики высшихъ школъ реальныхъ, или слушатели техники, а дальше студенты, отдающіися наукамъ правничимъ, философичнымъ или медицинскимъ, которыи выкажутся, що 1) суть родомъ изъ Галичины, 2) русской народности и греко-кат. обряда, 3) бѣдны, 4) нравственно хорошо ведутся и 5) въ наукахъ хорошо успѣваютъ.

Первенство, при ровныхъ данныхъ имѣютъ:

а) належащіи къ родинѣ бл. п. о. Николая Дебельского, а именно къ родинѣ Дебельскихъ и Стрѣльбицкихъ, въ которыхъ родинѣ жила Анастасія Чемеринская, и къ родинѣ Навроцкихъ, которыхъ матерью была Анастасія Лушпинская;

б) слушатели техники или ученики высшихъ школъ реальныхъ.

III. Надѣленною стипендіею пользуется стипендистъ до окончанія относительныхъ наукъ и она продолжитись можетъ на два лѣта для тѣхъ слушателей правъ, которыи въ теченіи перваго года послѣ окончанія университетскихъ наукъ сдѣлали два ригороза, а послѣ истеченія второго года осягнули степень доктора правъ.

Ту самую корысть можетъ Управляющій Совѣтъ Института „Народный Домъ“ во Львовѣ признати также и слушателямъ медицины или техники послѣ окончанія студій на время и подъ условіями, которыи самъ признасть соотвѣствующими.

Отъ Управляющого Совѣта русского народного Института „Народный Домъ“.

Львовъ, дня 9/22 октября 1906 года.

Где-що до исторіи азбуки и языка Галицкой Руси.

(Изъ свое-житьевыхъ записокъ Богдана А. Дѣдицкого).

(Продолженіе.)

Въ г. 1862 посѣтилъ мене въ редакціи „Слова“ надъ всѣхъ неожиданный гость: голова польскихъ „угодовцевъ“ за кордономъ, редакторъ Петербургского „Kraja“, впрочемъ и много въ

Россіи извѣстный адвокатъ Вл. Спасовичъ*). Онъ былъ и милый другъ славного публициста Чернышевского и еще славнѣйшого всерусского ученого Пыпина. О посѣщеніи его, яко нерусского человѣка, я бы тутъ и не згадовалъ, еслибы онъ, въ присутствіи бывшихъ у мене тогды кр. А. Петрушевича и проф. Головацкого, отъ первого же съ нами поздравленія до самого конца своей визиты не персвадовалъ намъ обстоятельно и цѣлкомъ серіозно, щобы мы галицкіи Русины, вмѣсто „русинского діалекта“ приняли культурный языкъ польскій, т. е. стали бы Поляками. Надаремны были для него наши изъясненія по дѣлу исторіи, этнографіи и лингвистики; онъ все твердилъ свое и ссылаючись на Чернишевского, говорилъ не умолкая: „Васъ бы не укоряли умныи Великороссы за Вашу „національную безтактность“, съ якою Вы еще и нынѣ выступаете противъ Поляковъ. Вѣдай Вы, сама украйняя, до Польщи безпосередно притыкающая частина Руси, судьбою подъ чужимъ правительствомъ на-всегда связаны съ живущими тутъ съ вами Поляками, очже и жити бы вамъ съ ними, яко братьями славянскими, въ братской згодѣ и языково прилучитися до нихъ, до ихъ многовѣковой литературы. Не мечтати же вамъ днесь, въ нашъ вѣкъ финальныхъ языковыхъ прогресовъ, о созданіи якой-то новой словесности чи нового книжного языка, коли то о подобномъ опоздаломъ созданіи и подумати невозможно. Тажь розважте, що и закордонна Малая Русь, попавшая еще давнѣйше подъ Россію, образуется на книжной великорусчинѣ и — по моему мнѣнію — достигне она полного просвѣтного розвитія, если пойде и далѣй по слѣдамъ великого своего Гоголя, а не хлопомана-неука Шевченка“. И якъ сказано, надаремны были для Спасовича всякіи наши опроверженія его толковъ, онъ таки — даже на-перекоръ толкамъ своего друга Чернышевского о „особности малорусской рѣчи“—настойчиво предвѣщалъ намъ, що якъ закордонная Украина есть и остане на-всегда московскою, такъ наша галицкая Русь буде разъ по языку польскою. Такіи то экстренныи консеквенціи высновалъ собѣ полякъ Спасовичъ изъ укоризны, данной намъ въ статьи „Національная безтактность“ Москалемъ Чернышевскимъ!**)—Да и приходится

*) О томъ Вл. Спасовичѣ, яко высоко-авторитетномъ адвокатѣ въ митрополіи Россіи въ Петербурзѣ, писалъ славный Великороссъ М. Е. Солтыковъ-Щедринъ въ своихъ „Бесѣдахъ изъ гг. 1873—1884“, що о адвокатѣ ономъ въ Петербурзѣ „даже стѣны всѣхъ судебныхъ зданій вопіютъ: vir bonus, dicendi peritus“. И въ доказъ того С.-Щедринъ обстоятельно тамъ описуе весьма сензаційный процесъ передъ судомъ присяжныхъ, где Спасовичъ глубоко-умною обороною обезвинилъ тяжко обвиняемого отца противъ того-же дочери. (Ст. Кн. 19 стр. 258 сочиненій Щедрына, нзд. „Нивы“ за 1906 г.)

**) О томъ-же Петербургскомъ адвокатѣ Спасовичѣ примѣчу еще и то, що онъ въ оно время явился въ редакція нашого „Слова“ въ польской чемарцѣ а рогатой конфедератцѣ, хотя того строю сами Поляки у насъ тогда якось не употребляли.

менѣ тутъ съ сожалѣніемъ примѣтити, що были и чей суть и нынѣ у насъ таки наши-же русскіе люди, которыи не такъ по мотивамъ Спасовича, а паче по отчайдушію своему въ виду того, якъ то Польща въ восточной Галичинѣ насъ, Русиновъ-автохтоновъ, съ помощію Нѣмцевъ и Евреевъ страшно приголомшуе, десператно поддаются ажь подъ то противприродне, противнародное мнѣніе, якое голосилъ намъ въ г. 1862 въ скромной комнатцѣ редакціи „Слова“ ученый Полякъ изъ Петербурга. Даже такій умный Русинъ, якъ проф. Ѳома Полянскій, написавшій въ 1848 г. русско-патріотичную росправу „W obronie ruskiej narodowości“, попалъ потомъ за возникновеніемъ у насъ фонетичной украиноманіи (въ концѣ 60-ти годовъ) въ той абсурдъ Спасовича. (Интересное письмо о. Алексѣя Торонского вразъ съ моими примѣчаніями о томъ фактѣ касательно Ѳ. Полянского опубликую при удобномъ случаѣ.)

Почти современно со Спасовичемъ заѣхалъ во Львовъ изъ Петербурга молодый и тогда не дуже еще извѣстный писатель русскій Николай С. Лѣсковъ и привезъ съ собою (способомъ — якъ то я потомъ узналъ — перемытничимъ, бо подъ псевдонимомъ) польского поэта доброй славы, Сырокомлю-Кондратовича изъ Вильны, столицы бѣло-русской Литвы. Оба они заѣхали въ другорядный готель противъ театру Скарбка, и Н. Лѣсковъ призвалъ мене сейчасъ по своемъ пріѣздѣ для важного переговора*). Послѣ того же, якъ сей переговоръ былъ удовлетворительно законченъ, мы всѣ три (т. е. и поэтъ Сырокомля) перейшли до будденныхъ также и литературныхъ розговоровъ, всѣхъ насъ по спеціальности найбольше занимавшихъ. Всѣ три говорили мы тутъ по русски, только Лѣсковъ великорусскимъ, я малорусскимъ, а поэтъ Сырокомля, якъ колись Мицкевичъ, бѣлорусскимъ выговоромъ, такъ що тѣ тройныи русскіи говоры дали Лѣскову поводъ шуточно воскликнути: „Ну-те! такъ здѣсь и Великая, и Малая, и Бѣлая

*) Н. Лѣсковъ былъ изъ Петербурга нарочно высланъ во Львовъ, щобы розвѣдати, зачѣмъ я одинъ изъ всѣхъ другихъ заграничныхъ Славянъ не принялъ наданный мнѣ русскимъ Царемъ орденъ въ память 1000-лѣтнѣго ювилея основанія русской державы. Въ „важномъ переговорѣ“, веденномъ съ мною Лѣсковымъ въ присутствіи задержанного нимъ же къ тому поэта Сырокомли, той извинительный мотивъ, що политичное значеніе сего ювилея побудило мене, редактора политичной, въ чужой державѣ издаваемой русской газеты, котора одна внѣ Россіи по чистой совѣсти, а не за яку надгороду чи заплату проповѣдуе идею языкового и этнографичного, а вовсе не политичного единства Руси, тое исключно побудило мене отказатися отъ высочайшой милости Царя закордонной Руси, — той мотивъ мой вполнѣ удобренъ былъ такъ Лѣсковымъ, якъ и Полякомъ Сырокомлею. Въ заключеніи сего переговора прибавилъ я и тое, що „якъ затѣмъ пропонованье мене до оной декораціи изъ политичныхъ взглядовъ было дуже похибне, такъ напротивъ совсѣмъ безпохибно достоинъ былъ ея одинъ нашъ кр. А. С. Петрушевичъ, который и могъ безпретно приняти ю, будучи ex professo историографъ, а не политичный дѣятель.“

Русь собрана подъ еврейскимъ кровомъ въ Львовскомъ отелѣ!“ И онъ же, Лѣсковъ, найбольше нзъ насъ бесѣдилъ интересного о новѣйшомъ періодѣ русской словесности, величая по достоинству Тургенева и Льва Толстого, за слѣдомъ которыхъ и онъ — якъ то самъ тогда заявилъ — щó силъ своихъ подвизается. И дѣйствительно, подвизался на литературномъ поприщѣ сей, тогда мнѣ изъ виду и бесѣды весьма симпатичный Николай Лѣсковъ прилѣжно и славно, якъ я узналъ о томъ только потомъ и теперь недавно, коли издательство Петербургской „Нивы“ въ г. 1902—3 выдало „Полное собраніе сочиненій“ его въ 36 томахъ. Въ тѣхъ по 36 книгахъ содержится выше сотни прекрасныхъ повѣстей, разсказовъ и легендъ Н. Лѣскова, ставляемыхъ общерусскою критикою въ самый близкій ровень съ геніяльными того рода твореніями Льва Толстого.

Да и тогда-же во Львовѣ въ дальнѣйшихъ розговорахъ съ Лѣсковымъ по предмету языкознанія я научился отъ него майже столько же полезного для мене, що передъ тѣмъ отъ спеціального-языкослова проф. Петра Лавровского. Также бо и Лѣсковъ былъ отличный знатокъ старорусчины, и яко состоящій въ то время по чину урядникъ для особыхъ порученій (въ дѣлахъ реформы аграрныхъ отношеній въ русскихъ губерніяхъ), побывалъ во многихъ мѣстностяхъ Великой, Малой и Бѣлой Руси, да и налично позналъ простолюдныи говоры всѣхъ тѣхъ трехъ областей Россіи. Онъ тожь и употреблялъ въ своей бесѣдѣ немало выраженій и слого-зворотовъ просто-народныхъ, рѣдко или и вовсе не встрѣчаемыхъ въ книжно-русской литературѣ, а цѣлкомъ самыхъ добрыхъ русскихъ. А якъ П. Лавровскій, такъ и Н. Лѣсковъ утверждалъ рѣшительно, що розвитіе книжно-русского языка нынѣ далеко еще не окончено, но оно вѣки продолжатись буде и обогащатись все и все новыми пріобрѣтеніями въ русскомъ народѣ по всѣмъ его тройственнымъ розвѣтвленіямъ. „Вотъ намъ и слѣдуетъ почастѣе заходить въ народъ!“ заключалъ Лѣсковъ розговоры свои по предмету русского языка: „а мы въ каждой деревнѣ безгранично пространной Руси найдемъ хотя по нѣсколько предобрыхъ русскихъ выраженій, о якихъ намъ книжникамъ и не снилось“.

И я тогда все и все больше увѣрялся, якъ то и наши собиратели народныхъ пословицъ, приповѣдокъ и пѣсней въ Галицкой Руси, именно Григорій Илькевитъ, оба братья Головацкіи и Иванъ Вагилевичъ, а также Поляки Вацлавъ Залескій и Жегота-Павли*) положили для розвитія общерусского языка немалыи заслуги!

---

*) Правда, тѣ два Поляки не были самолично собирателями нашихъ народныхъ пѣсень, а только печатали въ своихъ польскихъ изданіяхъ тіиже пѣсни, якіи въ самомъ народѣ собрали были наши Львовскіи семинаристы, именно Илькевичъ, Головацкій, Вагилевичъ, Маркіянъ Шашкевичъ, Рудольфъ Мохъ и Ант. Могильницкій. Но и за то онымъ двомъ Полякамъ да будетъ честь отъ Руси на-всегда!

Въ годахъ 1863—65 бывали у мене на своемъ проѣздѣ черезъ Львовъ молодыи Велико-и Малорусины, которыи, окончивши высшіи студія съ отличіемъ, высылаемы были русскимъ правительствомъ для близшого познанія прогресовъ въ розличныхъ областяхъ наукъ на Западѣ культурного свѣта. Межи тѣми всѣми, мене посѣтившими, а впрочемъ въ своихъ спеціальныхъ званіяхъ прекрасно выобразованными молодцями былъ ученикъ историографа Николая Костомарова Н. П. Барсовъ, который найдолше, бо якихъ три недѣли, пробылъ во Львовѣ, а отгакъ и больше другихъ мене занималъ. Онъ то хотя по своей юности былъ немного своеродный чудакъ, но плѣнялъ всякого неслыханнымъ своимъ добро и просто-душіемъ прямо доходившимъ до дѣтской наивности. Такъ на пр. всякій разъ, коли мы въ розговорѣ съ нимъ титуловали его якъ прилично „господиномъ“, онъ съ извиненіемъ, но и съ нѣкоторою гордостью всякій разъ заявлялъ: „Я не господинъ, а Николай Павловичъ“, бо вѣдь то Николаемъ далъ окрестити отецъ его Павелъ въ честь царя Николая Павловича I. Того царственного соименника Н. П Барсовъ научился отъ дѣтства почитати такъ дуже, що коли отъ отца своего еще въ малыхъ школахъ узналъ, будьто Царь Николай II. I. любилъ читати Энейду Котляревского, носилъ ю съ собою всегда въ карманѣ (мовь-то якъ греческій Александеръ Великій Иліяду Гомера) и зналъ изъ ней много стиховъ на-память, то и сей Н. П. Барсовъ выучился таки всю перелицёванную поэму нашого Котляревского на изъустъ и деклямовалъ намъ уступы изъ ней при всякой способности. А лишь одно тутъ дуже дивно было намъ, що онъ Барсовъ, хотя якъ основно зналъ по нашему Костомарову Исторію Руси, хорошо говорилъ по великорусски да и зналъ и каждое слово понималъ въ малорусской Энейдѣ, ба и въ заученныхъ нимъ где-якихъ стихотворахъ Шевченка, но яко совсѣмъ позбавленный смысла до поровнательный лингвистики, упорно твердилъ супротивъ насъ, що малорусчина есть собѣ цѣлкомъ особный языкъ, такъ на-скрозь розличный отъ великорусского, якъ н. пр. языкъ польскій или и французскій(!). Впрочемъ Барсовъ въ томъ своемъ сужденіи о малорусчинѣ ссылался на подобный-же судъ и у многихъ поважныхъ людей Москвы и Петербурга, особливо изъ ряду высшихъ чиновниковъ; отъ чего мы очевидно заключали, що въ виду такого недостатка знаній въ славянской лингвистицѣ, по-при державной великорусчинѣ, еще не такъ скоро прекратится небреженіе малорусчины за-кордономъ!

А щобы о томъ премиломъ впрочемъ Барсовѣ розсказати еще щось, неномѣрную наивность его характеризующое, наведу прислучайно вотъ и тое: На храмовый праздникъ въ селѣ Жолтанцахъ (3 миль отъ Львова) взялъ я его съ собою въ гости до моего сродника, тамошнёго пароха о. Іосифа Брылинского, где онъ отъ первой встрѣчи всѣмъ понравился, а по богослуженіи проходясь съ мною по селѣ, невыразимо радовался, що видѣлъ тутъ на-лице людей „якъ-бы изъ Энейды Котляревского, до то-

го и особнымъ языкомъ той Энейды и Шевченка говорящихъ". Вечеромъ на плебаніи узрѣлъ онъ въ первый разъ одну настоящую Галичанку-попôвну, а такъ прекрасну и премиленьку, що поговоривши съ нею приличнô нѣсколько разъ и восторженный ея „чужою" будьто, но добре ему понятною бесѣдою украинскихъ поэтовъ, влюбился въ ню на-правду, и то якъ-бы до отчайдушія. Около полуночи онъ на-серіо просилъ о. Брылинского и мене, щобы мы за него отъ его-же имени освѣдчились о руку красавицы-попôвны. Мы оба засмѣялись на то сперва — да и недоумѣвали, що тутъ такъ невзначай дѣлати; но о. Брылинскій, яко другъ родины красавицы, переговорилъ съ нею-же и незадолго сообщилъ Барсову отвѣтъ рѣшительный що она ніякъ не пойде изъ Галичины на житье за к„рдонъ. Сей отказъ глубоко опечалилъ Барсова, и онъ, повернувши сомною до Львова, сейчасъ въ томъ-же глубокомъ опечаленіи отъѣхалъ отъ насъ во Францію.

По отъѣздѣ Барсова — якось въ г. 1864 — зъѣхалъ во Львовъ Украинецъ дворянского роду, по фамиліи Рѣзничъ, своякъ — якъ самъ себе представилъ — графской семьи тѣхъ Браницкихъ, що имѣли добра на Украинѣ. О немъ згадую здѣсь только по-тому, що онъ первый сообщилъ мнѣ ближшіи вѣдомости о состояніи національно-политичныхъ дѣлъ на украинской Руси въ г. 1863, коли то весь тамошній простолюдъ по власному побужденію рѣзко протестовалъ словомъ и дѣломъ противъ заготовляемой Поляками и тамъ папской революціи. Рѣзничъ памятенъ менѣ еще и тѣмъ, що съ неподдѣльнымъ восторгомъ много похвального говорилъ о неизвѣстномъ менѣ дотоль Украинцѣ Владимірѣ Антоновичѣ, который яко добре свѣдущій въ исторіи и этнографіи Руси и Польщи, сталъ изъ прирожденного Поляка малорусскимъ патріотомъ и есть нынѣ душею молодежи въ Кіевѣ, основующой новую украйно-русскую партію.

О томъ-же времени прибыли во Львовъ изъ Нѣжина чи изъ Воронежа два професоры лицея кн. Безбородка, историкъ Лашнюковъ и лингвистъ А. Потебня. Оба люди зрѣлой молодости, весьма привѣтливы, и говорили они такъ межи собою якъ и со мною все по малорусски, съ соблюденіемъ весьма благозвучного украинского говора. И если Лашнюковъ въ розговорахъ любилъ завертати до згадокъ о козакахъ и украинской гетманщинѣ, то Потебня, яко спеціалистъ въ славянскомъ языкознаніи, заводилъ бесѣду больше по предмету своей спеціальности, якою и я тогда предпочтительно занимался. Да и зъѣхалъ же онъ, проф. Потебня, въ нашу Галичину нарочно съ цѣлію изслѣдованія на-мѣстѣ нашихъ русско-народныхъ говоровъ, бо власне въ то время заготовлялъ свое пропамятное а для всей Руси цѣнное дѣло, якое и издалъ въ г. 1866 въ Воронежѣ подъ з. „Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка", т. е. „I) о полногласіи, II) о звуковыхъ особенностяхъ

русскихъ нарѣчій". Такъ и позналъ я сего Украинця А. Потебню якъ лично, такъ и потомъ изъ упомянутого тутъ его дѣла яко близко съ Миклосичемъ сходного слависта, основательно знавшого всѣ групы славянскихъ и сродныхъ Славянщинѣ языковъ, начиная отъ старо-индійского санскрита а кончая ажь на вымирающемъ днесь подъ Нѣмцемъ старо польскомъ нарѣчіи Сербо-Лужичанъ въ Полабіи. Тожь и изъ личныхъ толковъ проф. Потебни о „трехъ русскихъ нарѣчіяхъ", где онъ таки и ни разу не проговорился, щобы которе изъ тѣхъ нарѣчій назвати особно „языкомъ" (на перекоръ Чернышевскому и Барсову), я немало узналъ о роздѣленности тѣхъ-же трехъ нарѣчій на многіи розличнымъ выговоромъ буквъ отдѣляющіися діалекты или поднарѣчія, якіи Потебня изъучилъ точнѣсенько. А уже-жь особенно и къ немалому моему удивленію узналъ я въ первый разъ точно отъ сего ученого Украинца, що межь тѣми поднарѣчіями трехъ русскихъ нарѣчій суть на пр на Малой и Великой Руси и такіи, що отдаленныи отъ себе хоть на такую просторонь, якъ изъ Львова до Мадрида, а таки всецѣло належатъ до себе, бо выговорюютъ на пр. звуки **ѣ**, **г**, **о**, **е**, значитъ, звуки своего головного нарѣчія, до которого, яко діалекты принадлежатъ, совсѣмъ однаково съ тѣми, що суть такъ предалеко отъ нихъ поднарѣчными другого головного русского нарѣчія. И тутъ Потебня наводилъ слова, по выговору упомянутыхъ буквъ еднако звучащіи у жителей одного повѣта на самомъ юзѣ Малой Руси и другого на самомъ сѣверѣ Великой Руси (NB. Названій повѣтовъ чи мѣстцевостей не помню, но они означены въ дѣлѣ его „Два изслѣдованія о звукахъ русского языка".)

Вообще, розговоры съ проф. Потебнею якъ и другіи обстоятельства происходившіи въ тоеже время у насъ въ Галицкой Руси, побудили мене воспріяти на-ново мой давный Великомостенскій проектъ и составити якое руководство, по которому всякій Русинъ, знающій правопись своей св. Церкви, легко могъ бы научитись бесѣдовати всѣми говорами 100-мілионной Руси. Такъ бы и зладилася колись „мова", о якой мечталъ Шевченко, „мова, яку розумѣли бы и Украинцѣ и Россіяне".

Случилось же въ оно время такое, що по усмиреніи польской революціи г. 1863 въ царствѣ польскомъ оказались скомпромитованы и были наказаны выдаленіемъ изъ своихъ мѣстъ нѣкоторыи русско-уніатскіи, а давно ополяченныи священники (якихъ 60) та и учители (выше 40) изъ Холмской Руси и большое число изъ нихъ переселилося въ нашу Галичину. Бывшій тогда министромъ для Галичины въ Вѣдни, ревный полякъ-католикъ Флоріянъ Земялковскій, всеусердно постарался о тое, що тѣ холмско-русскіи священники эмигранты получали не лишь субвенціи отъ краевого Сойма, но и самыи лучшіи приходы въ нашей Галицкоі Руси. Изъ другой стороны столь же сновь въ своемъ ревностный православный Великороссъ Константинъ П. Побѣдоносцевъ, глава-прокуроръ святѣйшого

Синода въ Петербурзѣ, радъ былъ замѣстити вакантныи приходы въ Холмщинѣ Русинами изъ Галичины, а тіи и безъ его призыва численно переселялись въ Холмскую Русь и то найпаче въ виду того, що для протегованныхъ Земялковскимъ Холмчуковъ назначались самыи лучшіи мѣста въ Галичинѣ. А якъ и жалко и тяжко приходилось намъ тогда черезъ ту эмиграцію нашихъ теряти добрыи силы, такъ дуже потребныи намъ для постоянія въ борьбѣ противъ тукраевой Полоніи; но не было рады въ такихъ обстоятельствахъ, где особенно „твердѣйшіи“ изъ патріотовъ нашихъ, утративши надѣю на яку „презенту у польскихъ коляторовъ“, приневолены были глядати помѣщенія тамъ, где уже нѣтъ волѝ-неволѝ такихъ коляторовъ.

Изъ тѣхъ то,рѣшившихся на ту эмиграцію нашихъ, нѣкоторыи, такъ священники якъ и учители, уважая д я себе потребнымъ знати — если уже не говорити, то хоть-бы понимати державный языкъ Россіи, заходили до мене по информаціи въ томъ взглядѣ, звычайно адрезованныи за тѣмъ ко мнѣ моими Львовскими друзьями и сотрудниками „Слова“. Изъ тѣхъ бо послѣднихъ особенно о. Маркилъ Попель и Ник. Лисикевичъ*) знали отъ давна мою систему скорого выученья Русина въ московскомъ говорѣ, а научившись и сами того говора отъ мене таки несполна „въ одинъ часъ“, много разъ понукали мене сочинити и печатно издати относящоеся къ тому руководство та препоручали всякому изъ своихъ знакомыхъ зайти до мене, кто лише потребовалъ на-скоро научитись говора московского. Я же въ своихъ ученіяхъ, на-скоро удѣляемыхъ зашедшимъ до мене по дорозѣ нашимъ переселенцамъ, просто поступалъ такъ: Написавши придуманныи когда-то еще въ Вел. Мостахъ два слова: „**всѣ гибнемъ**“ и додавши до нихъ и третье, для спеціальности московского говора потребное слово „**пойдемъ**“, я показалъ въ тѣхъ трехъ словахъ двоякое произношеніе пяти буквъ, а то: **ѣ, г, и, о, е**, якъ то тіи буквы выговорюются по нашему, а якъ по великорусски, особенно же и двѣ послѣдніи буквы **о, е**, изъ которыхъ въ настояще-московскомъ говорѣ неакцентованное **о** въ первомъ или въ двохъ первыхъ слогахъ произносится якъ **а**, а буква **е** съ акцентомъ якъ **о** или **jo**. Послѣ того мои три слова, вѣстимо звучащіи по нашему „**wsi hybnem, pijdem**“ или и „**pijdim** (пôйдêмъ)“, велѣлъ я моимъ слушателямъ читати съ тѣмъ-же самымъ акцентомъ, но съ выговоромъ пяти указанныхъ буквъ великорусскимъ; и они сейже часъ читали: „**wsje gibnjem, pajdjom**“. За тѣмъ и толковалъ я моимъ слушателямъ, що,

*) Оба и они переселились незадолго потомъ за кордонъ. Именно о. М. Попель сталъ впослѣдствіи православнымъ Епископомъ въ Холмѣ и яко Архіерей-Членъ св. Синода въ Петербурзѣ померъ тамъ-же въ г. 1903; а Н. Лисикевичъ переѣхалъ за Як. Ѳ. Головацкимъ въ Вильну, где и былъ нѣсколько лѣтъ професоромъ гимназіи, но при возможеніи своей чахоточной болѣзни, повернулъ умерти въ Галичину.

запамятавши собѣ двойный выговоръ пяти звуковъ въ тѣхъ трехъ русскихъ словахъ, они будутъ могли не лишь понимати бесѣду каждого Москаля, но и говорити съ нимъ по московски, произнося только въ бесѣдѣ всѣ свои же мало-русскіи слова и со своимъ же тѣхъ словъ акцентомъ по указанному тутъ выговору московскому. Очевидно, подносилъ я тутъ надо все велегласно и убѣдительно, що научитись такъ скорeнько говорити по великорусски можно намъ лишь потому, бо такъ мы якъ и Великоруссы соблюдаемъ въ письмѣ поконвѣчну русскую этимологію, а при введеніи якого-будь рода фонетики у Мало- чи Великорусиновъ было бы то просто невозможнымъ.

Тѣ мои частныи языковыи ученія тревали звычайно неспол'а одинъ часъ,а хибань о четверть часа долше ино тогда, если якій адептъ мой будь не зналъ добре этимологичной правописи, будь не имѣлъ отъ роду ніякого лингвистичного смысла. Всякій однакожь легко запамятывалъ тѣхъ нѣсколько специфично-московскихъ „особенностей“, якъ именно „что, какъ, о́чень“, вмѣсто „що, якъ, ду́же,“ далѣй „ходи́ть“ вм. „ходити“ и „свято́й“ вм. „святый“.

Въ г. 1866 сталъ я и писати соотвѣтное для тѣхъ ученій моихъ короткое руководство подъ з. „Въ одинъ часъ научиться Малорусину по великорусски“, коли якъразъ въ тоже время явился у мене настоящій Москаль, мовь-бы нарочно сосланный мнѣ добрымъ духомъ для помощи въ той моей языкословной роботѣ.

Былъ то русскій эмигрантъ Василій Ивановичъ Кельсіевъ*), широко въ Россіи извѣстный публицистъ, писавшій до Московскихъ и Петроградскихъ газетъ немало интересного изъ всякихъ столицъ западной Европы.

Менѣ кажется умѣстно о томъ Кельсіевѣ-Желудковѣ коещо близше тутъ згадати.

Былъ се тогда около 35-лѣтній человѣкъ, а уже давно проскрибованный изъ Россіи вслѣдъ за Герценомъ, Бестужевымъ, Огаревымъ и другими „опасными вольнодумцами русскими“, ихъ-же и онъ лично былъ задушевный другъ. По долшомъ скитаніи въ розличныхъ городахъ Запада, въ послѣднее время пребывалъ онъ въ Турціи между потомками избѣгшихъ колись изъ-за Дона сюда козаковъ, званыхъ „Некрасовцами“, а на дняхъ въ Константинополѣ выедналъ онъ собѣ за якими-то высокими протекціями дозволенье повернути въ Россію. До нашего Львова прибылъ онъ лѣтомъ 1866 г. за пашпортомъ турецкого султана и тутъ-же пребывалъ якихъ шесть недѣль, доколь вконецъ получилъ формальный актъ на свой поворотъ въ отечество. За все время его побыта во Львовѣ былъ онъ у мене ежедневнымъ гостемъ, выучился таки при первой встрѣчи со мною произносити извѣстныхъ пять звуковъ въ своей московской бесѣдѣ по нашему, значитъ, якъ-стôй научился

*) Онъ писалъ подъ псевдонимомъ: Ивановъ-Желудковъ

говорити по мало-русски, а самъ-же помагалъ менѣ при коректѣ печатающейся тогда моей брошурки „Въ одинъ часъ“, точно опредѣляя въ ея русскихъ „примѣрахъ“ правильную акцентуацію. За то я, угождая его волѣ, возилъ его за досужного времени до моихъ сродныхъ или знакомыхъ въ близшіи Львову села, гдѣ онъ, свѣжо наученый говорити по нашему, богато розговоривалъ то съ нашими интелигентами то съ крестьянами, а повернувши со мною во Львовъ, яко зорко смѣтливый слѣдитель, таки у мене сейчасъ записывалъ все видѣнное и слышанное, що уважалъ у насъ якъ-нибудь примѣчанія достойнымъ. И тіи то записки свои Кельсіевъ-Желудковъ въ формѣ газетныхъ кореспонденцій высылалъ въ Петербургъ, въ редакцію газеты (здается мнѣ, „Нового Времени“), подаючи за всякимъ разомъ мѣсто его пребыванія во Львовѣ подъ адресомъ моей редакціи „Слово“. Тѣ кореспонденціи его были современно въ Петербурзѣ отпечатаны отдѣльнымъ изданіемъ подъ з. „Письма изъ Галиціи“ и за нихъ присылано изъ Петербурга автору ихъ еженедѣльно щедрую ренумерацію (кажется, по 10 копѣекъ за каждую строчку) рублями на адресу редакціи Львовского „Слова“. (NB. Тѣ присылки рублей для Кельсіева подъ адресомъ редакціи моего „Слова“ дали поводъ противникамъ идеи племенного единства Руси утверждати, що пропагаторы той идеи получаютъ отъ Москвы не лишь ордены, но и подплачуются рублями).

О томъ Кельсіевѣ*) упомяну еще и се, що хотя онъ кромѣ великорусского зналъ точно и другіи культурно-европейскіи языки, но не былъ по спеціяльности лингвистъ, и для того удивлялся немало, що такъ незмѣрно скоренько научился у мене свою московщину перетворити въ малорусчину. „Се, якъ вижу, пойшло отъ того, — говорилъ онъ по нѣкоторой рефлексіи — що тутъ вся наука заключалась въ иномъ выговорѣ лишь пяти русскихъ буквъ; а я, даже бесѣдуя, имѣю каждое слово со всѣми его буквами всегда живо передъ глазами въ моей памяти“. — И только по выѣздѣ сего Кельсіева изъ Львова въ Петербургъ, коли моя брошурка „Въ одинъ часъ“ была уже напечатана, пожалѣлъ я, що ея титулятуру „научиться Малорусину по великорусски“ не дополнилъ я по справедливости прибавленіемъ: „а Великорусину по малорусски“. Было бы то такъ умѣстно и реально-правдиво, якъ то, що еще передъ 18 лѣтами я задумалъ былъ твердити, яко „въ полъ годины можно научитись читати наше св. Евангеліе Русину по московски, а Москалеви по (мало)русски“.

Якось недолго по выѣздѣ Кельсіева изъ Львова прибылъ сюда изъ Холма Украинецъ-Малороссъ Ѳеофанъ Гаврило-

---

*) Кое-що интересное о томъ-же Кельсіевѣ-Желудковѣ, а съ признательностью для его честного либерализма, записалъ въ одномъ изъ своихъ розсказовъ извѣстный повѣствователь русскій Н. С. Лѣсковъ.

вичъ Лебединцевъ, попечитель (инспекторъ) народныхъ школъ Холмской Руси. Былъ то статный, весьма представительный мужъ среднихъ лѣтъ, который за своего 10—12-денного побыта во Львовѣ заходилъ майже щó-вечера до русского касина въ „Народномъ Домѣ“ и тутъ познакомлялся съ виднѣйшими изъ нашихъ Русиновъ. Особенно ближе ссобщался онъ съ проф. Я. Головацкимъ, о. Маркиломъ Попелемъ и сов. Юл. Лавровскимъ, ревностнымъ попечителемъ русского театра, который тогда подъ дирекціею Е. Бачинского давалъ представленія въ великой сали „Народного Дома“. Тутъ-же, въ театрѣ, познакомился и я съ г. Лебединцевымъ на представленіи „Подгорянъ“, новой прекрасной оперетки Гушалевича и Вербицкого, и тутъ-же обѣщалъ онъ менѣ еще и лично посѣтити мене въ редакціи „Слова“. Впрочемъ цѣлыми днями занятъ онъ былъ съ проф. Головацкимъ и катихитомъ Ив. Гушалевичемъ закупкою и розсмотромъ нашихъ школьныхъ учебниковъ, которыи передъ тѣми-же хвалилъ за для доброго преподавательного языка, т. е за-для храненія мѣстнихъ особностей малорусчины, но щó-до выкладу науки заявлялъ рѣшительно, що учебники въ школахъ въ Россіи суть о много лучшіи. Также просилъ онъ ихъ обохъ по многократно, — якъ они менѣ о томъ повѣдали, —щобы старались прислучайно присылати въ Холмщину якихъ добрыхъ учителей школъ народныхъ изъ Галичины, такъ якъ его мѣстныи давнѣйшіи учители, не смотря на его препорученья, ни способъ не могутъ привыкнути въ школьныхъ преподаваніяхъ или даже по-за школою порозумѣватись съ ученіками по малорусски, отъ чего очевидно и народное образованіе въ Холмской Руси иде пока пеняво.

Якось на день передъ своимъ выѣздомъ изъ Львова Лебединцевъ зайшолъ до мене въ редакцію „Слова“, и тутъ-же на вступѣ выразилъ свое удивленіе надъ невиданною нимъ дотоль скромностію русско-редакційного помѣщенія, где найшолъ всего двѣ комнаты, и где въ первой весьма маленькой мѣстилось редакційное бирó а вразъ-же и спальня и пріемная моего соредактора Николая Лисикевича; да въ другой немного большой комнатѣ былъ апартаментъ такого-же тройного назначенія для мене. Въ отвѣтъ на той добродушно заявленный вступъ поважного гостя я полушуточно сослался на мой студентского житья навыкъ, да впрочемъ и прибавилъ серіозно, що именно въ такой скромности тоже и наша, численно мене навѣщающая Русь чувствуе себе точно въ своемъ демократичномъ элементѣ. Во время нашихъ вступительныхъ розговоровъ внесли въ мою комнату хлопцы переплетчики Сембратовича ящикъ со свѣжо мною изданнымъ дѣльцемъ знаменитого нашего кр. Антонія Добрянского подъ з. „Объясненіе Службы Божои для жителей сельскихъ“ въ 600 чи 800 экс. Сейчасъ Лебединцевъ сталъ оглядати брошурованныи эксемпляри того превосходного дѣльца да сейчасъ и запыталъ о цѣну экс. а вразъ-же и о тое, чи продамъ ему весь накладъ таки нынѣ. Розумѣется, я съ ра-

достію согласился на продажу всѣхъ экс., а то и съ уступкою даже значного рабату; однакожь онъ великодушно ніякой уступки не принялъ, но выплатилъ мнѣ цѣлую сумму за всѣ экс. безъ малѣйшого отшиба*). „Будетъ то — сказалъ онъ — найкрасшій гостинецъ, якій я изъ Львова привезу Холмской вашей братіи!“ — Дальше мой важный гость толковалъ немало о своихъ намѣреніяхъ що-до реформъ, якіи радъ бы переводити въ народныхъ школахъ Холмской Руси, а до якихъ принадлежало и постепенное введеніе въ преподавательномъ языкѣ вмѣсто великорусского выговоръ малорусскій. За тѣмъ принявши отъ мене въ даръ нѣсколько оставшихся у мене экземплярей брошурки „Въ одинъ часъ“, котору — якъ самъ сказалъ — еще въ Холмѣ отчитывалъ съ занятіемъ, отправился вмѣстѣ съ Н. Лисикевичемъ за покупкою где-якихъ русскихъ учебниковъ, недавно изданныхъ нашею Матицею.

Въ день отъѣзда г. Лебединцева изъ Львова зайшолъ я попращатись съ нимъ до готелю, въ которомъ онъ былъ остановился, и где найшолъ я съ такою-же цѣлію попращанія собравшихся зъ десятокъ нашихъ Русиновъ, сообщавшихся съ нимъ больше отъ мене въ касинѣ „Народного Дома“**) Межи тѣми нашими были тутъ у Лебединцева также Я. Головацкій, Н. Лисикевичъ, Климъ Меруновичъ и Маркилъ Попель, которыи всѣ четыре — къ найбольшому сожалѣнію о потерѣ нашей такихъ доблестныхъ силъ — недолго потомъ выселились за кордонъ, а то первыи два въ Вильну, третій въ Варшаву, четвертый въ Холмъ.

Тутъ приходится мнѣ записати кое-що со всѣмъ не подходящее къ предмету, о якомъ въ тѣхъ запискахъ толкую, но относящееся къ событію, утѣшительному впрочемъ для нашей Малоруси, однакъ по способу, въ якій оно произойшло, для моей личности не дуже пріятное.

Ото въ якихъ 5—6 недѣль по выѣздѣ Лебединцева изъ Львова призвалъ мене до себе мой другъ Денисъ Сѣнке-

---

*) Второе изданіе сего дѣльца А. Добрянского уже нарочно въ пользу Галицкой Руси спорядилъ я во Львовѣ 1869 г. (А дѣльце то достойно еще и многократныхъ изданій!)

**) Сознаюсь, що немало жалѣлъ я о томъ, що не могъ поближе сходитись съ Лебединцевымъ въ касинѣ, такъ якъ тогда богато занятъ былъ дома — вотъ такою не весьма вдячною роботою: М. Качковскій насылалъ мнѣ цѣлыи паки „писательскихъ творовъ“, получаемыхъ нимъ (очевидно, не безъ его упремiованья) отъ школярей и сельскихъ учителей изъ всѣхъ сторонъ Галичины, съ тѣмъ, щобы я тѣ „творы старался изготовити до друку“. Понятно, що изготовленіе до друку такихъ студенческихъ твореній, особенно поэзій, якъ и льстило моей амбиціи, но стóило менѣ таки всегда больше времени и труда, чѣмъ еслибы я на ихъ-же тему сочинялъ якій свой оригиналъ. Однакъ ишло тутъ доброму нашему меценату Качковскому, а ровно и менѣ, о подготовку молодой генераціи до серіозно-писательскихъ занятій.

вичъ, директоръ Львовской филіи Общества асекураційного „Аціенды“ и сейже часъ онъ заявилъ менѣ, що чрезъ посредство своего брата, священника приграничного села Перемышльской епархіи, получилъ якъ-разъ изъ Россіи 7000 рублей „субвенціи для Галицкихъ Русиновъ“ съ тѣмъ, щобы тую сумму доручити менѣ налично. Дѣйстно, ошеломленный тѣмъ, ни-же предчуваннымъ мною заявленіемъ, я ніякъ не хотѣлъ приняти той загадочной субвенціи, не зная ни источника, отъ якого она походитъ, ни цѣли, для якой спеціально она призначена. Только завѣренье самого Сѣнкевича, що о томъ всемъ на-вѣрно будутъ знати проф. Я. Головацкій и сов. Юл. Лавровскій, побудило мене приняти тую-же для передачи ей тѣмъ добре зазнаннымъ нашимъ патріотамъ. И сейчасъ-же я отправился съ тѣми грошми къ Як. Головацкому, где засталъ уже и Ю. Лавровского, которыи оба, получивши того-же дня письма о той присылцѣ грошей изъ Холма, власне собирались идти до мене въ редакцію „Слова“. Тутъ-же и узналъ я отъ нихъ, що за побужденіемъ искреннѣ-дружного намъ Лебединцева малорусскіи патріоты за кордономъ добровольною складчиною зложили сію значительную сумму, для поддержанія нашихъ слабыхъ силъ въ борьбѣ съ могущими противниками Галицкой Руси. Мое недоумѣнье що-до неувѣдомленья мене напередъ о сей грошевой присылцѣ они просто усмирили своимъ возложеніемъ довѣрія въ фирму Д. Сѣнкевича и моей редакціи. — При той случайности Головацкій отчиталъ намъ относительное письмо къ нему отъ Лебединцева, содержащее и тіи слова: „Прежде всего Вамъ на сплату Вашихъ долговъ*) и на переѣздъ, а также на русскій театръ“. И таки при мнѣ Головацкій изъ доставленныхъ мною ему денегъ далъ 2000 руб. Ю. Лавровскому на поддержку театральной трупы Е. Бачинского, а послѣ того спросилъ и мене, сколько бы мнѣ дати на поддержку „Слова“. Но я отвѣтилъ то, о чемъ прочемъ и онъ самъ добре зналъ, що мое „Слово“, благодаря Богу, русской публи-

*) Головацкій имѣлъ тогда въ самомъ дѣлѣ немалыи долги и былъ въ потребахъ на житье съ родиною ажь до своего переѣзда въ Вильну, послѣдовавшого въ Маѣ 1867 г. Еще бо средь лѣта 1866, яко заподозрѣнный „Москаль“, подверженъ былъ онъ полиціиной ревизіи, при которой забрано ему всѣ переписки съ ученымы изъ Россіи, а вразъ же и засуспендовано его отъ университетской катедры и отъ жалованья. Самъ намѣстникъ гр. А. Голуховскій, знавшій языкъ россійскій, отчитывалъ забраныи у Головацкого письма Погодина, Срезневского, Бодянского, Костомарова, Кулиша, Бѣлозерского и др., а не нашедши въ нихъ ни найменьше чего, що послужити бы могло до обвиненія кого-будь о Hochverrath, возвратилъ ихъ всецѣло Головацкому передъ выѣздомъ того жь до Вильны. Звернено ли ему и засуспендованное за цѣлый майже годъ жалованье, того я не знаю, — бо Головацкій не успѣлъ докончити своей, списываемой для мене автобіографіи, которой только первую часть, доведенную нимъ ледви до г. 1848, прислалъ менѣ во Львовъ въ 1886, а я того-же года напечаталъ оную въ „Сборнику“ нашей Матицы.

цѣ и упованіямъ на доброго Качковского, стоитъ превосходно, а только указалъ я при томъ на потребу якой поддержки для Ставропигійской бурсы и молодечого „Друга“. Да и въ самомъ дѣлѣ Головацкій вскорѣ потомъ выдалъ на руки проф. Меруновича, управителя реченной бурсы, 300 злр., а Вл. Стебельскому, редактору „Бояна“, 500 злр., и подобно столько-же внесъ на поддержку нашей Матицы. Впрочемъ онъ кромѣ того уплачевалъ изъ той-же субвенціи непроволочныи долги за нѣсколько отправляющихся въ Холмъ нашихъ выселенцевъ, если которыи къ нему съ просьбою о то относились.

Да и правду сказати: та щедрая субвенція отъ братей нашихъ Малорусиновъ изъ-за кордону была сама собою полной признательности благодѣяніемъ; а только способъ скрытный, таинственный, съ якимъ она, навѣрно лишь „страха ради ляцка“ и тамъ собрана была и тутъ передана потайкомъ до рукъ моихъ, тотъ способъ былъ на всякій случай на обѣ стороны постыдный. Вѣдай на ту субвенцію чи доброчинную запомогу — — якъ завѣрялъ честный Лебединцевъ — зложились по найлучшей волѣ браты наши въ русской Украинѣ, такъ зачѣмъ же не было о томъ добромъ ихъ дѣлѣ извѣстити хотьбы и передъ цѣлымъ свѣтомъ въ-явъ? И зачѣмъ присылка ей, хоть и въ „русскихъ рубляхъ“, да и роздача ей у насъ на самыи благодѣйныи цѣли не переводилась общеявно? Головацкій завѣрялъ мене не безъ нѣкоторого изъ своей стороны резону, що тайна тои субвенціи соблюдалась головно изъ взгляду на участіе въ томъ дѣлѣ г. Юліяна Лавровского, который въ то время былъ ц. к. совѣтникомъ высшого краевого Суда и предестинованъ къ найвысшому державному Суду, а вразъ-же былъ и вице-маршаломъ Галицкого Сойма. Отже все таки Русь тутъ животѣла еще подъ дуновеніемъ „страха ради ляцка“!

Но тутъ въ ономъ субвенційномъ дѣлѣ безъ всякой потребы былъ вмѣшанъ и *я*, именно *я*, мнимый властитель царского ордена и дѣйствительный побератель русскихъ рублей! Цѣлый бо свѣтъ зналъ о публикованномъ назначеніи для мене русскимъ Царемъ ордена Анны III. класы, а лишь немногіи люди наши знали о томъ, що я и зачѣмъ я то истинно великодушное отличіе не принялъ; въ году же 1866 многіи даже на Львовской почтѣ знали, що моя редакція „Слова“ получае присылки русскихъ рублей изъ Петербурга (для Кельсіева-Желудкова); далѣй навѣть Поляки въ Львовскомъ Соймѣ знали о присылцѣ до 700 руб. изъ россійского Люблина таки на мое собственное имя*). А тутъ еще наступилъ и мой собственноруч-

*) Съ тою грошевою присылкою изъ Люблина было вотъ таково: Два наши гимн. проф. Баньковскій и Лукіянъ Лавровскій, пріобрѣвшіи собѣ мѣста въ такомъ-же званіи при гимназіи въ росс. Люблинѣ, не могли туда сейчасъ отправитись, понеже нам. гр. А. Голуховскій не хотѣлъ имъ

ный переемъ оныхъ 7000 рублей субвенціи отъ закордонскихъ Украинцевъ, о якой намъ — якъ сказано — ни найменьшой потребы не было якъ-нибудь скрыватися.

Отже то съ тѣмъ орденомъ и съ тѣми русскими рублями выходило для мене щось на таке, якъ то было съ заподозрѣньемъ щó-до моей брошурки „Въ одинъ часъ“, которую случайно я издалъ въ томъ-же самомъ году, коли Бисмаркъ, наголову побивши насъ подъ Кенигрецомъ, затѣялъ былъ якій-то плянъ о роздѣлѣ Австріи и о прилученіи нашой Галичины до Россіи.

Сіи случайныи событія и заподозрѣнья немало волновали мене въ свое время. а нынѣ я холодно уважаю, що дали бы они развѣ лишь предметикъ до якой сензаційной новельки.

Въ г. 1870, т. е. въ предпослѣднемъ году моего редакторства при „Словѣ“, былъ у мене якій-то статный Литвинъ Бѣлорусъ изъ Вильны (имя его не помню), доставившій менѣ спорый ящикъ съ русскими книгами отъ Я. Ѳ. Головацкого, тогда предсѣдателя русской археографической комисіи въ Вильнѣ.

Не могу тутъ воздержатись, щобы прислучайно еще гдещо не розсказати про нашего предоброго Якова Ѳ. Головацкого. Онъ то отъ своего выѣзда отъ насъ до Вильны въ г. 1867 даже до своей кончины тамъ-же въ г. 1888, таки ежегодно присылалъ для библіотеки нашего „Народного Дома“, то и частнымъ лицамъ русскіи книжки, неразъ и цѣнной стоимости; онъ то и выедналъ въ редакціяхъ нѣкоторыхъ великорусскихъ журналовъ даровую присылку тѣхъ-же изданій для нашего „Народного Дома“, который и по смерти его даже до-нынѣ гдеякіи изъ даровизнъ тѣхъ получае. Онъ же заходился въ Россіи усильно о даровое пріобрѣтеніе дублетовъ изъ царскихъ библіотекъ для нашего „Народного Дома“, а только нашъ Домъ Народный — снова „страха ради ляцка“ — не постарался изъ своей стороны тѣ заходы Головацкого поперти. Вконецъ щó еще съ найбольшимъ самопожертвованьемъ, бо съ пожертвованьемъ правового наслѣдія своей семьи, сдѣлалъ Головацкій для нашей Руси, было то, що — якъ извѣстно — въ пользу нашего

выдати паспортовъ иначе, ажь доколь они не звернутъ суммы всѣхъ стипендій, якіи за студентскихъ лѣтъ отъ австр. правительства получали. Въ такой ихъ бѣдѣ заложилъ я за нихъ требуемую сумму 800 злр. акціями Колѣи Рудольфа въ ц. к. намѣстничествѣ, и они оба, получивши уже пашпортъ, выселились въ Люблинъ. Потомъ-же, коли отъ росс. правительства они получили той свой выкупъ изъ-подъ Австріи, то прислали заложенную за нихъ сумму изъ Люблина въ письмѣ на мое имя; но тутъ листоношъ, по якому-то недоумѣнію, отдалъ се грошевое письмо графу В. Дѣдушицкому таки въ Львовскомъ Соймѣ. Тожь сіе-же письмо, вторично опечатанное на Львовской почтѣ, одержалъ я только на другій день и тогда-же далъ я такожь относительное изъясненіе о томъ событіи въ моемъ „Словѣ“.

„Народного Дома“ завѣщалъ всю свою домашнюю многоцѣнную библіотеку и около 30 конволютовъ еще надъ тую цѣннѣйшихъ писемъ и переписокъ, самыхъ важныхъ для исторіи періода возрожденія нашей отечественной литературы*).

(Прод. слѣд.)

Для чого львовская цензура не допустила къ печатанію „Русалку Днѣстровую“.

.....

О. Огоновскій въ своей „Исторіи литературы рускои“ П. 1. стор. 368 подаетъ, що коли Маркіянъ Шашкевичъ съ Яковомъ Головацкимъ приготовилъ для печати сборникъ „Зоря“(перенменованный впослѣдствіи на „Русалка Днѣстровая“), долженъ былъ предложити его правительственной цензурѣ, но такъ якъ тогда цензора галицко-русскихъ книгъ во Львовѣ не было, рукопись должна была поступити въ вѣденьскую цензуру, въ которой цензоромъ славянскихъ книгъ былъ Варѳоломей Копитаръ. Сей не считалъ однако себе компетентнымъ рѣшати сіе дѣло и возвратилъ рукопись Шашкевичу, который не видѣлъ иного выхода, якъ только предложити ее львовской губерніи.

Однако изъ одной рукописи библіотеки „Нар. Дома“ слѣдуетъ, що Копитаръ одобрилъ „Зорю“ и прислалъ ее львовской губерніи, президія же губерніи передала рукопись ради новой оцѣнки крылошанину Михаилу Гарасевичу съ порученіемъ спросити мнѣнія д-ра Венедикта Левицкого. Тѣмъ новымъ прибавленіемъ къ извѣстнымъ уже матеріаламъ о рожденіи „Русалки Днѣстровой — того перѳенца возродившейся галицко-русской словесности — служитъ рукопись, находящаяся въ библіотецѣ „Нар. Дома“ въ отдѣленіи: Музей Петрушевича. Есть то начеркъ отвѣта Гарасевича на письмо президіи губерніи.

Отвѣтъ имѣетъ адресъ: An Seine des K. K. wirklichen geheimen Raths Ritters des SS. Stephans — Ordens und Gubernial — Praesidenten der Königreiche Galizien und Lodomerien Hoch

---

*) Многіи письма изъ начальныхъ лѣтъ того періода (отъ г. 1850 до 1862) издало въ прошломъ году Львовское Науковое Товариство им. Шевченка въ объемистой книзѣ подъ з. „Кореспонденция Якова Головацкого“, Львовъ, 1905 (стр. CLXI+592). Но Богъ да проститъ совѣсти украиноманского переписывателя сихъ писемъ въ библіотецѣ „Нар. Дома“ за все то, щб онъ въ своей пространной передмовѣ и во многихъ ноткахъ до тѣхъ писемъ въ оной книзѣ натолковалъ, навымышлялъ о якой-то выдуманной нимъ у насъ Погодинской колоніи, въ челѣ которой для Катилинского поборюванья родной Матери-Отчины и даже непровиной тутъ австрійской Державы стояли — по его доносу — Денисъ Зубрицкій и Яковъ Головацкій!

und Wohlgebohren Herrn Baron Krieg von Hochfelden Excellenz и гласитъ въ переводѣ изъ нѣмецкого на русскій языкъ:

Ваше Превосходительство! Возвращая дорученную менѣ президіальнымъ письмомъ Вашего Превосходительства отъ 23 февраля с. г. ч. 819 рукопись „Зоря, писемце посвященное русскому языку Русланда(!) Шашкевича“ вижуся понужденнымъ слѣдующимъ образомъ высказати мое мнѣніе, именно

I. Касательно допущенія къ печатанію выше названной рукописи. Я сообщилъ ту рукопись примѣнительно къ указанію Вашего Превосходительства доктору богословія и профессору, почетному канонику Венедикту Левицкому для головной оцѣнки. Послѣ его, сдѣсь въ приложеніи ·/. прибавленного мнѣнія та рукопись содержитъ и по содержанію своему и по употребляемымъ выраженіямъ многое, що изъ взгляда на здѣшніи провинціальныи отношенія есть соблазнительнымъ и потому она не надается для печатанія.

Съ тѣмъ мнѣніемъ профессора и почетного каноника Венедикта Левицкого я вполнѣ согласенъ и хотя та рукопись цензурою на основаніи общихъ предписаній цензурныхъ была признанная допускаемою для печатанія, однако я есмь того мнѣнія, що она изъ взгляда на наши провинціональныи отношенія не годится къ сему, ибо она

1) приводитъ на память скорбныи историческіи событія относительно религійныхъ и политическихъ угнетеній, претерпѣнныхъ здѣшними природными жителями отъ поляковъ, особенно по наущенію іезуитовъ, и жидами, употреблявшимися яко орудіе къ сему, изъ чего произошла кровавая отплата въ козацкихъ войнахъ подъ предводительствомъ Хмельницкого, сохранившаяся въ народной традиціи до сей поры и вызывающая еще теперь горькіи воспоминанія;

2) то сочиненіе могло-бы тѣмъ, которыи смотрятъ кривымъ окомъ на гр. кат клиръ, преданный цѣсарскому правительству, и на галицко-русскую націю — дати предлогъ къ роспространенію мнѣнія, будьто она (галицко-русская нація) склоняется къ Россіи и къ православію, тѣмъ больше, що то сочиненіе составлено гр. кат. питомцемъ семинаріи Мартиномъ (!) Шашкевичемъ подъ вымышленнымъ именемъ „Russland“;*)

2) хотя-бы прозябающіи таланты молодежи на литературномъ полѣ подобало не придавляти, однако стремленіе (die Tendenz), которое собѣ тотъ питомецъ избралъ, не можетъ быти пособляемо, ибо ближайшимъ для него, его званія касающимся поприщемъ есть богословское нравоученіе, обучаніе народа, библійная наука и исторія церковная, а если у него такое рвеніе, дѣлати литературныи пробы на простонародномъ языцѣ, пускай напишетъ общеполезное нравственное простонародное поученіе

*) Такъ дѣйствительно стоитъ два разы въ автографѣ Гарасевича.

и тѣмъ отличится — относительно чего онъ уже отъ мене получилъ наставленіе;

4) настояще замѣчается у молодежи склонность и стремленіе сочиненіями и стихами пріобрѣсти славу авторовъ, а такая наклонность у кандидатовъ духовного званія тѣмъ менше должна проявлятись, такъ якъ она мѣшаетъ ихъ студіямъ по званію и можетъ ихъ ввести въ общность съ такими индивидуами, которыи питаютъ въ себѣ вредныи тенденціи и извращенныи принципы.

II. Относительно установленія цензора для галицко-русской (ruthenisch) словесности и галицко-русского языка считаю умѣстнымъ препоручити на ту должность слѣдущіи, галицко-русского языка и краевыхъ отношеній свѣдующіи, затѣмъ вслѣдствіе гражданского своего поведенія на довѣріе заслугующіи и для оного дѣла способныи особы, именно:

въ первыхъ Венедикта Левицкого, львовского почетного крылошанина, доктора богословія и професcора нравоученія въ здѣшнемъ университетѣ.

въ вторыхъ Якова Геровского, професcора библійного студіумъ нового завѣта на здѣшнемъ университетѣ.

Въ концѣ считаю умѣстнымъ запримѣтити, що здѣсь въ нашемъ краѣ (звавшемся прежде Rothreussen, Halizien или Galizien — его жители: Ruthener, Rothreussen, по латини Russia rubra, Ruthenia, Rutheni, lingua ruthenica, natio ruthenica. Vide Engel Geschichte von Halicz und Wladymir Wien 1792 2 Theil Seite 25 et seqq:) — названіе „russinische“ Sprache есть новѣйшимъ изобрѣтеніемъ и производитъ плохое впечатлѣніе и по той причинѣ подобаетъ задержати употреблявшееся отъ семи столѣтій названіе „ruthenische Sprache“ и установити цензора для „ruthenische Literatur und Sprache“. Львовъ 27 мая 1835.

Таковое есть содержаніе отвѣта Гарасевича. Изъ сего слѣдуетъ, що Копитаръ, одобряя „Зорю“, вмѣстѣ съ тѣмъ посовѣтовалъ львовской губерніи установити для возрождающейся галицко-русской словесности цензора во Львовѣ и що таже губернія, послѣдовавши его совѣту, обратилась къ Михаилу Гарасевичу съ порученіемъ, абы кандидатовъ на ту должность предложилъ. Пропозиція Гарасевича вполнѣ была принята и цензоромъ назначенъ Венедиктъ Левицкій.

Документа сообщающого намъ полное содержаніе рецензіи „Зори“ черезъ Венедикта Левицкого до сей поры не удалось отъискати. Огоновскій говоритъ въ своей исторіи литературы (П. 1. стор. 368), що Венедиктъ Левицкій осудилъ „Зорю“ головно за ея языкъ и правопись — однако онъ свое мнѣніе основуетъ не на автентичномъ документѣ, а на розсказахъ Якова Головацкого. Въ письмѣ Гарасевича проглядиваетъ — страхъ, щобы изъ-за „Зори“ правительство не подозрѣвало русиновъ въ тяготѣніи къ Россіи и его повидимому пугаетъ псевдонимъ Шашкевича „Русланъ“, который онъ понималъ яко „Russland“ — ибо въ письмѣ къ губерніи онъ ставитъ не „Ruslan“, а таки

выразно „Russland“..... Тотъ страхъ, кажется, подѣлялъ также Венедиктъ Левицкій, а въ такомъ случаѣ совсѣмъ вѣрнымъ представляется показаніе Огоновского, що Венедиктъ Левицкій нашелъ предосудительнымъ уступъ изъ думки „Згадка“:

„Заспѣваю, що́ минуло,
Передвѣцкій згану часъ:
Якъ весело колись було.
А якъ сумно нынѣ въ насъ!“

Въ тѣхъ стихахъ намекается на прежнее единство Руси, що тогда въ очахъ подозрительной полиціи могло представлятися неодобрительнымъ.

Що однако Венедиктъ Левицкій не одобрялъ также языка и правописи „Зори“; слѣдуетъ изъ другого документа, хранящогося въ библіотецѣ „Нар. Дома“. То рецензія В. Левицкого на граматику Лозинского, которую тутъ наводимъ тоже въ переводѣ изъ нѣмецкого на русскій языкъ:

Ч. 19. 19 марта 1838 получено н-ръ 1187 изъ 1837. — Лозинскій гр. кат. приходникъ Медики, перемышльской епархіи, предложилъ ц. к. уряду для ревизіи книгъ (Bücherrevisions-Amt) въ ноябрѣ м. г. граматику галицко-русского языка, составленную нимъ, для полученія позволенія печатати. Урядъ ревизійный придѣлилъ ту граматику цензору польскихъ писемъ г. Пайману подъ 12 ноября м. г. Тотже однако возвратилъ ее назадъ ревизійному уряду съ примѣчаніемъ: „Подобаетъ прежде послати г. цензору русской литературы (der russischen Literatur) для оцѣнки. Львовъ 10 мая*) 1838“. Ревизійный урядъ прислалъ ее цензору русской литературы (der russischen Literatur) съ замѣчаніемъ: сообщается подружески на основаніи предлежащого добромнѣнія для цензуры. Львовъ 10 марта 1838 Муцъ м. п.

Нота. При той граматицѣ дѣло не въ томъ, що излагательный и объяснительный языкъ въ ней польскій — но галицко-русскій текстъ въ ней писанный не кирилицею, а польскими буквами. Рѣшеніе (Decisum): Предлежащой граматицѣ, которая кромѣ многихъ ошибочныхъ, невѣрныхъ и надменныхъ утвержденій, есть вообще недостаточною, не можно удѣлити испрашиваемого Imprimatur, ибо головною тенденціею автора есть не такъ споспѣшествовати перерванному розвитію галицко-русского языка, якъ скорше вызвати его реформу. Внесенною же въ нее новостію нарушается также принципіальный характеръ русиновъ — принципъ консервативный — и возбуждается страсть къ новизнамъ у молодежи. По той причинѣ здѣшнее духовенство всѣмъ такимъ новостямъ воспротивляется. Кромѣ того сочиненіе такъ составлено, що оно можетъ въ многомъ причинитися къ обезображенію и къ замѣшательству относительного языка, къ основному же и широкому его изученію, если съ всемъ не причинится, то очень мало поможетъ. То мнѣніе подобало-бъ еще г. цензору польской литературы къ свѣдѣнію со-

*) Вѣроятно должно быти: марта.

общити. Львовъ 7 мая 1838. Венедиктъ Левицкій м. п. Выслано 9 мая 1838.

Хотя затѣмъ В. Левицкій въ языцѣ и правописи дѣйствительно могъ видѣти опасную для консерватизма русиновъ новость, однако все таки не безъ основанія есть выше высказанное мнѣніе, що псевдонимъ „Русланъ“, которое губернія понимала яко „Russland“, вызвалъ неблагопріятныи для „Зори“ послѣдствія. Если Гарасевичъ пишетъ: „Mit Zurückschliessung des mir mittels h. Praesidialschreibens.... mitgetheilten Handschrift Zora Pysemce poswiaszczennoe ruskomu iazyku von Russland Szaszkiewicz“ и дальше употребляетъ слово „Russland“, то навѣрно то слово стояло въ правительственномъ коммуникатѣ и оно навело страхъ на Гарасевича и Венедикта Левицкого, для Маркіяна Шашкевича же и его товарищей имѣло послѣдствіемъ — полицейскій надзоръ, ибо впрочемъ „Русалка Днѣстрова“ была невинного содержанія.

Референтъ губерніяльный или вообще небрежно читалъ присланный ему актъ, или мнимымъ „Russland“ такъ взволновался, що и крестное имя „Маркіянъ“ принялъ за „Мартинъ“ Онъ въ виду того считалъ нужнымъ цѣлый актъ прислати консисторіи, въ которой настоятелемъ (archipresbyter et praepositus capituli) былъ Гарасевичъ — zur Aeusserung. Герасевичъ съ своей стороны тоже не пересмотрѣлъ внимательно надосланной рукописи, ибо въ своемъ отвѣтѣ помѣстилъ и „Russland“ и „Martin“, а замѣтивъ якое-то негодованіе губерніи, далъ Шашкевичу выговоръ и неодобрительно выразился о его литературномъ начинаніи.

То наше мнѣніе остается однако догадкою до той поры, поки не найдутся новыи данныи для розъясненія сего вопроса.

Проектъ Этнографическаго музея въ „Народномъ Домѣ“ во Львовѣ.

(Продолженіе).

.....

Если на Украинѣ сознаніе отдѣльности малорусской народности розвивалось подъ воздѣйствіемъ французской позитивной философіи, то въ галицкой Руси вліяли въ томъ отношеніи другіи обстоятельства, ибо галичанамъ 1830—1848 гг. недоставало не только знанія французского позитивизма, а и философическихъ системъ вообще.

Щобы вполнѣ понимати идею извѣстной національности, необходимо знати ея исторію на основаніи потребныхъ научныхъ изслѣдованій, исторію ея словесности, исторію ея духовной и матеріальной культуры. Всего того не было у русскихъ галичанъ 1830—1848 г., ибо ни школа, ни печатанная книга не

доставляла имъ такихъ знаній. Историческихъ сочиненій на областномъ нарѣчіи не было, закордонныи же русскіи книги рѣдко кому попадалися въ руки. Когда къ галицкимъ русскимъ проникло слово: народность, когда они увидѣли, що другіи народы Австріи сплочиваются подъ тѣмъ паролемъ для духовной жизни, то и они стали призадумываться: кто они? якая ихъ народность? — Собственная наука ихъ поучити не могла, ибо такой у нихъ но было — ихъ поучити могъ только народъ, языкъ, церковная его обрядность и преданія, которыи отмѣнны были отъ языка, церковной обрядности и преданій польского народа. Тутъ этнографія дѣйствительно съиграла роль пробудителя національной жизни. Кто сблизился съ народомъ, полюбилъ его языкъ, пѣсни и изустныи его духовныи творы, тотъ ставалъ русиномъ, кто съ маловаженіемъ относился къ нимъ, тотъ оставался въ польскомъ таборѣ или переходилъ въ него. Затѣмъ для тѣхъ, которыи старались австрійскихъ русиновъ пробудити изъ вѣковой сонной немощи, неоставалось ничего другого, якъ обращати взоры своихъ интеллигентныхъ земляковъ на простонародіе и его языкъ приняти въ основу возродившейся австро-русской словесности, ибо исторического русского языка, т. е. послѣдовательно розвивавшогося въ цѣлое продолженіе русской исторіи въ словесности, они не знали.

Дальнѣйшій процесъ той духовной эволюціи стается яснымъ. Тѣ, що́ впослѣдствіи обзнакомились съ русской исторіей и исторіей русской литературы повольно проникалися сознаніемъ національнымъ единства русского народа (примѣръ имѣемъ на Яковѣ Головацкомъ), тѣ, що́ осталися при этнографической точцѣ зрѣнія, понимали свою національность въ значеніи галицко-русской или украинско-русской національности. Щобы научно обосновати свои взгляды — послѣдніи должны были станути на точцѣ зрѣнія французского позитивизма, т. е. объяснятн возникновеніе малорусской національности закономъ эволюціи, въ силу которого народъ русскій въ продолженіи исторіи розвѣтлился на великороссовъ. малороссовъ и бѣлороссовъ. Если кто изъ нихъ пробовалъ доказати историческое существованіе отдѣльной малорусской національности съ поры Рюрика, Аскольда и Дира, то попадалъ, якъ пок. О. Огоновскій въ своей исторіи малорусской литературы, въ непреодолимыи противорѣчія.

Такъ мы, кажется, достаточно — на сколько оно возможно въ рамахъ сего короткого розсужденія — обяснили значеніе этнографическихъ изслѣдованій для нашей народной жизни. Этнографическая наука не только подаетъ матеріалъ для національного самосознанія, но и сближаетъ интеллигенцію съ народомъ. Правда, если этнографію считати единственною исходною точкою для народной жизни, то дойдется къ ложнымъ и несоотвѣтствующимъ условіямъ нынѣшней цивилизаціи результатамъ, но если галицкая Русь розширитъ свой кругозоръ и станетъ трудитись на всѣхъ поприщахъ науки и современной ма-

теріальной культуры, тогда и этнографія въ своей тѣснѣйшей области сослужитъ свою службу для всеобщаго прогреса у насъ.

Рядомъ съ розвитіемъ этнографической науки важнымъ пособіемъ для нея стались этнографическіи музеи. Наглядныи предметы необходимы для всякой науки, ибо наука основывается на фактахъ, на дѣйствительности. Такіи музеи не ограничиваются храненіемъ и систематизаціей объектовъ; они проявляютъ дѣятельную иниціативу и въ собиранiи недостающихъ предметовъ, устроиваютъ экспедиціи для изученія народа и соединяютъ вокругъ себе дѣятелей научно обработывающихъ тѣ коллекціи. Первымъ такимъ музеемъ былъ основанный Бастіаномъ берлинскій „Museum für Völkerkunde“, по его примѣру были устроены этнографическіи музеи въ Липску, Гамбурзѣ, Мюнхенѣ, Бремѣ, дальше въ Лейденѣ, Буда-Пештѣ, Вѣнѣ, Лондонѣ. Превосходны національныи музеи въ Швеціи, где они обставлены съ крайней роскошью. Nordiska Museum въ Штокгольмѣ, основ. 1872 г‘, содержащій коллекціи полярныхъ народовъ, имѣетъ служительскій персоналъ подобраный изъ представителей розличныхъ этнографическихъ групъ, одѣтыхъ въ свои мѣстныи костьюмы. Великое число музеевъ этнографическихъ возникло также въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Поляки, сторонившіи прежде отъ той науки, стаютъ нею также заниматись и заходятся около основанья такого музея въ Краковѣ.

(Конецъ будетъ.)

Письма Іордана Мицкевича, генерального прокуратора базиліянъ въ Римѣ, къ митрополиту Михаилу Левицкому.

(Продолженіе).

Въ письмѣ отъ 18 ноября 1815 г. Іорданъ Мицкевичъ радуется, що по волѣ австрійского императора Михаилъ Левицкій будетъ галицкимъ митрополитомъ. (Самъ еп. Левицкій письмомъ ему предложеніе правительства сообщилъ). Однако императорская пропозиція еще въ австрійское посольство въ Римѣ не пришла. Если прійдетъ, онъ (Іорданъ Мицкевичъ) постарается о приспѣшеніи дѣла. При переведеніи изъ епископства на митрополію ведется процесъ о жизни и нравственности каждого номината. Въ семъ случаѣ, при назначеніи Левицкого митрополитомъ, долженъ-бы для произведенія такого процеса опредѣлитись одинъ изъ галицкихъ епископовъ; когда такій актъ былъ-бы присланъ въ Римъ, тогда соберется епископская консисторія и окончательно рѣшаетъ. Затѣмъ таковая процедура забираетъ

много времени. Однако относительно уніятского митрополита можетъ были избранная другая дорога на основаніи привиллегіи папы Климентія VIII и по той причинѣ Іорданъ Мицкевичъ даетъ еп. Левицкому такій совѣтъ:

„Извольте безотлагательно прямо, или подъ моимъ адресомъ написати къ кард. Литта, префекту пропаганды, съ просьбою, абы по его ходатайству булла на достоинство митрополита была для Васъ отправленная, примѣнительно къ привиллегіи данной папою Климентіемъ VIII епископамъ и митрополитамъ русскимъ и начинающейся словами „Decet Romanum Pontificem, 1595 7 calendas Martii“, секретною дорогою (per viam secretam), а не черезъ консисторію. Въ оной привиллегіи есть много милости для уніатской Руси, продолжительное же примѣненіе ея можетъ понравитись и великой Россіи и причинитись къ ея соединенію съ св. вселенскою церквою. Я говорилъ о семъ съ министромъ двора (австрійскимъ посланникомъ) и кардиналомъ префектомъ; оба обѣщали удержати въ силѣ привиллегію данную Руси въ пору ея соединенія. При такой дорозѣ не будетъ издержекъ pro juribus cancellariae, которыи поносилъ покойный митрополитъ, идучи via consistoriali episcoporum latinorum“.

Дальше пишетъ Іорданъ Мицкевичъ о меморіалѣ, высланномъ администраторомъ митрополіи на имя папы касательно перехода кандидатовъ духовного званія изъ обряда гр. русского въ латинскій. Въ семъ дѣлѣ имѣетъ слово также австрійское правительство и не великая есть надежда на благополучное для русиновъ улаженье сего дѣла.

Въ концѣ Іорданъ Мицкевичъ благодаритъ еп. Левицкого за память объ убожествѣ римской резиденціи для Руси, установленной папою Урбаномъ VIII (1623 1644). Давнѣйше, когда существовало польское королевство, содерживали ту резиденцію базиліяне, присылая для нея 100 дукатовъ, затѣмъ — 24 лѣтъ тому назадъ, когда прибылъ въ Римъ Іорданъ Мицкевичъ — 60 дукатовъ. Послѣ роздѣла Польщи онъ ничего не получилъ отъ базиліянскихъ провинцій. Папа Пій VII для него и церкви опредѣлилъ 244 шкудовъ, но когда пять лѣтъ папы въ Римѣ не было, онъ потерялъ то пособіе, когда между тѣмъ на церковь, резиденцію, грунтовыи подати и т. п. потреба въ годъ около 500 шкудовъ или 250 дукатовъ. Іорданъ Мицкевичъ благодаритъ еп. Левицкого за оныи 20 дукатовъ, которыи суть въ дорозѣ, и хочетъ по возможности за нихъ отблагодарити.

Въ письмѣ отъ 20 января 1816 г. Іорданъ Мицкевичъ сообщаетъ еп. Левицкому, що письма его къ кардиналу Литта не могъ доручити сему, ибо онъ есть въ Миланѣ, щобы упросити австрійского императора, находящогося въ ономъ городѣ, посѣтити Римъ. Предложенія австрійского императора о назначеніи еп. Махаила Левицкого митрополитомъ еще нѣтъ въ Римѣ. При назначеніи бл п. Михаила Ангеловича митрополитомъ, было въ Римѣ замѣшательство, ибо папа Пій VII находился на-

канунѣ своего вывезенія изъ Рима и тогда онъ (Іорданъ Мицкевичъ) съ своимъ товарищемъ былъ употребленъ до переведенія процеса въ Римѣ а митрополитъ былъ возванъ въ Вѣну для полученія паліума и оплаты римской канцеляріи, но теперь, когда нѣтъ такихъ переворотовъ, вѣроятно послѣдуетъ рѣшеніе совершити тотъ актъ посредствомъ епископа латинского въ Перемышлѣ или архіепископа армянского, а не посредствомъ присвоивающого собѣ власть надъ Русію митрополита (собственно архіепископа латинского львовского) „Я имѣлъ“ — пишетъ Мицкевичъ — „въ 1802 г. въ рукахъ письмо пок. латинского архіепископа львовского, полное влеветъ на русскій клиръ. Письмо то было писано до якого то агента при вѣденской нунціатурѣ — сей далъ его нунцію, нунцій отослалъ въ пропаганду, а пропаганда сообщила менѣ яко русскому прокуратору. Тогоже года 27 сентября я опровергнулъ обвиненія передъ пропагандою, а для предостереженія послалъ копію такъ оного письма, якъ и мой отвѣтъ тогдашнему львовскому епископу Скородинскому, о чѣмъ долженъ хорошо знати теперѣшній администраторъ митрополіи. Застереженіе апостольской столицы, що только она можетъ соизволяти на переходъ русиновъ въ латинскій обрядъ, служитъ основаніемъ ровенства епископовъ обоихъ обрядовъ. Если-бы правительство австрійское напирало на епископовъ русскихъ, щобы розрѣшали переходъ въ латинскій обрядъ, можно сослатись на оное застереженіе папы.

Въ письмѣ отъ 22 февраля 1816 г. Іорданъ Мицкевичъ сообщаетъ еп. Левицкому, що императорское рѣшеніе уже въ Римъ пришло и дѣломъ занимается кард. Литта. Документъ номинаційный на митрополита будетъ изданъ даромъ, причитающуюся датаріяльной канцеляріи сумму уплатилъ самъ австрійскій посолъ, а послѣ свернетъ ему то митрополитъ. Процесъ переведетъ въ Римѣ Іорданъ Мицкевичъ съ однимъ латинскимъ священникомъ и къ сему не будутъ употреблены львовскіи епископы (І. Мицкевичъ думалъ навѣрно: галицкіи епископы), послѣ чего на публичной консисторіи еп. Михаилъ Левицкій будетъ провозглашенъ архіепископомъ —митрополитомъ Галицкимъ и палліумъ будетъ посредствомъ посольства высланый въ Вѣну. Когда то совершится, Мицкевичъ митрополиту пришлетъ дневникъ сего торжественного акта и дасть знати, якою дорогою пойдетъ экспедиція — посредствомъ пропаганды ли въ силу буллы Климентія VIII, или посредствомъ датаріи. При Ангеловичѣ вѣденскій дворъ домагался, абы промоція происходила more Latinorum безъ взгляда на привилегіи для Руси — и такъ сталося. Теперь администраторъ датаріи аббатъ Сала хочетъ придерживатися также такой практики и требуетъ оплаты таксы привилегіи, префектъ же пропаганды, кард. Литта, хочетъ въ силѣ удержати буллу Климентія VIII для уніятовъ.

(Дальше будетъ.)

Изд. Инст. „Нар. Домъ“. — За редакцію отвѣчаетъ Ф. И. Свистунъ.

Изъ Ставропигійской типографіи, подъ управленіемъ Мих. Рефця.

Ч. 11. Львовъ, ноябрь 1906. Годъ XXIV (II)

ВѢСТНИКЪ
„НАРОДНАГО ДОМА".

Выходитъ разъ въ мѣсяцъ. — Предплата въ годъ 2 кор. Редакція и администрація: Львовъ, улица Театральная Ч. 22.

ЖЕРТВЫ.

Въ мѣсяцѣ октябрѣ и ноябрѣ с. г. изволили пожертвовати П. Т.:

I. **На бурсу „Нар. Дома"**: 1) о. Іоаннъ Мудракъ изъ Губичъ 10 кор.; 2) о. Александръ Виханскій изъ Смерекова отъ себе 2 кор., отъ прихожанъ 5 кор.; 3) Антоній Венгеръ, мураръ илъ Львова 15 кор.

II. **Въ библіотеку и музей:** 1) о. Іоаннъ Мудракъ изъ Губичъ старинній рѣзьбленный крестикъ и медальёнъ съ изображеніемъ св. Антонія; 2) Василій Урбановичъ ц. и к. капитанъ въ Вѣнѣ 17 соч. въ 38 том.; 6) Захаръ Копыстянскій, слушатель юрид. фак. въ Львовѣ. 1 соч. въ 1 том.; 4) д-ръ К. Студинскій, проф. унив. въ Львовѣ, 1 соч. въ 1 том.; 5) о. Яковъ Сиротдовъ изъ Сихова 1 соч. въ 1 том.; 6) чешская академія имени имп. Францъ—Іосифа I. 8 соч. въ 8 том.; 7) львовская митр. консисторія 1 соч. въ 1 том.; 8) с-петербургскій университетъ 1 соч. въ 1 том.; 9) черновицкій университетъ 1 соч. въ 1 том.; 10) д ръ Адріанъ Копыстянскій, проф. гимн. въ Коломыѣ 1 соч. въ 1 том.; 11) д-ръ Ив. Франко изъ Львова 1 соч. въ 1 том.; 12) о. Кириллъ Дольницкій изъ Зазулинецъ старинную серебряную печатку и бронзовый наконечникъ стрѣлы; 12) Иванъ Кревецкій изъ Львова 1 соч. въ 1 том.

Всѣмъ тѣмъ жертводателямъ Упр. Совѣтъ русско-народнаго Института „Народный Домъ" во Львовѣ заявляетъ должное благодареніе.

КОНКУРСЫ.

Ч. 1111/906. На двѣ стипендіи имени бл. п. Михаила и Пелагіи Конюшецкихъ по 300 кор. въ годъ, а то: на одну стипендію для ученика а вторую для ученицы, объявляется симъ конкурсъ съ опредѣленіемъ срока по день 18 (31) декабря 1905 года.

Подавати просьбы могутъ посредствомъ училищного настоятельства зъ Управляющій Совѣтъ русского народного Института „Народный Домъ“ въ Львовѣ — которому прислугуетъ право надаванія тѣхъ стипендій — такіи ученики, взглядно ученицы, посѣщающіи публичныи народныи и середніи школы, которыи выкажутся, що

1) суть родомъ изъ Галичины,
2) русской народности и гр. кат. обряда,
3) суть бѣдны,
4) нравственно хорошо ведутся и
5) въ наукахъ выкажутъ отличный или по крайней мѣрѣ удовлетворительный успѣхъ.

Первенство между соубѣгателями, при заходящихъ въ прочемъ выше наведенныхъ условіяхъ, имѣютъ сродники фундаторки бл. п. Пелагіи Конюшецкой и сродники ея мужа Михаила Конюшецкого.

Отъ Управляющого Совѣта русского народного Института „Народный Домъ“.

Львовъ 30 октября (12 ноября) 1906.

Ч. 1136/906 На одну стидендійную запомогу имени Луки Пипана, 240 кор. годично, объявляется симъ конкурсъ съ началомъ 1906/7 школьного года съ опредѣленіемъ срока по день 18 (31 дек.) 1906 года.

О надѣленіе тою стипендійною запомогою могутъ старатись исключительно ученики, посѣщающіи гимназіальныи школы въ Галичинѣ, которыи выкажутся, що они суть:

1) родомъ изъ Галичины,
2) русской народности и греко-кат. обряда,
3) бѣдныи — тоже
4) нравственно хорошо ведутся.
5) въ наукахъ вообще, а въ особенности въ науцѣ русского языка хорошо успѣваютъ.

Сродники фундатора, при ровныхъ данныхъ, имѣютъ первенство.

Надѣленный пользоватись будетъ тою стипендійною запомогою только до окончанія середнихъ школъ.

Отъ Управляющого Совѣта русского народного Института „Народный Домъ“.

Львовъ 3/16 ноября 1906.

Осипъ Андреевичъ Мончаловскій.

литераторъ-публицистъ, членъ русско-народного Института „Народный Домъ“ во Львовѣ и другихъ русско-народныхъ обществъ, одинъ изъ выдяющихся дѣятелей на полѣ литературномъ, просвѣтительномъ и политическомъ Галицкой Руси — упокоился 1 (14) ноября 1906 г. на 48 году жизни.

Въ покойницѣ сошелъ въ могилу одинъ изъ даровитѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ труженниковъ на нашей отечественнной литературной нивѣ, непоколебимо и послѣдовательно проводившій въ своихъ сочиненіяхъ и статьяхъ тѣ идеи, которыи онъ считалъ необходимымъ условіемъ успѣшного культурного розвитія австро-венгерской Руси. Онъ родился въ 1858 г. въ Сошнѣ, каменецкого повѣта, где его отецъ былъ учителемъ народной школы. Кончивши гимназію въ Львовѣ, онъ поступилъ въ львовскую духовную семинарію, но затѣмъ перейшолъ на юридическій факультетъ университета. Горячая любовь къ своему народу и желаніе дѣйствовати посредствомъ литературныхъ трудовъ для поднятія его духовного уровня заставили его посвятитись всецѣло публицистицѣ и писательству. Первымъ его литературнымъ произведеніемъ была книжечка подъ названіемъ „Новый Свѣтъ“, изданная Обществомъ имени Михаила Качковского въ 1880 г. — въ томъ же году появились первыи его стихи въ „Словѣ“ и „Страхопудѣ“. Съ той поры публицистическая и литературная его дѣятельность шли паралельно. Состоя сотрудникомъ „Слова“ въ 1883—1886 гг., затѣмъ „Нового Пролома“, „Червонной Руси“, „Галичанина“, онъ одновременно издавалъ юмористическую газету „Страхопудъ“ (съ 1886 г. до своей смерти) и литературно-научную „Бесѣду“ (1887—1898), въ послѣднихъ же годахъ своей жизни былъ редакторомъ „Сборника Галицко-русской Матицы“. Изъ численныхъ его трудовъ и статей замѣчательны: Житье и дѣятельность Ивана Наумовича. Львовъ 1899 — Литературное и политическое украинофильство. Львовъ 1898 — Памятная книжка въ 25-лѣтній ювилей Общества имени Михаила Качковского 1899 — Святая Русь 1903. Легкій слогъ и ясное изложеніе обговориваемой матеріи дѣлали его статьи и сочиненія приступными для широкихъ круговъ нашего народа, сатирическіи же остроты его „Страхопуда“ всеобще признавались лучшими произведеніями юмористики. Даже давнѣйшіи рочники „Страхопуда“ составляютъ нынѣ любимое чтеніе молодшого и старшого возраста.

Покойникъ принималъ живое дѣятельное участіе въ политической жизни Галицкой Руси и яко секретарь „Русской Рады“ и „Народного Совѣта“ въ послѣдніи годы своей жизни несъ тяжелое бремя дѣловодства тѣхъ обществъ.

Похороны сто состоялись 3 (16) ноября с. г. при громадномъ стеченіе народа изъ всѣхъ сторонъ нашего края, особенно крестьянъ, которыи въ время похоронного шествія несли его гробъ до самой могилы. Честь его памяти и благодарность отъ всего нашого народа! Блаженный упокой его праведной душѣ!

Где-що до исторіи азбуки и языка Галицкой Руси.

(Изъ свое-житьевыхъ записокъ Богдана А. Дѣдицкого).

(Продолженіе.)

Но вертаю до Литвина-Бѣлоруса, присланного къ менѣ тогда Головацкимъ съ книжками изъ Вильны. Былъ то настоящій Бѣлорусинъ, професоръ Виленской гимназіи, заговорившій до мене самымъ крѣпко-јотованнымъ произношеніемъ гласныхъ по великорусски. Я просилъ его бесѣдовати со мною точно по бѣлорусскому говору, такъ якъ радъ былъ мои знанія въ бѣлорусчинѣ у самого-же вѣрного источника пополнити. Мой гость, по званію класическій филологъ, охотно согласился на то, и въ дальшомъ розговорѣ со мною нарочно добиралъ такіи изъ простолюдныхъ бѣлорусскихъ выраженій, що тіи были яко-бы нарѣчіевыи уникаты. А зналъ же милый гость мой всякіи діалектичныи говоры оной, по своему объему самой малой Бѣлоруси (всего около 4 миліоны душъ), которая подъ языковымъ взглядомъ далеко не составляе такій родъ „особностей“, якій въ соотношеніи къ собѣ творятъ двѣ могущіи сестрицы ей — Малая и Великая Русь. Напротивъ, изъ всѣхъ поясненій по сему предмету, данныхъ мнѣ тутъ умнымъ Литвино-Бѣлорусомъ, увѣрился я въ томъ, въ чемъ и онъ былъ увѣренъ: що бѣлорусчина безпричинно уважается особымъ будь-то третьимъ русскимъ нарѣчіемъ, а есть она просто діалектомъ великорусскимъ, розличнымъ развѣ только въ томъ одномъ, що звуки **д** и **т** передъ мягкими гласными змягчае на **дзь** и **ць**, а иногда также **ч** перемѣняе въ **ц**.*)

III. Борьба Галицкой Руси противъ латинской азбуки въ г. 1859.

Около полъ-столѣтія тому назадъ, въ г. 1859, произойшло событіе, имѣвшое на цѣли: насъ, Галицкихъ Русиновъ, подъ взглядомъ азбуковымъ перетворити въ „латинянъ“, подъ взглядомъ же правописнымъ въ Чеховъ или Поляковъ.

*) Такъ на прим. дѣтя, ходить, ходити, тепе́рь, дочь, ночь, Бѣлорусинъ произноситъ: дзјеця, хадзіць, хадзіці, цјепјерідоць, ноць, да впрочемъ всѣ другіи звуки такъ само, якъ настоящіи Москали. Отже и тотъ Русинъ, который брался бы коли сочинити щось подобного въ родѣ моей брошурки „Въ одинъ часъ“, а радъ бы приноровити ю и для Бѣлорусина, долженъ бы сіе примѣчаніе имѣти въ памяти.

Само собою розумѣется, що отгрывалась тутъ велика межинаціональная драма, и мы, ея участники — если насъ хоть зъ десятокъ еще днесь жіе — должны бы то важное событіе, тую великую драму въ память молодшой генераціи обстоятельно описати. Закѣмъ тое при Божой милости успѣю сдѣлати я, одинъ изъ случайно-важкихъ той драмы участниковъ, запишу тутъ нынѣ о ней мимоходомъ и въ-кратцѣ хоть слѣдующое:

Былъ тогда Министромъ просвѣщенія въ Вѣдни ученый Чехъ гр. Левъ Тунъ, а его адлятусомъ секретарь въ его министерствѣ Іосифъ Ѣречекъ, чешскій писатель и патріотъ, къ тому съ личнымъ престижемъ человѣкъ яко зять Великого Чеха Павла Шафарика. Во Львовѣ же былъ Намѣстникомъ Галичины гр Агеноръ Голуховскій (отецъ), Полякъ, но одинъ изъ членовъ-основателей галицко-русской Матицы (!), а его адлятусомъ по школьному управленію въ восточнôй Галичинѣ былъ Д-ръ Евзевій Черкавскій, имѣвшій тоже свой личный престижъ, бо яко русскій поповичъ (очевидно, споляченый) самымъ родомъ своимъ репрезонтовалъ идею ровноправности народностей въ Австріи.

Всѣ тіи четыре мужи, а особенно оба адлятусы Г. Ѣречекъ и Г. Черкавскій были глубоко переняты давною „высокою мисійною идеею культурно-европейского Запада“, состоящею именно въ томъ: преобразовати „варварскій Востокъ Европы съ его безпредѣльнымъ Сѣверомъ на западно-европейскій ладъ“, якую то „высокую мисію“ ни-же Петру Великому успѣшно перевести не удалось. Ибо дивно, всю суть оной культурной мисіи уважали — не Петръ Великій, но западныи культуристы — паче всего во введеніи латинского альфавита въ сей другой большой половинѣ Европы, такъ якъ, по ихъ спеціальному мнѣнію, сей альфавитъ, изъ поконвѣкъ у нихъ существующій, сдѣлалъ весь Западъ ихъ культурнымъ.

А не удавалась тая мисія — думали теперь западныи культуристы — головно по-тому, що выше 100 миліонами душъ населенный Востокъ и Сѣверъ Европы то просторонь мало не въ три разы большая, чѣмъ весь ея Западъ, отже роботы и предѣлы мисіи надъ всякую мѣру велики, просто необъятныи. Слѣдовало бы начало вести отъ меньшого объема и отъ найблизшихъ предѣловъ

А тутъ для такого начала якъ-разъ надавалась Галицкая, Буковинска и Угорская Русь, состоящая на 46 миліоновъ населенія австро-угорской державы лишь изъ трехъ миліоновъ жителей, а котора, такъ маленька, придерживаясь все своей особой азбуки, подъ взглядомъ школьництва составляе и вѣчно составляти схоче особую „державу въ державѣ“.

„Такъ не може дальше быти!“ воскликнули въ то время первыи изъ-середъ другихъ чешскіи культуристы въ Вѣдни, которыи и такъ уже достигши за министра гр. Л. Туна гегемонное сгановаще въ дѣлахъ школы надъ прочими Славянами Австріи, уважали заблаговременнымъ тую свою гегемонію даже

„въ буквальнымъ смыслѣ“ розширити и на нашу Малорусь, а то тѣмъ паче теперь, коли недавно найбольшій авторитетъ Славянъ по языкознанію, Д-ръ Фр. Миклосичъ, въ своей „Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen“ цитовалъ слова нашей малорусчины латинскими буквами, и къ тому еще чешскою правописію*).

Однакожь такъ давныи западно-европейскіи культуристы еще прежде и за пременъ Петра Великого якъ и ихъ послѣдователи новѣйшой даты, выступавшіи со своею латиноазбуковою мисіею и утверждавшіи всегда, що едино латинская азбука есть по спеціальности культурною и творитъ всѣ народы, ю у себе принявшіи, ipro facto культурными и ихъ литературу всему свѣту доступною — тѣ западныи культуристы николы не рефлектовали на то, що ту вся суть дѣла не такъ въ азбуцѣ, якъ найпаче въ еи правописи, т. е. въ приноровленью буквъ до выраженья звуковъ каждого изъ розличныхъ въ свѣтѣ языковъ. Вѣдай бо въ числѣ якихъ 10 народовъ западной Европы всѣ употребляютъ латинскую азбуку, а каждый изъ нихъ завелъ у себе для выраженія навѣть однихъ и тѣхъ-же самыхъ языковыхъ звуковъ особую отмѣнную правопись, а то будь надавши поединокимъ лат. буквамъ совсѣмъ иный звукъ (на пр. c=**ч**, **с**; g=**ж**, **дж**, **й**; z=**ц**) будь зложивши изъ 2—7 лат. гласныхъ такую дивну комбинацію буквъ, о якой первобытнымъ латинянамъ не могло ани снитися (вѣдь наши **ч**, **ш**, **щ**, выражаютъ Поляки черезъ cz, sz, szcz, Нѣмцы черезъ tsch, sch, schtsch).

Для точного заученія для тѣхъ 10-кратныхъ комбинованныхъ латино-азбуковыхъ правописей — такъ училъ насъ проф. Миклосичъ на своихъ прелекціяхъ въ университетѣ Вѣденьскомъ — потребно бы чей больше труда и времени, чѣмъ на изъученіе якихъ 10 особыхъ азбукъ, которыхъ каждая буква имѣла бы лишь одинъ свой опредѣленный звукъ**).

Правда, що изъ западно-европейскихъ народовъ одни только Чехо-Славяне, благодаря своимъ умнымъ мужамъ Дубров-

---

*) Мотиаы проф. Миклосича для списыванья малорусскихъ словъ въ таковой формѣ наведены изъ его-же власного сознанья тутъ въ сихъ моихъ запискахъ на стр. 39—43, да и далѣй въ томъ-же предметѣ есть моя згадка также на стр. 49 и 50.

**) Изъ власныхъ опытовъ записую тутъ: Мой другъ Ив. Наумовичъ въ теченіе одного дня научилъ мене по старо-еврейски читати а мы оба съ нимъ учились у родовитого-Англичанина по англійски, но Байрона безъошибочно читати мы за весь вѣкъ нашъ не научились. — Во Вѣдни училъ я двохъ интелигентныхъ Нѣмцевъ по великорусски и по польски: въ первой же лекціи они выучили русскую азбуку, а въ другой уже добре читали Пушкина; за то при чтеніи польскихъ книгъ, печатанныхъ добре знанною имъ латинкою, они и до полу-года не могли отвыкнути слова, „nie, siebie, wiedzieć, bardzo dobrze“ читати по своей привычцѣ къ нѣмецкой правописи: “ні, цібі, від-ціць, бард-цо добр-це“. — Такъ и завѣрилъ я въ повысше мнѣніе проф. Миклосича якъ въ евангельскую правду.

скому, Шафарику и Ганцѣ, въ новое время отвергли букво-комбинаційную систему, а зевели у себе вмѣсто неи надстрочеванье поединокихъ буквъ; но тѣ надстрочеванья троякого рода, акцентовое, змягчительное и дифтинговое (á, ů, č, ť), выйшли въ латино-чешской правописи такъ надъ всякую мѣру преизъобильны, що на 24 буквъ ихъ лат. азбуки есть лишь 3 ненадъстрочаемыхъ (g, h, k), а прочіи 21 безъ надстрочень не обходятся! Понятно, що нѣтъ другой правописи въ свѣтѣ, которая при писанью была бы такъ спиняюща и затруднительна, якъ тая чешская.

Но помимо того сія чешская правопись, отклонившая отъ себе еще больше затруднительную систему буквальныхъ комбинацій (одно лишь славянское щ выражено тутъ двома буквами: šč), а до того по всей возможности приноровлена къ звукословію славянскихъ языковъ, въ новѣйшое время принялась у всѣхъ Славянъ католиковъ, именно у Словаковъ Словѣнцевъ, Дальматинцевъ и Хорватовъ, которыи изъ-давна съ принятіемъ латинского богослуженія приняли и латинскую азбуку съ ея розличными, славянщинѣ несвойственными правописями. Тожь не диво, що чешскіи ученыи и при томъ добрыи славянскіи патріоты (ихъ Нѣмцы и Мадяре называли „австрійскими панславистами“), якими въ самомъ дѣлѣ были и гр. Левъ Тунъ и Іосифъ Ѣречекъ, перенятыи идеями І. Коляра и П. Шафарика о „взаимности славянской“, забажали также и насъ австро-угорскихъ Русиновъ, яко уніятовъ (се бъ то „католиковъ“), втягнути въ свою, политично впрочемъ не лихо придуманную область „австрійского панславизма“.

А только то дуже дивно да и весьма прискорбно было для насъ Русиновъ, що ученыи Чехи въ Вѣдни, преслѣдуя изъ г. 1858 по своимъ благороднымъ побудкамъ такъ добрую для Австро-Славянщины цѣль, вели сіе дѣло способомъ яко-бы перемытничимъ подъ найбольшою тайною передъ нами, жившими тогда въ Вѣдни Русинами и съ тѣми-же Чехами даже часто дружески сообщавшимися. Вѣдай нашъ кр. Григорій Шашкевичъ, шефъ-совѣтникъ въ министерствѣ просвѣщенія, встрѣчался со своимъ министромъ, гр. Туномъ, и его секретаромъ г. Ѣречкомъ мало не ежедневно; также усердно намъ спріяющій проф. Миклосичъ, стоявшій въ близкихъ сношеніяхъ съ цѣлымъ міромъ вліятельныхъ Славянъ во Вѣдни; нашъ Юл. Выслобоцкій, редакторъ Вѣденьского „Вѣстника“, личный другъ Ѣречка, а къ тому человѣкъ чрезвычайно любознательный и свѣдующій всего, що въ якомъ бюрѣ министерскомъ дѣется чи затѣвается; наконецъ и я, бывавшій въ ту пору таки щоденно у министерского секретаря г. Ѣречка, бо училъ его русской азбуки и малорусского языка; — никто, рѣшительно никто изъ насъ не зналъ ничого о томъ, що тутъ во Вѣдни подъ бокомъ нашимъ готовится-затѣвается для насъ великои ваги азбуковая реформа или властиво тотальный переворотъ всей нашей 1000-лѣтней національно-духовой жизни! Только ажь въ м. Маѣ

1859 г. розъузнали мы, що была тогда наша Русь якъ та жертва-овечка на закланіе, ей же никто и не сказалъ и она сама не знала, що ю будутъ рѣзати!

Такую же тайну въ томъ дѣлѣ соблюдали также и Львовскіи соподвижники сей азбуковой реформы нашей Руси, польскіи культуристы гр. Агеноръ Голуховскій и Д-ръ Евгеній Черкавскій, которыи охотно согласились на тую католическо-панславянскую затѣю ученыхъ Чеховъ, однакожь побуждаемы къ тому вовсе не идеалами тѣхъ-же о взаимности славянской, а просто политичными мотивами давной Польщи, розъединявшой еще со временъ своихъ уній всякими способами Малую и Бѣлую Русь отъ Великой Руси.

И было бы може все тое дѣло пойшло культуристамъ нашимъ удачно и весьма легко*) и хибань кончилось бы лишь многотысячно подписанными русскими протестами post festum, да такъ само безуспѣшно для Руси, якъ въ 32 лѣтъ потомъ (въ г. 1892) кончилась справа введенія фонетики въ нашихъ школахъ, если бы не было зайшло тутъ никѣмъ нежданное, непредвидѣнное событіе, случившоеся немалою въ семъ-же дѣлѣ перепоною въ самъ день Нового-Года 1859.

Ото въ сей нарочитый день редакторъ Вѣденьсквго „Вѣстника“ Юл. Выслобоцкій получилъ изъ Черновецъ отъ якого-то пана Венглинского „Nowyi poezyi małoruskii, t. j. piśny, dumy, dumki, chory, tańci, ballady, etc. na czystom jazyci Czerwono-Rusyniw, ułożyw Lew Eug. Węgliński. Tom I, II III, Lwihrad i Peremyszl. Nakładom Autora 1859“, и Выслобоцкій, принявши того же дня мои новогодичныи благожеланія, доручилъ мнѣ тую книжку поэзій Венглинского, весело заговоряя: „Ну-те, Богдане, се для Васъ сюрпризъ, а Вы за то напишете о немъ неледа статью до мого „Отечественного Сборника“ (прилоги „Вѣстника“).

Взялся же я якъ-стôй до писанья такой статьи, которая подъ з. „О новыхъ поэзіяхъ малорускихъ“ сейчасъ и напечатана была въ 6 числахъ (отъ ч. 3 до 8) „Отеч. Сборника“ и въ которой я не лишь досадно обговорилъ слабенькіи впрочемъ стихотворы Венглинского, но еще досаднѣйше выказалъ неудобство для русского языка всякихъ латино-азбуковыхъ ортогра-

---

*) Тѣмъ легче по-тому, що Д-ръ Е. Черкавскій, изъ числа четырехъ указанныхъ выше культуристовъ самъ лучшій знатокъ всѣхъ дѣлъ оной азбуковой реформы, къ тому-же яко русскій ренегатъ, самъ ревнѣйшій ея приверженецъ, усильно требовалъ, щобы центральное правительство, яко найвысшая власть въ дѣлахъ школьныхъ, само безусловно роспорядило введеніе латинской азбуки въ школахъ русскихъ; однакожь такъ министеръ гр. Левъ Тулъ якъ даже секретарь его І. Ѣречекъ въ м. Маѣ 1859 г. рѣшительно спротивились тому требованію Русина-ренегата, а роспорядили созваніе во Львовъ комисіи ad hoc изъ самыхъ-же „именитыхъ“ Галицкихъ Русиновъ.

фій, якіи выше 10 изъ всего западно-европейского міра мнѣ извѣстны были и якихъ наглядныи, своею нездарностію поражающіи примѣры я и навелъ въ помянутой росправѣ.

Современно же печаталъ я въ Вѣдни мою брошуру „О неудобности латинской азбуки въ письменности русской“, въ которой я не только показалъ невозможность выраженія типовс-славянскихъ звуковъ посредствомъ лат. азбуки безъ затруднительныхъ въ ней много-буквенныхъ комбинацій, но кромѣ того на основаніи моихъ знаній въ славистицѣ, пріобрѣтенныхъ изъ дѣлъ Шафарика яко изъ таковыхъ-же дѣлъ и прелекцій моего проф. Миклосича, поднесъ обстоятельно значеніе и таки единственную удобность св.-Кирилловой азбуки для письменности русской. Особенно що́-до той питоменно-славянской азбуки выказалъ я научно, що она имѣе всѣ свойства самой найлучшой азбуки, такъ якъ для каждого языкового звука содержитъ одинъ опредѣленный знакъ (букву), а затѣмъ и способна утворити самое простое, ніякъ многобуквенно не компликованное правописаніе. Загаломъ преподнесъ я свойства и значеніе той азбуки до такой высоты, якую пріобрѣла она изъ-давна у всѣхъ знаменитыхъ лингвистовъ свѣта.

А якъ сказано, сочинилъ и издалъ я тую брошуру такъ собѣ съ научною цѣлію, а вовсе не съ мыслію затѣвати якій споръ или борьбу противъ яковой-будь напасти на нашу славяно-русскую азбуку, такъ якъ о ніякой напасти тогда не было ни чути и никому изъ насъ ани снилося. Отже 1 Мая, коли моя брошура была готова, я цѣлкомъ смѣло-безупречно занесъ еи лучше переплетенный эксемпляръ въ даръ моему почтенному элеву, министерскому секретарю Іосифу Ѣречку, надѣясь возрадовати его увѣреньемъ, що онъ объученія свого у мене въ русчинѣ не пожалѣе. Но тутъ г. Ѣречекъ — къ моему наибольшому удивленію — лишь посмотрѣлъ на титулъ моей брошуры, съ видимымъ гнѣвомъ кинулъ ю на стоящій передъ нами столъ и весь огорченъ воскликнулъ: „Лихо вы то сдѣлали, що вотъ се напечатали! Зачѣмъ мене не упередили о томъ, доки былъ часъ!?“ Послѣ того гнѣвного, совсѣмъ непонятного менѣ упрека, онъ взялся обѣручь за голову, сказалъ себе больнымъ и отправилъ мене отъ себе холодно.

Якъ и поразилъ, якъ ненадоумѣлъ мене той внезапный случай Ѣречкова гнѣва, но ни я, ни мои друзья въ Вѣдни ани догадатись не могли гнѣва того причины. Только Выслобоцкій узналъ гдесь на другій день, що Ѣречекъ печатае въ одной Вѣденьской типографіи дискретно (яко Manuscript zum amtlichen Gebrauch, брошуру подъ з. „Über den Versuch, das Ruthenische mit lateinischer Schrift zu scchreiben“. Такъ ажь теперь открылась намъ вся ужасная для Руси нашей тайна! Найвысшая власть въ дѣлахъ школьныхъ безъ нашего вѣдома затѣяла въ нашихъ

русскихъ школахъ завести латинское письмо наперекоръ исторіи, характеру языка и волѣ русского народа!

Паче ясѣхъ насъ Русиновъ въ Вѣдни пораженъ былъ тѣмъ открытіемъ Выслобоцкого нашъ кр. Гр. Шашкевичъ, болестно тронутый къ тому также на своей личной чести, такъ якъ онъ — самъ-же важный членъ найвысшой власти школьного просвѣщенія въ Австріи — только що теперь узналъ, яка то тайкомъ отъ него уже отъ долшого времени страшная напасть на Русь нашу была заготовлена. Онъ же и сейчасъ тогда подался былъ о свою отставку.

Съ неменьшимъ негодованіемъ принялъ иввѣстіе въ томъ дѣлѣ отъ мене проф. Миклосичъ, который що-ино на тѣхъ дняхъ и самъ узналъ о якихъ-то строго-урядовыхъ перепискахъ межи Министерствомъ просвѣщенія а Львовскимъ Намѣстничествомъ и лишь съ где-якихъ намековъ одного Чеха якъ-такъ догадовался, що тамъ иде о нѣкоторыи змѣны въ правописи галицкихъ Русиновъ. „Ахъ, якъ-же то добре сталося—говорилъ мнѣ при томъ случаѣ проф. Миклосичъ: що Вы въ самую пору издали Вашу брошуру о неудобности латинской азбуки, котору прочиталъ я съ большимъ удовольствіемъ“, а на мои опасенія, що помимо того правительство изъ политичныхъ взглядовъ зможе затѣю свою въ немощной Руси нашей дѣйстно перевести, потѣшалъ мене проф. Миклосичъ такимъ ото завѣреньемъ: „Оно правда, що въ такомъ разѣ не помогли бы тутъ ни умныи брошуры, ни Богъ-вѣсть яка опозиція и протесты всего народа; но на ваше счастье всю тую роботу противъ васъ ведутъ Чехи и Поляки, которыи хотя и якъ стоятъ за латинскую азбуку, а коли зайде межь ними вопросъ о правопись, чешскую чи польскую, заспорятъ съ собою такъ завзято, що и всѣхъ затѣй своихъ противу васъ на-всегда отрекутся!“

То предсказаніе проф. Миклосича было въ самомъ дѣлѣ оправдано и оно исполнилось таки вскорѣ-же, бо по истеченіи не сполна трехъ мѣсяцевъ. Однако въ оныхъ то трехъ мѣсяцахъ (отъ половины Мая до 25 Юлія 1859 г.) борьба наша за русскую азбуку велась самымъ кипучимъ розгаромъ. Ото бо вскорѣ по появленіи моей брошуры „О неудобности лат. азбуки“ выступилъ анонимно Д-ръ Е. Черкавскій въ урядовой „Lemberger Zeitung“ (NN. 116, 118 и 120 - 123) а „такой-же Gazet-ѣ Lwowskoj“ съ полемичными статьями подъ з. „Der Hirtenbrief und die ruthenische Sprache“ и „Die leteinischen Schriftzeichen in der ruthenischen Sprache“, въ которыхъ то статьяхъ весь „научный“ аргументъ въ пользу лат. азбуки состоялъ въ томъ, що та „азбука есть культурною азбукою Европы“, а сама головная просторонная часть ихъ посвящена отчайдушной полемицѣ противъ моей брошуры и моей личности*). Современно съ тѣми статьями Д-ра

*) Въ м. Августѣ того-же года я въ отвѣтъ на тѣ статьи Д-ра Черкавского издалъ во Львовѣ вторую брошуру подъ з. „Споръ о русскую азбуку, описанный Богданомъ А. Дѣдицкимъ“, въ которой и списалъ я коротко всю суть и исторію сего спора.

Черкавского ц. к. Львоеское Намѣстничество по препорученью Министра гр. Туна созвало на день 30 Мая во Львовъ комисію ad hoc (для рѣшенія азбуковыхъ дѣлъ), и то комисію изъ самыхъ именитыхъ (namhafte) Русиновъ, якими и были тогда извѣстны русскіи дѣятели и патріоты: Владыка Литвиновичъ, крылошане М. Кузембскій, М. Малиновскій, Гр. Шашкевичъ, граматики Як. Головацкій и І. Лозинскій, дир. А. Яновскій и кат. Ѳ. Полянскій (изъ Перемышля).

Понятно, що такіи „именитыи“ Мужи-Русины не дали себе извести самымъ тѣмъ аргументомъ, що „лат. азбука есть азбукою культурной Европы“, якъ то потомъ въ г. 1892 подобная комисія, составленная паномъ Бобржинскимъ въ большинствѣ изъ „неименитыхъ“ русско-сельскихъ учителей, приняла для Руси нашей фонетику по той едино раціи, що „та фонетика есть нынѣ письмомъ старо-козацкой Украины.“

Понятно также и то, що именитыи патріоты Русины въ г. 1859, благословленныи своимн Святителями Киръ Григоріемъ и Киръ Спиридономъ на борьбу за святую Русь, явно и смѣло, изъустно и основными письменными меморандами боролися якъ русскіи львы противъ напасти западно-культурного азбукового лжеученія, якъ то славно для потомныхъ вѣковъ записано въ объемистомъ дѣлѣ „Ruthenische Sprach-und Schriftfrage in Galizien“ (Lemberg, 1861); коли межи тѣмъ неименитая сельско-учительская комисія пана Бобржинского въ г. 1892, тайкомъ совѣщаясь съ нимъ о перетворенью историчной Руси въ новофонетичную, не оставила ни найменьшихъ слѣдовъ о своихъ скрытныхъ, свѣтла избѣгающихъ дебатахъ, а только самъ-же еи организеръ, вице-презезъ польской рады школьной, анонимно подалъ въ урядовой „Gazet-ѣ Lwowskoj“ коротенькое голословное извѣстіе, що изъ-среды 84 созванныхъ нимъ членовъ той комисіи 63 противъ 21 приняли фонетику*).

Борьба нашей Руси противъ лат. азбуки окончилась монаршимъ рѣшеніемъ изъ д. 25 Іюлія 1859 г., которымъ отъ нашего національного возрожденія (1848 г.) теперь вторично царскимъ перомъ санкціоновано было существованье славяно-русской азбуки въ церкви и школѣ австрійской Руси, а вразъ съ тѣмъ и прекращенъ былъ побочь того изъ-тиха возникающій, проф. Миклосичемъ предвѣщенный споръ межи самыми-же аранжерами той борьбы, Чехами и Поляками, о правопись, яка — чешская чи польская — имѣла быти заведена для насъ съ латинскою азбукою. Справдѣ бо, по поводу сего туй-туй возникающого спора о правопись латинизаторы наши не дѣлали послѣ помянутого монаршого рѣшеніи ніякихъ ремонстрацій, а

*) См. о томъ мое „Открытое письмо къ Митрополиту Киръ Андрею„ въ брошурѣ изъ 1905 г. подъ з. „Митрополитъ Андрей Шептицкій и Галицко-русская Матица“.

благорозумно замолчавши, предъоставили дѣло азбукового преобразованья нашей Руси культурному прогресу будущности.

И въ самомъ же дѣлѣ на той прогресъ будущности прійшлось ждати не долше, якъ три десятка лѣтъ, такъ якъ въ г. 1892 одинъ-единый польскій культуристъ найновѣйшой поступовой даты достигнулъ одну и тую-же цѣль преобразованья Руси особымъ маньеромъ, якого старшіи простодушныи предшественники его еще придумати не умѣли.

А яка то была и всегда есть спеціально у Поляковъ одна и таяже цѣль преобразованья, переиначенья Руси нашей на ихъ ладъ, се доподлинно явствуе изъ книги „Ruthenische Sprach-und Schriftfrage in Galizien“*), такъ якъ въ книзѣ той весьма вѣрно наведены офиціальныи промовы гр. Агенора Голуховского, обращенныи къ имевито-русскимъ членамъ Львовской азбуковой комисіи 1859 г., а которыхъ суть якъ и вся суть изъясненій обохъ диригентовъ той комисіи, Ѣречка и Черкавского состояла именно вотъ въ тѣхъ дедукціяхъ: „Старославянскую азбуку, первобытно возникшую въ греческой Церкви восточныхъ Славянъ, присвоили были собѣ также для свѣтской своей культуры Великороссы или Россіяне, и на основаніи сей азбуки создали они особенно зъ времени Петра Велнкого пребогатую россійскую литературу; межи тѣмъ коли Малорусины, самодѣльное племя Славянъ, занедбавшися культурно кôлька вѣкôвъ, тôлько що въ самое новѣйшое время (въ Галичинѣ щó-то отъ 1848 г.) начали на основаніи той-же самой престарѣлой азбуки розвивати свою словесность, и тая малорусская словесность, состоячи всячески подъ вліяніемъ больше культурной великорусчины, загрожена теперь утратити свою самостоятельность, а самъ-же русскій народъ въ Галичинѣ, искреннѣ преданный державѣ Габсбурговъ, выставленъ черезъ то на опасность поглощеннымъ быти (verschmolzen zu werden) Москвою. По той причинѣ — заявили unisono гр. Голуховскій, Ѣречекъ и Черкавскій: щобы той народъ охранити отъ загибели въ московской культурѣ, высокое ц. к. австрійское правительство, печаливсе о духовныи блага своихъ подданыхъ, узнало тутъ единственнымъ спасительнымъ средствомъ: сейчасъ, еще въ теченіе сего года 1859 завести въ русскихъ школахъ восточной Галичины латинскую азбуку, яка впрочемъ есть въ употребленіи и у прочихъ народовъ Австріи и Угорщины.“

---

*) Книга та (объемомъ стр. CXI+362), изданная при содѣйствіи Епископа Киръ Спиридона Литвиновича крыл. Михаиломъ Малиновскимъ во Львовѣ 1861 г., пребогата самыми вѣрными матеріалами къ исторіи мартирологіи Галицкихъ Русиновъ и затѣмъ достойна вниманія изъ стороны всего русского славянского міра не была — къ сожалѣнію — и до сихъ поръ на книжно-русскій языкъ переведена. По недостатку такого важного источника у Руси за кордономъ бываютъ тамъ понятія и толки даже и о нынѣшнихъ проявленіяхъ русско-польской борьбы въ Галичинѣ не всегда вѣрны и не полны, а то для всей Руси до крайности печально!

Извѣсто же, що по неудачи проекта о заведеніи лат. азбуки въ Галицкой Руси 1859 г., успѣлъ новѣйшого рода культуристъ, Полякъ Бобржинскій, въ г. 1892 достигнути одну и тую-же саму цѣль азбукового розъединенія Руси инымъ, легче до той цѣли ведущимъ способомъ. Ото отвергнулъ онъ „единоспасительное средство“, якимъ по увѣренью его попередниковъ имѣла быти чужая для „предрозсудныхъ“ Русиновъ ненавистная латинская азбука, а употребилъ тутъ русскую-же, еще на сто лѣтъ передъ тѣмъ на Украинѣ съ иною цѣлію придуманную фонетику, зреформованную ново-фонетистами въ такій способъ, що тіи-же изъ русско-славянской азбуки для своей правописи оставили лишь старо-греческій остовъ (скелетъ), а выкинули изъ ней самую корнесловную славянскую душу (буквы **ѣ, ы, о (ô), е (ê), ъ**), о которыхъ — дастъ Богъ — со временемъ еще поговорю*). И въ силу введенія той фонетики въ школахъ Галицкой Руси за 15 лѣтъ уже нынѣ такъ дѣется, що на пр. русско-фонетичную книжку закордонскій Бѣло-и Великорусъ хоть и якъ-такъ отчитае, но точно не пойме; изъ другой же стороны всякую этимологично напечатанную русскую, а даже церковно-славянскую или старо-русскую книжку школярь, объученый въ галицко-школьной фонетицѣ ни не отчитае, ни не пойме; — значитъ, языковая, культурная связь нашей Малой съ Великою и Бѣлою Русію прорвана; значитъ, одна и тая-же сама первая и послѣдняя цѣль Польщи супротивъ Руси мовь-бы въ-полнѣ достигнута, а панъ Бобржинскій съ тріумфомъ може сказати о-собѣ, що въ свое время онъ розрѣшилъ былъ сіе Пушкинское:

Славянскіе-ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ?
Оно-ли изсякнетъ? вотъ вопросъ!

---

*) Тутъ пригадаю только значеніе типово-славянскихъ, изъ с т а р ш о й глаголицы задержанныхъ кореларныхъ полугласныхъ **ъ** и **ь**, которыи въ составленной потомъ изъ греческого альфавита кирилицѣ послужили до выраженія поодинокихъ греч. звуковъ **і** и **е** двойнымъ славянскимъ ладомъ; а то: середне греч. **і** выражено для Славянъ яко грубое польское **у** черезъ **ъ+і=ъ і**, а мягкое черезъ **ь+і=и**. Также и глухое греч. **е=э** выражено въ кирилицѣ соотвѣтно двойному слав. звуку подвойно: разъ черезъ **е=э**, то зновь јнтованное **е** черезъ **ѣ**; а тое **ѣ** составлено изъ мягкого **ѣ** со вписанною вверху, принадлежною **е** (ь+е), и звучитъ по малорусски якъ **јѣ** (јї), у другихъ Славянъ якъ **је** и **ја**. Вконецъ и новыи малорусскім дашкованныи **ô** и **ê** суть корнесловныи **о** и **е**, а тіи розвились до полноты изъ древнѣйшихъ **ъ** и **ь** (на пр. плъкъ, полкъ, пôлкъ; срьдъ, средъ, середъ). Розумѣется, любопытна та для всякого слависта исторія розвитіа слав. азбуки не имѣе у нынѣшнихъ фонетиковъ ніякого значенія.

Послѣ тѣхъ моихъ толкованій и многоглаголаній о томъ, якъ то ишла исторія саморозвитія языка и азбуки Галицкой Руси отъ года ей возрожденія 1848, заключаю тую I. часть своежитьевыхъ Записокъ еще однимъ сказомъ-розсказомъ, къ тому-же русско-языковому вопросу относящимся. Уважаю бо таки необходимымъ воспомянути тутъ еще о двохъ знаменитыхъ, слава Богу и нынѣ здравствующихъ Мужахъ-Малорусинахъ, въ честь которыхъ сію-же I часть Записокъ посвящаю и къ которымъ въ пониже слѣдующой послѣ-дедикаціи братолюбное слово обращаю.

Знаменитыи Мужи-Украинцы тѣ суть именно:

III. Владиміръ Б. Антоновичъ и Антонъ С. Будиловичъ.

Вамъ то двомъ, Высокоповажныи Добродѣи, Владиміръ Бонифатьевъ и Антонъ Семеновъ, посвящаю сей писательскій трудъ мой въ честь и милую память короткихъ, а многосодержательныхъ розговоровъ, якіи провелъ я съ каждымъ изъ Васъ особо, коли то въ послѣднемъ десятку годовъ XIX столѣтія Вы изволили другъ по другу посѣщити мене въ библіотечной комнатѣ „Народного Дома“ во Львовѣ.

А такъ якъ тѣ розговоры наши таки исключно относились къ предмету, о якомъ я въ сей I. Части моихъ Записокъ толкую, и такъ якъ я каждую мысль Вашу, тогда въ розговорахъ тѣхъ мнѣ сообщенную, майже въ собственныхъ ей выраженіяхъ и до-нынѣ собѣ запамятую: то да будетъ же и само наведеніе поважныхъ мнѣній Вашихъ по сему дѣлу достойною апологіею того моего старческого труда.

И такъ — записую тутъ простымъ слогомъ повѣствованія о миломъ прошедшемъ:

Было се власне въ оно время (года изъ послѣднёго десятка прошлого вѣка точно не помню), коли то нашъ, тогда въ школьництвѣ краевомъ многовліятельный Александръ Барвинскій, головный инспираторъ введенія Кулишевой фонетики въ нашихъ школахъ и тогда-же избранный парламентскимъ „Коломъ польскимъ“ въ члены делигаціи австро-угорской, старался поднятому нимъ новому „*украинскому вопросу*“ надати ажь значеніе волнующого изъ-давна всю Европу „вопроса восточного, гесѣ Балканского“.

Въ то именно время посѣтилъ мене въ малой комнатцѣ великой библіотеки „Народного Дома“ скромный видомъ человѣкъ, и тотъ-же по самомъ скромнѣйшомъ заявленіи своего имени предсталъ предо мною яко самъ важнѣйшій мужь настоящой „Руси-Украины“ — предсталъ *Владиміръ Антоновичъ*, професоръ исторіи на св.-Владимірскомъ университетѣ и вразъ-же славный основатель „Общества лѣтописца Не-

стора“ въ Кіевѣ. Только теперь оцѣнилъ я, якъ колись при встрѣчѣ съ подобно скромнымъ-же по виду поэтомъ польскимъ Сырокомлею, смыслъ стародимского рѣченія „mens magna in corpore vili“. но вразъ-же и пригадалъ собѣ про восторгъ, съ якимъ о томъ Антоновичу говорилъ мнѣ когда-то украинскій помѣщикъ Рѣзничъ. А зналъ же и я тогда кое-що близше о ожидаемомъ пріѣздѣ проф. Антоновича во Львовъ, именно зналъ я о томъ, що нашъ А. Барвинскій хлопоталъ немало о спроваженіи его изъ Кіева на катедру исторіи русской въ университетѣ Львовскомъ, да зналъ и тое, що польскіи професоры и политики во Львовѣ отвергли старанія Барвинского едино для того, бо уважали Антоновича ренегатомъ, перекинувшимся изъ Поляка въ Русина-Украинца.

Розумѣется, тематомъ розговора, сей-же часъ поднятымъ мною съ проф. Антоновичемъ въ моей комнатцѣ, где мы тутъ-же сидѣли бокъ-обокъ при столѣ, заявленномъ книгами и рукописями, былъ „вопросъ украинскій“. Я впрямъ поднесъ, що тотъ вопросъ, благодаря усиливающойся у насъ партіи, официальною признанной, новоукраинской, становится чѣмъ-разъ бôльше акутнымъ, и затѣмъ понятно, що я радъ былъ узнати отъ легендарного главы настоящой молодой Украины за кордономъ, якъ то съ тѣмъ вопросомъ стоитъ во градахъ, весяхъ и земляхъ, откуда — по Нестору — Русь произошла есть.

На то проф. Антоновичъ, не медля съ отвѣтомъ, но яко мужъ свѣдущій, привыкшій мысли свои преподавати аподиктично, сказалъ менѣ: „И у насъ той вопросъ нынѣ есть; но мы увѣрены, що онъ вскорѣ-же розрѣшится, а розрѣшитъ его русскій Царь однимъ почеркомъ своего пера, если только въ церкви и въ школѣ всей Украины возстановитъ чтеніе всякихъ книгъ по произношенію малорусскому“.

По томъ своемъ многозначительномъ, но для мене фрапантномъ изреченіи, проф. Антоновичъ, видимо намѣряя смирити мое удивленіе надъ силою „одного ночерка царского пера“, толковалъ дальше: „Такъ есть: розвязка сего вопроса послѣдуе у насъ въ весьма скоромъ времени, есть просто квестіею дня. Вся у насъ интелигенція, такъ Мало- якъ и Великорусы, нынѣ сотласно и единодушно признаютъ того необходимую потребность, затѣмъ то и вскорѣ уже тая потребность воведена буде въ жизнь царскою санкціею“.

(Конецъ будетъ.)

Для чего галицкіи русины названы Ruthen'ами?

Австрійское правительство, занявши при первомъ роздѣлѣ Польщи Галичину, русскихъ жителей сей провинціи обыкновенно называло Reussen, Rothreussen, Russen, рѣдше Ruthenen. Когда съ появленіемъ „Русалки Днѣстровой“ русскіи галичане стали заявляти національную духовную жизнь, австрійскому правительству предстояло точнымъ терминомъ нѣмецкимъ опредѣлити ново возрождавшуюся національность. Называти ихъ дальше „Russen“ казалось предосудительнымъ изъ взгляда на то обстоятельство, що тогда національныи стремленія совпадали съ политическими и сознаніе національного единства вызывало н. пр. у нѣмцевъ, итальянцевъ также желаніе политического объединенія. Цѣннымъ матеріаломъ историческимъ для оной поры, когда и австрійское правительство и представители галицко-русского народа колебались относительно нѣмецкого термина для обозначенія этнографическаго галицкихъ русскихъ, есть одинъ актъ. обрѣтающійся въ библіотецѣ „Нар. Дома“ среди рукописного наслѣдія по Венедиктѣ Левицкомъ и вѣроятно происходящій изъ его рукъ Вѣдь онъ былъ цензоромъ галицко-русскихъ книгъ и для него было немаловажнымъ дѣломъ, якъ по нѣмецки называти языкъ тѣхъ сочиненій, которыи онъ долженъ былъ оцѣняти относительно ихъ допустимости къ печатанію.

Актъ имѣетъ число: № 59. Нота — и гласитъ въ переводѣ изъ нѣмецкого на русскій языкъ:

„Улаживая почтенную допись отъ 27 сентября с. г; ч. 1209, подписавшійся имѣетъ честь достохвальному ц. к. уряду для ревизіи книгъ (Bücherrevisionsamt) при возвращеніи сообщенія подружески слѣдующее заявити: „Совсѣмъ справедливо, що „russische Sprache“ и „ruthenische Sprache“ въ самомъ дѣлѣ одно и тоже. Именно якъ русскіи князи южной части прежней Руси, особенно галицкіи и володомирскіи князи въ 12 вѣцѣ, стали освобождатись отъ верховной власти великихъ князей Кіевскихъ, начало значеніе Кіева яко столицы по той и другимъ причинамъ уменьшатись. Великіи князи узрѣли себе тѣмъ принужденными, около 1299 г. свою столицу изъ Кіева перенести въ сѣверній Владимиръ надъ р. Клязмою и вскорѣ затѣмъ около 1324 г. изъ Владимира въ Москву.“

„Съ оной поры стала вся русская держава— Russia, Ruthenia — дѣлитись на двѣ отдѣльныи части: южную и сѣверную. Первую впослѣдствіе назвали Малой Русью, также Червонною, вторую — Великою Русью (Russia parva, rubra — Russia magna). Судьбу державы подѣлилъ также русскій языкъ. И онъ роспался на два головныи діалекты при мкогихъ областныхъ говорахъ, именно на кіевскій діалектъ, названный послѣ

древней столицы, Кіева, и на московскій діалектъ, названный отъ новой столицы, Москвы — или на такъ зовимое малорусское и великорусское нарѣчіе."

„Такъ якъ однако цѣлая тогдашняя Малая Русь съ городами Перемышлемъ, Львовомъ, Кіевомъ, Черниговымъ, Смоленскомъ и проч. досталась отъ 14 вѣка въ владѣніе частію литовское, частію польское, то малорусскій языкъ остался на той же степени розвитія, на якой находился въ 13, 14 и 15 вѣкахъ. Великорусскій же языкъ достигнулъ подъ неперемѣннымъ владѣніемъ русскихъ великихъ князей отмѣнной степени розвитія".

„Съ русскимъ языкомъ обстоитъ дѣло такъ, якъ съ нѣмецкимъ, который также не есть въ всѣхъ частяхъ нѣмецкой державы одинъ и тотъ же, ибо мало не каждая провинція имѣетъ свои особый нарѣчія, между которыми верхненѣмецкое и нижненѣмецкое — возлѣ книжняго нѣмецкого языка (Hochdeutsch, Schriftdeutsch) — первое занимаютъ мѣсто. При томъ замѣчяется, що 1) нынѣшній великорусскій діалектъ здѣшнимъ жителями не такъ легко понимается, якъ которое нибудь нѣмецкое нарѣчіе въ Нѣмеччинѣ нѣмцемъ; 2) здѣшній малорусскій языкъ въ нѣкоторой степени розличается отъ малорусского въ нынѣшней Украинѣ и 3) що русскій книжный языкъ (russische Bücher — oder Schriftsprache) такъ въ его великорусскомъ, якъ и малорусскомъ нарѣчіи у здѣшняго жителя, щобы быти надлежащимъ образомъ понимаемымъ, требуетъ изрядного предварительного приготовленія."

„При такомъ соотношеніи розличныхъ русскихъ діалектовъ, гр. кат. жители Галичины и смежныхъ частей Венгріи считали цѣлесообразнымъ, свое русское нарѣчіе назвати" „Ruthenische Sprache", щобы его отличити съ одной стороны отъ великорусского или московского, съ другой стороны также отъ малорусского на Украинѣ, тѣмъ больше, що они того убѣжденія, що названія „Ruthenisch, Ruthenia, Ruthener" походятъ отъ римской куріи, по крейней мѣнѣ нею часто были употребляемы а они живутъ въ единствѣ вѣры съ римскимъ папою и суть соединены (unirt) съ римскою церквою. Львовъ.... октябрь 187....."

Изъ сего документа слѣдуетъ, що „Bücherrevisions—Amt" въ Львовѣ названія „russisch" и „ruthenisch" считалъ тождественными и не видѣлъ причины галицкихъ русиновъ назвати инакше, якъ „Russen". Авторъ документа — кажется, Венедиктъ Левицкій — стоялъ за названіе „ruthenisch", щобы отмѣтити розличіе галицко-русского нарѣчія отъ великорусского и украинско-русского и вмѣсто съ тѣмъ обозначити русиновъ яко уніятовъ. Но его историко-языковныи взгляды невѣрны. Невѣрно, будьто малорусскій языкъ остался такимъ, якимъ былъ въ 12—15 вв. Матвѣй Мѣховита (1456—1523), посѣтившій и Московскую и Червонную Русь и обращавшій вниманіе на ихъ языкъ, пишетъ въ своемъ сочиненіи „De Sarmatia Asiana et

Europaea", що „Rutheni" живутъ и при Карпатахъ и въ „Московіи" и говорятъ по „рутенски", Александръ же Гвагнинъ въ своей „Sarmatiae Europaeae descriptio Spira 1581" подаетъ, що „московиты" отъ „рутеновъ" розличаются немного гласоудареніемъ и произношеніемъ словъ. Малорусское нарѣчіе отдалилось отъ великорусского только въ 17 вѣцѣ.

Письма Іордана Мицкевича, генерального прокуратора базиліянъ въ Римѣ, къ митрополиту Михаилу Левицкому.

(Продолженіе).

Въ письмѣ отъ 9 марта 1816 г. извѣщаетъ Іорданъ Мицвичъ Михаила Левицкого, що промоція его на галицкую митрополію состоялася. Австрійскій посланникъ Лебцелтернъ уплатилъ издержки in Dataria Romana pro juribus Cancellariae 250 римскихъ шкудовъ, т. е. 125 дукатовъ, которую-то сумму митрополитъ долженъ сейчасъ выслати въ Римъ или прямо послу или ему, Мицкевичу. Волею вѣденьского Двора, учредившого или собственно возобновившого Галицкую митрополію (она укрывалась отъ 1411 г. въ титулѣ Кіевской митрополіи), есть: щобы экспедиція буллы, якъ то дѣялось для Ангелловича, также для Михаила Левицкого шла mediante consistorio publico episcoporum, оминаючи пропаганду; вслѣдствіе того желаніе Левицкого, кард. Литта и его, Мицкевича, абы она была отправленная per viam secretam gratis по мысли буллы Климентія VIII, не можетъ осуществитись — она пойдетъ черезъ консисторію епископовъ more latinorum. Процесъ обыкновенный совершилъ Мицкевичъ съ прибраннымъ товарищемъ и подѣлалъ все касающееся такого акта; отобралъ также палліумъ, который вмѣстѣ съ буллою вышлетъ въ Перемышль либо самъ Мицкевичъ, либо австрійское посольство черезъ Вѣну. Пока къ сему письму Мицкевичъ прибавляетъ пропозицію львовской митрополіи и дневникъ промоціи консисторіальной, затѣмъ вскорѣ пришлетъ Facultates qua Archiepiscopo.

Въ письмѣ отъ 23 марта 1816 г. Іорданъ Мицкевичъ подаетъ, що онъ, яко прокураторъ, выслухавши св. богослуженіе и пріодѣвши палліумъ опредѣленный для митр. Левицкого, присягнулъ въ его (Левицкого) имени на вѣрность папѣ Пію VII. Тотъ палліумъ и булла высланы уже въ Вѣну черезъ россійского курьера. Вѣденьскій нунцій — кардиналъ призветъ еще митр. Левицкого для поблагодаренія императора въ его присутствіи; тотъ актъ будетъ знакомъ обыкновенного католи-

ческого вѣроисповѣданія, предписаннаго для всѣхъ епископовъ. Въ концѣ поучаетъ Мицкевичъ, що касательно слушанія св. исповѣди русиновъ черезъ латинскихъ священниковъ и латинниковъ черезъ русскихъ священниковъ обязательны декреты отъ 1 іюня 1626 г. и 28 сентября 1643 г.

Въ письмѣ отъ 9 мая 1816 г. Іорданъ Мицкевичъ объясняетъ значеніе палліума въ христіянской церкви: Хотя палліумъ въ греческой церкви еще въ 4 вѣцѣ началъ даватись императорами первымъ въ церковной іерархіи сановникамъ на знакъ такой власти in spiritualibus. якую они (императоры) имѣли in temporalibus, и тотъ же имѣлъ быти въ видѣ, въ якомъ теперь дается папами патріархамъ, архіепископамъ, прелатамъ съ особенными заслугами, каждого католического обряда, передъ полученіемъ котораго патріархамъ, митрополитамъ, архіепископамъ и епископамъ латинскимъ не вольно совершати публичныи функціи или архіерейскіи обряды служити (pontificalia celebrować) и для того есть предписанная формула о прошеніи папы о него: instanter, instantius, instantissime — однако для русскихъ митрополитовъ и архіепископовъ тотъ палліумъ ни на що больше не служитъ, якъ только на знакъ, що суть въ единствѣ латинской церкви, що не воспротивляются ея обычаямъ и що напротивъ также латинникъ не долженъ воспротивлятися нашему обряду, который имѣемъ отъ свв. греческихъ Отцовъ. По случаю посольства Руси для соединенія ея съ римскою церквою былъ такій договоръ, абы впредь не было ніякой отмѣны въ греко русскомъ обрядѣ, но щобы сохранялися прежныи обычаи, що́ подтвердилъ и синодъ Замостьскій. Когда слѣдственно mediante bulla Clementis VIII, безъ упоминанія Pallii Romani, Metropolitis Russiae conceditur potestas nominatos sufraganeos episcopos confirmandi, instituendi et consecrandi, litterasque confirmationis in sua Curia pro iisdem expediendi, то примѣнительно къ нашему обряду такъ Левъ Шептицкій, якъ и Антоній Ангелловичъ поступили такъ, що не употребляючи палліумъ довольствовалися Patrachilio et Omoforio, de quibus ornamentis sine mentione Pallii Clemens VII concedens usum Sakosii episcopo Wlodimiriensi IV Idus Martii 1595 in suo Brevi обширнѣйше говоритъ. Но еслибы противники нашого обряда неупотребленіе сего палліума считали знакомъ пренебреженія къ римской власти, то понеже промоція такъ предшественника Левицкого, якъ и самого же Левицкого была произведена на желаніе вѣденского двора обычаемъ латинскимъ посредствомъ консисторіи епископовъ, а не секретною дорогою Пропаганды — можно-бы его употребляти подъ греческимъ эпитрахилемъ не по существенной необходимости, якая вяжетъ литинниковъ, но щобы отмѣтити наше единство съ латинскою церквою. Вѣдь по той причинѣ введено въ нашемъ обрядѣ много злоупотребленій (nadużyć), якъ н. пр. совершая св. службу передъ чтеніемъ евангэлія осѣняти крестнымъ знаменіемъ служебникъ, чело, уста и груди—обертаясь къ народу, роспростирати руки—опускати ектенію о катехуменахъ, употребляти органы,

вводити рожанцовыи набожеества вмѣсто молебней и акафистовъ, при пращаніи народа греческого обряда употреблятн вмѣсто формулы свв. Отцовъ: Вѣрую Господи и пр. — формумулу: Пане Іезу Христе не естемъ годенъ и пр... „Того послѣдняго церемоніяла я былъ живымъ свидѣтелемъ, ибо въ моемъ присутствіи, когда я былъ профессоромъ и вицеректоромъ въ папской Вильненской коллегіи, въ которой питомцы нашего обряда изъ свѣтского клира учились богословію (было то 1782 и 1783 г.), русскій священникъ, щобы приноворитись къ латинской обрядности, допускался высше названного извращенія (przewrotnośc).“ Не хорошо пренебрегати латинниками, но нехошо также и соблазнительно для неунитовъ, съ которыми мы одного обряда, касательно церковныхъ обрядовъ поступати вопреки каноничнымъ постановленіямъ.

Есть древнимъ обычаемъ, для выраженія особенной почести, передъ папою нести крестъ cum triplici, передъ архіепископомъ cum duplici, передъ епископомъ cum uno ligno — но въ семъ отношеніи найлучше приноровливатись къ мѣстному обычаю, а не къ употреблявшемуся бл. п. прежнимъ митрополитомъ. Галицкій митрополитъ пользуется настояще всѣми тѣми почестями, титулами и привиллегіями, которыи прислугивали кіевскому митрополиту — архіепископу. Возобновленіе Галицкой митрополіи имѣетъ цѣлію поддержати унію въ россійскомъ государствѣ. Іорданъ Мицкевичъ сообщаетъ дальше митр. Левицкому о состояніи уніи въ Россіи. Въ епархіяхъ кіевской, володимирской, луцкой, холмской, каменецкой и пинской было прежде 5000 приходовъ, теперь ихъ только 180. Мицкевичъ исчисляетъ также существующіи тогда Россіи въ уніятскіи мондстыри.

(Конецъ будетъ.)

Покорнѣйше просимъ П. Т. подписчиковъ „Вѣстника Нар. Дома“ выровнати недоимки въ предплатѣ за текущій и минувшіи годы. Подписная цѣна — 2 кор. въ годъ — есть такъ ничтожная, що не можетъ считатись обремительною даже для найменьше зажиточного.

Изд. Инст. „Нар. Домъ“. — За редакцію отвѣчаетъ Ф. Свистунъ.

Изъ Ставропигійской типографіи, подъ управленіемъ Мих. Рефця

Ч. 12. **Львовъ**, декабрь 1906. **Годъ XXIV (II)**

ВѢСТНИКЪ

„НАРОДНОГО ДОМА".

Выходитъ разъ въ мѣсяцъ. — Предплата въ годъ 2 кор. Редакція и администрація: Львовъ, улица Театральная Ч. 22.

ЖЕРТВЫ.

Въ мѣсяцѣ ноябрѣ и декабрѣ с. г. изволили пожертвовати П. Т.:

I. **На „Нар. Домъ"**: 1) о. Алексѣй Руденскій изъ Невочина 3 кор.; 2) о. Діонизій Чайковскій изъ Яворы 20 кор.

II. **На бурсу „Нар. Дома"**: 1) Антоній Опрыскъ изъ Львова 2 кор.; 2) о. Алексѣй Руденскій изъ Невочина 1 кор.

III. **Въ библіотеку и музей**: 1) Петръ Швайка, учен. гимн. изъ Львова 1 соч. въ 1 том.; 2) Михаилъ Вознякъ, студ. фил. изъ Львова 27 соч. въ 28 том.; 3) о. Александръ Барановскій изъ Пукова 6 монетъ, 2 старинніи крестики, курительную трубку для опіума изъ Босніи и оловяную печать; 4) Захарій Копыстянскій, студ. унив. изъ Львова 1 соч. въ въ 1 том.; 5) Ф. Свистунъ изъ Львова 4 соч. въ 4 том.; 6) Юліянъ Яворскій изъ Кіева 7 рукописей, 1 старопеч. книгу и 12 іосифинскихъ патентовъ; 7) Юліянъ Насальскій, проф. гимн. въ Коломыѣ „Библіотеку для русскои молодежи" за 1906 г.

Всѣмъ тѣмъ жертводателямъ Упр. Совѣтъ русско-народнаго Института „Народный Домъ" во Львовѣ заявляетъ должное благодареніе.

КОНКУРСЫ.

Ч. 1004/906. На упраздненную съ началомъ первого семестра 1906/7 школьного года стипендію имени Павла Черлюнчакевича, годичныхъ 200 коронъ, объявляется симъ конкурсъ съ срокомъ по 2 (15) января 1907 года.

Подавати просьбы могутъ посредствомъ школьного настоятельства въ русскій народный Институтъ „Народный Домъ“ во Львовѣ, которому прислугуетъ право наданія той стипендіи, студенты посвящающіися наукамъ правничимъ, философичнымъ, медичнымъ или техничнымъ, которыи выкажутся, що суть: 1) родомъ изъ Галичины, 2) русской народности и гр. кат. обряда, 3) бѣдны, 4) нравственно хорошо ведутся и 5) въ наукахъ хорошо успѣваютъ.

Сродники основателя бл. п. Павла Черлюнчакевича, успѣвающіи въ наукахъ, имѣютъ первенство.

Стипендистъ пользуется надѣленною стипендіею до окончанія студій, а по окончаніи тѣхъ же еще два года, если подвернется строгимъ испытамъ для достиженія степени доктора.

Отъ Управляющого Совѣта русского народного Института „Народный Домъ“.

Львовъ 12 (25) ноября 1906.

Ч. 1233/906. На одно стипендійное пособіе имени Луки Матвѣевича и Екатерины Матвѣевны урожденной Лисинецкой супруговъ Цыбиковъ въ высотѣ 600 коронъ, объявляется симъ конкурсъ съ опредѣленіемъ срока по день 2 (15) февраля 1907 г.

Подавати прошенія могутъ въ русскій народный Институтъ „Народный Домъ“ во Львовѣ, русскіи ремесленники, которыи выкажутся, що они:

1) родомъ изъ Галичины,

2) русской народности и русского греческого обряда,

3) бѣдны,

4) нравственно хорошо ведутся и

5) выкажутся свидѣтельствами вызволенія на челядника или дипломомъ школы промышленной, которымъ именовано кандидата самостоятельнимъ майстромъ.

Повысшее стипендійное пособіе назначено только для дальшого высшого ученія за границею.

Время науки опредѣляется шесть мѣсяцевъ, но оно можетъ быти продолжено до одного года.

На случай продолженія времени ученія понадъ шесть мѣсяцевъ можетъ пособіе быти продолжено.

Выплата пособія послѣдуетъ въ ратахъ, высоту которыхъ опредѣлитъ Управляющій Совѣтъ съ поры поступленія кандидата въ относительное учебное заведеніе или мастерскую.

Надѣленый пособіемъ кандидатъ долженъ сложити письменное приреченіе, що по окончаніи ученія за границею останется шесть лѣтъ въ краѣ.

Родственники учредителей при ровныхъ условіяхъ съ другими просителями имѣютъ первенство передъ послѣдними.

Право надѣленія прислугуетъ Управляющому Совѣту русского народного Института „Народный Домъ“ во Львовѣ.

Отъ Управляющого Совѣта русского народного Института „Народный Домъ“ во Львовѣ.

Львовъ дня 18 (31) декабря 1906.

Где-що до исторіи азбуки и языка Галицкой Руси.

(Изъ свое-житьевыхъ записокъ Богдана А. Дѣдицкого).

(Конецъ.)

Тіи слова „вскорѣ, въ весьма скоромъ часѣ, квестія дня“ произносилъ проф. Антоновичъ съ патискомъ и съ такимъ самоувѣреньемъ, що я и не подумалъ, дабы они могли быти, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ были : преждевременными.

Въ дальшомъ розговорѣ мой, глубоко свѣдущій по русской исторіи собесѣдникъ говорилъ о великомъ вліяніи Малой Руси на Великую Русь въ старину, а то особенно и въ языковомъ отношеніи, такъ якъ Великорусы, первобытно облаченныи во Христа южно-русскими духовниками, въ чтеніи христіянскихъ богослужебныхъ книгъ во многомъ еще и нынѣ соблюдаютъ на-

ше малорусское словопроизношеніе. „Древняя исторія Руси — заключалъ свою бесѣду проф. Антоновичъ — якъ и исторія преобразовательного времени Петра Великого поучае насъ, що просвѣтительными способностями въ первомъ ряду отличалась наша Южная Русь; да я и увѣренъ, що не подпади тая-же Русь нашавъ самое начальное къ дальнѣйшему просвѣщенію время подъ Литву и Польщу, превладѣющимъ словопроизношеніемъ въ нынѣшнемъ литератрномъ книжно-русскомъ языцѣ было бы наше малорусское.“ Се говорили менѣ Вы, Всечестнѣйшій Добродѣю Владиміре Бонифатіевъ, передъ акихъ 15 лѣтами, и всѣ Ваши мысли-мнѣнія, навѣрно также и до нынѣ Васъ одушевляющіи, суть для мене по вѣкъ надо все многоцѣнны!

Правда, въ коротко тревавшомъ томъ розговорѣ нашемъ я и не успѣлъ затронути справу о фонетицѣ, которую и до-днесь уважаю головнымъ мотивомъ до поставленія на-серіо „украинского, себъ-то малорусского вопроса“; но само завѣренье Ваше, Добродѣю, що вопросъ той сейчасъ-же розрѣшился бы *возстановленіемъ* малорусского книго-чтенія въ Церкви и школѣ всей Украины, то аподиктичное завѣренье ни даже не допускало заговорити щó *и о* Энейдовой или Кулишевой фонетицѣ. Вѣдай яко историкъ Руси по спеціальности знали Вы, якъ о томъ и всѣ Русины знаемъ, що *передъ всякими фонетичными новизнами* по всей Малой чи Украинной Руси книгочтеніе, о потребѣ возстановленія якого Вы тогда менѣ объявили, было основано *на правилахъ славяно-русского корнесловного книго-писанія* (*этимоличной правописи*). Вѣдь же и Вы Самы, Добродѣю, яко многолѣтній, самъ дѣятельнѣйшій членъ Кіевской „Комисіи для разбора древнихъ Актовъ“, наводили въ изданіяхъ той К мисіи подлинныи акты, грамоты и переписки, такъ частныи якъ и урядовыи (изъ козацко-гетманской каицеляріи), за все время около 300-лѣтней Исторіи украинского козачества, а всѣ тіи акты писаны были точно споконвѣчною русскою этимологіею, да ни одинъ хоть бы съ сподобіемъ на яку безграмотну, нового штиля фонетику. Отже о новой украинской фонетицѣ, яко резонно не подходящой къ „потребѣ возстановленія“ того, чего на Руси не бывало, межи нами тогда не могло быти и бесѣды*).

*) На пращаніи съ проф. Антоновичемъ зайшолъ межъ нами еще такій не безъинтересный діалогъ: Коли я, пращаясь, еще разъ просилъ его о извиненіе за небрежность, съ якою я принялъ его на первой встрѣчѣ у себе, доколь не узналъ, кто онъ таковъ, онъ съ добродушнымъ усмѣхомъ отвѣтилъ менѣ: „Не журѣтся тѣмъ ни мало! Въ своемъ же Кіевѣ случается менѣ часомъ еще и не такое! Ото разъ зайшолъ я тамъ къ цирульнику, дати себе подголити. Якъ-разъ за мною входятъ туда и два элегантно одѣты паны. Сейчасъ цирульникъ приступае до мене и проситъ изъ-тиха, щобы я пождалъ, ажь онъ подголитъ „панôвъ“. Понятно, онъ не уважалъ мене — якъ каже Котляревскій — за рôвню съ панами“.

Другій Малорусинъ, не меньше знаменитый мужъ науки, якъ Кіевскій проф. Антоновичъ, къ тому-же и славистъ по спеціяльности, который въ оно время мене посѣтилъ и со мною еще и больше по украинскому-же вопросу розговоривалъ, былъ Антонъ Будиловичъ, въ ту пору професоръ русского языка и словесности на университетѣ въ Варшавѣ.

О томъ примѣчательномъ мужу А. С. Будиловичу запишу тутъ мимоходомъ прежде всего, що по русско-національной принадлежности онъ представляе яко-бы типъ настоящого Всерусина: родомъ бо онъ надъ-Нѣманскій Бѣлорусъ изъ священнического сословія; женитьбою австро-угорскій Русинъ, бо зять славного Угро-Русса бл.п. А. Добрянского изъ Чертежа, а шуринъ нашего Галицкого Русина Юл. Геровского въ Черновцахъ, у которыхъ обохъ то въ Угорской то въ Галицкой Руси проживалъ въ время училищныхъ ферій; а по званію онъ сперва проф. въ Варшавѣ, далѣй ректоръ Юрьевского университета на Бѣлоруси, а съ г. 1902 членъ Совѣта Министерства Народного Просвѣщенія и Вѣроисповѣданій въ Петербурзѣ. Отже онъ по роду, то по сродству, то по званію во всѣхъ частяхъ Руси такій „наський“, такій свой, що на прим. въ Львовскомъ процесѣ „Наумовича и Ольги Грабарь“, яко шуринъ сей послѣдней, былъ цитованъ въ обвинительномъ актѣ ц. к. прокуратора Клеборнъ-Гиртлера мнимымъ соучастникомъ мнимого Hochverrath-а противъ Австріи.

На-вѣрно-жь уважая себе также и самъ нашимъ Галицкимъ Русиномъ и желая съ виднѣйшими земляками ближе познакомитись, зъѣхалъ онъ лѣтомъ 1883 съ Вл. Стебельскимъ изъ Варшавы до мене въ мое тогдашнее мѣстожительство въ Жолковь, где однакъ за случайнымъ моимъ отсутствіемъ оставилъ только свою визитную карточку, и ажь въ 7—8 лѣтъ потомъ посѣтилъ мене во Львовѣ, где я за новымъ поворотомъ моимъ яко библіотекарь „Народного Дома“ проживалъ.

Тутъ то видѣлся я съ нимъ нѣсколькократно и за каждымъ разомъ въ малой комнатцѣ библіотеки розговоривалъ съ нимъ все о томъ-же, насъ найбольше интересующомъ предметѣ, якій тогда назывался „украинскимъ вопросомъ.“ Онъ же внесъ тогда въ нашу народную библіотеку свое капитальное сочиненіе „Кирилло-Меѳодіевское Альбумъ“, изданное г. 1885 въ Варшавѣ, полное многоцѣнныхъ статей его по всеславянскому языкознанію. А що-до толковъ его со мною о „вопросѣ“ запамятую весь смыслъ ихъ по днесь до-подлинно и передаю ихъ въ слѣдующемъ: „Вопросъ украинскій (говоритъ онъ) въ томъ значеніи, якое надаютъ ему ваши фонетисты, не существовалъ и не существуетъ въ Россіи. Говорити и писати по малорусски ни передъ Петромъ В. ли послѣ него никому не взборонялось, а прилюдное чтеніе и пѣніе изъ богослужебныхъ книгъ по малорусскому словопроизношенію по церквамъ многихъ мѣстностей за кордономъ без-

препятственно водится и нынѣ. Такъ читаютъ и поютъ въ своихъ церквахъ мои старшіи родственники, священники на Украинѣ, да и вашъ Галичанинъ, о. Сѣтницкій, днесь сотрудникъ духовный Варшавского русского прихода, въ нашей каѳедрѣ въ присутствіи россійской генералиціи и чиновниковъ державныхъ произноситъ отпѣваніе Службъ Божихъ постоянно и безъ упрековъ такъ само по малорусски, якъ пѣлъ когда-то у васъ и якъ изъ-поконвѣкъ читае и спѣвае въ свонхъ церквахъ вся Галицкая, Угорская и Буковинская Русь, такъ уніатская якъ и православная. Значитъ, малорусчина у насъ нигде и ніякъ не запрещена, а только въ новѣйшихъ часахъ настали нѣкоторыи невзгоды вовсе не ради неи, яко по своему бесѣдующей Мало-Руссіи, но ради выдуманныхъ у ней новыхъ фонетизмовъ.

— Отже що́-до тѣхъ фонетизмооъ на Украинѣ примѣтилъ я тутъ съ выразомъ немалого сожалѣнія — также и Москва провинилась черезъ то, що по истеченіи несполна 130 лѣтъ отъ нрисоединенія къ ней Богдана Хмельницкого майже вся интелигенція Украины до такой степени измосковщилась, що великій нашъ Котляревскій, дабы тую интелигенцію на-ново научити малорусскіи творы ума читати по малорусски, принужденъ былъ для той цѣли выдумати чисто-„московскую“ фонетику*).

Супротивъ того моего примѣчанія проф. Будиловичъ обстоятельно указалъ на эпоху Петра Великого, коли то Южная Русь, прославившись именно въ ту пору своею Могилевскою Академіею въ Кіевѣ, якъ-разъ надавалась сему великому Царю къ содѣйствію въ его подвигахъ для духовного преобразованія Сѣверной Руси.

Вѣдай бо еще на свыше полъ столѣтія передъ присоединіемъ Хмельницкого а на цѣлый вѣкъ передъ Петромъ Великимъ Южная Русь въ своей историчной жизни якъ-бы во второй разъ призвана была послужити вліятельно на духово-культурное розвитіе Сѣверной Руси. И послужила она тутъ именно

*) Первобытная фонетика Котляревского была вовсе не украинско-малорусска, но на-скрôзь московска, приноровлена къ выговору великорусскому. Такъ на прим. вмѣсто „Спустився дѣдъ на мѣдъ пôдъ обѣдъ, та лягъ спати не выпивши, не зъѣвши“, Котляревскій въ концѣ XVIII ст. писалъ: „Спустывся дидъ на мидъ пидъ обидъ, та лягъ спаты нэ выпывшы, нэ зъившы“, якъ бы точнѣсенько такъ само написалъ всякій Москаль, если бы ему тіи слова по своему произношенію диктовалъ якій-будь Малорусъ. — Въ якихъ 50 лѣтъ потомъ Украинецъ Пантелеймонъ Кулишъ зреформовалъ тую фонетику Ив. Котляревского въ той способъ, що въ ней всякое **и** змѣнилъ на **і**, всяое **ы** и **э** на **и** та **е**. Въ г. же 1892 наши галицкіи фонетисты приняли живцемъ „кулишёвку“, а тôлько отлучили въ ней возвратное **ся** отъ его глагола, выкинули **ъ** та лишь въ сложныхъ словахъ заступили тое **ъ** надстрочною комою, и пишутъ „спустив ся“, „з'істи“ вмѣсто Кулишевого „спустився, зъісти“. Но все-жъ таки самое начало и вся суть украинской фонетикн лишь in gratiam Москвы, а не по требованію языковыхъ правилъ малорусчины.

въ то время, якъ новое благодатное искусство русского книгопечатанія, по дивному суевѣрію тогдашнихъ правителей прогнанное изъ Москвы (въ г. 1568 — Москвитинъ Иванъ Ѳедоровъ), водворилось въ польскихъ заборахъ Руси (въ Вильнѣ, Львовѣ, Кіевѣ, Острозѣ), а за тѣмъ оттуда свѣтлыи лучи Христовой благовѣсти съ изобыльнымъ блескомъ вновь ширились по всему безпредѣльному пространству земель русскихъ, отже и по Сѣверной Руси. А особенно важную задачу исполнило тутъ сочиненное по примѣру Львовского „Адельфотеса“ (изъ г. 1591) дѣло южного Русина Мелетія Смотрицкого, т. е. его церковно-славянская Грамматика, изданная въ Вильнѣ 1618 г., и вскорѣ-же яко единственный того рода школьный учебникъ перепечатываема въ московской Руси, где она вразъ и была для великорусчины таки единымъ правописнымъ руководствомъ. Только въ 130 лѣтъ по Смотрицкомъ создалъ головно на основаніи той его Грамматики точныи правила книжно- или литературно-русского языка великій Ломоносовъ, названный Пушкиномъ за то „отцемъ россійской словесности“*). — Тожь и не диво, що изъ первой четверти XVIII в., коли то Кіевская Академія Петра Могилы достигла самого розцвѣта своей образованности, Царь-преобразователь Петро Великій призывалъ оттуда въ Москву знаменитыхъ духовныхъ ученыхъ и церковныхъ проповѣдниковъ, которымъ и повѣрялъ найвысшіи чины въ великорусской іерархіи. Такими межи многими другими были два головныи сподвижники сего Царя въ дѣлѣ просвѣтительного преобразованія Руси, а то настоящіи Украинцы, Ѳеофанъ Прокоповичъ и Стефаиъ Яворскій, которыхъ имена яко славныхъ Архіереевъ- проповѣдниковъ нерозрывно связаны съ исторіею владѣнія Петра Великого. А нѣтъ въ той исторіи оного времени ніякого слѣду, щобы тѣмъ приглашеннымъ до Москвы въ цѣляхъ преобразовательныхъ Украинцамъ воспрещено было подъ діалектовымъ взглядомъ оставатись Малорусами; но если они таки приноровлялися тутъ къ московскому произношенію словъ одного и того-же русского языка, то дѣлали се по доброй своей воли и яко люди, въ томъ отношеніи основно объученыи. Вообще извѣстно,що сей умный Царь Петро высоко оцѣнялъ умныхъ людей Южной Руси; извѣстно также и то,

---

*) Якое вліяніе на того истинного „отца“ новожитной книжне-русской словесности имѣли литературныи первотворы старшихъ Южнорусиновъ, указуе А. Галаховъ въ „Исторіи Русской Словесности“ (Москва 1895, стр. IV.), где сказано: „Первыми недуховными книгами, прочтенными Ломоносовымъ, были Славянская Грамматика Смотрицкаго, Ариѳметика Магницкаго и Псалтырь, переложенная въ стихи Симеономъ Полоцкимъ. Въ послѣдствіи онъ (самъ же Ломоносовъ) называлъ эти книги „вратами своей учености“. — А были то именно книги, входящіи въ три области его умственныхъ спеціальностей, якими Ломоносовъ паче всего для Великой Руси заслужился и прославился, с. е. области языкословія, правилъ стихотворства и отчетного природознанія.

якъ увлекался онъ даже коварнымъ Гетманомъ Мазепою, которого и уважано царскимъ любимцемъ-временщикомъ, доки той-же не сталъ Руси измѣнникомъ*).

Такъ не то за Петра Великого, а лишь именно за владѣнія его немало славныхъ наслѣдницъ и наслѣдниковъ интелигенція Малой Руси стала переймати сѣверно-русскій выговоръ своихъ русскихъ словъ, т. е. прямо сказавши, стала московщитись, а то найпаче подъ вліяніемъ ново тогда воспрянувшого періода русской литературы на Сѣверѣ, где на-разъ появились писатели-великаны якъ Ломоносовъ и Державинъ, дальше Карамзинъ и Жуковскій, а послѣ тѣхъ и съ тѣми-же первостепенныи геніи якъ Пушкинъ и Малорусъ Гоголь**), отъ которыхъ та литература въ своемъ неимовѣрно быстромъ розвитіи достигла самого зрѣлого розцвѣту и оттакъ стала для всѣхъ Русиновъ (Русскихъ) въ ихъ вспôльной державѣ общею, с. е. общерусскою. Такъ есть общею, своею уважаема была та литература также образованными людьми Малой Руси, а то не только по ея настоящему русскому языку, но и по вѣрно соблюдаемому въ ней славяно-русскому правописанію, по которому отъ введенія христіянства удобно было одно и тоеже слово одного и того-же русского языка произносити Малоросу по мало-, а Великоросу по великорусски. Не дивно, що коли въ самъ той новый литературный періодъ Сѣверной Руси интелигенція Южной Руси войшла въ ближайшое съ нею сообщеніе, то нарѣчіевыи говоры русскіи подѣйствовали тутъ другъ на друга взаимъ, съ пользою для ихъ обоепольного сближенія и соединенія.

И если интелигенція Малой Руси изъ того времени переймала извѣстныи звуковыи особенности Москвы, то зарôвно-же и образованныи Москвичи въ томъ-же отношеніи якъ-такъ мало-

---

*) О вѣроятной причинѣ измѣнничества Мазепы записана у Бантыша-Каменского слѣдующая легенда: Царь Петръ, объѣзжая съ Мазепою Украину, ѣхалъ разъ до одного мѣстечка и въ дорозѣ запыталъ Мазепу, якъ еще далеко до того мѣстечка? Мазепа, не знаючи точно отдаленности, вмѣсто общерусского „не знаю“ отвѣтилъ по простолюдному „не скáжу“. На то Царь Петръ, недоумѣвая, воскликнулъ: „Какъ ты смѣешь не сказать того мнѣ, твоему Царю-государю!“ и съ гнѣвомъ ударилъ Мазепу въ лице. Якъ и великими ласками былъ до тѣхъ поръ надѣленъ лукавый Мазепа, но за ту недоумѣлую пощечину не-вдолзѣ потомъ отпалъ отъ того своего изрядного Царя-благодѣтеля и, покинутый своими козаками, приставъ до Карла XII, съ которымъ и былъ на голову побитъ Петромъ подъ Полтавою 1709 г.

**) Ник. В. Гоголь (рожд. 1808 † 1855) въ юношескихъ лѣтахъ писалъ — акъ розсказуютъ его біографы — для домашнёго театра помѣщика Трущинского въ Полтавской губерніи драматичныи піесы по малорусски, но изъ тѣхъ піесъ — къ сожалѣнію — ни слѣду не осталося. А былъ бы то по истинѣ великій слѣдъ и немаловажное событіе въ русской литературѣ, еслибы Гоголевы первотворы были остались писанныи по малорусски.

счились. Да и даже нынѣ самыи ученыи изъ Великорусовъ, университетскіи професоры и высокіи сановники въ Петроградѣ и въ Москвѣ, по большой части уже не „акаютъ“, а вмѣсто „г**а**рá, в**а**дá, г**а**л**а**вá, б**а**р**а**дá, **а**тг**а**в**а**рúть“, произносятъ якъ и Малоросы „горá, водá, головá, бородá, отговорúть“, а вѣдь-же тое неакцентованное **о** въ первыхъ слогахъ словъ произносимое якъ открытое **а,** се така типовая особенность Москвы, що небудь ей, мовь-бы нестане въ свѣтѣ „спеціально-московской“ великорусчины!

Въ такихъ нашихъ интересныхъ для насъ розговорахъ мы съ проф. Будиловичемъ якъ-то неохотно завертали до згадки о украинской фонетицѣ, потому що оба мы еднаково имѣли отвращеніе ко всякой въ свѣтѣ фонетицѣ, а уже-жь украинскую уважали мы настоящимъ для Руси „коренемъ зла“.

Бо и що-жь? Завелъ тую фонетику на Украинѣ впервѣе (1798 г.) нашъ любимецъ-поэтъ Иванъ Котляревскій — вотъ такъ собѣ безъ малѣйшой якой заднёй, недоброй мысли, а едино съ учтивою цѣлію и добродушнымъ желаніемъ, щобы земляки его, паче всего „измосковщенныи“ грамотѣи Украины да и грамотныи Москали потѣшились его гараздъ перелицёванною Энейдою, читая тую-же не по пански (по барски), а „по наськи“, значитъ, по малорусски. Такъ и составилъ онъ собственно не украинску, а московскую фонетику, бо читати по ней по малорусски съумѣлъ только той, кто зналъ чтеніе московское. — По Котляревскôмъ же да и за него щó-якій украинскій писатель насталъ за кордономъ, мало не каждый заводилъ въ его фонетицѣ то поправки, то новизны, будь добирая буквы изъ чужого альфабета (g, j), будь выдумывая (ў = въ: ходиў).) Одинъ проф. М. Максимовичъ въ Кіевѣ (1830 г.) старался умудрити фонетистовъ Украины указаніемъ на правила доброй превосходной этимологіи древней Руси; но въ ту „новую эру“ фонетизма „старосвѣтчина“ уже не принималась. А коли-жь до розличного рода фонетикъ прибавилася еще и новая фонетика Кулиша, да и тая май же у каждого нового писателя Украины въ где-чёмъ измѣнялась, то насталъ тутъ въ письменности русско-украинской неспасенный фонетичный хаосъ, отъ якого всякій народъ въ свѣтѣ Господи спаси! И чей то для устраненія того хаоса само уже русское правительство, по внушенію нѣкоторыхъ виднѣйшихъ писателей Украины, роспорядило въ г. 1876, щобы всякіи книжныи изданія для малорусского народа (а подъ тѣмъ названіемъ подрозумѣвалось лишь простолюдіе) соблюдали однородную правопись, именно точно похожую на ту фонетику, якую выдумалъ былъ Котляревскій. Но помимо того роспоряженья или санкціи изъ выше, чи може власне по поводу той санкціи украинская фонетика оказалась теперь еще очевиднѣйше тѣмъ, чѣмъ она была отъ самого своего зарожденія, т. е. настоящимъ для Руси „коренемъ зла“. Таже бо видѣла теперь мовь-бы официально, якъ видѣла передъ-тѣмъ будто лишь мимоходомъ

украинская Русь таки „чорное на бѣломъ“, с. е. въ книжкахъ мало- а великорусскихъ, що по двоякому, цѣлкомъ въ собѣ розличному письму-правописанію есть уже не одинъ и той-же языкъ русскій, а суть два отдѣльныи въ письмѣ языки, отже и два особыи народы, украинскій и московскій. При недостатку основного русско-нарѣчіевого ученія въ Руси за кордономъ розвился отъ того на Украинѣ національныи сепаратизмъ*), якій въ дальшомъ ходу за предѣлами Россіи, въ Галичинѣ и на Буквинѣ, при содѣйствіи чужихъ вліятельныхъ элементовъ, необходимо перетворяется въ сепаратизмъ политичный.

Взяти же слѣдуе и то во вниманіе, що ново-украинская фонетика, ведущая по своеи природѣ прямою дорогою до русско-языкового сепаратизма, побуждае своихъ адептовъ выражати той сепаратизмъ доборомъ, а властиво выковываньемъ новыхъ словъ въ такой духовой области, въ которой словеспыхъ терминовъ въ простонародной рѣчи не бывае. А вѣдай такіи термины въ достаточномъ множествѣ пріобрѣла наша Русь за принятіемъ Христіянства отъ старшой посестры, южной Славянщины, которая первая подъ вліяніемъ высококультурной Геляды розвила у себе свою культуру на питоменно-славянскомъ основаніи. Тую то слявяно русскую терминологію соблюдае живцемъ неизмѣнно до нынѣ также новожитна книжно-русская словесность, и ей то опытъ стариннымъ сокровищемъ якъ то добре живется. Не смотря на то, чи може власне на перекоръ тому украинскіи фонетисты пренебрагаютъ своею доброю стариною, а вводятъ новоскованными термины, каждый по другому ладу-складу, да неразъ и въ противенство духу и смыслу настоящей русчины**)

---

*) Первымъ изъ такихъ сепаратистовъ, якого я передъ 40 лѣтами позналъ, былъ извѣстный Украинецъ Александръ Конискій, которого стишки и дописи „зъ Украины“, писанныи подъ псевдонимомъ „Верниволя“ (верни волю), помѣщалъ я въ моемъ „Словѣ“. — Нынѣ, въ м. Декабрѣ 1906 г., коли тое пишу, маркую изъ современныхъ смутныхъ событій въ Россіи, що тамъ Украинцы, чейже намятуя кличъ Костомарова: „Анаѳема тому, кто задумаетъ отторгнути Украиiу отъ Россіи“, не увлекаются сепаратизмомъ Конискаго, но въ виду нынѣшнѣго броженія умовъ въ русской державѣ, якось то уже скорше прилучаюття до московскихъ „кадетовъ“ и другихъ партій Московіи, ба въ нѣкоторой части даже до ляцко-еврейского „бунду“, нѣжь бы имѣли затѣвати що въ непослухъ серіозного клича своего великого исторіографа. Но грозьба анаѳемы Костомарова на-теперь видно дѣйствуе лишь на „россійскихъ“ Украинцевъ!

**) Мой другъ Владиміръ Стебельскій розсказывалъ мнѣ потѣшное о томъ, якъ то повстало новое украинское слово „грясть“ въ смыслѣ слова „содержаніе“ (Index, Inhalt). Ото одинъ фонетистъ-словокователь вмѣсто православного„ содержанія“ выдумалъ по образцу польского „treść“ свое„ трясть“ (не тріcть или не живцемъ „тресть“), а написалъ въ своей рукописи великую

И якъ впрочемъ той знаменитый славистъ проф. Будиловичъ вообще осуждалъ всякую фонетику, якая бы где-нибудь на Руси для нарѣчіевыхъ говоровъ ей въ письмѣ заводилась, имѣлъ я случай увѣритись о томъ еще и послѣ, въ г. 1904, коли то даже и одна партія ученыхъ Москвичей (тоже учители второрядныхъ школъ изъ провинціи майже въ большинствѣ!) подъ проводомъ прирожденного Нѣмца, проф. С. Ф. Брандта, затѣяла также и въ великорусчинѣ завести спеціально-московскую фонетику. Противъ той затѣи, поднятой оного года въ ортографичной Комисіи Петроградской Академіи Наукъ, выступилъ нашъ А. С. Будиловичъ въ „Русскомъ Вѣстнику“ съ ученою статьею*), полною основного славяно-русского языкознанія, въ которой все сказанное научно, вразъ-же и дышетъ искренне-русскимъ патріотизмомъ, такъ якъ каждая точка лингвистичныхъ толкованій и доказательствъ братолюбно предъостерегае Русиновъ Сѣвера отъ попытокъ культурного розъединенія святой, Богомъ во единствѣ созданной Руси!

И во истину, такъ утвержденія умныхъ славистовъ, якъ писательская практика 10 столѣтій жизни всего русского роду-племени на Юзѣ его и на Сѣверѣ учатъ насъ и доказуютъ наглядно, що единственнымъ вѣрнымъ выраженіемъ, самою видною формою и образомъ такого единства Руси есть стôлько-же столѣтій употребляемая Русію церковно-славянская правопись, ставшая ôттакъ русско-историчною общерусскою. Плоды русского ума, списываемыи за стôлько вѣковъ одною и тою же правописію во всѣхъ странахъ безпредѣльной Руси, якъ и розличались они тутъ а тамъ другъ отъ друга по поводу нарѣчіевыхъ свойствъ въ многорозвѣтвленномъ мірѣ русскомъ. но таковыи плоды южной Руси для сѣверной, а сѣверной для южной были по языку, по письменной формѣ и по названію „своими, русскими“, для всѣхъ тѣхъ „своихъ земель общерусскими“. Такъ то оное свое-племенное единство Руси было за всѣ тѣ столѣтія выражено не лишь

букву Т на подобіе Г. Такъ наборщикъ въ типографіи вмѣсто „Трясть“ зложилъ „Грясть“, авторъ перезрѣлъ ошибку, и терминъ „грясть“ по-при другомъ подобномъ терминѣ („зміст“ чи „змість“) остае въ употребленіи у новоукраинскихъ писателей. „Счастье еще — заключалъ Стебельскій свой розсказъ: що въ томъ словѣ не зайшла и яка друга опечатка и вмѣсто „грясть“ не выйшла „грязть“ или „грязь“,

*) Сія статья изъ розрѣшенія автора А. С. Будиловича перепечатана и въ „Научно-литературномъ Сборникѣ Галицко-русской Матицы“ за 1904 г.

въ споконвѣчномъ имени „Русь, Русскій*)“, но и въ постоянно живущой и въ жизни розвивающойся области русского духа, въ русской словесности.

Такъ то оно было въ прошлыхъ вѣкахъ во всѣхъ земляхъ русскихъ: было сознаніе единства Руси такъ по ея имени якъ и по языку — да и по языку, бо единство того-жь, помимо существующихъ въ немъ нарѣчіевыхъ особенностей, якіи впрочемъ и въ языкахъ другихъ народовъ существуютъ, имѣло свое выраженіе во вспôльномъ всей Руси письмѣ, въ русско-литературной правописи. Только въ новѣйшое время, въ эру фонетизма, значитъ, въ эру революты противъ правилъ словесной науки, возникае въ нашей Руси несчастная похоть до творенія партій даже на такомъ поприщѣ, где партій готовыхъ до завзятой борьбы у другихъ культурныхъ народовъ вовсе ие бывае. Суть же вѣдай у другихъ народовъ, якъ натурально и у насъ, партіи, крѣпко съ собою спорящіи, въ области политики, экономіи, понятій соціальныхъ и даже религійныхъ, но подъ взглядомъ понятія своей питомой національности, этнографичной и языковой индивидуальности каждый народъ и всѣ его розличныи партіи составляютъ одну цѣлость, одинъ свой особный всенародный таборъ. Такъ подъ тѣмъ послѣднимъ взглядомъ каждый на пр. Полякъ, Нѣмецъ, Французъ, Италіянецъ есть и чувствуе себе съ пріятнымъ сознаніемъ имени, по языку и по своимъ предкамъ Полякомъ, Нѣмцемъ, Французомъ, Италіянцемъ.

На жаль, у насъ, именно въ австрійской Руси. власне въ пору щó-ино отъ г. 1848 счастливо начатыхъ подвиговъ русско-языкового розвитія, настае эра фонетики, а съ нею и возникаютъ небывалыи передъ тѣмъ ново-эрскіи партіи, да въ послѣдствіи того уже не каждый Руснъ чувствуе и признае себе по имени да и по единству своеплеменного языка Русиномъ такимъ, якимъ былъ не то ажь пра-прадѣдъ его, а таки до недавна еще рôдный его батько.

---

*) Не могу тутъ воздержатися, щобы не примѣтити то довольно интересное: Предъ-Несторовое еще имя существительное „Русинъ“, перетворенное на сѣверной Руси въ прилагательное „Русскій“, употребляется и нынѣ еще въ Галицкой Руси, а то найпаче для мужеского пола (я Русинъ); напротивъ женщину (Русинку) называютъ тутъ, особенно въ простонародіи, найчастѣйше такъ, якъ на далекомъ Сѣверѣ: „Русская“, и то въ полномъ видѣ, а рѣдше въ скороченномъ „Русска“. Такъ на пр. иро смѣшанныи сопружества по розличію ихъ рода и обряда кажутъ: „онъ Русинъ, она Полька“ и сновь „онъ Полякъ, она Русская“. Тоже въ одной народной говорцѣ сказано: „Где въ хатѣ дѣвчина русская, тамъ стежка до ней грузкая“. Значитъ, полный видъ женскихъ прилагательныхъ, у насъ рѣдше уживанный, чѣмъ скороченный тутъ, якъ-бы съ предпочтенія для русской женщины майже всегда задержанъ всецѣло.

Вѣдай же то еще батьки батьковъ нашихъ долгое время за Польщи и черезъ цѣлый первый полъ-вѣкъ за австрійского владѣнія сознавали то единство Руси во всеуслышаніе передъ свѣтомъ именно въ такій способъ, що называли свой языкъ, свое письмо „россійскимъ“, выражая самымъ тѣмъ, хотя несвойскимъ, но принятымъ тогда въ Европѣ названіемъ досадно, що уважаютъ также россійско-московскій языкъ чи діалектъ и его письмо такъ само русскимъ, якимъ былъ для нихъ съ тѣмъ-же письмомъ и языкъ чи діалектъ ихъ малорусскій или галицко-русскій. Только они не встыдалися свого братства съ „Москалями“! Значитъ, зъ г. 1831, коли то въ польской литературѣ, имѣвшой сильное вліяніе на нашу Галицкую Русь поднялся великій гнѣвъ Польщи коренной противъ Москвы-Россіи, а еще больше отъ времени заведенія у насъ сепарующей Русь фонетики, настало и розширяется у молодой генераціи австрійскихъ Русиновъ лихо-партійное отвращеніе къ Москвѣ, да съ тѣмъ и къ самому имени „Россія“, ба даже и къ свойскому синониму „Русь“, такъ що на-теперь у той-же генераціи идея единства Руси попала въ явное пренебреженіе.

Не дивота затѣмъ, що при зарожденіи партійныхъ видовъ и стремленій въ такой области, въ якой передъ тѣмъ еще партій въ народахъ не бывало, кипитъ у насъ непотѣшная, марнующая русскіи силы борьба, а якъ всегда въ такихъ партійныхъ борьбахъ не обходится ту и безъ появленія всякого рода экстремовъ, природному ходу розвитія народного житья Руси дуже вредныхъ.

О томъ бы много еще говорити! Но я думаю, що по сему предмету не мало высказалъ я уже въ моемъ „Открытомъ письмѣ къ Галицкому Митрополиту Андрею“ въ г. 1905 да и въ предлежащихъ нынѣ свое-житьевыхъ „Запискахъ“

А тіи то Записки, той послѣдній плодъ моихъ старческихъ розмышленій о Руси осмѣляюсь нынѣ дедиковати Вамъ, Высокоуважаемыи Добродѣи, Владиміре Бонифатьевъ и Антоне Семеновъ, въ милую память розговоровъ моихъ съ Вами на концѣ прошлого вѣка, вразъ-же съ ободрительнымъ упованіемъ, що Вы, Многовліятельныи Дѣятели въ великой закордонной Руси, пріймете сей трудъ мой съ благосклоннымъ сочувствіемъ!

Заключаю же сей трудъ мой пригадкою словъ **Николая Гоголя**, якіи той великій геній Малой и Великой Руси въ розговорѣ съ Украинцемъ О. М. Бодянскимъ и Москвичемъ Г. П. Данилевскимъ о поэзіяхъ Тараса Шевченка, сказалъ съ сознаніемъ вѣчной въ тѣхъ словахъ своихъ правды: **Русскій и Малороссъ— то души близнецовъ, пополняющія одна другую, родныя и однаково**

сильныя. Отдавать предпочтеніе одной въ ущербъ другой — невозможно.*)

Письма Іордана Мицкевича, генеральнаго прокуратора базиліянъ въ Римѣ, къ митрополиту Михаилу Левицкому.

.....

(Конецъ).

Въ письмѣ отъ 18 мая 1816 г., Іорданъ Мицкевичъ сообщаетъ митр. Левицкому, що австрійскій посланникъ Лебцельтернъ переведенъ въ Петербургъ и неизвѣстно, кто займетъ его мѣсто. Мицкевичъ благодаритъ митрополита за даръ 25 дукатовъ, которыи для него суть цѣннымъ пособіемъ, ибо съ поры, якъ базиліянскій орденъ не имѣетъ своего генерала (протоархимандрита) и въ Россіи уніаты стали переходити въ православіе, онъ изъ прежнихъ фондовъ въ продолженіе времени отъ 1789 г. до 1816 г. на содержаніе церкви и своей особы изросходовалъ 1289 шкудовъ.

Въ письмѣ отъ 27 іюля 1816 г. Іорданъ Мицкевичъ внушаетъ митрополиту, щобы свой въѣздъ на митрополичью столицу въ Львовѣ устроилъ съ подобающею торжественностію, щобы постарался у австрійского правительства о соотвѣтсвенную дотацію для новой митрополіи и управильнилъ свое отношеніе къ латинскому архіепископу. Вопросомъ исповѣди уніатовъ черезъ латинскихъ священниковъ и латинянъ черезъ русскихъ священниковъ занимается кард. Литта.

Въ письмѣ отъ 23 ноября 1816 г. Мицкевичъ даетъ митрополиту поясненіе касательно титула, принадлежащого кард. Литта яко префекту Пропаганды. Всѣмъ кардиналамъ вообще, якого ни они былибъ происхожденія, принадлежитъ титулъ: Princeps. Сего ради адресъ къ кард. Литта долженъ быти: Eminentissimo et Reverendissimo Principi Sacrae Romanae Ecclesiae Cardinali Praefecto Sacrae Congregationis de propaganda fide. Папа Пій VII переселяется изъ Квиринала, где папы жили съ 15 вѣка начавши,

---

*) См. „Знакомство съ Гоголемъ“ Г. П. Данилевского въ Петроградскомъ „Историческомъ Вѣстнику“ въ книзѣ за Декабрь 1886 и въ Львовскомъ „Литературномъ Сборнику гал.-р. Матицы“, Вып II г. 1886 (стр. 233—234).

въ Ватиканъ. Мицкевичъ проситъ митрополита о даты касательно уніатской іерархіи для римского календаря и жалуется, що послѣ смерти митрополита Ростоцкого отъ его преемниковъ, помината — митрополита Лисовского и Кохановича не получалъ на свои запросы ніякихъ отвѣтовъ и не знаетъ даже, якіи уніатскіи епископы есть въ Россіи.

Замѣчательнымъ есть письмо Іордана Мицкевича къ митрополиту отъ 3 января 1818 г. Въ немъ пишетъ онъ, що получилъ отъ Снѣгурского, гр. кат. пароха вѣденского письмо, въ которомъ вычиталъ, що митрополитъ Левицкій избранъ галицкими станами депутатомъ къ вѣденскому двору. Мицкевичъ выражаетъ радость по случаю сего выбора, ибо та честь досталась ему одному изъ галицкихъ духовныхъ достойниковъ. Пусть митр. Левицкій воспользуется симъ случаемъ, поговоритъ съ мѣродательными сферами о дотаціи для своей митрополіи и о кандидатѣ на епископство перемышльское и предотвратитъ преднамѣряемое уничтоженіе русского языка въ Галичинѣ. Относительный уступъ, ради его важности, наводимъ въ текстѣ: „Korzystam wiele z tej okoliczności, najprzód dla tego, że mam okazyę w samem Wiedniu przypomnieć mię Jego Pańskiej Łasce, a potem: powinszować Szanownej, od królewstwa Galliciańskiego do Majestatu J. C. Mości Legalności, przy którym urzędzie może się i spodziewany dla Metropolii Lwowskiej dotacyi interes uskutecznić i wszczęta zniszczenia Ruskiego języka sprawa z honorem Narodu małych i wielkich Rossyj zakończyć i do biskupstwa Przemyślskiego godny tego tytułu z obrządku właściwego zatwierdzić kandydat“ .. (Точно тогда львовская губернія дѣлала вѣденскимъ мѣродательнымъ кругамъ представленіе, що въ виду однородности галицко-русского языка съ великорусскимъ, государственный интересъ Австріи требуетъ, дабы поляковъ предпочитати русинамъ, недопустити галицко русскій языкъ въ народныи школы Галичины и такимъ образомъ русиновъ начати полонизовати.)

Въ Россіи годъ тому назадъ именованъ митрополитомъ уніатскій епископъ берестейскій, Іосафатъ Булгакъ и предложенъ Риму къ утвержденію. Однако для Рима камнемъ преткновенія есть титулъ: „митрополитъ кіевскій и галицкій“ и вопросъ имѣній, къ митрополіи принадлежащихъ. Однако не смотря на то, що онъ только номинатомъ, онъ воззванъ къ засѣданію in collegio justitiae spiritualis. Кромѣ него есть теперь въ Россіи уніатскіи епископы: Іоаннъ Красовскій, архіепископъ полоцкій, Адріанъ Головня, опатъ супрасльскій и суфраганъ виленскій, Левъ Яворскій, суфраганъ берестейскій, Яковъ Мартушевичъ, номинатъ луцкій, и въ польскомъ королевствѣ Фердинандъ Цѣхановскій, еписк. холмскій. Послѣдній засѣдаетъ въ польскомъ сенатѣ, однако онъ ослѣпъ и едва-ли можетъ дѣйствовати. Іорданъ Мицкевичъ возлагаетъ большіи надежды на Михаила Левицкого, яко митрополита львовского и для того проситъ его, щобы берегъ свое здоровье.

Въ письмѣ отъ 11 апрѣля 1818 г. Іорданъ Мицкевичъ благодаритъ митр. Михаила Левицкого за даръ 20 червоныхъ злотыхъ и опять указуетъ на важность галицкой митрополіи для католичества. О. кан. Снѣгурскій доноситъ ему изъ Вѣны, що по волѣ императора изъ Галичины избраны гр. кат. священники для роспространенія уніи въ Дальмаціи. Царь не имѣетъ права назначати уніатского митрополита; по той причинѣ Булгакъ получилъ изъ Рима секретное порученіе, щобы порозумѣлся секретно съ другими уніатскими епископами въ Россіи и съ ихъ выбора — якъ то дѣялося въ древней Руси — вышелъ митрополитомъ.

Въ письмѣ отъ 17 октября 1818 г. Іорданъ Мицкевичъ сообщаетъ митр. Левицкому, що дѣло митр. Булгака и конфирмація Головни, Яворского и Іоанна Красуского пока въ отсрочцѣ. Тоже касается и латинской іерархіи въ Польщѣ. Послѣ кодекса Наполеона латинская митрополія имѣетъ быти перенесенная изъ Гнезна въ Варшаву и митрополитомъ варшавскимъ назначенъ еп. куявскій Малишевскій, що уже на засѣданіи римской консисторіи объявлено. Другіи польскіи епископы, числомъ семь, именно: Пражмовскій, еп. плоцкій — Воловичъ, еп. калискій, — Скаржевскій, еп. люблинскій — Вороничъ, еп. краковскій — Голашевскій, еп. августовскій — Левинскій, еп. подляшскій и Головчицъ. еп. сандомирскій не получили еще изъ Рима обыкновенной сакры и даже ихъ діецезіи не суть еще розмежены О. кан. Снѣгурскій писалъ Мицкевичу, що галицкіи миссіонары для Дальмаціи пріѣхали въ Вѣну и везутъ съ собою церковныи утвари. Кар. Литта назначенъ викаріемъ римскимъ, а его мѣсто яко префекта пропаганды занялъ Францишокъ Фонтана.

Затѣмъ розсказуетъ Іорданъ Мицкевичъ исторію русско-уніатской резиденціи въ Римѣ. Церковь свв. Сергія и Вакха, ректоромъ которой онъ (Мицкевичъ) состоитъ, опредѣлилъ былъ, вмѣстѣ съ принадлежностями, еще папа Урбанъ VIII на просьбу польского короля Сигизмунда III на коллегію для русской націи. Затѣмъ поселялись при ней генеральныи прокураторы Руси. При Іорданѣ Мицкевичѣ были политическіи перевороты въ Римѣ и онъ иринужденъ былъ каждый разъ перемѣняти гербы на фаціатѣ церкви. Когда въ Римѣ настало республиканское правленіе, затребовали отъ него, щобы выказался, подъ которого монарха властію онъ остаетъ. Онъ не могъ назвати ни прусского короля, ибо сей протестантъ, ни русского царя, ибо сей тоже другого вѣроисповѣданія, — такъ онъ себе, церковь и весь церковный фундушъ поддалъ австрійскому цѣсарю и по прекращеніи республики къ двомъ гербамъ римскимъ на церкви прибавилъ гербъ австрійскій и на шляпѣ сталъ носити австрійскую кокарду. Та австрійская протекція продолжалася только съ поры папы Пія VI до 5 ноября 1818 г., ибо между тѣмъ россійскій посолъ въ Римѣ выступилъ съ претензіями до верховной опеки надъ польскимъ костеломъ св. Станислава и русскою церквою свв. Сергія и Вакха и добился того, що назван-

ныи святини были отданы подъ протекцію россійского императора, яко законного наслѣдника польскихъ королей. Мицкевичъ снялъ австрійскій гербъ и помѣстилъ два гербы: россійско-польскій и папскій.

Церковь свв. Сергія и Вакха называютъ въ Римѣ также церквою „Madonna del Pascolo“, т. е. церквою Пресвятой Дѣвы Жировицкой, ибо русское „Жировица“ толкуется въ итальянскомъ языцѣ „Pascolo“. Жировицы — есть мѣсточко на Литвѣ, въ слонимскомъ повѣтѣ, перенесеніе же того названія на римскую землю послѣдовало такимъ образомъ:

Въ 1719 г. починяли церковь свв. Сергія и Вакха и на одной обветшалой стѣнѣ подъ кирпичами и известью нашли случайно написанный образъ Матери Божіей, который тогдашній ректоръ узналъ яко копію чудотворной иконы Матери Божіей Жировицкой. Тотъ образъ стался предметомъ великого почитанія съ стороны римлянъ, ибо многіи прибѣгавшіи къ нему съ молитвами дознавали чудотворныхъ ласкъ. По той причинѣ папа Климентій XI приказалъ образъ вытяти изъ стѣны безъ повреждения и заложити въ головномъ алтарѣ, образъ же свв. Сергія и Вакха изъ головного алтаря перенести въ одинъ изъ бочныхъ. Въ слѣдующемъ 1819 г. припадаетъ столѣтняя годовщина оного событія, которую подобалобъ торжественно отпраздновати. Но на то нѣтъ средствъ у Мицкевича, и для того Мицкевичъ въ семъ дѣлѣ обратился къ русскому епископу холмскому, но-не получилъ ніякого отвѣта, ибо корреспонденція уніатскихъ епископовъ въ Россіи можетъ происходити только посредствомъ министерства просвѣщенія, или съ согласія относительного губернатора. Не можно также надѣятися помощи изъ галицкой провинціи, ибо она убогая и императорскіи законы воспрещаютъ ей тоже сообщатись съ Римомъ. Такъ не остается Мицкевичу нищо другое, якъ только надѣятись пособія отъ русского народа, которому папа Урбанъ VIII подарилъ то мѣсто на коллегію, щобы русскій народъ пріобрѣлъ значеніе среди европейскихъ націй, соединенныхъ съ Римомъ. Мысль Урбана VIII не была осуществленная съ причины его смерти и послѣдовавшихъ затѣмъ перемѣнъ, такъ що то мѣсто называется только hospitium Ruthenorum. — На тѣмъ кончится корреспонденція Мицкевича съ митрополитомъ.

О церкви свв. Сергія и Вакха въ Римѣ есть монографія въ „Biblioteka Warszawska 1858 marzec“ подъ заглавіемъ „Pamiątki Polskie w Rzymie przez G. Z.“ Авторъ подаетъ, що давнѣйше церковь та была костеломъ съ парохомъ и двумя ляиками изъ кляштора св. Франциска di Gaolo.

По приказу папы Урбана VIII, намѣрявшого тутъ основати русскую коллегію, въ 1639 г. были здѣсъ введены русскіи базиліяне, парохъ же мѣстный былъ переведенъ до нового кляштора того ордена, воздвиженного возлѣ костела св. Петра въ оковахъ. Церковца свв. Сергія и Вакха и устроенная при ней гостинноприимница находились въ плохомъ состояніи, почти въ руинахъ; базиліяне возобновили ихъ при помощи кардинала

Барберини, обезпечившого для русскихъ монаховъ при церкви служащихъ 100 шкудовъ годично. Монахи закупили затѣмъ нѣкоторыи сосѣдныя домы, давнѣйшіи же внѣ и внутрь починили и имѣли изъ чинша до 57 шкудовъ годично. Въ послѣдствіи они доходы свои убольшили посредствомъ продажи семи площадей въ части города, зовимой de Monti и посредствомъ сбора пожертвованій, такъ що роспоряжали 100 шкудовъ годично.

Особенностію сего храма есть икона Матери Божіей въ великомъ алтарѣ. Имѣетъ то быти копія Жировицкой иконы, писанння al fresco когда-то на стѣнѣ сѣней страннопріемницы. Вѣроятно въ время передѣлки зданія образъ тотъ былъ обмазанъ а когда впослѣдствіе обмазка отлетѣла, народъ увѣрилъ въ появленіе образа. Тогдашній настоятель, видячи стеченіе народа, ириказалъ вновь образъ обмазати, но и та обмазка отлетѣла. То утвердило вѣрующихъ въ мнѣніи о чудѣ. Тогда выняли фрескъ изъ стѣны и перенесли въ алтарь, мѣсто же его прежнее заосмотрили объяснительною надписію.

Сама икона, произведеніе кажется одного изъ лучшихъ живописцевъ, представляетъ Богородицу, держащую на руцѣ Іисуса, но только лица, руки и ноги суть видимы — прочее закрыто богатою серебряною ризою. На около находится русская надпись церковными буквами. На гравюрѣ, изображающей сей образъ и имѣющей титулъ: vera e mira culosissima effigie della Madonna Santissima detta del Pascolo — оная русская надпись такъ переведенна на итальянскій языкъ: Почитаемъ Тебе истинная Божья Матерь, честнѣйшая Херувимъ и славнѣйшая Серафимъ, рождшая непорочно Сына Божія.

Великій алтарь украшенъ большею частію издержками князей Чарторыйскихъ, що подтверждаютъ гербы тамъ же находящіися. Въ церкви есть нѣсколько надгробныхъ камней; самый замѣчательный — Корсака. На немъ есть надпись: Raphaëli ex comitibus Korsak, archiepiscopo Kijoviensi et Haliciensi, metropolitae totius Russiae, qui a Sigismundo III Poloniarum rege apud S. Sedem ad gravissima negotia A. B. Josaphat Koncewicz, Polocensis martyrii causam agendam ablegatus. Rebus . . . прочая часть надписи стерта и можно только отчитати имя Урбана VIII и годъ 1641 (вѣроятно годъ смерти Корсака). Корсакъ, герба Котвица, учился въ Римѣ, былъ въ 1633 г. владикою пинскимъ, въ 1637 г. сталъ митрополитомъ всей Руси и старался въ Римѣ о канонизацію Іосафата, образъ которого есть въ бочномъ алтарѣ церкви. — Кромѣ сего надгробного камня есть еще два съ надписями: Marianna Farina ex gente Charzewska... † 1802 и Julius Miszewski pictor † 1826. Въ салѣ страннопріемницы есть портреты: короля Станислава Августа, кар. Барберини, двухъ митрополитовъ и двухъ прокураторовъ василіянскихъ.

Первымъ генеральнымъ прокураторомъ русскимъ въ Римѣ былъ Игнатій Кульчинскій, послѣ него Іорданъ Мицкевичъ (ум. 1826 г.), по его смерти Анатолій Вильчинскій, умершій въ 1829 г. Тогда церковь съ архивомъ и страннопріемница перешли въ собственность пропаганды.

Проектъ этнографическаго музея въ „Народномъ Домѣ" въ Львовѣ.

(Конецъ).

По правилу этнографическій музей долженъ имѣти въ первыхъ наглядныи пластическіи изображенія народныхъ типовъ въ видѣ восковыхъ фигуръ въ относительномъ убранствѣ, обыкновенномъ въ данной окрестности. Желательнымъ есть, абы при нихъ находились также въ якомъ нибудь видѣ изображенія уборовъ минувшихъ вѣковъ всѣхъ сословій. При семъ долженъ найти увзглядненіе эстетическій вкусъ населенія, т е. украшеніе одежды, вышивки, прическа волосъ на головѣ и украшеніе ея, выглядъ лица у дорослыхъ мущинъ и т. п.

Затѣмъ должны ити модели жилищъ, хозяйственныхъ построекъ, домашней посуды и орудій, утвари и оружія — относительно послѣднихъ предметовъ должно однако увзгляднятись только то, що есть произведеніемъ матеріального труда самого же населенія, а не пріобрѣтено посредствомъ торговли отъ другихъ народовъ.

Дальше долженъ этнографическій музей подавати образъ формъ хозяйства относительной народности, способы добыванія пищи, роды ея, поучати о состояніи земледѣлія, ремеселъ и торговли и подавати посѣтителю возможность познати домашніи животныи, розведеніемъ которыхъ населеніе занимается. Здѣсь представленіе посредствомъ моделей уже трудно къ исполненію, но ихъ заступити могутъ фотографическіи снимки, чертежи и описанія посредствомъ печатанного слова. Для той цѣли въ музеѣ должны находитись сочиненія по онымъ вопросамъ, статистическіи таблицы и т. п. вмѣстѣ съ указателемъ, изъ котораго можно-бы узнати литературу, обговоривающую названную сторону народной жизни.

Затѣмъ этнографическій музей долженъ поучати о соціальномъ строѣ извѣстной народности, т. е. о брацѣ и семьи, общественныхъ союзахъ, организаціяхъ для просвѣтительныхъ, экономическихъ и политическихъ цѣлей, правовыхъ взглядахъ населенія на положеніе единицы въ семьѣ и обществѣ и на соотношенія поодинокихъ единицъ между собою, о взглядахъ населенія на право собственности и о нравственныхъ принципахъ, руководящихъ его жизнью. Народный семейный и общественный обычай, напр. свадьба, похороны — долженъ быти изображенъ посредствомъ фотографическихъ снимковъ, рисунковъ или картинъ, прочее же — посредствомъ печатанныхъ сочиненій и отдѣльныхъ статей, изъясняющихъ дѣло такъ по современному его состояніи, якъ и въ историческомъ его розвитіи.

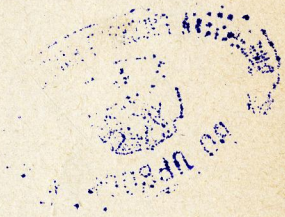
Этнографическій музей долженъ подати также образъ духовной культуры извѣстного народа, т. е. поучати посѣтителей объ обрядахъ религійныхъ, языцѣ и искусствѣ его. Обряды ре-

лигійныи должны быти унагляднены посредствомъ картинъ, зодчество (церкви) должно быти представлено въ снимкахъ и въ планахъ, народная музыка подавати лучшіи свои произведенія съ текстомъ и нотами, живопись и скульптура должны быти представлены по возможности въ оригиналѣ, если же то невозможно. по крайней мѣрѣ въ копіяхъ или фотографическихъ снимкахъ, Въ этнографическомъ музеѣ должны находитись сборники народныхъ пѣсень, казокъ, пословицъ и т. п. и справочныи книги, освѣдомляющіи о литературѣ по фолклористицѣ относительного народа.

Все то, якъ виднмъ, требуетъ мѣста и издержекъ на его устройство и содержаніе въ надлежашемъ порядку. Хотя и якъ ни желателенъ этнографическій музей австро-русского народа, однако при постоящемъ состояніи матеріяльныхъ средствъ „Народного Дома“, принужденного содерживати бурсу въ большихъ розмѣрахъ для бѣдной учащейся молодежи и исполняти статутарныи свои постановленія по поддерживанію науки, словесности и на полѣ общенародной благотворительности, учрежденіе его едва-ли мыслимо. Не смотря на то матеріалы для него отъ части уже собраны и собираются дальше. Много предметовъ, пригодныхъ для этнографическаго музея, находится въ нынѣшнемъ археологическомъ музеѣ „Народного Дома“, якъ вышивки, писанки, предметы червонно-русскихъ рукодѣлій и т. п. Собираются также фотографіи и рисунки народныхъ костюмовъ, народныхъ обычаевъ, характеристическін виды окрестностей и т.п. Дѣломъ нашихъ патріотовъ и любителей этнографіи будетъ пополняти тѣ коллекціи присылкою новыхъ предметовъ, якъ народныхъ костюмовъ, моделей, орудій, фотографическихъ снимковъ или рисунковъ народныхъ типовъ, народныхъ сценъ, сельскихъ построекъ, церквей и т. п. Тѣмъ они не мало причиняется къ розвитію той отрасли наукъ, которая ведетъ къ народному самосознанію.

БИБЛІОТЕКА РУССКОГО НАРОДНАГО ДОМА ВО ЛЬВОВѢ

Изд. Инст. „Нар. Домъ“. — За редакцію отвѣчаетъ Ф И. Свистунъ.
Изъ Ставропигійской типографіи, подъ управленіемъ Мих. Рефця



РК III
41.070
Ж-5766/1906